

УНИВЕРСИТЕТ
ЛОБАЧЕВСКОГО

**II МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**Международные и национальные тенденции
и перспективы развития судебной экспертизы**

Сборник докладов

**Юридический факультет
Кафедра судебной экспертизы
21–22 мая 2020 г.
Россия, г. Нижний Новгород**

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Юридический факультет
Кафедра судебной экспертизы

II Международная научная конференция

**Международные и национальные тенденции
и перспективы развития судебной экспертизы**

Сборник докладов

Россия, Нижний Новгород
21–22 мая 2020 г.

УДК 347.948
ББК 67.53
М43

Редакционная коллегия:

С.В. Оболенский – доктор технических наук, профессор
А.В. Князев – доктор химических наук, профессор
Ф.Г. Аминев – доктор юридических наук, профессор
А.Ф. Лубин – доктор юридических наук, профессор
Т.Б. Радбиль – доктор филологических наук, профессор
В.А. Тимченко – доктор юридических наук, профессор
В.И. Шаров – доктор юридических наук, профессор
В.А. Юматов – кандидат юридических наук, доцент

М43 **Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов II Международной научной конференции,**
г. Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2020 – 400 с.

ISBN 978-5-91326-567-8

В сборнике освещаются вопросы совершенствования теоретических и методических подходов в области судебной экспертизы в эпоху цифровизации, особенности подготовки судебных экспертов, тактические и организационные аспекты судебно-экспертной деятельности. Рассмотрены аспекты международного сотрудничества, состояние судебной экспертизы и перспективы ее развития посредством расширения взаимодействия в области изучения вещественных доказательств и экспертных исследований в рамках различных судебных юрисдикций. Представленные материалы носят инновационный характер, опираются на широкую научную и эмпирическую базу и в своей совокупности обеспечивают научно-методический уровень сборника, его проблематика в полном объеме отражает современное состояние судебно-экспертной науки и практики.

Материалы сборника могут быть использованы учеными в теоретических исследованиях, преподавателями – в учебном процессе по направлению подготовки (специальности) «Судебная экспертиза», практиками – для внедрения инновационных методов исследования объектов судебной экспертизы.

ISBN 978-5-91326-567-8

УДК 347.948
ББК 67.53

HOW CAN CORPORA OVERCOME THE LIMITATIONS IMPOSED BY THE 'INTUITIVE OPACITY' OF THEIR USERS?

Bill Louw

Coventry University (Coventry, UK)

louwfirth@gmail.com, godelkreiss@gmail.com

The paper clarifies the connection between corpus-derived subtext and philosophy of language (namely the work of Russell, Wittgenstein and the Vienna circle). Corpus-derived subtext of a grammar string is comprised of the most frequent (quasi-propositional) lexical variables within or around that string in the language (QPVs). Such a list of QPVs can be yielded by a balanced and representative corpus of the given language. The paper argues that corpus-derived subtext is an empirical means of obtaining the logical form of propositions represented in natural language by strings of lexico-grammatical collocations. The search line is, because of intuitive opacity, incapable of being analysed without corpora and computers. By taking into account the expanded contexts of logical forms, it should be possible to distinguish intentional lies from the truth, the truth being a priori.

Keywords: corpus stylistics, collocation, corpus-derived subtext, Contextual Prosodic Theory, philosophy of language, logical form, Russell, Wittgenstein, Vienna Circle.

INTRODUCTION

The answer to the question posed in the title of this paper will probably vary across the disciplines of scholarship, for and across which, corpora have been used as a means of their elucidation. However, Ludwig Wittgenstein, in his Preface to the *Tractatus Logico-Philosophicus*, hints at the problem of opacity as follows:

What can be said at all can be said clearly; and whereof one cannot speak thereof one must be silent... The book will draw a limit to thinking, or rather to the expression of thoughts; for in order to draw a limit to thinking we should be able to think both sides of this limit (we should therefore have to be able to think what cannot be thought). [1, p. 3] (my italics)

Now, because we are in the fortunate position of *not* reading Wittgenstein's words for the first time in 2020, we are able, both in our minds and on paper, to be able to 'fast-forward' his position. For example, we might begin by making for the year 1928, only to find that Carnap's ability to think on *both sides of the limit* is seriously hampered. He takes the first propositions of the *Tractatus* seriously enough: (1) The world is all that is the case; (2) The totality of facts not of things. But on the latter distinction, of *facts* vs. *things*, Carnap's view is: 'Let's build it!' He offers the services of philosophy to do so, as *Aufbau*, not with bricks and mortar, but in a *Logische* form, it will be built. And it is at this point that we begin to stab the 'fast-forward' button again and it quickly turns into a habit, always to check a detail. It is like being in the movie *Back to the Future*. We begin to reflect that Carnap is writing a mere three years before

Kurt Gödel will start his revolutionary work on ‘formally undecidable propositions’ in the *Principia Mathematica*! Perhaps Wittgenstein was truer than he knew when he used the phrase ‘*both sides of this limit*’.

Of course, scholars who do not use the ‘fast-forward button can suffer deep disappointment. For example, Friedman [2] at first makes excuses for Carnap:

From Hilbert (and Gödel), Carnap takes the idea that primitive recursive arithmetic constitutes a privileged and relatively neutral “core” to mathematics and, moreover, that this neutral “core” can be used as a “metalogic” for investigating much richer and more controversial theories. The point ... is not to provide consistency or conservativeness proofs for classical mathematics, but merely to delimit its logical structure: to show that the mathematical principles in question are analytic in a suitable language. Carnap hopes thereby to avoid the devastating impact of Gödel’s incompleteness results... Alas, it was not to meant to be. For Gödel’s results decisively undermine Carnap’s program after all.’ [2, pp. 170-1] (my emphasis)

It is worth noting that there were only three members of staff in the Mathematics Department of Advanced Studies at Princeton University: Einstein, Carnap and Gödel. It may well turn out that they also have a harmful effect upon the contemporary work of Stefan Gries, who shunned collocation and induction in setting out his Bootcamp Method.

SUBTLE USAGE: WHERE ELSE DOES INTUITION NEED TO BE ROOTED OUT?

We start with philosophy and the dubious science of linguistics. In corpus linguistics in the West, collocation and induction are apparently available, but informally banned for in-depth study and infringements are dealt with very firmly, behind the scenes. Curricula are subject to breaches of academic freedom. Until now, there has been an unspoken stand-off. Collocation at its analogue level was abandoned by Halliday and Hasan in the mid 1980s and doctoral studies at a digital level and supported by induction are discouraged, especially where those studies bear upon issues in the external world. This may alter as these areas are accepted in the East.

Both collocation and induction are key areas for the advancement of linguistic science. With the fairly recent death of Michael Halliday, and the death of John Sinclair 13 years ago, the time may now be ripe for a new linguistic theory in the area of Contextual Prosodic Theory and corpus-derived subtext. In such a theory, natural language is seen as ‘its own instrumentation’ [3]. However, the progress of this research has been miserable in the West. The best method for improving this will be to allow collocation and induction to make visible changes within the philosophy of science and of language. This is the best course, because conventions exist for ‘handing scientific advancements in philosophy over to science’ (for example, after the atrocities of Hiroshima and Nagasaki, philosophy no longer treated atomic theory as ‘not yet settled.’). If this were applied to linguistics in its current state of defeating

science, it will have the effect (1) of cutting back dead wood in linguistics; and (2) of providing linguistics with a 'defiance-theory of language' based around collocation and induction as these disciplines will have been freshly handed over to science. Refusal to allow tuition and research in these areas can then be challenged in a respectable, detailed and cross-disciplinary manner. Such breaches of academic freedom are in the public interest.

The status of 'science of language' has been claimed in edition after edition of dictionaries of linguistics; but the matter must be settled by *proofs* and not by *claims*. McIntyre and Walker [4] write that I lay claim to having invented corpus stylistics; but at the time I, alone, had access to 22 million words of running text at Cobuild, while all other researchers had access to the Brown Corpus and the LOB Corpus with a total maximum of 2 million words of running text. All other claims at the time would have been optimistic if not tendentious to say the least. With the effluxion of time, the use of the term *claim* may be used as a smear. Let the record be set straight.

So, then, how are we to fight this battle that has, at the level of the deep state, set out to promote science in all areas except language and expressly, but covertly, made the decision to keep language intuitive, if not cretinously facile into the future, since December 1941, and with Turing silenced?

The main criterion is simple enough: science must make a difference; but not everything that appears to make a difference qualifies. For example, if we say that we can store all of the fictional writings of Charles Dickens in a computer, we have embraced a form of *stasis* from the early seventies to the present day, because Churchyard in his inaugural lecture in Cardiff disclosed that all the works of William Shakespeare subsisted at that time on a mainframe computer. But where *stasis* has the status of informal legislation, students who plan their doctoral studies with comparisons between Dickens and the external world need very special supervision that dissuades or waters down students' plans because they are unlikely to be aware that *induction* has been informally banned altogether in language study. Professor J.R. Firth [5] had a way of referring to keeping intuition at the heart of language study and firmly in charge. He called the process 'fishing in one's own tank!' Anyone who *defies* this dictate runs the risk of becoming a *knower*, as Michael Halliday refers to them in a paper delivered at The Queen's University, Belfast in 2011. He notes that the world tolerates very few knowers and remains silent on the fate of those who *know* as a result of *their own researches*. It may be argued that Halliday and his wife Ruqaiya *knew* that collocation, an essential requirement of *cohesion* needed to be abandoned as the end of its intuitive, analogue life drew closer.

Where, then will we find institutional support for dealing with human rights violations in another discipline that, although fake, claims sovereignty?

The answer to this question lies in a discipline that is and remains *prior*: Philosophy. And if our campaign for science is to make a difference, that difference need not affect

the blind as they lead the blind in linguistics. We need to act where the difference will matter most. That place is philosophy, the very hand-maiden of science.

Our goal is to trace the readiness for change within philosophy itself. And the best place to begin that push is along Philosophy's borderline with natural language. And the area both most enlivened by computing and arguably the most suppressed is *Logical Form*.

LOGICAL FORM

It may be successfully argued that before the advent of linguistic computing (Turing's censored efforts at Bletchley Park in 1941 aside), the synergy of logical form did better at Trinity College, Cambridge during the collaboration between Moore, Russell and Wittgenstein than anywhere else. Initially, George Moore, as the head of department, was keen to see whether Wittgenstein could cope with the advanced mathematics that his post required. In the early days, Russell once asked Moore what he thought of Wittgenstein. Moore replied: 'I think very well of him...because at my lectures he looks puzzled, and nobody else ever looks puzzled' [6, p. 99]. Moore attended all of Wittgenstein's lectures on the Blue and Brown Books and the only journal article Wittgenstein wrote on logical form was published in 1929. In many ways we see in the Wittgenstein of his book (published posthumously) *Philosophical Investigations* that he began to think of 'language as use' through the influence of Moore. Of course, all three scholars died without finding out that then enemy codes were cracked by inductive recourse to a form of language whose ideological use during a dictatorship was not only probable but entirely *de rigueur*!

And yet, both in linguistics and philosophy, there were tell-tale signs that both disciplines recognised their masters' voice and did his bidding as much as they could in the circumstances. We have already seen how attempts were made to revive Halliday's interest in computing which had lain dormant since the conference volume *In Memory of J.R. Firth* emerged [7]. And within philosophy W. V. O. Quine began to dismantle the Dogma's of Empiricism until he had secured for the future that at their core they would always be *cognitive* (see also [8]). Quine also took the further step of drafting his own biography for inclusion by the Editor, Thomas Mautner [9] in *The Penguin Dictionary of Philosophy*. A line needed to be drawn under it and Quine, during his own lifetime drew that line. But who else had been watching?

TED HONDERICH AND THE DICTIONARIES OF PHILOSOPHY

Between 1995 and 2005 *The Oxford Companion to Philosophy*, edited by Professor Ted Honderich published a new edition. This in itself may not have been a huge step forward, but within the hinterland of Logical Form there was a significant advance. While no alteration was made to the entry for this term (originally penned by Professor Wilfrid Hodges), a major change in the recommended reading, provided at the end of the entry, took place. A book first published in 1952 was replaced by a fresh title,

published in 2002 and reprinted in 2008 by OUP. Apart from the fact that it was 50 years overdue for updating, other factors may have been involved in the new choice. Firstly, it was in 2002 that the name Alan Turing was first made public, neither by intention nor design. Secondly, the position and stance of the first book (published at about the time of Turing's death) took a particular stance on logical form that saw it more as a 'concept' than a syntactic accompaniment to grammatical structure. What the title of the earlier book loses to the term *concept* in its title, it compensates for in the words *logical consequence*. The title of the book by John Etchemendy is *The Concept of Logical Consequence*. It was published in 1952 by Harvard University Press [10]. But Etchemendy, writing out of Princeton University in 1983 concludes a key article with these words.

I simply fail to see why formal or structural properties need to be thought central to a semantic account of the logical properties of a language. So far I have seen little reason to think that form has much to do with logic at all [11: p. 334].

It may be the case that Honderich as Editor of *The Oxford Companion to Philosophy* had begun to foresee that Russell's stated view that a perfectly logical natural language will have a grammar, but no vocabulary at all would soon not only be computable, but may begin to allow us (in Wittgenstein's words) '*...to think both sides of this limit...*', as we saw earlier, and that as a key to subtext, and hence, to truth itself.

The volume Honderich chose to replace the book by Etchemendy contains 17 papers by American and Canadian philosophers, edited by two professors from Germany and with no visible bias. However, several papers at the front of the collection draw attention to the positions adopted by the Vienna Circle, Bertrand Russell and Wittgenstein. The volume itself is edited by Gerhard Preyer and Georg Peter, published in 2002, reprinted in 2008, OUP [12]. Its title is *Logical Form and Language*.

CAN CORPORA ADJUST OUR UNDERSTANDING OF PHILOSOPHY AND IMPROVE LINGUISTICS IN THE PROCESS?

The answer to this question, if followed through, ought to leave much of linguistics in a state of 'work in progress'. The first step is to check our instrumentation as a constant of natural language. If even Carnap failed the test of the Incompleteness Theorems, we need to demonstrate how the natural language constant resembles the principles of philosophy and how crucial the differences are. If we are to use the computer to split natural language logic from metaphysics, the result, at the very least, ought to look and feel paradoxical if we search for a fragment of quasi-logic on its own, even if its truth is radically different from man-made systems such as logic and mathematics. But the quasi-variables themselves will be 'justified' to a rather pleasing extent. A concordance for **being+what** follows:

MicroConcord search SW: being what

80 characters per entry

Sort : 1R/SW unshifted.

1 ur in the finest sense; as well as being what a perceptive commentator called "b
2 she soon became a household name, being what every young Russian woman would lo
3 ion gave him the thumbs down, this being what gladiators get when their services
4 alive. "We are very, very close to being what I want us to be now," Sam Allardyc
5 shopping around, consumer inertia being what it is. But the Government has reac
6 h something to spare. Human nature being what it is, the temptation must be to t
7 oadcasting schedules. Human nature being what it is, the best political news wil
8 e since he was 14. Human frailty being what it is, however, members are now on
9 none of it, anyway, primogeniture being what it is. She promises that the Cen
10 rt in Britain. The British weather being what it is, however, the sport has move
11 being what they are. British Rail being what it is, nobody has deemed it worth
12 y with other players. Human nature being what it is Cantona's and that of refere
13 ling stakes. Sexual egalitarianism being what it is, this state of affairs could
14 ker Bowles his queen. Human nature being what it is, he could eventually marry s
15 nd honest, and the Catholic Church being what it is, the torture scene is inevit
16 ave lunch with the Queen. Protocol being what it is we sadly have no record of w
17 eases, but of course, human nature being what it is, allowing top earners to kee
18 etting "tooled up". Human nature being what it is, I shall of course dine out
19) The American governmental system being what it is, we were forced to exercise
20 read, fruit and sea horses. Sand being what it is, they don't last very long a
21 son, had also aspired). His nature being what it was, he could not promise full-
22 l sorts." Japan prides itself on being what its Government likes to call an "i
23 ecting copper-clad concrete domes, being what one might call Gomez's electronic
24 County is one for £12 million this being what Robert James Waller has so far ear
25 h literature and English biography being what they are, it is no exaggeration to
26 be in the House by Monday, horses being what they are. British Rail being what
27 h it cost is lovely." Publishers being what they are, Bantam will doubtless wa
28 hat they should be paid simply for being what they already are, rather than for
29 ing boards at mid-wicket. Things being what they are, he may well not be picke
30 steel house." Planning regulations being what they are, the chances of fulfillin
31 cally sound (ideological soundness being what we had before PC came on the scene

Notice how its full form is determined by the system that is larger than logic and mathematics and *not* man-made.

We now proceed to examine the entry for Logical Form as it appears in *The Oxford Companion to Philosophy*, Edited by Ted Honderich. Some of the wording of the entry is repeated in the notes for commentary that follow the entry.

Form, logical. The logical form of a sentence – or of the proposition expressed by the sentence – is a structure assigned to the sentence in order to explain how the sentence can be used in logical arguments, or how the meaning of the sentence is built up from the meanings of its component parts. A translation of a sentence into logical notation is sometimes called its 'logical form.' Views differ on the reality and uniqueness of logical forms, and whether they are in some way prior to the sentences which have them. Analytic philosophers have seen it as a goal of philosophy to uncover the logical forms of propositions. Chomsky and other linguists have argued that a grammar of natural language should show how to ascribe logical forms to sentences.

Notes for commentary on the above entry follow. These notes are derived from

Corpus Linguistic research and its role in making a difference in the discipline of philosophy.

(A) IS A STRUCTURE ASSIGNED TO THE SENTENCE...

The belief that structures need to be 'assigned' rather than revealed is a major stumbling block in the advancement of the study of logical form. That which is prior and is often blind to human intuition. As far back as Carnap [13] his notion of *Aufbau* implies that where there is a shortage of empiricism, it can be *added* to the *given* as if *built* by means of man-made logical procedures. If the nature of natural language is respected to the point at which the *constants* for the investigation are drawn from language itself, then we have no authority to add anything. We search corpora for further examples of the same logical form. We open the context of authentic text from which they are drawn and allow inferences to be made from authentic rather than fabricated texts such as *protocol sentences*. The same wrong-headed methods were imposed by very respectable linguists. For example, Monitor Corpora ought not to be used to impose intuitive categories, as these will be likely to be couched in man-made categories.

(B) A TRANSLATION OF A SENTENCE INTO LOGICAL NOTATION IS SOMETIMES CALLED ITS 'LOGICAL FORM'

Ernst Mach, who inspired the formation of the Vienna Circle of Logical Positivists would have preferred to have corpora disclose the logic of situations rather than impose it by means of vulnerable systems. This is achieved simply by opening the full contexts of concordance lines extracted by subtextual means that get past intuitive opacity.

(C) VIEWS DIFFER ON THE REALITY AND UNIQUENESS OF LOGICAL FORMS

The reality and uniqueness of shared logical form is best disclosed by a machine rather than *built*. Carnap's book, if written today, would have the title *Die Aufdeckung Der Logischen Welt*. The world no longer needs to be built. It subsists in readiness for natural language to reveal it. A better title may even be: *Die Enthüllung der Logischen Welt*. Philosophy will need to evaluate such matters and where science is found to hold up, areas that involve *collocation* and *induction* may be handed over to Science, for re-importation to a fake linguistics that has at last been shut down and its political roots exposed. The question of *uniqueness* can only be solved computationally by *induction*. But subtextual aspects that are opaque to human intuition have already solved the problem of the **Past** (written up extensively by Michael Dummett, [14]); and this fact gives new impetus to *Determinism* in philosophical studies.

(D) AND WHETHER THEY ARE IN SOME WAY PRIOR TO THE SENTENCES WHICH HAVE THEM

The distinction of Saussure between the synchronic and the diachronic lay side by side in single sentences, the logic embedded in grammar authorises all and only its own genuine collocational variables.

(E) CHOMSKY AND OTHER LINGUISTS HAVE ARGUED THAT A GRAMMAR OF NATURAL LANGUAGE SHOULD SHOW HOW TO ASCRIBE LOGICAL FORMS TO SENTENCES

Sentences will disclose their logical forms fact by fact in fully expanded contexts. But, arguably the greatest advance in using this subtextual method came when it was unwittingly shown by the Welsh poet Henry Williams that **lies are produced from the same logical form as the truth!** I unveiled this at *Corpus Linguistics 2017* in St Petersburg [15]. Hence, truth is *a priori* and lies are *a posteriori*. Lexical Priming does not exist because natural language logic as embedded in grammar and concealed by intuitive opacity is *prior*, leaving open only the possibility of lexical seconding. The new linguistic theory-in-waiting is Contextual Prosodic Theory and Subtext [16].

CONCLUSION

Can corpus studies grade the quality of philosophers and their discipline?

Not only do corpora and CPT and Subtext offer us a new linguistic theory, but they also provide us with proofs that apply to the work of the greatest philosophers. Perhaps the best example of intuitive opacity is to be found in the fact that the colleagues of Rudolph Carnap shut down as 'too fanciful' his theory of The Recollection of Similarity. This theory has now been verified by means of collocation, induction and subtext. It was, of course, opaque to intuition, but the intuition of Carnap and Wittgenstein was slightly improved by mathematics. Even the person in the street feels something of the magic of algebra as it deals with problems that look intractable. But most philosophers are unaware of this fact because of a blatant dishonesty that has created a far too fanciful fake called linguistics.

There are also accidents of history. After the Incompleteness Theorems had caused havoc in Carnap's *Aufbau*, he probably felt little enthusiasm to have the work translated into English and a translation took a long time to emerge. Some researchers realised that it was brilliant and even Nelson Goodman [17] felt it was worth imitating the sheer genius of the attempt. But, as is often the case, when Carnap rallied just before his death in editing (with Richard Jeffrey) *Studies in Inductive Logic and Probability* Volume 1 in 1971, many of his colleagues found it a safer course to pretend that when Carnap came to America as a refugee he had left his Logical Positivist credentials behind in Vienna and embraced the label Logical Empiricist. Even Friedman pays less attention to the manner in which Carnap elevates induction to the status of a belief-structure, like a bet. The death of Carnap supervened. There was to be no second volume.

In the case of Wittgenstein, his role as the better philosopher shines through in the manner in which he copes with intuitive opacity. It shows also in his abrasive personality. He withdraws from all dealings with the Vienna Circle, but stays in touch through his association with individual members and continues to be the main influence on the thinking of the *Wienerkreis*. He carried his papers wherever he went

and often carried a typewriter also. He believed that his work might be plagiarised, but appreciated in silence the fact that the 'translation' systems used by philosophy laid violent hands on the natural language of the given. But he had the major advantage of peace. There was no need for him to flee or eat humble pie. He could control Russell simply by saying, let alone showing, that he was wrong.

But it was Cambridge that gave him the peace to drop the philosophy of the *Tractatus* in favour of what was to become posthumously the philosophy of the *Investigations*. It is almost as though he gives it back to the speaker-writer. Meaning as its use in the language lays the path open for interpretations from 'both sides of meaning' with language 'as its own instrumentation', even down to using itself computably as its own constants of nature. The *Investigator* is always agreeably surprised since induction could easily and aptly be called 'out-duction', because by using corpora you always get something *out*.

REFERENCES

1. Wittgenstein, L. (1922). *Tractatus Logico-Philosophicus*. London : Kegan Paul.
2. Friedman, M. (1999). *Reconsidering Logical Positivism*. Cambridge: CUP.
3. Louw, B. (2007). Truth, literary worlds and devices as collocation. In Hidalgo, E. et al (Eds.) *Corpora in the Foreign Language Classroom*. Amsterdam: Rodopi.
4. McIntyre D. and Walker B. (2019). *Corpus Stylistics: Theory and Practice*. Edinburgh: Edinburgh University Press
5. Firth, J.R. (1957). *Papers in Linguistics: 1934-1951*. Oxford: OUP.
6. Russell, B. (1968). *Autobiography*. Volume 2. London: Allen and Unwin.
7. Catford, C. et al (eds.) (1966). *In Memory of J.R. Firth*. Longman: London.
8. McGinn, M.(1982). *The Third Dogma of Empiricism*. Paper 7 London: TAS.
9. Mautner, T. (2005). *Penguin Dictionary of Philosophy*
10. Etchemendy J. (1952). *The Concept of Logical Consequence*. Harvard: Harvard University Press.
11. Etchemendy J. (1983). *Linguistics and Philosophy* 6 (3), pp. 319 - 334
12. Preyer G. and Peter G. (eds.) (2002), reprinted (2008). *Logical Form and Language*. Oxford: OUP
13. Carnap, R. (1928). *Der Logische Aufbau der Welt*. Berlin: Weltkreis.
14. Dummett, M. (2007). *Truth and the Past*. New York: Columbia University Press.
15. Louw B. (2017). *Entailing Proximity*. Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2017». СПб., 2017. 383 с.
16. Louw, B and Milojkovic M. (2016). *Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext*. Amsterdam: John Benjamins.
17. Goodman, N. (1951). *The Structure of Appearance*. Cambridge, Mass.: HUP.

Как языковые корпусы могут преодолеть ограничения языковой интуиции пользователей?

Билл Лоу

Университет Ковентри (Великобритания, Ковентри)
lowfirth@gmail.com, godelkreiss@gmail.com

В работе проясняется связь между корпусным подтекстом и философией языка (а именно работами Рассела, Витгенштейна и Венского кружка). Корпусный подтекст грамматической строки состоит из наиболее частых (квази-пропозиционных) лексических переменных внутри или рядом с данной строкой (КПП). Список КПП можно получить с помощью сбалансированного и представительного корпуса конкретного языка. В работе представлены аргументы в пользу утверждения, что корпусный подтекст является эмпирическим средством определения логической формы пропозиций, выраженных лексико-грамматическими словосочетаниями в естественном языке. Из-за недостаточной интуиции пользователей, поисковой строку нельзя анализировать без помощи корпусов, заложенных в компьютере. Изучая также расширенные контексты данной логической формы в корпусе, возможно отличить намеренную ложь от истинных утверждений, поскольку последние являются *a priori*.

Ключевые слова: корпусная стилистика, коллокации, корпусный подтекст, контекстуально-просодическая теория, философия языка, логическая форма, Рассел, Витгенштейн, Венский кружок.

ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: НОВЕЛЛА В ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.К. Кирвель

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Беларусь, Минск)
kirvit@tut.by

В статье рассматривается современное состояние правового обеспечения судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь, а также повышение ее эффективности через призму принятия Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности».

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, судебная экспертиза, судебный эксперт, судебно-экспертная организация, орган (лицо), назначивший судебную экспертизу, Межведомственный научно-методический совет, Реестр методических материалов, Реестр судебно-экспертных организаций и индивидуальных предпринимателей, Реестр судебных экспертов.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы совершенствования правового обеспечения судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД) обусловлена растущей общественной потребностью в создании эффективного механизма противодействия преступности, надлежащем обеспечении защиты прав и свобод граждан,

юридических лиц, укреплении правопорядка, повышении доверия граждан к органам власти и управления. СЭД, как институт общественных отношений, должны регулировать нормативные правовые акты, закрепляющие принципы и нормы регулирования данного вида общественных отношений, т.е. Законы.

Краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме указывает на факт изучения указанной проблемы отечественными исследователями: Шведом А.И. [1; 2], Клиничуком А.В. [3], Занимон Л.О. [3], Пацкевичем А.П. [4] и др.

Целью исследования является рассмотрение современного состояния правового обеспечения СЭД в Республике Беларусь, а также поиск новелл в законодательстве о СЭД.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 22.04.2013 №202 «Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» 1 июля 2013 г. начал свою деятельность Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ).

Правовую основу деятельности ГКСЭ составляют:

Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 №293-З «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь»;

указ Президента Республики Беларусь от 01.07.2013 № 292 «Вопросы Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» (вместе с «Положением о центральном аппарате Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», «Положением о порядке прохождения службы в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь», «Положением о порядке материально-технического обеспечения Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», «Дисциплинарным уставом Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»);

указ Президента Республики Беларусь от 20.06.2014 №285 «О мерах по обеспечению деятельности Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» (вместе с «Положением об эмблеме Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», «Положением о Знамени Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», «Положением о флаге Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», «Положением о нагрудном знаке отличия Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь «За заслуги»);

процессуальное законодательство в сфере СЭД (Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК), Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – ПИКоАП), Уголовно-процессуальный кодекс Республики

Беларусь (далее – УПК), Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК));

в том числе постановления, которые принимаются и издаются ГКСЭ, регулирующие вопросы организации и производства судебных экспертиз (далее – СЭ):

Постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 17.04.2014 № 3 «Об утверждении Правил профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность»;

Постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 15.05.2014 № 8 «Об утверждении Инструкции о порядке выдачи свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, внесения в него изменений, прекращения действия и аннулирования указанного свидетельства»;

Постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 15.05.2014 № 7 «О некоторых вопросах осуществления судебно-экспертной деятельности» (вместе с «Инструкцией о порядке проведения оценки соответствия возможностей соискателя специального разрешения (лицензии) (лицензиата) лицензионным требованиям и условиям, установленным для осуществления судебно-экспертной деятельности», «Инструкцией о порядке производства судебных экспертиз лицами, имеющими специальные разрешения (лицензии) на осуществление судебно-экспертной деятельности»);

Постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 05.01.2016 № 1 «Об утверждении Положения о Межведомственном научно-методическом совете в сфере судебно-экспертной деятельности»;

Постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 02.02.2016 № 8 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения на платной основе экспертиз по обращениям граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц» и др.

Так, например, Указом Президента Республики Беларусь от 12.03.2018 №106 в целях повышения престижа профессии судебного эксперта, закрепления и развития традиций в сфере СЭД учрежден День судебного эксперта – 22 апреля. Соответствующее дополнение внесено в Указ Президента Республики Беларусь от 26.03.1998 № 157 «О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь».

С момента образования в ГКСЭ велась работа по унификации правового обеспечения СЭД, так как судебно-экспертные подразделения входили в структуру и других правоохранительных органов, созданных в установленном законодательством порядке и осуществляющих свою деятельность без получения специальных разрешений (лицензий) на осуществление СЭД (Комитет государственной безопасности, Государственный таможенный комитет, Государственный пограничный комитет).

В целях совершенствования правового обеспечения СЭД были внесены изменения и дополнения в более чем 76 указов и декретов Президента Республики Беларусь, принято 18 законов, связанных с деятельностью ГКСЭ, и более 85 постановлений Правительства Республики Беларусь. В рамках реализации единой государственной политики в сфере СЭД принято 49 постановлений ГКСЭ. Вместе с тем все более остро назревала проблема создания единого нормативного правового акта (далее – НПА) регламентирующего СЭД [1].

При создании единого НПА регламентирующего СЭД был изучен зарубежный опыт стран со схожими правовыми системами: России, Казахстана, Украины, Туркменистана, Узбекистана, Молдовы и других стран (Эстонии, Австралии и Вьетнама), а также Типовой проект законодательного акта «О судебно-экспертной деятельности», принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 11 апреля 2013 г. №15-6 [2].

Необходимо отметить, что 19 апреля 2019 года Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 49-8 принят Модельный Закон «О судебно-экспертной деятельности», который не был изучен отечественными инициаторами создания единого НПА регламентирующего СЭД.

Разработчиком единого НПА регламентирующего СЭД выступил ГКСЭ. Концептуальные основы единого НПА были согласованы со всеми заинтересованными сторонами, в первую очередь с инициаторами назначения СЭ: Следственным комитетом, Министерством внутренних дел, Генеральной прокуратурой, Верховным Судом Республики Беларусь и др.

В 2016 г. была разработана Концепция проекта закона «О судебно-экспертной деятельности», которая была одобрена в Совете по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь.

18 декабря 2019 г. Президент Республики Беларусь подписал, представленный ему и одобренный Советом Республики Национального Собрания Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон).

Настоящий Закон определяет правовое, организационное, научно-методическое, материально-техническое и иное обеспечение СЭД в Республике Беларусь.

Рассмотрим основные положения Закона. Структурно он состоит из 9 глав и 56 статей.

В главе 1 представлены основные положения закона.

Во-первых. Представлены основные термины и их определения: методические материалы; орган (лицо), назначивший СЭ; СЭ.

Новеллой законодательства является определение СЭ. Законодатель под

судебной экспертизой понимает экспертизу, назначенную и проведенную в порядке, установленном процессуальным законодательством.

Во-вторых, новеллой является термин судебно-экспертная деятельность, под которой законодатель понимает деятельность по организации проведения, контролю за проведением, проведению СЭ и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций (далее – КУ и КК), осуществляемые судебно-экспертными организациями (далее – СЭО) и судебными экспертами.

В-третьих, рассмотрено правовое регулирование в сфере СЭД, ее задачи и принципы.

В-четвертых, изложены правовые нормы о законности при осуществлении СЭД; соблюдении интересов государства; прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица при осуществлении СЭД; независимости судебного эксперта; об объективности, всесторонности и полноте проведения СЭ; допустимости и достоверности методов, используемых при их проведении.

Новеллой законодательства является независимость судебного эксперта. Законодатель впервые закрепляет правовые нормы о том, что судебный эксперт независим при проведении СЭ и подчиняется только закону.

Воздействие на судебного эксперта в какой-либо форме со стороны государственных органов, политических партий, других общественных объединений, иных организаций или их представителей, граждан в целях оказания влияния на судебного

эксперта или воспрепятствования в какой-либо форме его деятельности не допускается и влечет ответственность, установленную законодательными актами.

Судебный эксперт не обязан давать какие-либо объяснения по существу проводимых (проведенных) СЭ, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами.

Также новеллой является правая норма о том, что судебный эксперт проводит СЭ объективно в пределах своей компетенции, всесторонне и в полном объеме с применением допустимых и достоверных методов.

При проведении СЭ используются методические материалы, одобренные и рекомендованные Межведомственным научно-методическим советом в сфере СЭД при ГКСЭ (далее – Межведомственный научно-методический совет), включенные в Реестр методических материалов в сфере СЭД (далее – Реестр методических материалов).

Использование иных материалов допускается при условии научно-практического обоснования примененных методов, которое приводится в заключении эксперта, данном судебным экспертом в порядке, установленном процессуальным законодательством.

В-пятых, изложены правовые нормы о государственном регулировании и управлении в сфере СЭД, полномочия Президента Республики Беларусь и ГКСЭ в сфере СЭД; лицензировании деятельности по проведению СЭ.

В главе 2 представлены общие положения о судебно-экспертных организациях и судебных экспертах, правах, обязанностях и ответственности руководителя судебно-экспертной организации и судебного эксперта.

Во-первых, представлены основные термины и их определения: СЭО, судебный эксперт.

Под судебно-экспертными организациями законодатель понимает государственные СЭО, а также организации, осуществляющие деятельность по проведению СЭ на основании лицензии.

Законодатель под судебным экспертом понимает: 1) работника, сотрудника, имеющего специальное звание, военнослужащего государственной СЭО, имеющего свидетельство о присвоении права самостоятельного проведения СЭ, в трудовые (служебные) обязанности которых входит осуществление СЭД; 2) работника иной СЭО, имеющий свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта, в трудовые обязанности которого входит проведение СЭ; 3) индивидуального предпринимателя, имеющего свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта, осуществляющего деятельность по проведению СЭ на основании лицензии.

Законодатель указывает, что судебным экспертом не может быть лицо: 1) признанное в установленном порядке недееспособным или ограниченно дееспособным; 2) совершившее умышленное преступление, судимость за которое не снята или не погашена; 3) уволенное из правоохранительных, судебных и других государственных органов, иных организаций по основаниям, признаваемым в соответствии с законодательными актами дискредитирующими обстоятельствами увольнения, – в течение трех лет со дня увольнения. Полагаем, что данная норма требует толкования, так как, по мнению автора из нее следует, что после трех лет дискредитирующие обстоятельства увольнения аннулируются, и лицо может стать судебным экспертом.

Во-вторых, представлен перечень государственных СЭО: органы ГКСЭ, органы государственной безопасности, органы пограничной службы, таможенные органы, иные государственные органы и организации, которым законодательными актами предоставлены полномочия на проведение СЭ.

В-третьих, изложены правовые нормы о правах, обязанностях и ответственности руководителя СЭО (подразделения).

В-четвертых, представлены права судебного эксперта, его обязанности и ответственность, а также изложены правовые нормы о проведении СЭ иным лицом.

Новеллой законодательства является ответственность судебного эксперта в

соответствии с законодательными актами за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Глава 3 посвящена, присвоению (подтверждению, приостановлению, лишению) права самостоятельного проведения судебных экспертиз, присвоению (подтверждению) квалификации судебного эксперта, прекращению действия свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта.

Во-первых. Изложены правовые нормы об аттестации на присвоение (подтверждение, приостановление, лишение) права самостоятельного проведения судебных экспертиз; обращении за присвоением квалификации судебного эксперта и получением свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта; аттестации на присвоение (подтверждение) квалификации судебного эксперта.

Во-вторых. Представлены правовые нормы о выдаче (отказе в выдаче) свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, выдаче его дубликата; внесении изменений в свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта.

В-третьих, изложены правовые нормы о повышении квалификации обладателя свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта.

Новеллой законодательства является норма, что обладатель свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта обязан каждые три года со дня выдачи такого свидетельства проходить повышение квалификации по соответствующему виду (подвиду) судебной экспертизы в учреждении образования, которое наряду с повышением квалификации реализует образовательную программу переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование, по специальностям направления образования «Судебная экспертиза», и представлять в ГКСЭ копию свидетельства о повышении квалификации в течение месяца после прохождения повышения квалификации.

В-четвертых. Представлены правовые нормы о вынесении предупреждения обладателю свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта; прекращении действия свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта; обжаловании решений комиссии по вопросам лицензирования.

В-пятых. Изложены правовые нормы, регулирующие деятельность Экспертно-квалификационных комиссий, которые создаются для решения вопросов, связанных с определением уровня квалификации лиц, намеревающихся осуществлять (осуществляющих) СЭД в государственных СЭО; а также Комиссий по вопросам лицензирования, которые создаются в целях определения уровня квалификации претендентов, принятия решений по вопросам, связанным с осуществлением деятельности по проведению СЭ обладателями свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, лицензирования деятельности по проведению СЭ и рассмотрения иных вопросов по осу-

ществлению этой деятельности.

Глава 4 посвящена организации проведения и проведению судебной экспертизы.

Во-первых. Представлены основания проведения СЭ.

Во-вторых. Новеллой является представленный перечень объектов СЭ.

Объектами СЭ могут являться физические лица, документы, предметы, объекты либо предполагаемые объекты интеллектуальной собственности, животные, трупы и их части, иные объекты, в том числе биологического происхождения, системы, технологии, информационные массивы, образцы для проведения СЭ, в том числе полученные в ходе ее проведения.

В-третьих, рассмотрены сроки проведения СЭ и представлен перечень лиц, присутствующих при ее проведении.

Новеллой законодательства является норма о регламентации срока проведения СЭ, который, как правило, не должен превышать 30 календарных дней с первого рабочего дня, следующего за днем регистрации в СЭО или у индивидуального предпринимателя постановления (определения) о назначении СЭ и предоставления объектов, а в случае предоставления объектов отдельно – с первого рабочего дня, следующего за днем предоставления этих объектов либо обеспечения доступа к ним.

В-четвертых, раскрыто содержание заключения судебного эксперта: вводной и исследовательской части, мотивированных выводов.

Новеллой законодательства являются нормы Главы 5, которая посвящена особенностям проведения СЭ, объектом которой является физическое лицо.

Во-первых, раскрыто содержание проведения СЭ, объектом которой является физическое лицо, добровольность и принудительность при проведении СЭ в отношении физического лица, его права и обязанности.

Во-вторых, раскрыто содержание судебно-психиатрических экспертных стационаров, условия пребывания физических лиц, в отношении которых проводится СЭ, в судебно-психиатрических экспертных стационарах, права и обязанности физических лиц, содержащихся в судебно-психиатрических экспертных стационарах, а также обеспечение физических лиц, содержащихся в них.

В-третьих, рассмотрена медицинская, в том числе психиатрическая, помощь в судебно-психиатрических экспертных стационарах, а также охрана судебно-психиатрических экспертных стационаров, изоляция, охрана лиц, содержащихся в них, и надзор за этими лицами.

Глава 6 посвящена криминалистическим учетам и коллекциям.

Новеллами законодательства является определение КУ и КК.

Под криминалистическими учетами законодатель понимает массивы (базы, банки) данных, содержащиеся в обобщенном, систематизированном виде объекты (их копии, изображения, информацию о них), в том числе СЭ, используемые для выполнения судами, органами уголовного преследования, органами,

ведущими административный процесс, а также органами, обеспечивающими национальную безопасность Республики Беларусь, возложенных на них задач.

Информация о КУ, а также сведения, содержащиеся в них, являются информацией, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Под криминалистическими коллекциями законодатель понимает систематизированные собрания однородных объектов, используемых в том числе, при проведении СЭ.

Содержащиеся в КУ и КК объекты могут использоваться для научно-методического обеспечения СЭД, подготовки судебных экспертов и выполнения иных задач и функций, возложенных на СЭО.

Глава 7 посвящена научно-методическому и материально-техническому обеспечению СЭД.

Во-первых, в ней раскрыто содержание задач и функций Реестра методических материалов, Межведомственного научно-методического совета, Реестра СЭО и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность по проведению судебных экспертиз (далее – Реестр СЭО и ИП).

Новеллой законодательства является научно-методическое обеспечение СЭД, под которой законодатель понимает деятельность посредством: 1) применения в экспертной практике результатов научной и (или) научно-технической деятельности; 2) разработки, апробирования и внедрения новых методов, применяемых при проведении СЭ, и экспертных методик; 3) ведения Реестра методических материалов; 4) функционирования Межведомственного научно-методического совета.

Во-вторых, Реестр методических материалов содержит систематизированные сведения об одобренных и разрешенных Советом к применению при проведении СЭ методических материалах.

В-третьих, Межведомственный совет рассматривает вопросы, связанные с научно-практической обоснованностью разработанных методических материалов; разрабатывает рекомендации по внедрению в экспертную практику результатов научной и (или) научно-технической деятельности, современного оборудования и криминалистической техники; изучает и обобщает зарубежный опыт осуществления СЭД, вносит предложения о его внедрении в экспертную практику и др.

В-четвертых, Реестр СЭО и ИП содержит сведения о СЭО и индивидуальных предпринимателях, а Реестр судебных экспертов содержит сведения об экспертах, имеющих свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта.

Реестры ведутся в электронном виде и размещаются в глобальной компьютерной сети Интернет на официальном сайте ГКСЭ.

Глава 8 посвящена установлению международного сотрудничества в сфере

СЭД и проведению СЭ с привлечением судебных экспертов иностранного государства.

Глава 9 посвящена заключительным положениям, внесению изменений и дополнений в процессуальные законы.

Настоящий Закон вступает в силу через год после официального опубликования.

ГКСЭ в течение года должен обеспечить приведение актов законодательства в соответствии с настоящим Законом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Закон вводит единый понятийный аппарат, определяет правовые и организационные основы, принципы СЭД, ее научно-методическое, материально-техническое и иное обеспечение, закрепляет общие положения, касающиеся порядка организации и порядка проведения СЭ, унифицирует процессуальные основы проведения СЭ в уголовном, административном, гражданском и хозяйственном процессах в целях обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц при проведении СЭ, а также правовые и организационные основы ведения КУ и КК, унифицирует права и обязанности судебного эксперта, определяет единые требования к содержанию заключения судебного эксперта.

На основании выше изложенного мы можем констатировать, что Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности», как единый законодательный акт, регулирующий сферу СЭД, позволит реализовать научно-технический потенциал государства при осуществлении правосудия, повысит эффективность правового обеспечения СЭД, будет способствовать укреплению правопорядка, обеспечит гарантии защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц в этой сфере, а также решить многие проблемные вопросы в части правового, организационного, научно-методического, кадрового, информационного и иного обеспечения СЭД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Швед А.И. Становление и развитие единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudexpert.gov.by/special/ru/list_news-centr-a-n.html?news_id=2138 (дата доступа 15.02.2020).
2. Андрей Швед : В Беларуси унифицируют права и обязанности всех судебных экспертов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/july/29494/> (дата доступа 15.02.2020).
3. Клиничук А.В. Концептуальные основы регулирования судебно-экспертной деятельности / А.В. Клиничук, Л.О. Занимон // Судебная экспертиза Белару-

си. 2016. № 1 (2). С. 12-14.

4. Пацкевич, А. П. Проблемы правового обеспечения судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь // Вестник криминалистики. 2018. № 1 (65). С. 45-52.

Law of the Republic of Belarus «On forensic science activity»: is a new law in the legal support of forensic science activity

V.K. Kirvel

*Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic
of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)
e-mail: kirvit@tut.by*

The article examines the current state of legal support of forensic science activity in the Republic of Belarus, as well as increasing its effectiveness through the prism of adopting the Law of the Republic of Belarus «On forensic science activity».

Keywords: forensic science activity, forensics, forensic scientist, forensic science organization, body (person) that appointed forensic examination, Interdepartmental Scientific and Methodological Council, Register of methodological materials, Register of forensic science organizations and individual entrepreneurs, Register of forensic scientists.

РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ ИРАК

Б.А. Алсаег¹, Н.В. Зылёва²

¹ Мосул университет (Ирак, Мосул)

*² ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (Россия, Тюмень)
belalamtjad@yahoo.com, n.v.zyllova@utmn.ru*

Экономическую безопасность государства можно рассматривать как эффективность использования всех его ресурсов для сохранения контроля над ними и предотвращения возможных угроз стабильному функционированию. Экономические преступления приводят к потере контроля над важнейшим ресурсом – финансовым, а значит в интересах государства уменьшить количество данных преступлений, в том числе через наказания виновных. В Республике Ирак за экономические преступления, связанные с отмыванием денег и финансированием террористов, предусмотрена смертная казнь, что, несомненно, накладывает огромную ответственность на всех участников процесса. По мнению авторов, ответственность, возложенная на судебного экономического эксперта, принимающего участие в уголовном деле о фактах отмывания денег для финансировании терроризма, должна быть оправдана профессиональным образованием, возможностью участия в тематических международных научно-практических конференциях, а также разработкой методических рекомендаций по производству судебных экономических экспертиз, снимающих с экспертов субъективность их оценки. Развитие экспертной деятельности экономической направленности повысит эффективность защиты национальной экономики Ирака, с чем в настоящий момент не справляется принятый закон «О борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма».

Ключевые слова: отмывание денег, экономическая безопасность страны, экономическая экспертиза, эксперт, судебная экономическая экспертиза, судебный учет.

Экономическая безопасность государства рассматривается как «состояние защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз, при котором оно способно обеспечивать поступательное развитие общества, его экономическую и социально-политическую стабильность в условиях наличия неблагоприятных внешних и внутренних факторов» [1, с. 5]. Нельзя говорить о защищенности национального хозяйства, если в стране проблемы с пополняемостью доходной части бюджета, которая, в свою очередь, в большей степени зависит от налогов, уплачиваемых хозяйствующими экономическими субъектами. Предприниматель или юридическое лицо может уклоняться от налогообложения, укрывая часть легального дохода с помощью занижения выручки или завышения расходов, использования неучтенных наличных и т. п., заменяя реальный источник денег на другой, облагаемый меньшими налогами или не облагаемый ими вовсе. Подмена источника происхождения денег носит название «отмывание» (отмывание денег – процесс подмены реальных нелегальных источников денежных средств фиктивными легальными [2]), при этом уклонение от налогов не самый опасный вариант отмывания денег, большая часть «отмывания» приходится на легализацию доходов, полученных преступным путем (нелегальная торговля наркотиками, рэкет, коррупция и т. п.), а также на финансирование террористов. Бесспорно, все случаи отмывания денег отрицательно влияют на экономическую безопасность страны, как и другие экономические преступления. При этом в борьбе с экономическими преступлениями мало отследить факт мошенничества, важно довести дело до наказания.

В каждом конституционном государстве действует презумпция невиновности: «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Данное обстоятельство требует достаточных неопровержимых доказательств вины обвиняемого в экономическом преступлении, что невозможно без экономической экспертизы, состоящей из проведения исследований и предоставления заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области экономических наук. Следует отметить, что на эксперте, как «специалисте в определенной области, привлекаемом для исследования, консультирования, выработки суждений, заключений, проведения экспертизы» [3], лежит большая ответственность, ведь на основании его квалифицированного заключения или суждения по вопросу в суде выносятся решения по делу, поэтому «эксперт должен проводить исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих

возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» [4].

Осудить виновного и оправдать невинного очень важно для любого демократического государства, в том числе Ирака, ведь в стране действует «Антитеррористический закон», который предусматривает безальтернативно смертную казнь не только для «главного исполнителя или участника» любого террористического деяния, но и для лиц, финансирующих или оказывающих помощь террористам в совершении преступлений [5, стр. 97].

В судебных делах, затрагивающих вопросы отмыывания денег хозяйствующими субъектами, приглашенный эксперт должен быть знаком с процессом отмыывания доходов, полученных преступным путем, для того, чтобы «проследить размещение денег (т.е. «подмешивания» криминальных денег к легальным, для попадания в финансовую систему), их сокрытие (распределение по различным счетам, активам, юрисдикциям во избежание возможности отслеживания их происхождения) и интеграцию (сбор отмытых денег на легальном счете для возвращения их изначальному владельцу или расходованию по указанию владельца)» [2]. По нашему мнению, не все бухгалтера, финансисты, банкиры и т.п., могут справиться с поставленной задачей, а значит необходимо развивать экспертную деятельность экономической направленности, подготавливая специалистов именно для такого вида исследований.

Следует отметить, что для проведения судебной экономической экспертизы по конкретному судебному расследованию специалиста-эксперта привлекают (приглашают), а значит его основные профессиональные обязанности в другом. Логичным будет предположить, что эксперта по делам отмыывания денег следует искать в организациях, где данному вопросу уделяется особое внимание. Чаще всего с проверкой легальности денежных средств сталкиваются в своей деятельности следующие иракские организации: Комиссии по инвестициям, Комиссия по добросовестности, Центральный банк Ирака. Комиссии по инвестициям отвечают за выбор лучшего инвестиционного проекта и дальнейшее его продвижение. Законность источника денег инвестора – важное условие участия в конкурсе, в связи с чем сотрудники организации проверяют законность источника, противодействуя операциям по отмыыванию денег. Комиссия по добросовестности является независимым государственным органом, занимающимся вопросами общественной целостности и борьбы с коррупцией. Сотрудники организации проверяют механизм заключения государственных контрактов с внутренними и внешними сторонами, расследуют вопросы о мошенничестве и изъятии валюты внутренними и внешними сторонами, которые так или иначе затрагивают экономику страны. Сотрудники Центрального банка Ирака, государственных и частных банков должны проверять реальность финансовых потоков клиентов, препятствуя отмыыванию денег [6].

Независимая межправительственная организация ФАТФ (The Financial Action Task Force (FATF) - Группа разработки финансовых мер), созданная для защиты всемирной финансовой системы от угроз отмыwania денег, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения [7], с которой Правительство Республики Ирак тесно сотрудничает, рекомендует «применять к финансовым и нефинансовым организациям или представителям соответствующих профессий, которые не обеспечивают выполнение ими обязательств, возлагаемых на них национальным законодательством в области противодействия отмыванию денег и борьбы с финансированием терроризма, эффективные и сдерживающие санкции (уголовные, гражданские или административные (например, предупреждения, штрафы, отзыв аккредитации или регистрации))».

В 2015 году в Ираке принят закон «О борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма» № 39 [8], согласно которому в Центральном банке Ирака учрежден Совет по борьбе с отмыванием денег – надзирательный орган, ответственный за соблюдение законов, и Ведомство по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, внимание которого сосредоточено на сообщениях о подозрительной деятельности клиентов банка. В продолжение данного закона Центральный банк Ирака 19.09.2016 году принял «Положение о контроле за банками и финансовыми учреждениями в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма» [9], согласно которому государственные и частные банки, а также финансовые учреждения, ввели в свой штат должность наблюдателя, в функции которого входит обязанность проводить независимую оценку деятельности банка по борьбе с отмыванием денег. Наблюдатель должен не реже раза в квартал готовить отчет, в котором, как минимум, должна быть раскрыта следующая информация:

- усилия, предпринятые в отношении подозрительных и чрезвычайных операций;
 - недостатки внутренних правил и процедур финансового учреждения в отношении необычных операций и предложения по их устранению;
 - изменения, внесенные в процедуры финансового учреждения в отношении борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма;
 - роль совета директоров банка в контроле за соблюдением правил борьбы с отмыванием денег;
 - степень приверженности осуществлению планов общего надзора за исполнением законов, механизмов контроля и внутренних правил борьбы с отмыванием денег;
 - подробное изложение программ обучения, которые проводились для сотрудников финансового учреждения в области борьбы с отмыванием денег.
- Оригинал отчета наблюдатель должен отправить непосредственно в Цен-

тральный банк Ирака, а руководству своего банка передавать только копии.

Однако, несмотря на наличие в Ираке хорошего закона о противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма, на практике факты отмывания денег все же имеют место быть, а значит или на местах не хватает квалифицированных специалистов, умеющих распознать подозрительные операции и проследить размещение криминальных денег в легальный оборот, или имеет место коррупционная составляющая.

В настоящее время выполнять функции эксперта в вопросах анализа финансовых потоков предлагают сотрудникам бухгалтерий финансовых и нефинансовых учреждений, требуя вести «судебный учет». Поскольку под «судебным учетом», иракские ученые определили «систему обеспечения надлежащего анализа дел в суде, так чтобы этот анализ являлся основой для обсуждения между заинтересованными сторонами и судом фактов по спорным или расследуемым вопросам и принимался во внимание при окончательном вынесении соответствующего решения» [10], и вести данный учет «должен бухгалтер, обладающий профессиональным опытом, достаточным для того, чтобы предоставлять факты о действительности финансовых транзакций в судебных или административных делах» [11], можно предположить, что в сотруднике бухгалтерии, ведущем данный учет, иракские ученые видят будущего приглашенного эксперта по судебным делам экономического характера. Так, процедуры судебного учета очень напоминают процедуры экономического расследования и состоят в следующем:

- собеседование с клиентом – поскольку выявление проблемы - это базовая стадия, которой ничего не может предшествовать, разрешение любого конфликта основывается на этой стадии; в процессе собеседования необходимо узнать, в чем заключается проблема, определить ее размеры и влияние, а также мотивы, которые привели к проблеме, будь то личные или непреднамеренные ошибки;

- анализ конфликта для определения вовлеченных сторон и ключевых игроков;

- первоначальное расследование и разработка общего плана работы;

- разработка плана действий для целей и методологии, используемой для решения проблемы;

- сбор и оценка доказательств, обеспечивающих гарантию, что информация по рассматриваемому случаю, необходимая для заключения, является правильной;

- анализ погрешностей, влияющих на расчет текущей стоимости ущерба, чтобы объяснить результаты;

- подготовка окончательного отчета с указанием масштаба расследования, используемого метода, ограничений, наложенных на область и результаты, а

также личных взглядов судебного бухгалтера в дополнение к собранным таблицам, рисункам и доказательствам, не упуская из виду какие-либо факты, чтобы не оспаривать целостность отчета [11].

На наш взгляд, те обязанности, которые возлагают на специалиста, обязанного вести судебный учет, нельзя назвать «учетными», поскольку, «исходя из определений судебного учета, деятельность такого сотрудника носит исследовательский, аналитический, оценочный, а не учетный характер» [12, стр. 61], следовательно, судебный учет должен вести не бухгалтер, а, например, специалист службы экономической безопасности, специальное образование которого уже включало бы в себя «интеграцию как бухгалтерского, так и аудиторского опыта, юридических и экономических знаний и навыков расследования по финансовым, торговым и экономическим вопросам» [11], а профессиональный опыт был достаточным для того, чтобы предоставлять факты о действительности финансовых потоков. Проблема в том, что в настоящее время в Ираке развитие судебного учета и экспертной деятельности не поспевает за экономическим развитием в стране. Научить проводить исследования объективно, на строго научной и практической основе можно, если «в учебные планы образовательных программ в области бухгалтерского учета, аудита и информационных систем высшего образования Ирака включить дисциплины, связанные с судебной экономической экспертизой, с судебным учетом или экономической безопасностью» [12, стр. 63], а также тренинги стрессоустойчивости и эмоционально-волевой устойчивости. По нашему мнению, ответственность, возложенная на сотрудника организации по выполнению им обязательств в области противодействия отмыванию денег, должна быть подкреплена профессиональным образованием, которое является ключевым шагом для развития нужных способностей и компетенций. Также это высказывание справедливо и для судебного экономического эксперта, принимающего участие в уголовном деле о фактах отмывания денег для финансирования терроризма. По нашему мнению, до того момента, пока высшее профессиональное экономическое образование не будет дополнено соответствующими дисциплинами, необходимо организовать курсы дополнительного профессионального образования для сотрудников, отвечающих за ведение судебного учета или анализ финансовых потоков. Не лишним, на наш взгляд, будет и участие сотрудников (будущих экспертов) в тематических международных научно-практических конференциях.

Несмотря на то, что для проведения судебных экспертиз приглашаются только высокопрофессиональные специалисты в своей области, «отсутствие внутренних и внешних методических рекомендаций, приводит к тому, что заключение эксперта основано на его профессиональном суждении, его личном опыте и практике, сложившейся в конкретном регионе...» [13, стр. 326], а зна-

чит субъективно. Субъективность может привести к расхождению результатов экспертиз, проведенных различными экспертами, а значит, противоречит принципу равенства всех перед законом и может привести к оспариванию в процессе судебного разбирательства результатов экспертизы, полученных в ходе расследования, и как к признанию невиновным обвиняемого лица, так и обратной ситуации: признанию виновным невиновного лица. Субъективность в процессе производства экспертизы также может выступать фактором коррупционной направленности, так как позволяет эксперту получать необходимые ему результаты при использовании различных способов расчета одних и тех же показателей. Соглашаясь с Руф Ю.Н и Шургановой Е.А., считаем, что разработка методических рекомендаций обеспечит «единство применяемого подхода к расчету показателей, на основе которых решается вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности» и исключит «субъективность заключения эксперта, что недопустимо в рамках уголовного судопроизводства» [13, стр. 326]. Отсутствие субъективности в заключении облегчит для честных экспертов решение участия в том или ином уголовном деле, так как уже не будет возможности влияния на них со стороны преступников, что немаловажно для Ирака (если каким-либо образом раскроется анонимность экономического эксперта по судебному делу).

Таким образом, обеспечению экономической безопасности страны, посредством борьбы с криминализацией экономических отношений, раскрытия или даже предотвращения экономических преступлений, способствует, на наш взгляд, развитие экспертной деятельности через увеличение профильных дисциплин и тренингов в высшем экономическом образовании, разработку методических рекомендаций по производству судебных экономических экспертиз, а также участие экспертов в тематических международных научно-практических конференциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордиенко Д.В. Основы экономической безопасности государства. Аналитический доклад. Москва, 2009. 38с. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://csef.ru/media/articles/963/963.pdf> (дата обращения 27.01.2020).
2. Словарь банковских терминов [Эл. ресурс]. – Режим доступа: https://www.banki.ru/wikibank/otmyivanie_deneg/ (дата обращения 27.01.2020)
3. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003. С. 763
4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 26.07.2019) [Эл. ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 27.01.2020).
5. Кочои С.М., Хасан Х.А. Борьба с терроризмом в Ираке: законодательство и

- практика // Всероссийский криминологический журнал. Т. 13. № 1. 2019. С. 94-102.
6. 6. Джамиль Рави Низар Судебный учет и его связь с финансовыми преступлениями // Дар аль-Айям, Амман, Иордания, 2018.
[مايالاراد ، فيلالاملارئارجلاب اهتلصو فيئاضقلا تفساحملا : رازن يفار ، ليمج ، 2018 ، ندرال ، نامع]
7. Отчет ФАТФ «Финансирование террористической организации Исламское государство» [Эл. ресурс] – Режим доступа: <http://www.fatf-gafi.org/> (дата обращения 28.01.2020).
8. Закон Республики Ирак «О борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма» № 39 [Эл. ресурс] – Режим доступа: https://cdn-cms.f-static.net/uploads/829489/normal_5a9bd1165c96f.pdf.
[عئاقولا ؤلجم ، 2015 ؤنسل 39 مقر ، بامرال ليومتو لاومال ليلسغ ؤحفاكم نوناق]
[4387 ددعلا - فيقارعلا]
9. Инструкции и Положения о контроле Центрального банка Ирака на 2016 год [Эл. ресурс] – Режим доступа: <https://cbi.iq/static/uploads/up/file-150079544562212.pdf> (дата обращения 28.01.2020).
10. Аль-Джалили, Мукдад Ахмад Судебный учет и его применение в Ираке // Журнал развития Рафидайна, Университет Мосула, Факультет менеджмента и экономики, 2012.
[ؤلجم ، قارعلا يف اوقيبطت فينالكمل او فيئاضقلا تفساحملا : دمحاداقم ، ليلجلال]
[2012 ، 34 دلجم ، 107 ددعلا ، داصتقال او ؤرادال فيلك ، لصوملا ؤمجاج ، نيدفارلا فيمنت]
11. Хафаджи и Тиаб, Али Аббас Карим и Саджад Амер Необходимость судебного учета при вынесении судебных решений и его применение в иракской среде // Университет Кадисия, Ирак, 2018.
[تفساحملا لىل ؤعاحلا لىدم : رماع داجسو ميرك سابع ليع ، باينو جافخلا]
[فيئابل يف اوقيبطت فينالكمل لىدمو - فيئاضقلا مكحال زيزعت يف فيئاضقلا]
[2018 ، قارعلا ، فيسداقلا ؤمجاج ، فيقارعلا]
12. Алсаег Б.А. Судебная экономическая экспертиза в Ираке: состояние и перспективы развития / Б.А. Алсаег, Н.Д. Рафи, Н.В. Зылёва // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов междунар. научн. конф. – ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2019. С. 60-64.
13. Руф Ю.Н., Шурганова Е.А. Проблемы производства судебной экономической экспертизы // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов междунар. научн. конф. – ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2019. С. 323-328.

Development of expert activity as one of the directions for ensuring the economic security of the Republic of Iraq

B.A. Alsaeg¹, N.V. Zyleva²

¹Mosul University (Iraq, Mosul),

*²Tyumen State University (Russia, Tyumen),
belalamjad@yahoo.com, n.v.zylyova@utmn.ru*

The economic security of the state can be considered as the efficiency of using all its resources to maintain control over them and prevent possible threats to stable functioning. Economic crimes lead to the loss of control over the most important resource - financial, which means that it is in the interests of the state to reduce the number of these crimes, including through punishment of those responsible. In the Republic of Iraq, the death penalty is envisaged for economic crimes related to money laundering and terrorist financing, which undoubtedly imposes a huge responsibility on all participants in the process. According to the authors, the responsibility assigned to a forensic economic expert taking part in a criminal case on money laundering for the financing of terrorism should be justified by professional education, the opportunity to participate in thematic international scientific and practical conferences, as well as the development of guidelines for the production of forensic economic examinations, removing experts from the subjectivity of their assessment. The development of economic expert activities will increase the effectiveness of protecting the national economy of Iraq, which the current law "On Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism" is not coping with at the moment.

Keywords: money laundering, economic security of the country, economic expertise, expert, forensic economic expertise, forensic accounting.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

О.Ю. Антонов

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
(Россия, Москва)
antonov@udm.ru*

Рассмотрена практика работы Следственного комитета Российской Федерации по проведению информационно-аналитических исследований. Определен оптимальный порядок использования сведущим лицом методов и аппаратно-программных комплексов в ходе анализа соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также иной цифровой информации (больших данных). Предложено проведение данного анализа в рамках следственного осмотра. Определено современное состояние и перспективы развития информационно-аналитической или информационно-компьютерной экспертизы (данных).

Ключевые слова: анализ соединений между абонентами, большие данные, информационно-аналитическая экспертиза, следственный осмотр.

По мнению руководителя Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации (далее

– ГУК (КЦ) СК России) 3.3. Ложиса, «особое влияние на расследование преступлений стали оказывать так называемые большие данные (Big Data) – огромные объемы структурированной и неструктурированной компьютерной информации, создаваемые как цифровыми устройствами, так и человеком при использовании таких устройств. Следователи-криминалисты и следователи активно используют при расследовании преступлений информационно-аналитические исследования, в том числе при анализе Интернет-ресурсов, что позволяет эффективно противостоять вызовам современного преступного мира» [1, стр. 388]. Одним из самых распространенных видов таких исследований, по которому ежегодно фиксируется неуклонный рост нагрузки в работе является анализ информации об абонентах, абонентских устройствах и их соединениях [2, стр. 639].

В практике работы Следственного комитета Российской Федерации имеется два подхода к аналитической работе с электронными носителями информации: проведение по поручению следователя следственного осмотра или по запросу следователя (руководителя следственного органа) «исследования» следователями-криминалистами либо лицами, находящимися на должности эксперта, а также производство последними так называемой «информационно-аналитической экспертизы». В связи с этим, возникает вопрос: какая именно форма использования специальных знаний в области радиоэлектроники и компьютерной техники должна применяться с учетом современного научного обеспечения и используемых методов и технических средств?

В первую очередь рассмотрим возможность производства информационно-аналитической судебной экспертизы, как наиболее оптимальной формы использования специальных знаний, признаваемой судами в качестве доказательств. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам и дополнениям к ним на приговор Новосибирского областного суда от 23 октября 2014 года, оставила его без изменения, апелляционные жалобы – без удовлетворения, ссылаясь на исследованное в суде доказательство – заключение эксперта по результатам информационно-аналитической экспертизы от 07 августа 2013 года, согласно которому в период с 20 по 28 февраля 2013 года Попов С.В., Моссаренко В.В., Абрамов С.А. и другое лицо неоднократно связывались между собой по телефонам (т. 5, л.д. 1-5) [3].

Однако упоминания о таком виде судебных экспертиз за рубежом, где она называется криминалистической экспертизой телефонных записей (TRFS) [4], и в России единичны. Так, в российской научной электронной библиотеке eLIBRARY имеется только публикация М.А. Гудковой, по мнению которой «экспертные задачи по исследованию массивов цифровой информации с использованием общей методики и принципов проведения криминалистического исследования в настоящее время выделены в отдельное направление – направ-

ление информационно-аналитических экспертиз и исследований», а «в качестве объектов исследования эксперту предоставляются данные в виде файлов электронных таблиц» [5, стр. 156], то есть вышеуказанные большие данные.

Для решения вопроса о формировании нового вида судебных экспертиз – информационно-аналитической экспертизы – первоначально рассмотрим методы, применяющиеся в ходе проведения анализа соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также иной цифровой информации большого объема.

По мнению А.А. Бессонова, «общепризнанными методами работы с большими данными, которые могут использоваться для работы с ними и в криминалистике, выступают глубинный анализ или методы класса, краудсорсинг, A/B-тестирование, сетевой анализ, кластерный анализ и анализ выбросов, нейронные сети, Байесовская классификация, метод деревьев решений и некоторые другие... Для использования больших данных в криминалистике требуется их трансформация методами математики и статистики в доступные для интерпретации и использования рабочие криминалистические модели, выводы и решения» [6, стр. 34], реализуемые в настоящее время в различных аппаратно-программных комплексах (далее – АПК) и компьютерных программах.

Действительно, в настоящее время некоторые исследователи конкретизируют указанные методы применительно к специфике отдельных видов преступлений. Например, А.Г. Хабибулин и К.В. Сомик используют метод связанных информационных структур, позволяющий синтезировать отдельные, разрозненные «следы» организации сокрытия доходов от налогообложения и сформировать структуру связей лиц, причастных к финансовым преступлениям [7]. Аналогичные исследования проводятся и за рубежом, например, по проведению криминалистического анализа при разоблачении террористической или организованной преступной деятельности путем формирования новой модели Big Forensic Data Framework, в которой различные технологии программного обеспечения Nadoor и EnCase объединяются в целях содействия более эффективной и действенной обработке больших криминалистических данных [8].

Представляется, что адаптация упомянутых методов для решения частных криминалистических задач наиболее оптимальна именно в рамках соответствующих экспертных методик отдельных видов судебных экспертиз (например, налоговой или финансово-экономической и т.д.). При этом необходимо отметить, что при разработке таких методов возникает ряд сложностей, касающихся не только возможных программных ошибок, но и их соответствия требованиям, предъявляемым судебной экспертологией к экспертным методикам. Так, Е.Г. Белякова справедливо полагает, что использование автоматизированного программного обеспечения финансово-экономической судебной экспертизы осложняется постоянным изменением нормативно-правовой базы

в сфере бухгалтерского учета и, соответственно, форм бухгалтерской отчетности, а также отсутствием единых нормативных показателей среди ученых-экономистов для каждой отрасли экономики [9, стр. 29-30].

Стандартные вышеуказанные методы, использующиеся в первую очередь в ходе анализа информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, на наш взгляд, больше относятся к проведению судебной информационно-компьютерной экспертизы (данных), которая определяется Е.Р. Россинской и Г.П. Шамаевым как поиск, обнаружение, анализ и оценка информации, подготовленной пользователем или порожденной (созданной) программами для организации информационных процессов в компьютерной системе [10, стр. 323].

Однако, данный вид компьютерно-технической экспертизы пока недостаточно разработан, поскольку с учетом этапов формирования новых родов и видов судебных экспертиз, сформулированных Н.С. Неретиной [11, стр. 320-322], на это требуется определенный период времени. Поэтому говорить о появлении нового вида судебных экспертиз – информационно-аналитической экспертизы, по нашему мнению, пока преждевременно, хотя разработка этого самостоятельного вида экспертиз или в качестве направления информационно-компьютерной экспертизы (данных) представляется давно назревшей задачей криминалистики в рамках новой отрасли криминалистической техники – криминалистическое исследование компьютерных средств и систем [10] или теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [12].

В связи с отсутствием необходимого научно-методического обеспечения указанного вида судебной экспертизы в настоящее время использование вышеперечисленных методов осуществляется опосредованно – через различные АПК, для работы с которыми специальных знаний в области информатики и компьютерной техники не требуется, а необходимо обладать лишь навыками работы с их интерфейсом. В тоже время для решения различных криминалистических задач при применении указанных АПК необходимо использование специальных знаний в области базовых принципов построения и функционирования сетей мобильной радиосвязи. В следственных органах СК России такие знания получают в ходе стажировки в ГУК (КЦ) СК России как лицами, находящимися на должностях экспертов, так и следователями-криминалистами.

Поэтому можно согласиться с мнением практика – руководителя экспертно-криминалистического отдела СУ СК России по Иркутской области А.Г. Себякина, что с криминалистическими задачами может успешно справиться сведущее лицо, а назначение судебной экспертизы в целях анализа информации о соединениях между абонентами не обязательно [13]. Еще один практик – старший следователь-криминалист технико-криминалистического управления ГУК (КЦ) СК России П.С. Чирков, описывая результаты по расследованию

преступлений коррупционной направленности, указывает, что с помощью аппаратно-программного комплекса «Сегмент-С» по 5 уголовным делам указанной категории в 2018 году осмотрено (выделено нами) и изучено 49 детализаций телефонных соединений, что в общем объеме составляет более 24,5 млн записей [2, стр. 638]. Третий практик – следователь-криминалист технико-криминалистического управления ГУК (КЦ) СК России А.В. Гончаров описывает этапы исследования цифрового носителя, на каждом из которых применяется своя методика, криминалистическая и специальная техника, используются определённые инновационные технологии и аппаратно-программные комплексы, именно в рамках осмотра или «исследования», а не в ходе производства судебной экспертизы [14, стр. 187-188, 200].

На основании изложенного, полагаем, что использование указанных АПК для анализа цифровой информации необходимо осуществлять в рамках следственного осмотра электронных документов (электронных носителей информации). Проведение данного вида следственного осмотра следователю СК России оптимально поручать опытному следователю-криминалисту, предварительно ознакомив его с материалами уголовного дела и согласовав с ним решаемые в процессе анализа цифровой информации криминалистические задачи с учетом понимания технических возможностей используемых АПК. Если вследствие неопытности как самого следователя, так и следователя-криминалиста сформулировать такие задачи не представляется возможным, то в целях их определения и разрешения данное следственное действие рекомендуется проводить обоим указанным участникам уголовного судопроизводства. В случае наличия в следственном органе лица, занимающего должность эксперта и обладающего необходимыми специальными знаниями, следователь может привлечь его в качестве специалиста для производства данного следственного осмотра.

Рассматривая возможность проведения так называемых «информационно-аналитических исследований», то, по нашему убеждению, они не являются процессуальной формой использования специальных знаний, поэтому не должны применяться в ходе предварительного расследования. На первый взгляд, их результаты можно оформлять заключением специалиста, являющимся доказательством, предусмотренным ч. 3 ст. 80 УПК РФ. Однако в данном случае для дачи суждения сведущему лицу представляются объекты, содержащие цифровую криминалистически значимую информацию, для анализа (а в отдельных случаях и для извлечения) которой необходимо применять аппаратно-программные комплексы, соблюдая основной принцип – неизменность осматриваемого носителя информации или информации. Во-вторых, сама сущность данной деятельности заключается в непосредственном восприятии и анализе цифровой информации на ее носителях с помощью технических средств (аппаратно-программных комплексов), что полностью охватыва-

ется определением следственного осмотра как следственного действия.

Представляется, что предложенные рекомендации о расширении практики анализа цифровой информации именно в ходе следственного осмотра будут способствовать эффективности и сокращению сроков расследования преступлений; а высказанная точка зрения о новом складывающемся виде судебных экспертиз – информационно-аналитической или информационно-компьютерной экспертизе (данных) – позволит более четко выделить ее типовые задачи и разработать не только методические подходы, но и типовые экспертные методики, а в дальнейшем перейти к заключительному этапу формирования этого нового вида судебной экспертизы – разработке ее частной теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ложис З.З. Современное состояние информационного обеспечения расследования преступлений // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2019 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 386-390.
2. Чирков П.С. О практике оценки радиоэлектронной обстановки на месте происшествия, получения и анализа информации об абонентах, абонентских устройствах и их соединениях // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2019 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 636-637.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.02.2015 № 67-АПУ15-3. Приговор: Осужденные-1, 2, 3 - по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ за вымогательство имущества; осужденный-1 - по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство. Определение ВС РФ: Приговор оставлен без изменения // СПС «КонсультантПлюс».
4. Abba, Emmanuel; Aibinu, A. M.; Alhassan, J. K. Development of multiple mobile networks call detailed records and its forensic analysis // Digital Communications and Networks. Volume 5, Issue 4, November 2019, Pages 256-265. <https://doi.org/10.1016/j.dcan.2019.10.005>.
5. Гудкова М.А. Актуальные вопросы информационно-аналитических исследований // Расследование преступлений. Проблемы и пути их решения. 2018. № 3. С. 155-160.
6. Бессонов А.А. «Большие данные» (big data) на службе криминалистической науки и практики // В книге: Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности. Материалы

- научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2019. С. 31-37.
7. Хабибулин А.Г., Сомик К.В. Методика информационно-аналитического обеспечения финансовых расследований // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 127-134.
 8. Sachdev, Hitesh; wimmer, hayden; Chen, Lei; and Rebman, Carl (2018) «A New Framework for Securing, Extracting and Analyzing Big Forensic Data,» Journal of Digital Forensics, Security and Law: Vol. 13 : No. 2, Article 6. DOI: <https://doi.org/10.15394/jdfsl.2018.1419>.
 9. Белякова Е.Г. Об особенностях использования цифровых технологий при производстве судебных финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц // В книге: Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности. Материалы научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2019. С. 28-31.
 10. Россинская Е.Р., Шамаев Г.П. Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как новый раздел криминалистической техники // В сборнике: Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: Материалы международной научно-практической конференции. А.А. Протасевич (отв. ред.). 2014. С. 317-327.
 11. Неретина Н.С. Учение о формировании новых родов и видов судебных экспертиз в трудах Е.Р. Россинской // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е.Р. Россинской. К юбилею ученого, эксперта, педагога: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Проспект, 2019. С. 318-322.
 12. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности как основа инновационного развития криминалистической техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2019 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 479-483.
 13. Себякин А.Г. Анализ информации о соединениях между абонентами, использование его результатов в раскрытии и расследовании преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2018. № 4. С. 29-38. DOI: 10.25136/2409-7810.2018.4.27992 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27992.
 14. Гончаров А.В. Использование возможностей современных инновационных

технологий при исследовании цифровых устройств мобильной связи и компьютерных носителей информации при расследовании преступлений // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2019 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 186-201.

INTERNATIONAL AND NATIONAL TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INFORMATION AND ANALYTICAL OR INFORMATION COMPUTER EXPERTISE (TELEPHONE RECORD FORENSICS SYSTEM)

O.Y. Antonov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Russia, Moscow) antonov@udm.ru

The practice of work of the Investigative Committee of the Russian Federation on conducting information and analytical research is considered. In the course of analysis of connections between subscribers and/or subscriber devices (call detailed records), as well as other digital information (big data), the optimal order of use of methods by a knowledgeable person is determined. It is proposed to carry out this analysis as part of the investigatory examination. The current state and prospects of development of information and analytical or information computer expertise (data) (Telephone Record Forensics System) are determined.

Keywords: analysis of connections between subscribers (call detailed records), big data, information and analytical computer expertise (Telephone Record Forensics System), investigatory examination.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРАВОВЫХ АКТОВ

А.Ю. Афанасьев

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
aafnsv@gmail.com*

В статье анализируется институт антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. Предлагаются новые подходы к предмету данной экспертизы и методике ее проведения. Раскрываются этапы проведения антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, правовой акт, коррупциогенные факторы, коррупциогенные нормы, причины и условия совершения преступления, судебная экспертиза

На сегодняшний день антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов проводится на основании федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [1] и постановления Правительства РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых

актов» [2]. Указанные документы определяют общие положения и порядок производства антикоррупционной экспертизы.

Также ими же определяется и предмет антикоррупционных экспертиз: Федеральные законы, и подзаконные нормативно-правовые акты (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ), и нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, а также проекты Федеральных законов и проекты изменений к этим законам. Несмотря на обширность предложенного списка, зачастую имеющаяся практика показывает, что данная экспертиза, главным образом, направлена на проекты правовых актов. Проведенные экспертизы и заключения по ним демонстрируют наличие коррупциогенных факторов в проектах Федеральных законов [3], постановлений Правительства РФ [4], ведомственных приказов [5]. При этом практически не затрагиваются уже действующие правовые акты, которые ежедневно применяются и могут образовывать коррупционный риск.

Одной из основных причин такой ситуации, наряду с иными не менее существенными, можно считать, отсутствие на законодательном уровне надлежащей методики проведения антикоррупционной экспертизы. «Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», утвержденная постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96, несмотря на наименование, не содержит соответствующей методики, в ней приводятся лишь виды коррупциогенных факторов нормативно-правовых актов. На несовершенство антикоррупционного законодательства указывалось различными авторами [6; 7; 8; 9; 10].

Разумеется, имеются методики, принятые отдельными ведомствами для регулирования определенных сфер правоотношений, которые отличаются, с одной стороны, подробным описанием процедур, с другой – учетом мероприятий по выявлению коррупционных рисков [11; 12]. Однако они также не носят комплексного характера.

Полагаем, что организация антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов должна предполагать наличие базовой методики, на которой должны строиться подробные методические рекомендации по проведению такой антикоррупционной экспертизы, но уже относительно правовых актов и их проектов, регулирующих уже конкретные сферы правоотношений. На наш взгляд, базовая методика проведения антикоррупционной экспертизы должна быть представлена следующими этапами:

- 1) выявление коррупциогенных факторов;
- 2) оценка коррупционного риска;
- 3) снижение коррупционного риска.

ВЫЯВЛЕНИЕ КОРРУПЦИОГЕННЫХ ФАКТОРОВ

Данный этап предполагает обнаружение в тексте правового акта признаков коррупциогенности, которые могут говорить о наличии коррупциогенного фактора. Как уже было отмечено, виды коррупциогенных факторов приведены в законодательной методике. От них и исходят признаки коррупциогенных факторов. Признаки могут быть как общие, которые можно обнаружить во всех правовых актах, и специальные, характерные лишь для правовых актов, регулирующих конкретную сферу правоотношений. Наиболее часто встречающимися признаками, по которым можно распознать коррупциогенный фактор, являются неопределенные, двусмысленные формулировки, представляющие свободу распоряжения правами. Их принято именовать диспозитивными. Очевидно, диспозитивность должна пониматься шире, чем неопределенные формулировки (например, «наличие **достаточных** данных», «**существенные** нарушения» и т.д.). В эту же группу следует отнести положения правового акта, строящиеся по принципу «усмотрение-решение» (например, формулировки «**вправе**», «**имеет право**», «**может**» и т.д.), а также представляющие неограниченную возможность выбора при реализации функций (например, дискреционные полномочия).

Обобщенно диспозитивность можно характеризовать в виде следующих свойств:

- возможность свободно распорядится правами, т.е. реализовать свои полномочия путем принятия решений;
- неопределенность порядка, установленного ею и о незавершенности нормы;
- оставление возможности «доконструирования» с помощью «свободы распоряжения», указанной в самой же норме;
- необходимость восполнения неопределенности путем соглашения между сторонами, по собственному мнению и путем выбора из предложенных вариантов.

Все эти признаки могут образовывать коррупциогенные факторы.

Тем самым, заранее предопределяем, что не все диспозитивные положения могут указывать на наличие коррупциогенного фактора. Также это указывает на то, что у каждого положения, даже при наличии признаков коррупциогенности, может быть разная степень коррупционного риска, то есть риска использования того или иного правового положения для совершения коррупционных правонарушений и преступлений. Следовательно, логически верно далее перейти к этапу оценки коррупционных рисков, образуемых обнаруженными коррупциогенными факторами.

ОЦЕНКА КОРРУПЦИОННОГО РИСКА

Вероятно, данный этап наиболее сложный в базовой методике антикоррупционной экспертизы. Именно в рамках оценки коррупционного риска требует-

ся установить степень коррупционного риска, образуемого тем или иным положением правового акта. От этого этапа зависит дальнейшая работа с правовым актом – внесение изменений либо устранение коррупциогенной нормы. В этой связи возникает необходимость разграничения степеней коррупционного риска, где каждая из них содержит разную вероятность проявления коррупции (от наименьшей до наивысшей). Могут быть предложены минимальная, низкая, средняя и высокая степени коррупциогенных рисков. В тоже время важно разработать критерии для оценки коррупционного риска, то есть то, что нам позволит относить коррупциогенные факторы к разным степеням коррупциогенности. Для определения степени коррупционного риска требуется установить вероятностную связь между коррупционным преступлением (правонарушением) и применяемой коррупциогенной нормой. Частота применения при совершении коррупционного деяния той или иной коррупциогенной нормы будет свидетельствовать о различной степени коррупционного риска. Наилучшим образом такие связи представляется возможным установить при помощи методов статистического многомерного анализа, а именно кластерного анализа норм путем многомерных наблюдений случаев совершения коррупционных правонарушений (преступлений).

Кластерный анализ позволяет не только оценить коррупционные риски правовых норм, но и построить иерархическую систему данных норм.

СНИЖЕНИЕ КОРРУПЦИОННОГО РИСКА

Указанный этап исходит от результатов оценки коррупционного риска. Какова степень коррупционного риска – такая и система мер по снижению. Чем выше степень коррупционного риска нормы, тем вероятнее проявление коррупции и тем самым изменение нормы должно быть значительнее, вплоть до ее исключения из правового акта. Каждая степень коррупционного риска предусматривает и свою степень внесения изменений в текст правового акта.

Сформированные по итогам оценки группы норм в зависимости от степени коррупционного риска предполагают свои способы снижения коррупционного риска. Выделяются два способа снижения коррупционных рисков, выбор которых зависит от степени вмешательства в положения норм:

- устранение коррупциогенного фактора нормы путем переконструирования формы и содержания коррупциогенной нормы;
- устранение коррупциогенного фактора нормы вместе с самой коррупциогенной нормой и последующее обустройство правового акта.

Тем самым, в зависимости от степени коррупционных рисков снижение будет производиться следующим образом:

- группы норм с высокой степенью коррупционных рисков требуют устранение коррупциогенных факторов данных норм вместе с самими коррупциогенными нормами;

- группы со средней степенью коррупционных рисков предусматривают устранение коррупциогенного фактора нормы путем переконструирования формы и содержания коррупциогенной нормы;

- группы норм с низкой степенью коррупционных рисков – предполагает изменения коррупциогенной нормы в исключительных случаях;

- группы норм с минимальной степенью коррупционных рисков – изменений не предусматривает.

Разумеется, в приведенной базовой методике могут быть выявлены огрехи. От них не может быть избавлена ни одна известная методика. Однако не имеется и существенных аргументов, способных упрекнуть в ее универсальности. Это исходит от того, что закономерности выявления коррупциогенных факторов, оценки и снижения коррупционных рисков едины для всех видов правовых актов. Имеется лишь специфика по видам коррупциогенных факторов, степени коррупционных рисков образуемых ими в каждом отдельном случае.

Ясно одно, базовая методика необходима. Причем потенциал антикоррупционной экспертизы правовых актов не может быть ограничен правотворческим процессом. Не менее значимым выступает установление возможности использования антикоррупционной экспертизы в правоприменительной деятельности. Например, представление антикоррупционной экспертизы как судебной и следственной процедуры не может не вызвать интереса как с научной, так и с практической точек зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Российская газета. 2009. 22 июля.
2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Российская газета. 2010. 5 марта.
3. Крупский М.А., Гурьев А.А. Заключение на Проект №440058-6 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: <http://vs Corruption.ru/?P=969> (дата обращения 20.01.2020).
4. Ефремов А.А. Заключение на проект постановления Правительства Российской Федерации «Об установлении уровней защищенности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных в зависимости от угроз безопасности этих данных». URL: http://www.minjust-vrn.ru/load_files/218.PDF (дата обращения: 20.01.2020).
5. Полянина М.Б. Заключение на Проект Ведомственного приказа «О внесении

- изменений в Административный регламент предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации, утвержденный приказом ФМС России от 22 апреля 2013 г. № 215». URL: <http://vs Corruption.ru/?P=1000&print=print> (дата обращения 20.01.2020).
6. Лопашенко Н.А. Коррупциогенные факторы: опасная трансформация нормативного толкования // Законность. 2009. № 10. С. 13-19.
 7. Бырдин Е.Н., Воронина Ю.И. К вопросу о коррупциогенных факторах, выявляемых в результате антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). С. 20-26.
 8. Кудашкин А.В., Дмитриев Д.А. К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы в целях повышения ее эффективности // Административное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 87-91.
 9. Дьяконова О.Г. Правовая или антикоррупционная экспертиза? / Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов: сборник научных статей. М.: Проспект, 2010.
 10. Шевердяев С.Н. Формирование основ правового регулирования антикоррупционной экспертизы нормативных актов и вопросы совершенствования официальной методики ее проведения // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 20.
 11. Методика проведения мониторинга административного законодательства на предмет выявления коррупционных рисков в сфере миграции. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/803/metod_prov_Monitor.pdf (дата обращения 20.01.2020).
 12. Методические рекомендации по выявлению коррупционных рисков при использовании бюджетных средств, государственного (муниципального) имущества. URL: http://www.sprt.ru/files/m_kor_risk.pdf (дата обращения 20.01.2020).

Anti-corruption examination of legal acts

A.Yu. Afanasjev

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)
aafnsv@gmail.com*

The article analyses the institution of anti-corruption expertise of legal acts and their projects. New approaches to the subject matter of this examination and its methodology are proposed. Stages of anti-corruption examination of legal acts and their projects are disclosed.

Keywords: anti-corruption expertise, legal act, corrupt factors, corrupt norms, reasons and conditions of commission of crime, forensic expertise

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СУДЕБНЫХ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТОВ: МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ

В.Б. Вехов

*Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет) (Россия, Москва)
v-vehov@mail.ru*

В связи с формированием в России цифровой экономики и электронного судопроизводства, активного вовлечения в противоправную деятельность средств и методов компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий правоохранительные органы испытывают острую потребность в квалифицированных специалистах в области судебных компьютерно-технических исследований и экспертиз. В настоящей статье раскрываются особенности подготовки таких экспертов на базе Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (национального исследовательского университета). Показаны межпредметные связи юридических и технических наук, изучаемых студентами.

Ключевые слова: судебная компьютерно-техническая экспертиза, компьютерная экспертиза, электронные следы, электронные доказательства.

Анализ новелл действующего отечественного законодательства, научной юридической литературы, материалов следственной и судебной практики свидетельствует о том, что электронные следы – электронные носители и содержащаяся в их памяти компьютерная информация стали все чаще использоваться в качестве доказательств в уголовном, административном, гражданском и арбитражном процессах. Например, в связи с массовым использованием в уголовном судопроизводстве материальных носителей рассматриваемой категории и содержащейся в их памяти информации УПК России был дополнен нормами, регламентирующими порядок работы с ними [1; 2]. Причем, производство отдельных процессуальных действий закон запрещает производить без участия специалистов в названной отрасли знаний [3, стр. 49-50]. Относительно последней отметим следующее.

В конце XX – начале XXI века стало очевидно, что компетенции инженеров, осуществляющих свою профессиональную деятельность в сфере программного обеспечения, связи, телекоммуникаций, автоматизированных систем управления и защиты информации, уже не могут в полной мере удовлетворить все возрастающие потребности практики правоохранительных органов и судов по обеспечению качественного обнаружения, фиксации, предварительного и судебно-экспертного исследования, хранения и использования электронных следов и доказательств. Одновременно с этим учеными на повестку дня был поднят вопрос о целесообразности разработки криминалистического учения о компьютерной информации и средствах ее обработки, условно названной «электронная криминалистика» [4; 5], а также теории судебной компьютерно-

технической экспертизы, которые находятся в объективной науковедческой связи [6; 7].

Начиная с 2008 года, в рамках федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета) подготовку таких специалистов по очной форме обучения осуществляет единственный в России вуз – Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет). Партнерами реализации учебной программы являются Следственный комитет Российской Федерации, Российский федеральный центр судебных экспертиз при Министерстве юстиции Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центр экспертизы и координации информации» Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [8]. С одной стороны, в соответствии с заключенными договорами эти организации обеспечивают ежегодный целевой набор студентов, прохождение ими практик в период обучения, последующее трудоустройство выпускников, с другой – руководители и высококвалифицированные сотрудники, имеющие соответствующие ученые степени и звания в рассматриваемой отрасли научных знаний, их профильных структурных подразделений участвуют в проведении учебных занятий и государственной итоговой аттестации.

Акцентируем внимание на том, что получаемое студентами образование относится как к области юридических знаний (соответствует научной специальности 12.00.12 – криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность), так и инженерно-технических (информационные технологии). В связи с чем, с учетом специализации изучаемые учебные дисциплины условно подразделяются на:

1) общеобразовательные – история, логика, физическая культура и спорт, иностранный язык, философия, русский язык в деловой документации, основы управления и др.;

2) общие юридические – теория государства и права; международное, конституционное, гражданское, административное, уголовное и трудовое право; право интеллектуальной собственности; гражданский и уголовный процесс; правоохранительные органы; профессиональная этика и служебный этикет и др.;

3) общие технические – основы технических знаний, математика, информатика, основы алгоритмизации и программирования, электротехника, схемотехника телекоммуникационных устройств, базы данных, операционные системы, периферийные устройства, Интернет-технологии; электронные платежные средства и системы;

4) профессиональные юридические – криминалистика; теория судебной

экспертизы; судебная фотография и видеозапись; естественнонаучные методы судебно-экспертных исследований; технико-криминалистическая экспертиза документов; трасология и трасологическая экспертиза; судебная экспертиза веществ, материалов и изделий; участие специалиста в процессуальных действиях;

5) профессиональные специализированные – судебные инженерно-технические экспертизы, судебная компьютерно-техническая экспертиза, компьютерные технологии в экспертной деятельности, методы и средства экспертного исследования компьютерных средств и мобильных устройств.

Для закрепления и совершенствования полученных теоретических знаний, приобретения опыта проведения судебных компьютерно-технических исследований и экспертиз электронных следов, помимо лабораторных работ, начиная со второго курса, учебным планом предусмотрены ознакомительная, профессиональная, научно-исследовательская и преддипломная практики в специализированных экспертно-криминалистических подразделениях правоохранительных органов, научно-исследовательских организаций и учреждений, осуществляющих свою деятельность в области электронной криминалистики и судебных экспертиз. По итогам их прохождения оформляются соответствующие комплекты отчетной документации и осуществляется устная защита полученных результатов.

Обучение специалистов рассматриваемого вида заканчивается сдачей комплексного экзамена по дисциплинам криминалистика, теория судебной экспертизы, судебная компьютерно-техническая экспертиза, а также подготовкой и защитой выпускной квалификационной работы, которая является продолжением научно-исследовательской работы, выполняемой студентами на 4 курсе. Их тематика предусматривает теоретико-прикладные изыскания в области создания новых и совершенствования существующих методических рекомендаций, приемов и технических средств для обнаружения, фиксации, изъятия, предварительного и судебно-экспертного исследования, оценки электронных следов и доказательств.

Вместе с тем, следует признать тот факт, что количество ежегодно выпускаемых названным вузом специалистов рассматриваемого вида не может в полном объеме удовлетворить постоянно возрастающие потребности современной правоприменительной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. М., 2019. 400 с.
2. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. М., 2018. 248 с.
3. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики //

- Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4. С. 46-50.
4. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 561 с.
 5. Вехов В.Б. «Электронная криминалистика»: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. трудов участников Международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 25 мая 2017 г.). РнД, 2017. С. 40-46.
 6. Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 402 с.
 7. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 109-117.
 8. Кафедра «Юриспруденция, интеллектуальная собственность и судебная экспертиза»: официальный сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. – URL: <http://ipf.bmstu.ru>.

Features of the training of forensic computer-technical experts: intersubject communications

V.B. Vekhov

*Bauman Moscow State Technical University (Russia, Moscow)
v-vehov@mail.ru*

In connection with the formation of the digital economy and electronic justice in Russia, the active involvement in the illegal activities of the means and methods of computer and telecommunication technologies, law enforcement agencies are in urgent need of qualified specialists in the field of forensic computer-technical research and examinations. This article reveals the features of the training of such experts on the basis of Bauman Moscow State Technical University. Interdisciplinary connections between legal and technical sciences studied by students are shown.

Keywords: forensic computer-technical examination, computer examination, electronic traces, electronic evidence.

О РОЛИ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

М.М. Виноградова, Н.Н. Бондарь

*Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр
судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации
(Россия, Москва)
economist-expert@rambler.ru*

Борьба с отмыванием доходов, полученных преступным путем, стала трендом современного мира. Одним из звеньев национальной системы противодействия легализации (отмыванию) является институт судебной экспертизы. Проведение экономических исследований может оказать существенную помощь в расследовании уголовных дел, возбужденных по статьям 174 и 174.1 УК РФ.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза; легализация (отмывание денег); преступление.

Отмывание доходов, полученных преступным путем, в англоязычной традиции «money laundering», в настоящее время является общемировой проблемой, поскольку за последние десятилетия ускоренное развитие финансовых рынков, появление и распространение новых финансовых инструментов, совершенствование и доступность коммуникационных и информационных технологий превратило финансовое пространство отдельных стран и союзов, наднациональных объединений в глобальную и разветвленную систему [1].

Отмывание денег как понятие имеет различные определения, но все они сводятся к тому, что это деятельность, осуществляемая преступниками или связанными с ними лицами с целью сокрытия или маскировки преступной деятельности и происхождения преступных доходов. Для достижения таких целей используются различные финансовые операции, продукты и институты.

Как правило, процесс отмывания денег включает три характерных этапа, условно называемых «размещение», «разделение», «вложение» (в англоязычной традиции «placement», «layering», «integration») [2].

Размещение представляет собой начальную стадию, когда преступные денежные средства пытаются легализовать, например, посредством внесения вклада в банк или использования предприятий с интенсивными финансовыми потоками, что дает возможность смешать «грязные» деньги с деньгами, полученными от обычной (законной) деятельности, без привлечения особого внимания к общему объему оборота, то есть придавая им вид правомерно полученного дохода.

Далее, на этапе «разделения», стараются скрыть следы, которые могли бы вывести потенциальных контролеров, проверяющие и надзирающие финансовые органы на истинное происхождение таких денег. Для этого задействуют

различные финансовые продукты, представленные в современной экономике.

Практически на двух первых этапах денежные средства, полученные от незаконных операций, приобретают вид легальных, то есть их уже можно назвать «отмытыми».

В завершение отмытые средства вкладывают в приобретение легальных активов (легальный бизнес), чтобы в дальнейшем получать доходы в рамках законных экономических операций. К последним можно отнести инвестирование, кредитование, покупку различных материальных благ и т.п. В других случаях денежные средства могут быть использованы для финансирования дальнейшей преступной деятельности и терроризма.

В любом случае, как бы такие денежные средства не использовались, они наносят огромный вред как экономикам государств, так и мировой безопасности. Поэтому мировому сообществу в целом и каждой стране в отдельности необходимо предпринимать всевозможные меры по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, и защите законопослушного бизнеса.

Разные страны в разное время столкнулись с острой необходимостью законодательного регулирования финансового пространства, финансовых и имущественных отношений для предотвращения и пресечения преступных действий, направленных не только на извлечение доходов из противоправной деятельности, но и на придание таким доходам правомерного вида, введение их в легальную экономику для дальнейшего извлечения прибыли или на финансирование незаконных мероприятий и террористических организаций. При этом законодателю приходится учитывать то, что законодательные меры не должны препятствовать развитию экономики в целом, снижать ее инвестиционную привлекательность, ограничивать предпринимательскую инициативу.

На самом высоком международном наднациональном уровне (на уровне Организации Объединенных Наций (ООН), Совета Европы и др.) внимание к этому вопросу было привлечено в конце прошлого века, когда 19 декабря 1988 года в Вене была принята Конвенция «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ». Этот документ по сути заложил основы процесса противодействия отмытию доходов от преступной деятельности, то есть легализации и выпуска в свободный оборот так называемых «грязных денег». В 1990 году наша страна (тогда еще Союз Советских Социалистических Республик) ратифицировала Венскую конвенцию, а в 1999 году подписала Страсбургскую конвенцию 1990-го года «Об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности».

В 1989 году лидерами стран «Большой семерки» (Великобритания, Канада, США, Италия, Германия, Франция, Япония) было принято решение о создании Международной финансовой комиссии по проблемам отмытия денег – FATF

(Financial Action Task Force on Money Laundering). В настоящее время ФАТФ – это межправительственный орган, состоящий из 34 членов, который несет основную ответственность за разработку мировых стандартов и рекомендаций в области противодействия легализации преступных доходов (anti-money laundering (AML)), в том числе разработке и совершенствованию законодательства в данной сфере.

Хотя Россию утвердили членом ФАТФ еще в 2003 году, а нормы уголовной ответственности за отмывание преступных доходов, то есть за совершение любых сделок с имуществом, приобретенным незаконным путем, за использование такого имущества в предпринимательской и иной экономической деятельности, были закреплены в Уголовном кодексе Российской Федерации 1997 года (статья 174), различные международные комиссии, проверяющие состояние «антиотмывочного» законодательства, его эффективность и исполняемость, в своих отчетах констатируют недостаточность усилий нашей страны в реализации мероприятий по противодействию отмыванию преступных денег.

В настоящее время Российская Федерация продолжает предпринимать активные меры, чтобы исправить недостатки в системах противодействия отмыванию денег, ввести в свое уголовное, гражданское, административное законодательство общепризнанные нормы и принципы международного права, отрегулировать положения финансового, налогового, банковского права.

Так, одним из основных законодательных актов является Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ, согласно которому под легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, понимают «придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления» (статья 3). Тогда же, в 2001 году, УК РФ был дополнен статьей 174.1, определяющей в качестве преступного деяния «совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным лицом в результате совершения им преступления», причем в современной редакции данной статьи уточнено, что такие сделки совершаются «в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом»; приняты многочисленные правовые акты. Последовательно регулируется национальная платежная система – для усиления мер по противодействию легализации «грязных» денег, предотвращению проникновения преступных доходов в кредитную организацию и размещения их на счетах, установления конечных бенефициаров, выгодоприобретателей, выявления необычных сделок с признаками возможного осуществления легализации (отмывания), периодически вносятся изменения в Положение Банка Рос-

сии от 02.03.2012 г. №375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 07.07.2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» дал разъяснение по вопросам, возникающим у судов при рассмотрении уголовных дел по статьям 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» УК РФ.

Длительное наличие соответствующих статей в УК РФ позволяет говорить о сложившейся правоприменительной практике по делам о легализации. Однако ее изучение показывает, что ведение таких дел вызывает много сложностей.

Так, в опубликованном в журнале «Московский Юрист» № 3 (4) 2011 Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, предусмотренных главой 22 УК РФ, подготовленном Прокуратурой города Москвы на основании статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, констатируется, что дел по данным статьям рассматривалось немного, в суд они направлялись в качестве дополнительной квалификации, в ряде случаев по данным статьям дела прекращались или обвиняемые оправдывались [3]. Авторы Обзора поясняют, что это происходило по разным причинам, в числе которых можно назвать отсутствие доказательств, подтверждающих совершение финансовых операций и иных сделок с целью придания законного вида «грязным» деньгам или имуществу. Например, если не представлено доказательств, что денежные средства, являющиеся предметом преступления, поступили на расчетный счет конкретного лица именно для последующего придания им вида законного дохода, то такие финансовые операции не могут квалифицироваться по ст. 174 или 174.1 УК РФ, равно как и в том случае, если обвиняемый не выполнил никаких действий для придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению такими деньгами. Действия по распоряжению похищенным имуществом также не могут быть расценены как легализация.

Верховный Суд Чувашской Республики в Обзоре за 2007–2008 годы судебной практики рассмотрения дел по легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученного преступным путем, констатировал существенную активизацию дел данной категории с одновременным ростом недопонимания роли и значения данных статей и «неверной трактовкой раз-

ных понятий». Вследствие наличия существенных разночтений и недостатков уголовные дела в части обвинений по ст. 174 и 174.1 УК РФ прекращались «в виду отказа государственного обвинителя от обвинения» и «отсутствия в действиях обвиняемого состава преступления» [4].

Прокуратура Красноярского края, рассматривая в 2015 году вопросы квалификации деяний по ст. 174 и 174.1 УК РФ, также констатирует частое ошибочное применение данных статей обвинением и последующие прекращение уголовных дел по ним или отмену приговоров высшими судебными инстанциями [5].

Большинство уголовных дел, сопряженных со ст. 174 и 174.1 УК РФ, являются делами экономической направленности, а значит, по ним могут быть назначены и проведены судебные экономические экспертизы. Исследованию могут быть подвергнуты финансовые операции, то есть любые операции с денежными средствами (наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или размен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т.п.), а также иные действия физических и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение связанных с денежными средствами или иным имуществом гражданских прав и обязанностей.

Проведение таких экспертиз в полной мере отвечает Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденной Президентом РФ 30.05.2018 г. Согласно положениям данной Концепции, в частности пп. «г» п. 10, предусматривающего «совершенствование деятельности государственных судебно-экспертных учреждений (подразделений) в целях эффективности экспертного сопровождения при расследовании и рассмотрении уголовных дел, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, коррупцией и финансированием терроризма», государственные судебно-экспертные учреждения участвуют в работе национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Таким образом, проведение экспертиз может явиться одним из эффективных способов противодействия легализации.

Следует отметить, что в настоящее время экспертная практика по уголовным делам, возбужденным по ст. 174 и 174.1 УК РФ, исключительно немногочисленна и какие-либо методические рекомендации по данному направлению еще не выработаны. Однако экономическая экспертиза (бухгалтерская, финансовая, кредитная и др.) характеризуется тем, что эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями в области экономики, – применяя традиционные универсальные методы исследования, присущие данному классу судебных экспертиз, может выполнить исследование и ответить на поставленные правоохрани-

менителем вопросы. При этом он основывается на законах логики, бухгалтерского учета, положениях других профильных наук и проводит исследование вне зависимости от того, по какой статье Уголовного кодекса РФ возбуждено дело и проводится экспертиза.

Лицу, назначающему экспертизу по данной категории дел, равно как и в других случаях, важно понимать пределы компетенции судебного эксперта-экономиста. Последний вправе отвечать только на вопросы, касающиеся экономической стороны события, установления размера поступивших сумм, источников их поступления, направления расходования и т.д., но не может, например, дать характеристику совокупности финансовых операций по перечислению денежных средств на различные счета, различным получателям как целенаправленных действий для придания вида правомерного владения или распоряжения имуществом, равно как и делать вывод о неправомерности способа завладения таким имуществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Combating money laundering and the financing of terrorism: a comprehensive training guide. – Washington D.C.: World Bank, 2009. – <http://documents.worldbank.org/curated/en/128301468151775694/combating-the-financing-of-terrorism>.
2. Golden Thomas W., Skalak Steven L., Clayton Mona M. A Guide to Forensic Accounting Investigation. Second Edition. Pricewaterhouse Coopers. – John Wiley & Sons, INC., 2011. – <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781119200048>.
3. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, предусмотренных главой 22 УК РФ // «Московский Юрист» № 3 (4) 2011 С. 105–114.
4. Обзор судебной практики рассмотрения дел, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств. – Официальный сайт Верховного Суда Чувашской Республики: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=47&id=671153.
5. Прокурор разъясняет: Верховный Суд Российской Федерации обобщил судебную практику по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. – Официальный сайт Прокуратуры Красноярского края: <http://krasproc.ru/explain/13428>.

On the role of forensic economic expertise in countering the legalization (laundering) of proceeds from crime

M.M. Vinogradova, N.N. Bondar'

*The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Russia, Moscow)
economist-expert@rambler.ru*

The fight against the laundering of proceeds from crime has become a trend in the modern world. One of the links in the national system of combating legalization (laundering) is the institution of forensic examination. Conducting economic research can provide significant assistance in the investigation of criminal cases brought under articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Forensic Economic Expertise; legalization (money laundering); the crime.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКОГО, МЕТОДИЧЕСКОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОТЫ СО СЛЕДАМИ РУК НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

В.В. Воронин¹, Е.Ю. Говоркова², П.В. Петров¹

¹ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

*²ООО Экспертно-консультационный центр «Независимая экспертиза»
vadimvoronin74@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы реализации задач противодействия преступности методами дактилоскопии на основе совершенствования организационно-тактического, методического и технического обеспечения работы со следами рук на месте происшествия. Повышения эффективности получения необходимых знаний в области поиска, обнаружения, фиксации и изъятия следов рук, внедрения новейших технических комплексов и цифровых технологий, поиск решений возникающих при этом проблем и оценка перспектив развития.

Ключевые слова: дактилоскопия, методика, специалист, судебная экспертиза, осмотр, следы, фиксация, эксперт.

Эффективность деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью неразрывным образом связана с активным использованием как существующих, так и вновь внедряемых криминалистических средств и методов, позволяющих получить необходимую информацию, связанную с преступлением и личностью преступника, среди которых дактилоскопические методы и технические средства занимают ключевое положение. Это обусловлено хорошо выраженной индивидуальностью и неизменяемостью рисунков папиллярных линий, значительной проработанностью приемов и способов обнаружения, фиксации и изъятия, а методы исследования отличаются надежностью получаемых результатов. Достаточно редко преступления совершаются без того, чтобы преступник не прикоснулся к какому-либо предмету и не оставил бы

на нем следов рук. Очевидно, что дактилоскопические следы остаются весьма распространенными следами, изымаемыми с осмотров мест происшествий, вследствие этого их поиску и выявлению придается особое значение. Эффективность мероприятий по обнаружению дактилоскопических следов зависит от тщательности, целеустремленности и планомерности процесса осмотра, высокой квалификации его участников, оснащения специалистов современным арсеналом соответствующих технических средств.

Несмотря на особую роль объектов дактилоскопических исследований в раскрытии и расследовании преступлений, в практической деятельности правоохранительных органов нередко случаи изъятия с места происшествия следов рук, обладающих низкой информативностью, либо вовсе не пригодных для целей идентификации. Причиной этому является наличие факторов объективного и субъективного характера. К первым, прежде всего, относятся – механизм следообразования, состояние кожных покровов лица оставившего след, характер следовоспринимающей поверхности, давность образования следов, условия в которых они находились и других. К субъективным факторам следует отнести недостаточную профессиональную подготовку участников осмотра места происшествия, неполную укомплектованность квалифицированными кадрами, слабый уровень технической оснащенности.

Следует отметить, что в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации ведется работа по обучению сотрудников деятельности, направленной на качественный поиск и дальнейшую работу со следами и объектами, несущими криминалистически значимую информацию. В структуре министерства существует развитая сеть ведомственных учебных заведений, в действующих подразделениях функционирует институт наставничества. Поступившие на службу сотрудники в обязательном порядке проходят первоначальную подготовку, а в экспертных подразделениях молодые сотрудники в обязательном порядке должны пройти подготовку по производству осмотра места происшествия. Вместе с тем, по нашему мнению, для повышения эффективности получения необходимых знаний, связанных с осмотром места происшествия, возможно разработать и внедрить в систему высшего профессионального образования подготовки юристов уголовно-правовой специализации отдельный курс. Данный специализированный курс должен способствовать получению обучающимися комплекса теоретических знаний и практических навыков организационно-тактических и методических особенностей осмотра места происшествия, в том числе получению навыков работы со следами рук, грамотному и умелому использованию необходимых технических средств. Изучение курса позволило бы улучшить качество подготовки специалистов, поступающих на службу в правоохранительные органы, в частности в следственный аппарат и органы дознания, получивших соответствующее образо-

вание вне ведомственных высших учебных заведений. Это, в свою очередь, позволило бы повысить эффективность осмотра места происшествия в условиях неполного состава следственно-оперативной группы, когда, в силу объективных причин, специалист экспертно-криминалистического подразделения отсутствует и вся работа, связанная с поиском, выявлением и изъятием следов на месте происшествия ложится на следователя или дознавателя, а в некоторых случаях и на участкового уполномоченного.

Немаловажным фактором, влияющим на качество работы со следами рук на месте происшествия, как нами отмечалось ранее, является оснащенность участников следственно-оперативной группы необходимыми техническими средствами. В настоящее время далеко не во всех районных органах внутренних дел ситуация с укомплектованностью современной криминалистической техникой находится на должном уровне. Зачастую выезд на осмотр места происшествия осуществляется на служебном транспорте, не приспособленном для этой цели, а из криминалистического оборудования используется только унифицированный чемодан. Улучшению ситуации, на наш взгляд, способствовало бы обеспечение дежурных частей районных органов внутренних дел передвижными технико-криминалистическими лабораториями для выездов на место происшествия следственно-оперативных групп. Мобильная лаборатория должна быть укомплектована необходимой современной криминалистической техникой, позволяющей качественно осуществлять поиск, выявление, фиксацию и предварительное исследование следов на месте происшествия. Для эффективной работы с потожировыми следами рук в лабораторный комплекс могут быть включены технические средства, вещества и материалы, позволяющие выявлять и закреплять, оставленные следы данной природы, используя различные комбинации физических, физико-химических, химических и других методов их выявления. Для решения поисковых задач и в целях фиксации дактилоскопических следов и, в целом, других следов биологического происхождения целесообразно укомплектовать передвижную криминалистическую лабораторию комплексом приборов ультрафиолетового и инфракрасного излучения в различном техническом исполнении, с учетом специфики осмотра.

Установление лица, совершившего преступление, во многом зависит от своевременности и полноты осмотра места происшествия, что позволяет оперативно получить криминалистически значимую информацию о предполагаемом преступнике. Информация такого рода может быть получена, в том числе, в результате предварительного исследования выявленных следов рук. Оперативному проведению дактилоскопических исследований, по нашему мнению, способствовало бы активное внедрение в работу следственно-оперативных групп мобильных дактилоскопических комплексов, например, на основе мобильных решений «Папилон», которые включают в себя:

- мобильные комплексы различной функциональности, построенные на базе дактилоскопических сканеров «Папилон» и серийно выпускаемого оборудования;
- интегрированные малогабаритные носимые устройства на базе портативных компьютеров и смартфонов;
- комплект эксперта-криминалиста для съёмки и передачи изображений следов пальцев рук и ладоней в АДИС «Папилон» непосредственно с места преступления.

Комплексы имеют небольшое время подготовки к работе, адаптированы к работе в передвижных лабораториях и обладают такими функциональными возможностями, как:

- создание локальной базы данных дактилоскопических карт и следов пальцев рук и ладоней;
- ввод дактилоскопических карт в базу данных из системы «Живой сканер», с бумажных носителей (планшетный сканер);
- ввод следов пальцев рук и ладоней в базу данных с предметов и поверхностей (цифровой фотоаппарат), с карточек и дактилоскопических плёнок (планшетный сканер);
- проверки дактилокарт и следов по локальной базы данных, просмотр рекомендательных списков;
- передача следов и дактилокарт (в том числе дактилоскопических карт трупов) в центральную АДИС для проверки и занесения в базу данных;
- получение результатов проверок дактилоскопических карт и следов из центральной АДИС;
- удалённый доступ к разрешённым разделам базы данных центральной АДИС, просмотр рекомендательных списков, печать информации;
- передача изображений лица анфас в автоматизированную габитоскопическую систему ПАПИЛОН-Полифейс;
- работа с паспортно-визовыми документами, отвечающими требованиям ICAO Doc 9303;
- верификация предъявителя документа по отпечатку пальца и др.

Таким образом, активное использование многофункциональных мобильных комплексов повышает оперативность обработки и передачи дактилоскопической информации, а также служит повышению результативности проверок по дактилоскопическим учетам, в особенности при раскрытии преступлений «по горячим следам».

Еще одним способом, позволяющим, на наш взгляд, повысить качество работы со следами рук на месте происшествия, как впрочем, и с другими криминалистически значимыми следами, могло бы стать активное внедрение института специалистов-криминалистов. Исторически и уже традиционно

специалистами-криминалистами, считают «лиц, сведущих в таких областях, как дактилоскопия, баллистика, трасология, исследование документов, почерковедение, и владеющих навыками участия в следственных действиях, включая проведение фото и видеосъемки» [1, стр. 223]. На специалистов-криминалистов должны быть возложены задачи, связанные с техническим сопровождением следственных действий, в частности с осмотром места происшествия, участие в оперативно-розыскных мероприятиях, производство предварительных исследований, работа с криминалистическими учетами и коллекциями. Мы считаем, что наиболее целесообразным стало бы введение таких должностей в экспертно-криминалистических подразделениях районных и межрайонных органов внутренних дел, со сложной криминогенной обстановкой в районах. Создание в соответствующих отделах круглосуточно функционирующих групп специалистов-криминалистов способствовало бы оперативности реагирования на поступившие сообщения о совершенных преступлениях, более качественному проведению осмотров мест происшествий, а также дало бы возможность освободить экспертов районных и межрайонных органов внутренних дел от обязанностей, не связанных с производством экспертиз.

Таким образом, решение ряда вопросов организационного, методического и технического характера позволит существенным образом повысить эффективность работы специалистов экспертно-криминалистических подразделений, сотрудников следственных органов и дознания на месте происшествия в целом, и деятельности, связанной с выявлением, фиксацией и изъятием дактилоскопических следов, в частности.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В., Статкус В.Ф. Практическое пособие по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: практич. пособие /– 2-е изд., перераб. и доп.//М.: Издательство Юрайт, 2011. // 174 с. // Серия: Настольная книга специалиста. с. 223.
2. Зинин А.Н. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М.: Проспект, 2013. – 256 с.
3. Технологические основы судебно-экспертной деятельности. Участие специалист в процессуальных и непроцессуальных действиях: Учебно-методическое пособие / Под ред. В.А. Юматова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. – 108 с.

Some issues of organizational, tactical, methodical and technical support of work with traces of hands at the scene

V.V. Voronin¹, E.Y. Govorkova², P.V. Petrov¹

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)

²LLC Expert Consulting Center Independent Expertise

vadimvoronin74@yandex.ru

The article discusses the implementation of the tasks of countering crime by fingerprinting methods, on the basis of improving the organizational, tactical, methodical and technical support of work with traces of hands at the scene. Improving the effectiveness of obtaining the necessary knowledge in the field of finding, detecting, fixing and removing hand marks, introducing the latest technical complexes and digital technologies, finding and solving problems and assessing development prospects.

Keywords: technique, fingerprinting, fixation, expert, specialist, forensics, examination, traces.

СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ СКОТА

В.Э. Гаджиев

*Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета
правосудия (Россия, Иркутск)*

gadjiyev81@mail.ru

В статье предлагается определять необходимость назначения конкретных судебных экспертиз исходя из анализа механизма следообразования краж скота. Автор считает, что при расследовании краж скота должны максимально использоваться возможности экспертных учреждений, что, как следствие, позволит изобличить виновных в совершении преступления и возместить потерпевшим причиненный вред.

Ключевые слова: взаимодействие, кража, расследование, следователь, следы, скот, эксперт, экспертиза.

Содержание скота с давних времен и по настоящее время составляет основу существования и благополучия большинства жителей сельской местности. Однако в современных условиях социально-экономического положения в стране, на фоне безработицы и развития иных различных негативных явлений нередко домашний скот становится предметом тайного хищения. Согласно проведенному опросу, обращаясь за помощью в правоохранительные органы, потерпевшие ожидают от полиции, в первую очередь, возвращения им похищенных животных, а если это невозможно, то возмещение причиненного вреда в полном объеме [1, стр. 197].

Эффективность раскрытия и расследования преступления в значительной степени зависит от успешности взаимодействия следователя с сотрудниками оперативного подразделения, работниками других служб правоохранительных органов, специалистами и экспертами [2, стр. 493]. Важное значение здесь, в

частности, имеют вопросы взаимодействия следователя не только с оперуполномоченным, но и с экспертом при назначении, проведении экспертиз и использовании результатов в ходе расследования. В практической деятельности следователи не всегда в полной мере используют возможности судебной экспертизы, а назначение впервые отдельных видов экспертиз представляет для них, как правило, сложности. В этой связи именно активное взаимодействие следователя с экспертом позволит разрешать возникающие вопросы и получить новые доказательства по уголовному делу.

Наиболее наглядно необходимость в проведении конкретных экспертиз можно увидеть в механизме слеодообразования самого преступления.

Как известно, по источнику происхождения следы подразделяются на следы человека, животных, транспортных средств, орудий, инструментов, механизмов и пр. [3, стр. 134]. На месте преступления могут быть обнаружены окурки, пачки из-под сигарет, следы обуви, бутылки, веревка, части туши (шкура, ноги, голова), внутренние органы животного, дерево, к которому привязывался скот во время отстоя или забоя, следы колес автотранспорта и др. По голове животного можно определить, каким способом был произведен забой, использовалась ли кувалда, огнестрельное или иное оружие. Следы выстрела на пораженных объектах бывают основными и дополнительными. Основными следами выстрела являются повреждения, образуемые пулей или дробью (картечью), независимо от качества пораженных объектов и расстояния выстрела, а дополнительными – изменения, которые возникают на пораженных объектах в результате явлений, сопровождающих выстрел [4, стр. 218].

На основании изложенного в некоторых случаях уместно проводить судебно-ветеринарную экспертизу, ставя перед экспертом вопросы установления причин смерти животных от механических повреждений:

1. Имеются ли на трупе животного (останках) прижизненные повреждения, и если да, то каковы их характер и расположение? Какого вида орудием причинены ранения, имеющиеся на теле (останках) животного (тупым, колющим, режущим и т.д.)?

2. Через какое время после получения повреждений наступила смерть животного? [5, стр. 554].

При наличии факта использования огнестрельного оружия при забое скота проводится судебно-баллистическая экспертиза с постановкой диагностических и идентификационных вопросов, связанных с исследованием оружия, боеприпасов, дроби, пуль, картечи, гильз, пыжей, следов выстрела на пораженных объектах.

При обнаружении предметов, с которыми могли контактировать похитители (сигарета, бутылка, полиэтилен и др.), можно предусмотреть возможность проведения судебно-медицинской молекулярно-генетической экспертизы ве-

ществленных доказательств при установлении лиц, подозреваемых в краже.

Выявления следов пальцев рук на предметах способствуют назначению судебной дактилоскопической экспертизы.

При совершении краж с частного подворья, загонов, ферм часто встречаются следы взлома. Тщательный осмотр взломанных ворот и дверей часто выявляет отпечатки пальцев рук на замке, ручках, дверных накладках, косяках и т.п. Под взломом понимается проникновение с преступной целью в запертое помещение или хранилище посредством вывода из строя запирающего устройства, разрушения стен, пола, потолка или других преград [6, стр. 179]. Для установления инструмента или орудия по его следам, вида, отождествления инструмента или орудия, отдельных обстоятельств события назначается судебно-механоскопическая экспертиза.

Следы автотранспорта очень важны при выявлении и расследовании преступлений, в ходе которых транспортное средство использовалось для прибытия на место преступления, выезда и вывоза похищенного. Судебная транспортно-трасологическая экспертиза по следам ходовой части определит направленность, режим движения, вид, модель автомобиля. При обнаружении автотранспорта возможна его идентификация.

Следы обуви позволяют определить ряд важных обстоятельств, используемых для избличения преступника. По ним можно судить о человеке (его рост, отдельные признаки походки и др.). Кроме следов автотранспорта, на месте происшествия могут быть обнаружены следы животных, изучение которых помогает восстановлению отдельных обстоятельств дела, а иногда и всей картины происшествия. К примеру, отображение следов лошади зависит от ее копыт и/или подков. При движении копыта лошади оставляют следы, по которым возможно определить направление, аллюр (шаг, рысь, галоп), постановку передних и задних ног, а также установить, была ли лошадь подкована и на какие ноги, хромила ли. По отдельным следам копыт можно определить групповую принадлежность и индивидуальное тождество лошади [7, стр. 188].

По следам похищенного скота можно установить место забоя, отстоя, погрузки или направление. «Похищение и забой скота в одном и том же месте дают основания предполагать, что преступления совершаются одной и той же преступной группой» [8, стр. 37]. Выявление следов копыт животных имеет большое криминалистическое значение, поскольку с их помощью возможно проведение судебной трасологической экспертизы следов животных, которая позволит установить конкретное животное, оставившее следы ног на месте происшествия или на пути передвижения преступника; возраст животного, особенности походки, направление, вид и характер его движения; в отдельных случаях – время, когда животное прогоняли по определенной местности [9, стр. 16].

Имеет большое значение знание форм копыт сельскохозяйственных животных. Есть обстоятельство, которое учитывается при движении по их следу. Например, рядом со следами крупного рогатого скота обязательно будут присутствовать следы обуви преступника (преступников). Рядом же со следами лошади такие следы могут быть, а могут и не быть. В последнем случае имеют место следующие обстоятельства: 1) лошадь не обучена верховой езде; 2) лошадь обучена верховой езде, но у вора нет соответствующих навыков; 3) лошадь обучена, но кроме хозяина никого не возит (встречается редко). При исследовании следов ног животных важное значение, наряду с идентификационными, имеют и диагностические задачи. Например, известно, что неуправляемые животные обычно оставляют извилистую дорожку следов, а управляемые - довольно ровную. Этот признак может быть использован для вывода о том, что животное ушло самовольно или его угнали, используя как транспортное средство. Управляемое седоком животное во время остановок обычно топчется на месте, оставляя беспорядочные следы. Поэтому, если с пастбища угнано несколько животных, среди множества следов одинаковых животных можно быстро определить следы верхового животного, управляемого преступником. Они обычно располагаются перпендикулярно к общему направлению следов угоняемых животных. По этому же признаку можно установить, совершена кража одним или несколькими преступниками [9, стр. 16].

С учетом того, что большинство краж домашнего скота совершается в составе преступной и организованной преступной групп, члены которой, обычно, используют для общения аппараты сотовой связи, в ходе расследования уголовного дела могут проводиться мероприятия, связанные с прослушиванием телефонных переговоров (согласно ст. 186 УПК РФ или в соответствии с п. 10 ст. 6 федерального закона № 144-ФЗ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности»). В этом случае возможно проведение судебной фоноскопической экспертизы для установления личности говорящего по признакам записанной на фонограмме речи и голоса.

Для перевозки и легальной продажи любого мяса требуются соответствующие сопроводительные документы (справка из администрации о наличии скота, ветеринарное свидетельство). Бланки ветеринарных сопроводительных документов подлежат строгому учету органами (учреждениями), осуществляющими их выдачу.

Наличие признаков подделки, недействительности этого официального документа: заполнение их разными чернилами, разными почерками, исправления в тексте, неясный оттиск печати, без печати, без подписи, без полного наименования должности, фамилии специалиста, подписавшего документ, без даты и т.п., – требует проведения судебной почерковедческой экспертизы рукописного текста и судебно-технической экспертизы документов для проверки

подлинности подписи, печати.

При наличии предусмотренных законом оснований может производиться административный досмотр автомобиля, а при наличии возбужденного уголовного дела и оснований, предусмотренных ст. 182 УПК РФ, – обыск, поскольку в транспортном средстве могут быть обнаружены объекты, имеющие значение для расследуемого дела (мясо, туша животного); средства и орудия (веревки, топор, ножи, огнестрельное оружие); следы (кровь в салоне, одежда со следами крови и т. п.).

Иногда на месте забоя остаются фрагменты веревок, которые использовались при забое. Их изъятие позволит в ходе расследования в случае обнаружения подобной веревки, провести судебно-трасологическую экспертизу установления целого по частям.

На месте происшествия обычно изымают поверхностный слой почвы (в сарае, загоне, у входа в них) для возможного в последующем сравнения с частицами, которые могут быть обнаружены на одежде и обуви подозреваемого. Изъятие волос животных дает возможность проведения в дальнейшем судебно-биологического исследования в целях установления идентичности волос, изъятых с места происшествия и с одежды, предметов, автотранспорта подозреваемого [10].

Есть основания считать необходимым участие в выезде на место происшествия специалиста по вопросам животноводства (ветеринар, зоотехник либо опытный животновод: чабан, пастух, табунщик, скотник и т.п.). Такие специалисты могут помочь в выявлении следов животных, иных объектов биологического происхождения.

Максимальное использование возможностей судебной экспертизы в расследовании краж скота позволит не только получить доказательства, изобличающие лиц в совершении преступления, но и будет способствовать возвращению похищенных животных потерпевшим, возмещению причиненного преступлением вреда в полном объеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовная ответственность за кражи скота и оперативно-розыскное обеспечение борьбы с ними / В.Э. Гаджиев, Б.А. Мкртычян / Новосибир. гос. аграр. ун-т. Новосибирск: изд-во юрид. фак-та НГАУ, 2011. 225 с.
2. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – 4-е изд, перераб. и доп. Москва: Норма : ИНФРА-М, 2020. 928 с.
3. Криминалистика / под ред В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. 760 с.
4. Дулов А.В. Криминалистика: учеб. пособие / А.В. Дулов, Г.И. Грамович, А.В. Лапин. Минск: Экоперспектива, 1998. 415 с.
5. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и

- уголовном процессе: монография. – Е.Р. Росинская. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма : ИНФРА-М, 2020. 576 с.
6. Ищенко Е.П. Криминалистика: учебник для вузов / Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппов, В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. М.: Высшее образование, 2006. 743 с.
 7. Пантелеев И.Ф. Криминалистика: учебник / И.Ф. Пантелеев, Н.А. Селиванов. М.: Юрид. лит., 1993. 512 с.
 8. Манханов А.В. Методика расследования хищений в сфере животноводства (по материалам краж крупного рогатого скота в Республике Бурятия): дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2005. 217 с.
 9. Цэрэнчимэд Г. Криминалистическое исследование следов животных по делам о кражах и угоне скота // Эксперт-криминалист. М.: Юрист, 2008, № 2. С. 15-16.
 10. Солодун Ю.В. Судебно-биологическая экспертиза волос крупного рогатого скота с применением метода анализа сканированного электронного изображения [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

Forensic investigations into the theft of livestock

V.E. Gadzhiev

*East Siberian branch Russian State University of Justice (Russia, Irkutsk)
gadjiev81@mail.ru*

The article proposes to determine the need for the appointment of specific forensic examinations based on the analysis of the mechanism for the formation of livestock thefts. The author believes that in the investigation of cattle thefts, the capabilities of expert institutions should be used to the maximum, which as a result will make it possible to expose the perpetrators of the crime and to compensate the victims for the harm caused.

Keywords: interaction, theft, investigation, investigator, traces, livestock, expert, examination.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ КРИМИНОГЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Е.И. Галяшина

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
(МГЮА) (Россия, Москва)
eigalyashina@gmail.com*

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00190**

Повышенное общественное внимание к судебной лингвистической экспертизе, применяемым в ней методам и решениям, компетенциям экспертов требует выявления существующих и потенциальных проблем, связанных с использованием специальных юридических и лингвистических знаний. Перемещение фокуса лингвистических исследований на язык интернета и специфику компьютерно-опосредованной коммуникации в условиях роста криминогенности интернет-среды настоятельно требуют скорейшего решения обозначенных в статье проблем.

Ключевые слова: криминогенность, специальные юридические и лингвистические знания, интернет-коммуникация, информационная (мировоззренческая) безопасность, лингвистическая экспертиза.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие интернет-коммуникации привело к изменению общественных отношений практически во всех сферах жизни. В условиях формирования цифрового информационного пространства стремительно увеличиваются количественно и усложняются качественно потоки сведений, передаваемых по каналам массовой коммуникации. В информационном обмене активно участвуют граждане, должностные лица, социальные институты, организации и учреждения, что порождает немало документационных и информационных споров и конфликтов. Сегодня интернет-технологии стали неотъемлемой частью социальной ситуации, мощным средством воздействия на взгляды, ценности, мировоззрение пользователей глобальной сети, и, в первую очередь, детей и подростков с их особой впечатлительностью и внушаемостью. Ядром такого воздействия на индивидуальное и массовое сознание выступает языковое внушение, влияющее на выбор (установку) тех или иных предпочтений в деятельности человека, на мир его личностных смыслов, не подконтрольных сознанию [1, стр. 21].

В.М. Бехтерев называя внушение «психическим микробом», указывал: «И в этом другое важное значение внушения в социальной жизни народов. Не подлежит никакому сомнению, что этот психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая

народы время от времени к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений» [2, стр. 343-344].

Особое значение для результативного и эффективного действия «психического микроба» оказывают современные социальные сети, онлайн мессенджеры, позволяющие практически мгновенно и вирусоподобно распространять деструктивные и вредоносные пропагандистские, манипулятивные тексты, формируя при помощи вербальных и невербальных (изобразительных, звуковых) средств не только информационные, но и суггестивные образы. В отличие от убеждения, которое воздействует доводами разума, внушение – это такая подача информации, которая воспринимается адресатом без критической оценки, воздействуя на течение психических процессов. Конечной целью субъекта воздействия посредством внушения является изменение поведения реципиента через влияние на его личностные смыслы. Очевидно, что в цифровом мире система вербальной коммуникации неизбежно видоизменяется. Появились новые угрозы, вызовы для безопасного транслирования и получения информации, в том числе жизненно важной. Из-за обилия дезинформации утрачивается доверие к средствам массовой информации, фокус внимания аудитории перемещается на социальные сети и мессенджеры, транслирующие слухи и мнения под видом якобы достоверных сведений.

Наиболее опасными для незрелого мировоззрения представляются внушаемые идеи, вызывающие у людей панику, страх за себя и своих близких, ненависть, вражду к «чужакам», порождающие социальные конфликты на этнической, расовой, национальной и языковой почве.

Всеобъемлющая цифровизация и многообразие каналов коммуникации требует не только детальной правовой регламентации возникающих в связи с этим общественных отношений, но и разработки инновационных решений для эффективного противодействия распространению в медиа пространстве антигосударственной, фейковой, деструктивной и иной криминогенной информации, угрожающей информационной (мировоззренческой) безопасности пользователей Сети, особенно детей и подростков.

УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ (МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ) БЕЗОПАСНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Современные угрозы информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде охватывают следующие криминогенные виды поведения:

- провокация антиконституционных настроений (в том числе через идеи сепаратизма, насильственного свержения власти и др.);
- массовое тиражирование контента, связанного с популяризацией экстремистских идей (национализма, неонацизма, религиозного экстремизма и т.п.),

осуществление незаконной миссионерской деятельности;

- открытая либо закамуфлированная вербовка в радикально-настроенные террористические группы и деструктивные сообщества через социальные сети с использованием таких манипулятивных приемов и тактик, как мифотворчество (романтизация, героизация экстремализма), элитарность («не такой как все»); геймификация (игровые механизмы), челленджи (дух соревнования), «запретный» контент, конфликт поколений («взрослый мир – плохой мир»), аккумуляция негативизма («весь мир против тебя», «государство – зло» и т.п.), закрытая общность («брат за брата») др.;

- деструктивная радикальная пропаганда с использованием контента «фанфикшн» (фанфик);

- распространение фальшивой (фейковой), клеветнической, диффамационной, оскорбительной информации в социальных сетях и мессенджерах (в отношении органов государственной власти, должностных лиц, отдельных граждан и юридических лиц);

- возбуждение ненависти, вражды и унижение по признакам социальной принадлежности – языку, полу, национальности, расе, религиозным убеждениям и др.

С каждым годом в российском судопроизводстве рассматривается всё больше дел, где текст интернет-коммуникации выступает как *corpus delicti*, так как в нём содержатся признаки объективной стороны правонарушения, совершённого посредством речевого действия. Изучать словесную материю, обладающую как планом выражения, так и планом содержания, а также криминальной интенцией, в аспекте ее судебно-экспертного исследования крайне сложно – при интуитивной понятности рядовому носителю языка значений слов и передаваемых текстом смыслов (в противном случае коммуникация на языке была бы попросту невозможна) для установления юридически значимых фактов и обстоятельств в случае спора о содержательно-смысловой направленности текста требуется его профессиональное экспертно-лингвистическое исследование.

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРИЛОЖЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Язык интернет-коммуникации, по меткому замечанию Д. Кристалла, не может быть сведен к устной или письменной форме речи, несмотря на то что включает свойства и той, и другой. Фактически электронная форма коммуникации изменяет традиционные и формирует новые речевые стратегии и тактики непредсказуемым образом [4, стр. 32]. Скорее это многомерный континуум, который представляет информацию в виде поликодового текста, включая гиперссылки, эмодзи, анимацию, статическое и динамическое изображение и т.д. как носители информации сообщения в социальных сетях представляют

собой комбинацию собственно сообщения и его дополнения невербальными средствами. Экспертно-лингвистический анализ такого текста не может быть ограничен только исследованием формы языковых средств, существенное значение приобретает анализ семантики и прагматики поликодового текста.

Говоря об экспертно-лингвистическом исследовании информационных материалов в условиях интернет-коммуникации, текст выступает и как продукт речевой деятельности, и как коммуникативная единица более высокого уровня – над языкового, являющего собой «не только продукт, но также образ и объект мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности» [3, стр. 47].

Кажущаяся простота толкования интернет-сообщения нередко оказывает филологам, лингвистам «медвежью услугу», позволяя им представлять свою субъективную интерпретацию интернет-контента как единственно-правильную. Положение усугубляется тем, что на сегодня отсутствует консенсус среди судебных экспертов-речеведов, лингвистов-аналитиков, юристов-правоведов в отношении единого научно-методического подхода к экспертным специализациям, методам, методикам и экспертной практике судебной лингвистической экспертизы в целом, и интернет-коммуникации в частности. Существующие методические подходы к экспертному лингвистическому исследованию спорных текстов имеют концептуальные отличия, что порой ведет к противоположным выводам по результатам исследования одних и тех же продуктов речевой деятельности.

Подобное положение дел недопустимо для судебно-экспертного лингвистического исследования, служащего источником доказательственной информации, которая может быть положена в основу процессуального решения по спору или конфликту.

Судебная лингвистическая экспертиза специфична. Она не похожа на другие разновидности экспертиз. С одной стороны – каждый говорящий или пишущий по-русски, не говоря уже о лицах, получивших филологическое образование, полагает себя сведущим лицом в вопросах родного языка, а с другой – правоприменитель не может устоять перед искушением «переложить» на лингвиста свои процессуальные функции, с тем чтобы получить от эксперта оценку речевого деяния с позиции права. Ведь заключение по судебной лингвистической экспертизе выступает в судопроизводстве не только как средство установления фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, но и является после оценки доказательств аргументом обоснования конечных выводов суда в процессуальном решении (судебном акте). Поэтому обоснованность, правильность и справедливость принимаемого судом решения по делу, где в качестве доказательств фигурируют продукты речевой деятельности человека, во многом детерминируются качеством проведенной по делу судебной

лингвистической экспертизы, которое, в свою очередь, определяется наличием у судебного эксперта-лингвиста профессиональных компетенций (специальных знаний, навыков и умений).

ЭКСПЕРТИЗА И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ

Термин «лингвистическая экспертиза» довольно часто сегодня используется в лингвистической науке и практике для обозначения разнообразных языковедческих исследований, требующих использования профессиональных лингвистических компетенций (знаний, навыков и умений). Результаты лингвистической экспертизы могут быть получены экспериментальным, опытным путем с помощью лингвистического инструментария — общенаучных и частнонаучных методов и средств исследования системы языка (речи) и его элементов.

Применительно к лингвистической экспертизе можно говорить об использовании методов лингвистического исследования текста в практических (прикладных) целях. Лингвистическая экспертиза (в расширительном смысле слова) направлена на приложение знаний о структуре и функционировании языка в разных сферах человеческой деятельности для оптимизации и обеспечения эффективного использования языка в СМИ, в публичной политике, в преподавании, в законодательной деятельности, в документообороте, в рекламе и нейминге, в избирательных компаниях и связях с общественностью и т.д. Нескованный жесткими процессуальными рамками кодифицированных законодательных актов такой вид исследования может носить инициативный, эвристический, поисковый, изыскательский, экспериментальный, провокационно-дискуссионный характер. Лингвистическое изыскание направлено на получение новых знаний о языке в целях развития лингвистической науки.

Однако судебная лингвистическая экспертиза имеет иную направленность. Она не может быть сведена к научному изысканию в области языка как объекта лингвистики (языкознания), т.к. отличается особым процессуальным статусом, детерминирующим судебно-экспертную деятельность лингвиста, спецификой требований, предъявляемых к лингвисту как субъекту судебного экспертного исследования, к продуктам речевой деятельности, имеющим статус вещественных доказательств и / или документов, как объектам судебной экспертизы, а также к применяемым для их исследования методам и методикам. Поэтому судебная лингвистическая экспертиза, будучи основанной на науке, оказывается не научной, а специфической практической - судебно-экспертной - деятельностью.

Судебная лингвистическая экспертиза, несмотря на кажущееся сходство по использованию на практике знаний из области языковедения, существенно различается и от лингвистических экспертиз, понимаемых филологами в широком

смысле слова, т.к. входит в ряд не лингвистических, но юридических дисциплин, опираясь на судебную экспертологию и судебное речеведение. При этом специальные лингвистические знания, базируясь на лингвистике как материнской науке, не ограничиваются и не исчерпываются только ею. Они прирастают знаниями об идентификационно и диагностически значимых свойствах речевых произведений, образующих диагностически значимые криминалистические комплексы признаков, релевантных для установления состава правонарушения при решении экспертных задач. Поэтому далеко не любое лингвистическое исследование (лингвистическая экспертиза) может именоваться судебной лингвистической экспертизой [5].

Под специальными юридическими и лингвистическими знаниями мы понимаем интегративный комплекс теоретических знаний и практических навыков и умений, обеспечивающий решение экспертных задач различных видов судебной лингвистической экспертизы, включающий в себя основополагающие научно-практические знания, привлекаемые для проведения необходимых исследований продуктов речевой деятельности – объектов судебной экспертизы. В наши дни — это понятие многомерное, сложное. Его основу составляют базисные знания о языке и речи, заимствованные из материнских наук - лингвистики, речеведения, обеспечивающие инструментарий лингвистического исследования, которые подвергаются трансформации и преломлению через призму судебного речеведения, являющегося обосновывающим знанием для всех речеведческих экспертиз. Базовые лингвистические знания дополняются юридическими знаниями, необходимыми для соотнесения и разграничения лингвистических и правовых признаков речевого деликта. Юридические знания предполагают, во-первых, знания в области судебной экспертологии и криминалистики; во-вторых, знания в области процессуального права, необходимые для реализации прав и исполнения обязанностей экспертом как процессуальным лицом; в-третьих, знания в области материального права (прежде всего - уголовного, административного, гражданского), необходимые для четкого понимания экспертом пределов своей компетенции, недопустимости решения вопросов правовой квалификации речевых актов. При этом деятельность эксперта-лингвиста нацелена не на получение нового знания о языке и речи как филолога или лингвиста-аналитика, а на применение для целей судопроизводства (установления фактических данных, имеющих значение доказательств) уже устоявшихся, общепризнанных, не вызывающих споры и дискуссии знаний о языке и речи.

Судебная лингвистическая экспертиза сегодня одно из самых актуальных, востребованных и нередко вызывающих бурные научные споры и дискуссии направлений судебно-экспертной деятельности. К ней приковано внимание юристов, лингвистов, журналистов, пользователей социальных сетей, блоге-

ров, общественных и политических деятелей, руководителей различного ранга, граждан, должностных и юридических лиц. Заключение лингвистической экспертизы публикуются в полнотекстовом формате на различных информационных площадках сети Интернет, привлекают пристальное внимание широкой (и далеко не только научной) общественности по многим резонансным делам, становятся объектом рецензирования и нелицеприятной критики *amicī curiae*, используются в средствах массовой информации, чтобы подвергнуть публичному остракизму неугодных экспертов дабы довлеть на суд и общественное мнение.

В этой связи необходимо сформулировать насущные проблемы теории и практики судебных лингвистических экспертиз, настоятельно требующие скорейшего осмысления и разрешения путем консенсуса в экспертно-лингвистическом сообществе.

Во-первых, необходимо обозначить сферу общепринятых в теории и практике судебной лингвистической экспертизы научно-обоснованных положений теоретической и прикладной лингвистики, которые должны выполнять роль базовых знаний о языке и речи. Эти знания, доказав со временем свою состоятельность и бесспорность, стали аксиомами, т.е. постулатами, не подвергаемыми сомнению, и не нуждаются в доказывании и обосновании каждый раз при решении конкретной экспертной задачи (соответственно не нуждаются в постоянном цитировании при составлении текста заключения эксперта). На их основе развивается специализированное речеведческое знание как обосновывающая методология судебной лингвистической экспертизы. Сфера судопроизводства предъявляет к лингвистическим методам дополнительные требования и ограничения, не допускающие к применению в судебно-экспертной деятельности так называемых «разрушающих» методов, а также методов подменяющих или видоизменяющих исходный объект судебной экспертизы. К таковым (недопустимым) в судебной лингвистической экспертизе можно отнести методы, основанные на синонимических преобразованиях исследуемого текста, т.е. такой модификации «исходного текста (в широком понимании), при которой одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие – могут редуцироваться вплоть до полной элиминации (исчезновения) [6, стр. 23].

Вместе с тем сфера специальных лингвистических знаний не ограничивается лингвистикой, дополняясь профессиональными знаниями из области судебного речеведения, судебной экспертологии, криминалистики и иных юридических дисциплин. В связи с этим очевидна другая проблема, вытекающая из потребности практики определить спектр, объем и границы компетенции эксперта-лингвиста. С одной стороны, необходимо отграничить вопросы, на которые нельзя дать научно обоснованный ответ с использова-

нием лингвистического инструментария, но с другой стороны, нельзя лишить эксперта-лингвиста возможности применения юридических компетенций для установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств при рассмотрении дел, где предметом спора или конфликта выступает продукт речевой деятельности как *corpus delicti* [7; 8; 9].

Как верно отметила И.Е. Кузнецова «Потребность в максимальной объективности лингвистической судебной экспертизы диктует необходимость теоретического обоснования применения тех или иных методов исследования и выявления потенциальных проблем, связанных с этим применением» [10, стр. 10].

Мудрецы говорили: «Увидеть и понять проблему – наполовину решить её, если же не видишь проблему, это значит, что она в тебе самом». Еще один вариант этой мысли был высказан Эйнштейном: «Вы никогда не сумеете решить возникшую проблему, если сохраните то же мышление и тот же подход, который привел вас к этой проблеме». Иными словами, чтобы решить острые проблемы судебной лингвистической экспертизы, нужно нам экспертам-лингвистам изменить подход к оценке сложившейся в этой отрасли практической деятельности ситуации, попытаться посмотреть на нее под другим углом, в ином ракурсе. И этот ракурс, по нашему мнению, задает современная судебная экспертология, в методологии которой мы можем увидеть не только перспективы развития судебной лингвистической экспертизы как частной научной теории, но и найти оптимальное решение обозначенных выше проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черепанова И.Ю. Заговор народа. Как создать сильный политический текст. М.: «КСП+», 2007. 464 с.
2. Бехтерев В.М. Гипноз. Днепропетровск: Сталкер, 2000. 382 с. (Золотая библиотека психологии).
3. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология : Учебное пособие /Под ред. и с предисл. А.А. Леонтьева. Вступ. сл. Е.М. Акимкина. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 240 с.
4. Crystall D. (2011) *Internet Linguistics. A Student Guide*. Routledge.
5. Галяшина Е.И. Разграничение деятельности судебного эксперта-лингвиста и лингвиста-аналитика: компетенции, методы и технологии // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН /Глав. ред. Е.В. Головки. Т. XV. Ч. I.I. Лингвистическая экспертиза: типы, методы, решения / Ред. И.Е. Кузнецова; II. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. с. 104-129.
6. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2017. Т.16. №2. С.18-27.
7. Никишин, В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квали-

- фикация. Экспертиза. Судебная практика / В.Д. Никишин; под ред. Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2019. 240 с.
8. Подкатилина, М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: монография / М.Л. Подкатилина; под ред. Е.И. Галяшиной. М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.
 9. Галяшина Е.И. Судебное речеведение : учебник / Е.И. Галяшина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 320 с.
 10. Кузнецова И.Е. Предисловие // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. Ред. Е.В. Головки. Т. XV. Ч. I.I. Лингвистическая экспертиза: типы, методы, решения / Ред. И.Е. Кузнецова; II. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 9-16.

Problems of using special legal and linguistic knowledge to identify signs of criminality in Internet messages

E.I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)

eigalyashina@gmail.com

**Research grant No 20-011-00190 of Russian Foundation
of Basic Research (RFBR)**

Increased public attention to forensic linguistic expertise, the methods and solutions used in it, and the competence of experts requires identifying existing and potential problems associated with the use of special legal and linguistic knowledge. Moving the focus of linguistic research to the language of the Internet and the specifics of computer-mediated communication in the context of the growing criminogenicity of the Internet environment strongly require a speedy solution to the problems identified in the article.

Keywords: criminality, specific legal and linguistic knowledge, Internet communication, information safety.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ И РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

И.В. Герасимова, А.Н. Новосёлова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

antonina40@ya.ru

В статье рассматриваются способы и языковые средства выражения при выявлении имплицитной речевой агрессии и ее разграничении с речевой манипуляцией в современной интернет-коммуникации. В качестве предмета исследования выступают языковые явления имплицитной речевой агрессии и речевой манипуляции, способы проявления речевой агрессии и признаки речевой манипуляции в текстах высказываний и комментариев к высказываниям в Интернет-сообществах.

Ключевые слова: имплицитность, речевая агрессия, речевая манипуляция, коммуникативный акт, конфликтогенные тексты, перлокутивный эффект, характер иллокуции.

Одной из активно обсуждаемых проблем в современной лингвистике является разграничение имплицитной речевой агрессии и речевой манипуляции. На протяжении десятилетий происходили резкие социальные изменения в стране, на современном этапе происходит столкновение различных менталитетов, сформированных в доперестроечную и постперестроечную эпохи. Разность менталитетов выявляет его важную черту: «В русском общении традиционно большое место занимают споры... Любовь к спорам... - яркая черта русского коммуникативного поведения» [1].

Однако, в соответствии с принципами лингвистической прагматики, для успешности коммуникативного акта необходимо соблюдать стратегии вежливости. Такое понимание оптимизации речевой коммуникации ведет к актуализации проблемы разграничения имплицитной речевой агрессии и речевой манипуляции как важного шага к выстраиванию позитивных коммуникативных стратегий. Неоднозначность оценки речевой манипуляции различными исследователями также актуализирует проблему разграничения.

Лингвистическая прагматика рассматривает конфликтогенные тексты, каковыми, несомненно, являются акты речевой агрессии, в качестве речевых актов, препятствующих достижению коммуникативных целей. Возможность анонимно и беспрепятственно, в неограниченном объеме обмениваться мнением также способствует усилению речевой агрессии в Интернет-пространстве, используемом в том числе и как своеобразном крайнем варианте выражения «цивилизованной» агрессии.

Речевая агрессия, являясь одним из способов речевого воздействия, становится одним из вариантов коммуникативной деятельности. Используя определение В.Ю. Апресян, «Под “языковой агрессией” мы будем понимать все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [2]. Поэтому, вслед за Валентиной Юрьевой, считаем, что имплицитная речевая агрессия закрепляется в языке через такие лингвистические средства, как лексические, грамматические, прагматические. О диагностике речевой агрессии нами говорилось ранее [3], поэтому пропускаем анализ конкретных условий общения и факторов, указывающих на речевую агрессию.

Коммуникативный акт будет считаться прямой речевой агрессией, если его иллокуция наполнена интенцией враждебности. В не прямых актах речевой агрессии роль играет интенция агрессора. Непосредственная речевая агрессия может быть усилена тем, что коммуниканты часто находятся в одном пространстве и времени (форумы в интернете). Эмоциональный компонент речевой агрессии всего возникает в рамках спонтанного речевого акта, как речевой

аффект. Рациональный же компонент проявляется прагматически: в иронич-ных высказываниях, двусмысленных шутках.

Ставя своей целью выявление проблем отграничения имплицитной рече-вой агрессии и речевой манипуляции на примере интернет-дискурса, авторы отмечают общую негативную черту: оба явления наносят адресату либо объ-екту высказывания моральный вред. Однако в речевой агрессии цель - оскор-бление адресата, а в манипуляции – имплицитный характер воздействия на другого участника коммуникации с целью склонить этого участника принять за истину любое высказывание говорящего.

Намеренное сокрытие манипуляции осуществляется с целью получения одностороннего выигрыша: «адресант подбирает ... иносказательные способы подачи информации», чтобы «скрыто, но эффективно воздействовать на него в нужном для адресанта направлении» [4, стр. 137]. Адресат воспринимает по-лученную при манипуляции информацию как объективную. Использование адресата как инструмента, неосознанность адресатом применения манипуля-ции, игра на слабостях адресата – это также её важные признаки.

Еще одним важным фактором становится направленность на изменение с помощью высказывания эмоционально-психологического состояния второго коммуниканта. Речевая манипуляция может иметь как негативный, так и по-зитивный характер, о чем много говорится в последних исследованиях. Уход от однозначно негативно понимаемой речевой манипуляции, тем не менее, за-ставляет пристальнее взглянуть в цели речевой манипуляции. Важную роль в этом случае играет перлокутивный эффект речевого воздействия.

Таким образом, если в имплицитной речевой агрессии мы выделяем ин-тенцию как элемент иллокуции, то в речевой манипуляции основным диффе-ренцирующим признаком конфликтности выступает характер перлокутивно-го эффекта. Необходимо также всё-таки учесть характер иллокуции речевого акта и осознанность действий адресанта. В отличие от речевой агрессии, «Ма-нипуляция - это не насилие, а соблазн» [5]. На наш взгляд, сказанное выше по-зволяет сформулировать мысль, ранее высказанную К.Ф. Седовым [6], о том, что речевая агрессия может выступать в качестве приема при речевой мани-пуляции.

Одна из обсуждаемых проблем – образование, которое всегда было связа-но в российском менталитете с пониманием принадлежности если не к эли-те общества, то, по крайней мере, с пониманием важности образования для успешной жизни.

Мы определяем интернет-дискурс образовательной направленности как тексты и комментарии к ним, включающие описание «взаимодействие учителя с учеником, родителей с учителем, учеников между собой...» [7]. Обращение к интернет-дискурсу образовательной направленности как материалу исследо-

вания связано с фиксируемым в последнее время агрессивным речевым поведением пользователей социальных сетей при обсуждении проблем образования.

Были исследованы высказывания в социальных сетях (более 150), где респонденты говорили о проблемах, связанных с образованием: о системе образования - 27,3 %, методах преподавания - 12,7 %, об образовательных организациях - 17,2%, педагогах - 40,3%, о товарищах по обучению - 2,5%. Высказываний с преобладанием явной речевой агрессии выявлено 38,1%, имплицитной - 26,3%; с преобладанием речевых манипуляций в комментариях и обсуждениях - 22,8%, нейтральных - 12,7%.

Что выявил анализ дискурса интернет-сообществ? Рассмотрим два зафиксированных нами проявления: предвзятая либо ярко эмоционально окрашенная критика, где она явно заметна (*Абсолютно кретинская система обучения, в особенности по иностранным языкам, отбитая и отсталая; Препода по турецкому в институте найдёте только по праздникам, если очень повезет. Пар либо нет, либо их ведет студент 3го курса, предпочитающий лулзы преподаванию*) и нападки на личность (*В особенности «понравился» препода по испанскому+английскому с синдромом дефицита внимания, импульсивностью и ЧСВ выше Буржа Халифа*).

Эти проявления выражаются и с помощью различных лексических средств. Неологизмы-сокращения - наиболее распространенная группа в данном дискурсе (*Инглиш тут в полной заднице* (явная агрессия). *В 1 семе его вообще не будет, а когда начнется во втором - это будет ад...;* *преподы* старые, скучные, высокомерные (явная агрессия); *а тут тупо матеша 24 часа 7 дней в неделю*). Прагматические элементы-дейктики (*где уж, тоже мне*) указывают на имплицитность.

Экспрессивная лексика, в том числе обценная, - неотъемлемая часть агрессивных высказываний (*Абсолютно кретинская система обучения, в особенности по иностранным языкам, отбитая и отсталая. ... остальным было либо элементарно наплевать на то, как они учат, либо это были зашмыганные жизнью невротички*). Заметим, что в значении большинства лексических единиц наличествует эмотивный характер. Эмотивность сама по себе может быть обусловлена и контекстом (*ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ОБРАЗОВАНИЕМ В РОССИИ? В Советское время было все конкретно и понятно. Все правила были четкими и недвусмысленными. Сейчас же порой взрослому с ВЫСШИМ образованием не сразу понять эти правила. А эти доклады по русскому, математике, окружающему миру - ЗАЧЕМ????? Люблю наше образование! - разрядка и пунктуация респондента*).

Ирония как стилистический прием, посредством которого проявляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и

контекстуального, также часто употребляется в агрессивных речевых высказываниях (*Дети школу ненавидят, учителя - детей. Таким методам воспитания позавидует любое исправительное учреждение*).

В качестве иных средств выражений имплицитной речевой агрессии используются возможности морфологии и синтаксиса («*Это же прекрасно!!! Развалить систему образования, для того чтоб народ тупел... Это не прям завтра конечно, но процесс идет*»).

Инверсия как один из инструментов имплицитной речевой агрессии (*тупень беспросветный, радостный от бесконечной любви к жизни; школа, знаменитейшая своими косяками, слабейшая; поколение любимое, чипсовое*). На синтаксическом уровне важную роль играет тип предложения, напр., риторические вопросы, необходимые для убеждения адресата (*Какой я к черту будущий инженер? С меня спросу никакого нет, преподам на всех откровенно пофиг*). Многоточия - знаки препинания - предстают как средство проявления агрессии. (*Ну да, попахивает абсолютным отсутствием профессионализма в решении конфликтных ситуаций...*). При использовании многоточия создается эффект, что пользователь настолько возмущен каким-либо поступком или событием, что у него даже пропадает дар речи. Средством выражения имплицитной агрессии может оказаться также использование кавычек или скобок, являющихся в подобных случаях способом передачи интонации. С их помощью выражается ироничное отношение к объекту высказывания, насмешка (*Дорогие учителя, хватит «блистать» интеллектом, (нам все ясно)*).

Анализ высказываний в комментариях и обсуждениях выявляет прагматические элементы (*Я вижу, каким замечательным ВЫ были в школе: учились наперекор ВСЕМ учителям...- разрядка респондента*). Они отвлекают внимание, проявлено уважение - манипуляция удалась. Однако в высказывании выявляется и имплицитная агрессия, сокрытая в ироническом подтексте. Разговорный рефрейминг, где актуализируется игра со смыслами, показывает реакцию не на ситуацию, а на ее значение (...я не наглый и не хам, я просто очень честный...; *Какой ВЫ били жадный до знаний, просто удивительно! Это, должно быть, было оценено по заслугам, если ВАМ понятно, о чем я...*). Агрессивность высказывания скрыта за контекстом и, как нам представляется, намеренным использованием автором высказывания разрядки местоимений.

Оксюморон в данном контексте используется в качестве выражения иронии, что, как известно, является средством психологической агрессии («*Держать дисциплину в классе и орать на ученика - две большие разницы. Вы - мужественная женщина*». *В следующий раз, прежде чем что-то пытаться сказать, подумайте, как вы будете выглядеть...*). Цель этого речевого высказывания – убедить человека в его приниженном, по сравнению с адресантом, положении при обсуждении проблем образования, умалить ценность чужого высказыва-

ния. Однако имплицитно присутствует и речевая агрессия: она выражена ироничностью контекста, саркастичностью фраз. Также отметим используемый манипулятором прием приклеивания ярлыков: через дискредитацию ее автора без обсуждения и анализа высказанных ранее аргументов и фактов.

Увод от логики здравого смысла и намеренную тавтологию как приём усиления можно проследить в высказывании: *«Наши преподаватели не справляются с преподаванием. Давайте наберем иностранцев. Чудная картина! Всем нас...ть на знания студентов. Работу работаем!»*

Средства выражения имплицитной агрессии обладают неявным характером, то есть не должны быстро выявляться. Они реализуют негативную реакцию адресанта (*Хотелось бы похвалить самого «лучшего» учителя ... Я в своей жизни не видел такого бестолкового учителя. Суть в том, что она разделяет класс на плохих и тех, кто выгоден ей лично и школе... Выучены дети, с инфарктом – родители, «Заслуженный» учитель продолжает работать в школе*). Такой прием речевого воздействия, как использование пассивного залога вместо активного (*выучены дети*), позволяет не упоминать о реальном «производителе» действия, тем самым автор как бы снимает ответственность с производителя за само действие. А этот приём – из арсенала речевых манипуляций. Имплицитная агрессия в тексте выражается с использованием средств языка в не прямой функции. Автор высказывания, в то же время, владеет приёмами речевой манипуляции, поскольку скрытая цель его высказывания - дать негативную характеристику учителю.

Итак, анализ языковых средств репрезентативной выборки текстов показывает, что проблему разграничения можно решить через понимание речевой агрессии как приёма речевой манипуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. Москва, Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2006.
2. Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке dialog-21.ru>media/2604/apresian.pdf.
3. Герасимова И.В. Новосёлова А.Н. Речевая агрессия в современном образовательном дискурсе: идентификация проблемы. Нижегородское образование. № 1. - 2019. С. 86-90.
4. Гурочкина А. Г. Манипулирование в лингвистике // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2003. Вып. №5. Т. 3. С. 136–141.
5. Кара-Мурза С.В. Манипуляция сознанием. Век XXI. ООО «ТД Алгоритм», 2015. -31с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=252256&p=1>.
6. Седов К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации. Юрислингвистика. 2005. № 6. С. 87-103.

7. Газизов Р.А. Сафина А.В. К вопросу о признаках речевой манипуляции и средствах ее выражения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-priznakah-rechevoy-manipulyatsii-i-sredstvah-ee-vyrazheniya>.
8. Добренькова Е.В. Образование как социальный институт и дискурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-institut-i-diskurs>.

The problem of distinguishing between implicit speech aggression and speech manipulation in online educational discourses

I.V. Gerasimova, A.N. Novoselova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)

antonina40@ya.ru

The article deals with the methods and linguistic means of communication verbiage in identifying implicit hostile rhetoric and its differentiation from speech manipulation in modern Internet communication. The subject of research is the linguistic phenomena of implicit hostile rhetoric and speech manipulation, methods of hostile rhetoric manifestation and symptoms of speech manipulation in the texts of statements and comments to statements in online social network.

Keywords: implicitness, hostile rhetoric, speech manipulation, communicative act, conflictogenic texts, perlocutionary effect, character of illocutionary act.

О ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАСПРОСТРАНЕННОГО КРИПТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.Н. Головки

Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)

golovko12@yandex.ru

В статье рассматриваются существующие в настоящее время способы работы с шифрованием данных путем использования находящегося в открытом доступе криптографического программного обеспечения, а также делается вывод о том, что подготовленные соответствующим образом работники правоохранительных органов могут при решении оперативно-служебных задач осуществлять поиск фактов передачи зашифрованной информации и определять целесообразность ее экспертного исследования.

Ключевые слова: криптографическое, программное обеспечение, шифрование, передача информации, экспертное исследование.

В данной статье под распространенным понимается открытое программное обеспечение, свободно распространяемое во всем мире по лицензии GPL (General Public License – переводится обычно как «Универсальная обществен-

ная лицензия», «Универсальная общедоступная лицензия» или «Открытое лицензионное соглашение»), представляющей собой своего рода общераспространенное разрешение на свободное использование программного обеспечения, в соответствии с которым автор передает созданный им программный продукт в общественную собственность [1]. В сравнении с ним коммерческое криптографическое программное обеспечение, предоставляемое на платной основе, для большинства людей недоступно, прежде всего, из-за его дороговизны. При этом оно не дает особых преимуществ перед открытым программным обеспечением, так как большинство людей не способно поддерживать высокий уровень организации своей секретной (тайной, анонимной) деятельности по сравнению с серьезными коммерческими или государственными структурами.

В настоящее время открытое криптографическое программное обеспечение (далее – ОКПО) мало чем отличается от профессионального криптографического программного обеспечения (далее – ПКПО). И то и другое использует одни и те же принципы шифрования одни и те же алгоритмы. Оговоримся, что здесь и далее употребляемый в статье термин «шифрование» равнозначен термину «кодирование».

Конечно, ПКПО может предусматривать использование каких-то секретных методов кодирования данных, которые неизвестны широкому кругу людей, но, как правило, в экспертной практике, к примеру на уровне структур МВД России, вряд ли придется столкнуться с такой степенью подготовки тех, кто в преступных целях применяет такие «усложненные» методы зашифровки информации. Поэтому представителями преступного мира, как правило, данные, относящиеся, например, к незаконной коммерческой деятельности (черная касса, преступные связи и пр.) шифруются с применением ОКПО. Точно также (с применением ОКПО) шифруется и соответствующая информация, которая передается по различным существующим в настоящее время каналам связи.

С точки зрения правоохранительного интереса в оперативно-розыскной и следственной практике в первую очередь возникает необходимость в поиске подобных зашифрованных данных, используемых фигурантами дел (дел оперативного учета, уголовных дел), а при их обнаружении – в решении задачи их расшифровки.

Вместе с тем, работу таких компьютерных сервисов с ОКПО (имеется в виду их применение) не всегда и не каждый может определить.

При этом следует и различать случаи, при которых используется кодирование информации. В одних случаях это может делаться человеком для сокрытия данных личного характера от своих близких родственников или иных лиц. В других случаях может скрываться информация, указывающая на противоправ-

ный характер деятельности отдельных юридических или физических лиц.

Отделить указанные случаи друг от друга на практике также представляется далеко не всегда возможным, так как они могут пересекаться между собой по разным причинам. Например, когда подельником в совершаемых мошенничествах (особенно тех, которые связаны с хищением денежных средств с расчетных счетов физических или юридических лиц) или иных преступлениях (например, запрещенной торговлей на так называемом «черном рынке» посредством применения особых компьютерных оболочек и пр.) является человек, общение с которым и переписка осуществляются на условиях сокрытия обмениваемыми сведениями, в том числе посредством применения для этого интернет-сервисов с ОКПО.

В связи с этим становится чрезвычайно важным обнаружить не только сам факт зашифровки каких-либо сведений, но и отделить их от противоправного содержания информации. Другими словами, определить относятся ли такие сведения к данным только личного характера или они могут представлять правоохранный интерес. И только после того как будут установлены признаки наличия кодированной информации и (или) определен примерный ее характер по отношению к каким-то криминальным событиям можно будет принимать решение о передаче таких данных вместе с их носителем в специализированное подразделение для профессионального исследования экспертом содержимого на данном носителе.

Объектом исследования для эксперта в этом случае будет являться продукт сферы высоких технологий. А потому исследовать его может далеко не любой эксперт, а лишь тот, кто не только имеет соответствующие познания в данной области, но и владеет методикой, позволяющей установить наличие на носителе закодированной информации, примененный способ ее кодировки, а также определить возможность осуществления ее расшифровки.

Существуют ли такие узконаправленные специалисты? Безусловно они есть. Но как шифр шифру рознь, так и применяемые для его декодирования методики исследования могут быть различны. В зависимости от уровня владения такими методиками будут различаться и профессиональные способности экспертов. Учитывая состояние развития в России рассматриваемых технологий таких экспертов не так уж много.

Изучение экспертной практики, в частности в Нижегородской области, подтверждает этот тезис тем, что на районном уровне государственной правоохранительной структуры – МВД России, как правило, нет экспертов, владеющих подобными методиками. И на региональном уровне их не так много, что обусловлено по нашему мнению узконаправленностью познания объекта высоких технологий, т.е. ОКПО. Более того, вероятность декодирования обнаруженной информации, представляющей интерес для правоохранительных

органов, достаточно мала, так как в большинстве случаев закодированная информация вообще не поддается расшифровке.

В какой-то мере данная ситуация с возможностью экспертного исследования продуктов ОКПО сравнима с вопросом о познании окружающего мира. Так, философы на вопрос «Познаваем ли мир?» отвечают по-разному, отчего и возникли два основных направления в философии: гносеологический оптимизм и гносеологический пессимизм. Одни оптимистично относятся к познанию мира и в принципе склоняются к тому, что мир познаваем, другие наоборот склонны к тому, что мир не познаваем без определенных условий (опыта, логики человека и пр.).

Принимая во внимание указанные гносеологические направления в философии, мы в рамках рассматриваемых в статье вопросов исходим из того, что мир познаваем настолько, насколько он может быть воспринят человеком (в данном случае экспертом) через его сознание с учетом уровня развития последнего.

Редко можно встретить самоучек, которые самостоятельно овладели «хитростями» компьютерных технологий ОКПО. В основном степень развития человеческих способностей для работы с продуктами компьютерных технологий обеспечивается посредством специальной подготовки при получении технического образования по программам, установленным в соответствии с федеральными государственными стандартами. Именно таким путем, как правило, ведется подготовка специалистов-экспертов в данной области для различных государственных структур, включая МВД России. При этом в образовательных организациях МВД России, специализирующихся на обучении квалифицированных юристов, преподаются лишь основы работы с информационными технологиями и защиты информации, для чего готовятся соответствующие издания [2]. В них раскрываются более подробно описанные ниже некоторые из способов передачи информации с использованием ОКПО. И это также чрезвычайно важно для российской правоохранительной системы, которая сталкивается с противостоянием таких вызовов современности как киберпреступность, наркоторговля, терроризм, экстремизм и пр. Между тем, несмотря на безусловную полезность учебных изданий последнего десятилетия по криминалистике [3], заметим, что в них, на наш взгляд, крайне незначительно отражены криминалистические подходы с точки зрения техники, тактики и методики рассматриваемых в данной статье вопросов. Полагаем, что для их понимания необходимо обращаться к специальным изданиям в области криминалистики, к примеру, Н.Н. Федотова [4].

В связи с этим представляется целесообразным систематизировать возможные способы передачи данных с использованием ОКПО и признаки, указывающие сотрудникам оперативных и следственных подразделений на возможность

наличия зашифрованной информации для принятия решения о целесообразности ее экспертного исследования, что и будет изложено ниже.

ПРИМЕНЕНИЕ ИЗВЕСТНЫХ (ПРОСТЕЙШИХ) КАНАЛОВ СВЯЗИ И ПРИЕМОМ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ЭТОМ ЗАШИФРОВАННЫХ ДАННЫХ

Дело в том, что информация представляется всегда в виде каких-то кодов (слов, букв, цифр, символов). Все они различаются в зависимости от региона, социальной группы и т.д. Соответственно шифрованием следует считать использование каких-то не принятых в данном окружении уникальных (не привычных для такого окружения) систем кодирования информации.

Это напоминает случай, когда пользователь компьютерной сети пытается просмотреть файл, содержащий видеоизображение в формате, который этот компьютер не поддерживает. Поэтому самым простым способом шифрования может оказаться использование непопулярных форматов данных. Вместе с тем это малоэффективный способ, пригодный разве что для игр в среде подростков. Тем не менее этот способ может быть реально применим. Например, как в художественном фильме «Мой друг Колька» (1961 г.), когда школьники создали тайное общество и использовали изобретенный ими язык для общения между собой. Язык в целом примитивный, но на слух без тренировки не воспринимаемый.

Такие случаи, как правило, видны и особой сложности для оперативных или следственных работников не представляют (несложное исследование позволит решить проблему с расшифровкой файла, либо расшифровать его через распространенные кодеки и пр.). Вместе с тем работники правоохранительных органов должны иметь определенное представление о тех форматах данных, о которых в данной статье ведется речь.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЕРВИСОВ ДЛЯ ЗАШИФРОВАНИЯ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ТРЕТЬЕЙ СТОРОНОЙ

К такого рода сервисам следует отнести, используемые в интернете:

а) Tor, представляющий собой систему прокси-серверов, позволяющую скрывать источник и приемник информации. С помощью Tor пользователи могут сохранять анонимность в Интернете при посещении сайтов, ведении блогов, отправке почтовых сообщений, а также при работе с другими приложениями, использующими протокол TCP. Анонимизация трафика обеспечивается за счёт использования распределённой сети серверов – узлов. Технология Tor также обеспечивает защиту от механизмов анализа трафика, которые ставят под угрозу не только приватность в Интернете, но также конфиденциальность коммерческих тайн, деловых контактов и тайну связи в целом [5];

б) VPN (англ. Virtual Private Network «виртуальная частная сеть») – обобщённое название технологий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых соединений (логическую сеть) поверх другой сети (например, Интер-

нет). Несмотря на то, что коммуникации осуществляются по сетям с меньшим или неизвестным уровнем доверия (например, по публичным сетям), уровень доверия к построенной логической сети не зависит от уровня доверия к базовым сетям благодаря использованию средств криптографии (шифрования, аутентификации, инфраструктуры открытых ключей, средств для защиты от повторов и изменений передаваемых по логической сети сообщений). В зависимости от применяемых протоколов и назначения VPN может обеспечивать соединения трёх видов: узел-узел, узел-сеть и сеть-сеть. Таким образом, эта технология позволяет скрывать как саму информацию, так и ее источник [6];

– сервис ProtonMail – это целиком зашифрованная электронная почта, она позволяет скрыть как само высланное сообщение, так и данные его адресата настолько, что при необходимости невозможно их проконтролировать. Видимо поэтому с 29 января 2020 года на территории России Роскомнадзором введена полная блокировка услуг «ProtonMail» [7];

– сервис Telegramm – кроссплатформенный мессенджер, позволяющий обмениваться сообщениями и медиафайлами многих форматов. Используются проприетарная (т.е. не являющаяся свободным) серверная часть с закрытым кодом, работающая на мощностях нескольких компаний США и Германии, финансируемых Павлом Дуровым в объёме порядка 13 млн долларов США ежегодно, и несколько клиентов с открытым исходным кодом, в том числе под лицензией GPL. Количество ежемесячных активных пользователей сервиса, по состоянию на конец марта 2018 года, составлял более 200 млн человек. Помимо стандартного обмена сообщениями в диалогах и группах, в мессенджере можно хранить неограниченное количество файлов, вести каналы (микроблоги) и пр. Определенная неподконтрольность продуктов Telegramm послужила введению ограничений с 16 апреля 2018 года на использование данного мессенджера на территории России [8];

– другие системы, не попавшие в данный перечень.

Наличие перечисленных или аналогичных программ на компьютере может говорить о том, что передача зашифрованной информации в принципе возможна.

Фактом такого общения (передачи) будет служить информация от провайдера о характере информации, передаваемой клиентом (пользователем интернета). Каждый такой сервис использует определённые форматы данных, адреса серверов, типы соединений и другие особенности которые провайдер может зафиксировать.

Кроме того, некоторые из этих программ хранят историю своей работы (как результат) в виде ссылок посещаемых сайтов, куки, истории загрузок. Эту следообразующую информацию можно использовать в ходе экспертного исследования.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЫЧНЫХ СТАНДАРТНЫХ СЕРВИСОВ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ ШИФРОВАНИЯ

Речь ведется о так называемой стеганографии рассматриваемой в качестве способа передачи или хранения информации с учётом сохранения в тайне самого факта ее передачи или хранения. Обычные инструменты и сервисы используются для передачи информации заранее зашифрованным специализированным программным обеспечением. Например, создание архивных файлов с использованием функций шифрования и передачи этих файлов по email-почте как вложение в обычное электронное письмо. Либо использование звуковых, графических и видеофайлов как контейнеров для передачи зашифрованной информации.

В качестве примера приведем ниже некоторые программы для сокрытия информации в изображении, в музыке и в видео:

- DeepSound (скрывает информацию в звуковых файлах WAV, MP3, CDA, WMA, APE и FLAC);
- Hallucinate (позволяет спрятать информацию в изображении, в файлах PNG и BMP);
- JHide (скрывает информацию в изображении, в файлах BMP, PNG и TIFF);
- OpenPuff (скрывает информацию в видеофайлы: MP4, MPG, VOB) [9] и др.

Для обнаружения такого способа передачи информации следует проверить содержимое звуковых, графических или видеофайлов. На первый взгляд, если их не открывает ни одна программа, то можно предположить, что они неисправны. Но поскольку вряд ли человек будет использовать неисправные файлы, то вероятно они и есть файлы с зашифрованной информацией. При этом большинство файлов будут работать (играть музыку, показывать видео) и одновременно являться контейнерами с зашифрованной информацией. Если подозрение в этом велико, то имеет смысл найти в интернете или другом источнике оригинальный файл с подобным содержимым (по названию, размеру файла и дате создания) и сравнить его с подозрительным файлом побайтно командой `diff, cmp` с опцией `-binary` в Linux или `Windiff.exe` в Windows или другими аналогичными. Этот метод безусловно не дает 100% возможности убедиться в наличии зашифрованной информации, но он будет поводом и аргументом для дальнейшего экспертного исследования таких данных.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИОННЫХ СИСТЕМ, СПЕЦИАЛЬНО ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ РАБОТЫ С ШИФРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Одной из таких классических операционных систем, к примеру, является система «Tails» как дистрибутив Linux на основе Debian, созданная для обе-

спечения приватности и анонимности. Данная операционная система рекомендована к использованию «Фондом свободной прессы». Этой системой, как сверхзащищённой сборкой Linux, в частности, пользовался в свое время широко известный американский технический специалист и спецгент, бывший сотрудник ЦРУ и Агентства национальной безопасности (АНБ) США Эдвард Джозеф Сноуден для разоблачения PRISM – государственной программы США, представляющей собой комплекс мероприятий, осуществляемых с целью массового негласного сбора информации, передаваемой по сетям электро-связи, принятой американским АНБ в 2007 году в качестве замены «Terrorist Surveillance Program», формально классифицированной как совершенно секретная [10].

Все подобные операционные системы предназначены в основном для работы с зашифрованной информацией так, чтобы максимально снизить вероятность ее утечки на всех этапах работы. Например, вся не зашифрованная информация хранится только в памяти компьютера и при отключении питания соответственно уничтожается. Возможность выхода в интернет без использования не зашифрованных сервисов заблокирована. Запись информации на твердый носитель производится только в зашифрованном виде (везде парольная защита, сама операционная система находится на флешке, которую для работы можно вставить в любой другой компьютер, никаких следов после изъятия флешки не компьютерном устройстве соответственно не остается).

Как распознать применение этих систем? Так как все такие системы делаются на основе операционной системы с ядром Linux, то наличие флешки, содержащей в корневой директории каталоги bin, usr, etc home lib, может говорить о возможности того, что с данной флешки можно загрузить зашифрующую операционную систему. Но это может быть и один из вариантов обычного Linux. Для окончательной проверки надо вставить такую флешку в любой компьютер и попытаться загрузиться с нее. Тогда, по первым изображениям на экране (а как должна выглядеть «Tails» мы должны знать) станет ясно с какой операционной системой мы имеем дело. Соответственно, если есть такая флешка, то можно предположить, что она либо ранее уже использовалась для работы с зашифрованной информацией, либо с помощью нее ведется подготовка к зашифровке какой-то информации.

Подводя итог изложенному в данной статье отметим, что в ней рассмотрены конечно же далеко не все способы сокрытия фактов передачи зашифрованной информации, как и не все возможные методы их определения. К этому мы и не стремились, поскольку главное при раскрытии содержания статьи состояло в том, чтобы дать общее представление о существующих распространенных методах непрофессионального шифрования данных и способах их обнаружения тем сотрудникам оперативных и следственных подразделений, в практике ко-

торых возникает необходимость соответствующего экспертного исследования зашифрованных данных для решения правоохранительных задач.

Ключевыми навыками в этой деятельности сотрудников оперативных, следственных, экспертных подразделений следует считать степень владения компьютером, для повышения которой можно рекомендовать специальные занятия по актуальным в настоящее время способам шифрования данных, методам их обнаружения и соответствующего экспертного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. https://ru.wikipedia.org/wiki/GNU_General_Public_License (дата обращения 15.02.2020).
2. Шаров В.И. и др. Основы информационной безопасности в ОВД / В.И. Шаров, С.В. Крыгин, Н.Г. Лабутин. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. 126 с.; Крыгин С.В. и др. Основы информационной безопасности и защита информации в ОВД / С.В. Крыгин, С.Н. Сухов, Т.Е. Чикина. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 128 с.
3. Топорков А.А. Криминалистика: учебник. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2012. 464 с.; Криминалистика / под ред. М.К. Каминского, А.М. Каминского. Ижевск: Jus est, 2012. 358 с.; Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А.Ф. Лубина. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2017. 622 с.; Лубин А.Ф. Криминалистика / А.Ф. Лубин, С.А. Лубин. Казань: Бук, 2019. 176 с.; Криминалистика / Под ред. проф. А.Ф. Лубина. М.: ДГСК МВД России, 2019. 618 с.
4. Федотов Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М.: Юридический Мир, 2007. 432 с.
5. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Tor> (дата обращения 15.02.2020).
6. <https://ru.wikipedia.org/wiki/VPN> (дата обращения 15.02.2020).
7. <https://ru.wikipedia.org/wiki/ProtonMail> (дата обращения 15.02.2020).
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/Telegram#Блокировка_Telegram_в_России (дата обращения 15.02.2020).
9. Как спрятать файл в картинку, в музыку или в видео? сайт. URL: <http://www.spy-soft.net/spryatat-fajl-v-kartinku-muzyku/> (дата обращения 15.02.2020).
10. https://ru.wikipedia.org/wiki/TAILS#cite_note-13 (дата обращения 15.02.2020).

About the possibility of expert research of common cryptographic software for law enforcement purposes in the implementation of operational search and investigation activities

S.N. Golovko

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia,
Nizhny Novgorod)
golovko12@yandex.ru*

The article examines the current ways in which data is encrypted through the use of publicly available cryptographic software, and it is concluded that law enforcement officers can search for the existence of the facts of the transmission of encrypted information and determine the feasibility of its expert study.

Keywords: cryptographic, software, encryption, information transfer, expert research.

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ПРОИЗВОДСТВЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю.В. Граница, А.К. Игошев

*Торгово-промышленная палата Нижегородской области
(Россия, Нижний Новгород)
ygranica@yandex.ru, iee-akigoshev@iee.unn.ru*

Одним из направлений модернизации судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации экономики служит применение эконометрических моделей в процессе формировании стоимости отдельных активов и обязательств субъектов хозяйствования, что способствует объективизации выводов судебных экспертов о непрерывности деятельности компаний.

Ключевые слова: финансового-экономическая экспертиза, судебная бухгалтерская экспертиза, судебно-экспертная деятельность, эконометрические модели, оценочные значения, резервы, справедливая стоимость, непрерывность деятельности.

Составляющей концепции развития судебной системы на современном этапе явилась модернизация судебно-экспертной деятельности [1], которая в свою очередь в эпоху цифровизации экономики предполагает, в том числе, информатизацию судебной системы, расширение методов и приемов сбора доказательств и внедрение информационных технологий для обработки данных и генерирования научно-обоснованных выводов. Все это требует от эксперта специальных научных и прикладных знаний и навыков, что подчеркивают специалисты в области судебной экспертизы, такие как Прорвич В.А. [2], Терехова М.К. [3], Тимченко В.А. [4], Попов А.И. [5], Каторгина Н.П. [6]

На сегодняшний день стоит отметить значительное усложнение экономических процессов и объектов в деятельности хозяйствующих субъектов, в свя-

зи с чем совершенствование методологии оценки достоверности фактов хозяйственной жизни играет особую роль.

Переход от концепции фактической стоимости активов и обязательств к справедливой обуславливает необходимость применения расчетных оценок.

Методики формирования стоимости отчетных оценочных показателей проанализированы, например, в работах Границы Ю.В. [7, 8], Игошева А.К. [9], между тем процесс оценивания в судебно-экспертной деятельности, по нашему мнению, недостаточно разработан.

Тема применения моделирования обсуждается и в судебно-экспертной деятельности в трудах таких специалистов, как Прорвич В.А. [10], Ловцов Д.А. [11], однако, на наш взгляд, требуется детальный анализ использования инструментов моделирования в конкретных ситуациях.

В таблице 1 приведен состав показателей, требующих расчетных оценок исходя из их экономического содержания, такие показатели в соответствии с правилами бухгалтерского учета входят в группу оценочных значений, и ситуации, в которых производство финансово-экономической судебной экспертизы предполагает анализ подобной информации.

*Таблица 1.
Финансовые показатели, требующие использование
расчетных оценок в производстве судебной экспертизы*

Вид оценочного значения	Нормативный документ	Базис оценки	Цель экспертизы	
			Финансово-экономическая экспертиза	Бухгалтерская экспертиза
Резерв по сомнительным долгам	Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ (приказ Минфина 34н)	Сумма непогашенной дебиторской задолженности, определяемая в зависимости от финансового состояния должника	Оценка адекватности мнения в аудиторском заключении, в том числе относительно способности субъекта непрерывно осуществлять деятельность	Подтверждение достоверности соответствующего отчетного показателя
Резерв на гарантийный ремонт		Ожидаемая величины затрат на гарантийный ремонт		
Резерв по судебным разбирательствам		Ожидаемая величина затрат на урегулирование судебных разбирательств		
Резерв на поддержание объектов основных средств в исправном состоянии		Ожидаемая величина затрат восстановление объекта		
Резерв предвиденных расходов	ПБУ 2/2008	Ожидаемая величина затрат на устранение дефектов строительных работ		

Резерв под обесценение финансовых вложений	ПБУ 19/02	Наилучшая оценка недополученных экономических выгод		
Резерв под уменьшение стоимости материальных ценностей	Методические указания по учету МПЗ (приказ Минфина №119н)	Предполагаемое снижение стоимости материальных ценностей		
Долгосрочные обязательства перед работниками	IAS 19, IFRS 2	Предполагаемые затраты на урегулирование обязательств перед работниками		

Обращаем внимание, что в состав оценочных значений мы не включили показатели, обнуляемые по окончании года в соответствии с бухгалтерскими правилами, например, резерв на оплату отпусков, на гарантийный ремонт, ввиду их несущественности для характеристики финансового положения субъекта хозяйствования.

Действующая нормативная база предписывает экспертам в области учета и отчетности определять оценочные показатели, основываясь на профессиональном суждении [12], которое зачастую требует объективизации, между тем необоснованный расчет отчетных показателей оказывает существенное влияние на характеристику финансового положения организации посредством искажения показателей рентабельности, финансовой устойчивости, ликвидности, платежеспособности, вводящее в заблуждение заинтересованных пользователей отчетности, и как следствие на способность организации продолжать деятельность.

Оценка способности субъекта хозяйствования непрерывно осуществлять деятельность в качестве предмета финансово-экономической экспертизы анализируется в трудах Беляковой Е.Г. [13], Сочневой Е.Н. [14], Юматова В.А., Козменковой С.В. [15].

В целях представления в отчетности адекватных значений финансовых показателей исследуем применения эконометрических моделей в финансово-экономической и бухгалтерской экспертизах.

Определение величины создаваемого резерва по сомнительным долгам в соответствии с правилами российского законодательства зависит от финансового состояния должника, такими показателями, на наш взгляд, может быть показатель Альтмана, рассчитываемый на основе данных бухгалтерской отчетности. Считаем целесообразным учитывать также такие дополнительные характеристики организации-должника, как наличие признаков недобросовестности (ПН), введение процедур банкротства (ПБ), приостановление действия лицензии (ПЛ), обременение залогом принадлежащего должнику имущества (ЗИ), наличие судебных разбирательств с участием должника (СР). Ссылки на

внешние источники данных для формирования резерва указаны в таблице 2.

Таблица 2.

Внешние источники информации используемые для расчета резерва по сомнительным долгам

Наименование источника	Адрес	Сведения
Портал Федеральной налоговой службы	https://egrul.nalog.ru	Признаки недобросовестности дебитора; реестр дисквалифицированных лиц; информация об адресах массовой регистрации; сведения о лицах, в отношении которых факт невозможности участия в организации установлен в судебном порядке; сведения о ЮЛ, отсутствующих по своему юридическому адресу
Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности субъектов	www.fedresurs.ru	стоимость чистых активов юридического лица; сведения о возникновении признаков недостаточности имущества; получение, приостановление, возобновление действия лицензии, вынесении арбитражным судом определения о введении наблюдения; обременение залогом принадлежащего юридическому лицу движимого имущества;
Единый Федеральный реестр сведений о банкротстве	https://bankrot.fedresurs.ru	планируемые банкротства; введение процедур банкротства (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление); прекращении производства; утверждение арбитражного управляющего, а также его отстранении либо освобождении от обязанностей; признание должника банкротом и введение конкурсного производства; проведение торгов и их результаты
Картотека арбитражных дел	https://kad.arbitr.ru	сведения о завершенных делах и делах, находящихся в производстве: поданные заявления, жалобы и ходатайствах, текущий статус дела и его рассмотрение в вышестоящих судебных инстанциях

Построим логит-модель, где зависимая переменная - вероятность возврата долга, принимает значение 1 – если долг возвращен и ноль, если задолженность не погашена; регрессоры в модели – это либо количественный показатель Алтмана, либо фиктивные качественные переменные, принимающие значения ноль, если признак отсутствует, либо единица в противном случае. Заметим, что для построения модели судебному эксперту необходима статистика по погашению дебиторской задолженности по другим дебиторам анализируемой организации либо третьих лиц исходя из накопленного опыта.

Для построения логит-моделей нами были использованы данные о погашении сомнительной задолженности по двадцати предприятиям, модель выполнена с помощью эконометрического пакета свободного доступа Gretl. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3.
Логит-модель определения вероятности погашения
сомнительной дебиторской задолженности

Наименование показателя	Значение показателя	Уровень значимости, %
const	-23,9720	1
Показатель Альтмана	13,0563	1
Признаки недобросовестности	-5,6	1
Процедуры банкротства	-2,30466	5
Приостановление лицензии	7,20587	1
Обременение залогом имущества	2,69143	5
Наличие судебных разбирательств	-4,93208	1
R-квадрат Макфаддена	0,83	-
Количество корректно предсказанных случаев	18	-

Продемонстрируем использование полученных результатов.

Предположим, что дебитор анализируемой организации имеет признаки недобросовестности – зарегистрирован по массовому адресу и является ответчиком в судебном разбирательстве, показатель Альтмана по данным бухгалтерской отчетности – 2,0530530. Рассчитаем вероятность погашения им задолженности, руководствуясь таблицей 3, используя формулу 1:

$$p = 1 / (1 + e^{-(const + b1 \cdot x1 + b2 \cdot x2 + \dots + bn \cdot xn)}) \quad (1)$$

Расчет показал, что вероятность погашения задолженности составляет 0,05%, то есть близка к нулю, таким образом, сумма создаваемого резерва должна быть равна величине сомнительной задолженности. Занижение суммы резерва приводит к искажению активов и расходов организации и, следовательно, оказывает существенное влияние на платежеспособность, финансовую устойчивость и рентабельность организации.

Для определения величины предвиденных расходов по договору подряда организация вправе создать резерв, однако ни один нормативный акт не определяет методику формирования стоимости оценочного обязательства, между тем сумма резерва оказывает влияние на обязательства и расходы организации и может иметь существенное значение для характеристики финансового положения хозяйствующего субъекта.

Построим модель для нахождения величины предвиденных расходов в строительной организации, выступающей в качестве подрядчика и субподрядчика по договорам строительного подряда, используя обычный метод наименьших квадратов. Ранее нами уже была предпринята попытка построения

модели предвиденных расходов с использованием двух регрессоров – общая стоимость и место проведения строительных работ, при этом коэффициент детерминации составил 55% [16].

Расширим состав регрессоров для улучшения качества модели и выберем в качестве дополнительных показателей квалификации работников, условия договора о том, из каких материалов выполняются работы – из материалов заказчика или подрядчика и удельные веса трудовых и материальных затрат в стоимости работ.

Проанализировав данные о восемнадцати наблюдениях, включающие предыдущие договоры подряда хозяйствующего субъекта, получили модель, описанную в таблице 4.

Таблица 4.
Модель линейной регрессии расходов на устранение дефектов и разборку оборудования

Показатель	Значение показателя	Уровень значимости, %
const	0,235	1
Общая стоимость договора	0,006	10
Квалификация работников	-0,108	1
Принадлежность материалов	-0,060	10
Удельный вес трудовых затрат	-0,018	5
Коэффициент детерминации	81%	

Место проведения строительных работ и удельный вес материальных расходов в исследуемой ситуации не имели существенного значения.

Приведем пример расчета резерва на предвиденные расходы, ориентируясь на полученную модель (табл. 4): если общая стоимость работ по договору составляет 1,3 млн, квалификация работников оценивается как высокая, материалы для выполнения работ приобретаются подрядчиком, удельный вес трудовых затрат в общей стоимости работ составляет 57%, то отчисления в резерв составляют 28%, то есть 364 тыс. руб.

Представим теперь пример расчета резерва под уменьшение стоимости материальных запасов. Воспользуемся данными Госкомстата о ежемесячной динамике среднего уровня цен на наименование товара, в нашем случае это комплект мягкой мебели на складе торговой организации. Анализируемые данные представляют собой временной ряд, очевидно содержащий тренд, график временного ряда отображен на рисунке 1.

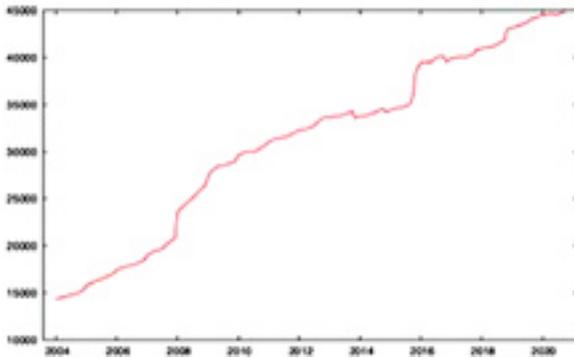

Рис. 1. Динамика цен на комплект мягкой мебели.

Проверка ряда на стационарность подтвердила предположение, что исходный ряд не стационарен, стационарны только его первые разности, в связи с чем построим интегрированную авторегрессионную модель первого порядка и спрогнозируем цену товара.

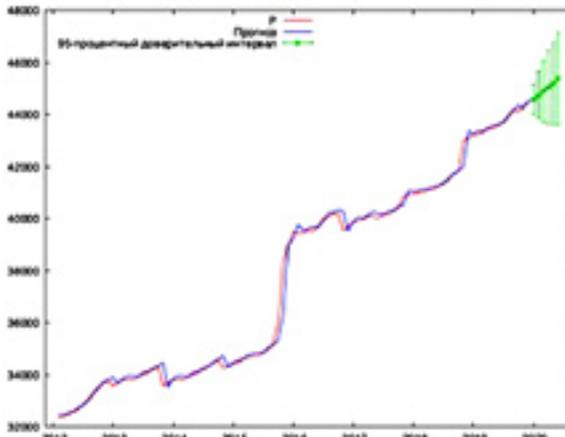

Рис. 2 Модель ARIMA для прогнозирования цены товара.

Очевидно, что график модели цены товара максимально приближен к ее фактическим значениям, то есть модель адекватна и может быть использована для определения расчетной цены товара

Построив прогноз на следующие полгода, определим будущее значение цены товара, оно составляет 45 357 руб. Рассчитанный показатель судебный эксперт использует для оценки адекватности созданного резерва под уменьшение стоимости материальных запасов.

Полученные в процессе моделирования оценки отчетных данных входят в сферу интересов широкого круга специалистов, в частности, аудиторов, арбитражных управляющих, аутсорсинговых организаций, займодавцев, в связи с чем вполне обосновано ожидание, что потребность в судебной экспертизе на

предмет адекватности расчета оценочных показателей будет возрастать.

Обобщая полученные результаты, отметим, что использование эконометрических моделей в экспертизе возможно только при наличии адекватной статистической информации, источниками которой служат данные официальных сайтов, показатели деятельности организаций, личный опыт эксперта, а также платные информационные сервисы, например, «Юрист компании Контрагенты» [17].

Существенный вклад в объективизацию статистических данных вносит государственный информационный ресурс бухгалтерской отчетности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. N 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы».
2. Прорвич В.А. Комплексное использование специальных знаний для решения диагностических задач по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономики. Вестник экономической безопасности. 2019;(2):300-4.
3. Терехова М.К. Финансово-экономический анализ как основной метод судебной финансово-экономической экспертизы деятельности хозяйствующего субъекта//Lex russica (Русский закон). 2008. Т. 67. № 5. С. 1249-1252.
4. Тимченко В.А. Формирование методик судебной налоговой экспертизы. В сборнике: Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики. Ответственный редактор Г.М. Меретуков. 2019. С. 110-116.
5. Попов А.И. О совершенствовании судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Научно-теоретический журнал «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России». № 4 (50) 2017.
6. Каторгина Н.П., Тонков Е.Е. Формы использования специальных знаний в российском судопроизводстве: дилеммы теории и практики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 17 (238). С. 127-134.
7. Граница Ю.В. Методика отражения оценочных обязательств в учетной системе хозяйствующего субъекта // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2018. № 5. С. 13-23.
8. Граница Ю.В. Финансовые инструменты в учетной системе коммерческих организаций // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2017. № 1. С. 19-26.

9. Игошев А.К., Серый В.В., Бубнова О.Ю., Морозов О.Л. Анализ прогнозных значений образования отходов производства и потребления на региональном уровне // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 5А. С. 116-125.
10. Прорвич В.А. Роль экономико-математических моделей и современных информационных технологий в методическом обеспечении судебно-экономических экспертиз. 2018 (4):90-4.
11. Ловцов Д.А., Черных А.М. Модернизация системы судебной статистики на основе новой геоинформационной технологии//Правовая информатика, №1, 2016. С 7-14.
12. Массарыгина В.Ф. Вопросы проверки оценочных значений в ходе аудита. Международный бухгалтерский учет. 2011. № 28 (178). С. 40-45.
13. Белякова Е.Г. Актуальные проблемы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц// Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 123-129.
14. Сочнева Е.Н., Шадаева В.Т. Финансово-экономический анализ как инструмент проведения судебной экспертизы при расследовании случаев преднамеренного банкротства юридических лиц //Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1 (7). С. 150-160.
15. Юматов В.А., Козменкова С.В., Фролова Э.Б. Аудиторское заключение как объект судебно-бухгалтерской экспертизы // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21, № 7. С. 779–788. <https://doi.org/10.24891/ia.21.7.779>
16. Граница Ю.В. Инструменты прогнозирования расходов по договорам строительного подряда // Бизнес-тренды: цифровые технологии в менеджменте: сборник научных трудов. Н. Новгород: Научно-издательский центр XXI век, 2019. 152 с. С. 43-49.
17. Официальный сайт журнала «Юрист компании». – URL: <https://www.law.ru/article/21260-qqq-17-m1-20-01-2017-kak-proverit-kompaniyu-po-inn-nasudy>

Application of econometric models in production financial and economic forensic expertise as a factor in the modernization of forensic activities

Yu. V. Granitsa, A.K. Igoshev

Nizhny Novgorod region Chamber of Commerce and Industry

(Russia, Nizhny Novgorod)

ygranica@yandex.ru, iee-akigoshev@iee.unn.ru

One of the areas of modernization of forensic activity is the application of econometric models in the process of forming the value of individual assets and liabilities of economic entities, which contributes to objectification of conclusions of forensic experts on business continuity of companies.

Keywords: financial and economic expertise, forensic accounting, forensic activity, econometric models, estimated values, reserves, fair value, business continuity.

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА О НЕПРИЛИЧНОЙ ФОРМЕ ОСКОРБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ: ТРУДНОСТИ И РЕШЕНИЯ

М.А. Грачев

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

ma-grachev@mail.ru

Цель статьи – указать на проблемы, связанные с определением неприличной формы оскорбительного слова. Исследование проведено на базе большого практического материала: многочисленных судебных экспертиз и заключений. При написании статьи были использованы труды известных учёных, специализирующихся по данной теме. В документах нельзя употреблять нецензурные слова и лексемы, имеющие ярко выраженный сексуально-извращённый характер. При затруднении определения лексического значения бывшего воровского слова следует провести эксперимент: анкетирование различных возрастных групп лиц. В анкете должен содержаться вопрос: обозначает ли это слово половые извращения. Определению неприличной формы помогает наличие-отсутствие оскорбительной эмоциональной окраски, унижающей честь и достоинство другого лица. В статье также описывается проблема, связанная с употреблением иноязычных нецензурных слов в русскоязычной говорящей среде. Их нельзя отнести к оскорбительным словам, так как они принадлежат к другой языковой культуре, но в то же время следует считать их употребление негативным моментом, так как многие россияне хорошо знают значение данных лексем. Однако если русскоязычный гражданин хорошо владеет языком, а его обозвали нецензурным английским словом, то можно говорить об оскорблении в неприличной форме.

Ключевые слова: неприличная форма, арго, речевые ситуации, семантика.

Вопрос о неприличной форме выражения в юриспруденции ещё недостаточно чётко разработан. Считается, что неприличная форма – это наличие высказываний в адрес гражданина, содержащих оскорбительную, непристойную лексику. При этом употребление подобных слов и выражений должно быть прямо адресовано конкретному лицу с целью унижения его в глазах окружающих, опорочивания его чести и достоинства. Автор предлагает несколько факторов, способствующих отнесению к словам, имеющих неприличную форму: их обценность, словарные пометы, обозначения извращённого секса, образы телесного низа, человеческих экскрементов, лексем, перешедших из криминального арго в общенародный язык с теми же значениями, речевые ситуации, при определении неприличности слов указывать, прежде всего, на противоречие между разговорным и официально-деловым стилем. Материалы статьи могут быть использованы при написании судебно-лингвистических экспертиз и в дальнейшем - при изучении неприличной формы оскорбительного слова.

Среди оскорбительных слов принято различать лексемы с неприличной формой. Приведём в качестве примера две речевые ситуации. В зале суда граж-

данку В.В. Гусеву называют лидером ОПГ, аферисткой, мошенницей и швалью. Лингвист-эксперт справедливо считает все четыре выражения оскорбительными. В.В. Гусева, будучи адвокатом, заявляет, что слово шваль имеет неприличную форму. Перед экспертом она так и поставила вопрос: имеет ли слово шваль неприличную форму? Если да, то в чём она состоит?

В словарях лексема шваль – жалкий, скверный, ничтожный человек. [16, стр. 736]. Именно в этом значении слово имеет помету бран. – бранное. В другом толковом словаре русского языка оно выступает с пометой «грубое» и лексическое значение его – «негодный ничтожный человек» [1, стр. 1492].

Изначально при производстве судебной лингвистической экспертизы или заключения следует доказать, что в тексте имеются оскорбительные слова, их разряд и пометы к ним в общенародных и специальных словарях.

С семантической точки зрения, оскорбления содержат два основных компонента. Во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-либо отрицательная характеристика (вне зависимости от того, соответствует это реальности или нет). Эта негативная оценка подрывает престиж человека в глазах окружающих, унижает честь и достоинство, порочит его.

Лексема шваль в контексте анализируемого материала имеет негативно-оценочный характер, что подтверждается пометами неодобр., разг., бран., груб. и соответствующее словарное толкованием (см. рассуждения ранее).

Известно, что при переносном, метафорическом употреблении слова такого рода приобретают пейоративную инвектированную экспрессию и явно негативную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительную характеристику. Негативная оценка таких слов при метафорическом употреблении значительно усиливается.

По мнению учёных-экспертов, при оскорблении, унижение чести и достоинства выражается в отрицательной оценке личности, такая оценка умаляет его достоинство в глазах окружающих и наносит ущерб уважению самого себя. Оскорбление имеет целью подчеркнуть неполноценность, ущербность лица-адресата и/или его несоответствие функциям, положению и др. [6, стр. 51-52].

Лексема шваль содержит резкую отрицательную оценку собеседника, т.е. данная фраза наделена первым признаком оскорбительного высказывания – она унижает честь и достоинство другого человека. Вторым обязательным признаком оскорбительного высказывания – неприличность формы – это использование в общественных местах, т.е. речь идёт о публичности. И данный факт хорошо понимают и адресант, и адресат, которому причиняются большие нравственные страдания. Использование подобных фраз резко противоречит нормам приличия и правилам общения.

К определению неприличности языковой формы можно применять два подхода, предполагающих соответствующее понимание категории приличия. В

аспекте ортологического подхода приличие в общении – это соответствие языковой единицы общим нормам современного русского литературного языка. В аспекте релятивного подхода приличие понимается как уместность и допустимость языковой единицы в конкретной коммуникативной ситуации. Определению неприличной формы, по мнению исследователя М.А. Осадчего, помогает наличие-отсутствие оскорбительной эмоциональной окраски, унижающей честь и достоинство другого лица [12, стр. 43].

Следовательно, эмоциональная окраска также может быть расценена как признак оскорбления. Основными конфликтными эмоциями, выражаемые словесно, являются чувства неприязни, ненависти и презрения. Презрительная же фраза не просто выражает отрицательную оценку, а принижает адресата речи и осмеивает его. Именно презрительность, уничижительность и является оскорбительной эмоциональной окраской. [12, стр. 43]. Иными словами, дополнительным признаком неприличной формы является явное осмеяние и унижение адресата, т.е. В.В. Гусевой.

Другим аспектом неприличности должно быть место употребления оскорбительных слов. Так, в зале суда могут быть использованы только средства официально-делового стиля, так как в данном помещении выясняются межличностные правовые отношения. И использование грубых просторечных слов явно усиливает их отрицательное влияние на оскорбляемого. В случае с В.В. Гусевой и Н.Л. Гаджабовым был создан словесный диссонанс, то есть Н.Л. Гаджабов в официальной обстановке умышленно употребил оскорбительное слово шваль. Данная лексема ещё больше оскорбила В.В. Гусеву. Лингвист-эксперт пришёл к вполне логичному выводу: слово шваль является порочащим по своему содержанию, а по форме неприличным.

Ещё одна любопытная конфликтная речевая ситуация: мужчина 67 лет (Г.В. Гинин – депутат) в резкой форме (категоричной интонации) предлагает 42-летней женщине (А.Е. Шалкиной – редактору газеты) замолчать (она действительно не имела права выступать в городской думе), называл её на «ты» (действие происходит на заседании городской думы). Та в ответ начала грубить, то есть постаралась вести себя идентично собеседнику. А.Е. Шалкина позволяет себе резкие высказывания в адрес депутата – «негодяй», «чмо», а В.Г. Гинин в грубой форме призывает её замолчать, называет её на «ты» (это также явное нарушение официально-делового стиля). И сам диалог также напоминает телевизионные депутатские дебаты и шоу. Хотя в случае с Г.В. Гининым мы также наблюдаем явные оскорбительные слова. В словаре Д. Квеселевича: Чмо - «тупой, грязный, морально опустившийся человек, вызывающий презрение окружающих», с пометой «бран» [10, стр. 1021]. Однако все общерусские и основные социолектные словари свидетельствуют, что оно оскорбительное [см. 1; 4; 5; 16]. Главный вопрос в данном судебном казусе - наличие/отсутствие неприличной формы.

Слово *чмо* пришло из лексики криминальных элементов и активно употребляется в общенародном языке как оскорбительное ругательство, как слово с отрицательной коннотацией. Чаще о неприличной форме можно говорить в том случае, если данные слова обозначают половые извращения, например, *соска*, которое уже активно используется в общенародном просторечии, тогда как, например, слово *голубок* в значении «пассивный гомосексуалист» не является оскорбительным словом в общенародном понимании, а в среде криминальных элементов данная лексема считается страшным оскорблением, так как ставит осуждённого на низшую ступень уголовного мира. Однако мы живём по юриспруденции законопослушного мира и суд будет выносить приговор, исходя из общенародного значения данной лексемы. Суммируя выше сказанное, можно сделать вывод, что *чмо* является оскорблением, но не имеет неприличной формы по следующим причинам: 1) оно не содержит сексуальных извращений; 2) имеет ряд отрицательных (оскорбительных) значений, но в контексте невозможно выявить конкретное значение; в некоторых ведомственных словарях по оскорблениям [см. 8] лексема *чмо* отсутствует; 3) не является зооморфизмом; 4) в его лексических значениях отсутствуют названия человеческого «низа», экскрементов; 5) несомненно, что слово *чмо* не относится к официально-деловому стилю и является грубейшим нарушением при его употреблении в официальных присутственных местах, то есть наблюдается явное противоречие между официально-деловым стилем и элементами разговорного стиля, но его оскорбительность и неприличие снижается из-за словесной перепалки между депутатом и редактором (Гинин В.Г. называет А.Е. Шалкину на «ты», причём интонация его речи явно враждебная, он в резкой форме призывает её замолчать), редактор отвечает ему тем же, при этом используя грубые оскорбительные слова.

Существует бранная, вульгарная, просторечная лексика. Ее надо ограничивать от нецензурной. Лингвист И.А. Стернин в качестве иллюстрации приводит разграничительную стилистическую таблицу исследователя [13, стр. 43].

На конкретный состав нецензурной лексики в современном русском языке есть разные взгляды. В нашей концепции к нецензурной лексике в русском языке в настоящее время относятся четыре слова: обозначения мужского и женского половых органов, нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения (на букву «б»). Данный списочный состав современной русской нецензурной лексики подтвержден Институтом русского языка РАН им. В.В. Виноградова, Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации и принят Роскомнадзором. Кроме того, И.А. Стернин указывает на недопустимость полного написания нецензурных слов, ссылаясь при этом на запрет правоохранителей. В нём чётко прописано, что в этом слу-

чае данная экспертиза (заключение) не будет считаться документом [13, стр. 43; 14, стр. 64]. Обычно оскорбительные слова, выраженные в неприличной форме, имеют следующие пометы: бранное, вульгарное, грубое, нецензурное, разговорно-сниженное.

С функциональной точки зрения оскорбительные слова имеют целью подчеркнуть неполноценность, ущербность лица-адресата и/или его несоответствие статусу, положению и др. [9, стр. 51-52].

Автор статьи по заданию ГЛЭДИС дал характеристику спорной лексемы *сс.ло*, которая была направлена блогером против начальника ГИБДД: «Словообразовательно и этимологически лексема *сс**ло* связана со словами *с**ть* – «бояться», *ссы**н* – «трус». Данные лексемы с пометами «вульг.» и «бран.» зафиксировал В.В.Химик в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» (СПб: «Норинт», 2004). Слово *сс**ло* со значением «трус» представлено и в «Словаре московского арго» (М., 1994) В.С. Елистратова: *СС**ЛО'*, -а', ср. Трус. Эх ты, ~, баба с мокрой юбкой. От *С**ТЬ*.

Работник ГИБДД назван не просто трусом, а словом, связанным с обозначениями человеческих экскрементов, с тем, что ниже пояса, дословно – «испускающий мочу». Во всяком случае, спорная лексема *сс**ло* имеет резко отрицательный характер в молодёжной среде. С этими коннотациями, выражающими грубое презрение, слово перешло и в общенародное просторечие. В спорной ситуации имеет место публичность, называется должность работника ГИБДД. В комментариях повторяется дважды. Значит, блогер намеренно оскорбил своего оппонента. Всё сказанное позволяет нам говорить о неприличной форме данного слова, резко унижающего человека, к которому оно конкретно адресовано, а не использовано как некий эмоциональный фон «для связки слов» (<http://www.gramota.ru>).

Нередко в судебных экспертизах, проводимых в правоохранительных структурах, не принимают во внимание речевую ситуацию. Однако сама ситуация может быть различной даже при употреблении нецензурных слов.

Некоторые исследователи оскорбительных слов ссылаются на то, что в словарях субстандартной лексики отсутствуют стилистические пометы вульгарное, вульгарно-просторечное, неприличное, нецензурное, обценное. Но в социолектных словарях не должно быть таких помет – в них зафиксированы исключительно просторечные лексемы, среди которых много вульгарных. И потом, для одной узкой социальной группы они могут быть оскорбительными, а в целом для общества являются вполне приемлемыми [6, стр. 59].

Вывод: при определении неприличной формы следует принимать во внимание следующие факторы: использование нецензурных слов, обозначения телесного низа, человеческих экскрементов, лексем, перешедших из криминального арго в общенародный язык с теми же значениями; речевую ситуацию,

при которой наблюдается использование оскорбительно-просторечных слов в официальной обстановке и в общественных местах (публичность оскорбления). Также при производстве экспертизы следует обращать внимание на пометы в общенародных словарях, см.: бранное, вульгарное, грубое, нецензурное, разговорно-сниженное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002 (а также издание 2006 г.). 1536 с.
2. Грачев М.А. Актуальные проблемы отечественной лингвокриминалистики // Социальные варианты языка – V. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С.4-8
3. Грачёв М.А. Лингвокриминалистика (монография). Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 246 с.
4. Грачев М.А. Словарь современного молодёжного жаргона. М.: «ЭКСМО», 2006.
5. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арга. М.: РИПОЛ-Классик, 2003.
6. Грачев. М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза./ Учебник. М.: «Флинта», 2016.
7. Грачев М.А. Табуированные слова в речи осуждённых: диахронический аспект // Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина. Пермь: ФКОУ ВПО Пермский институт ФСИН России, 2015. С. 49-52.
8. Закирова Ф.А. Словник оскорбительных слов / Сост.: Ф.А. Закирова. Хабаровск, Управление Федеральной службы судебных приставов по Хабаровскому краю, 2009. 11 с.
9. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов» / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический Мир, 2006.
10. Квеселевич Д.И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: «Астрель: АСТ, 2011.
11. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении (Авторы-составители Т.М. Изотова, В.О.Кузнецов, В.М. Плотникова. М.: ФБУ РФ ЦСЭ при Минюсте России, 2016.
12. Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора / Михаил Осадчий. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
13. Стернин И.А. Дискуссионные вопросы оценки нецензурного словоупотребления в рекламе // Актуальные вопросы развития конкурентной политики, совершенствования правоприменительной практики пресечения

недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы. Материалы IX Международной научно-практической конференции 23 мая 2019 г. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 205-210.

14. Стернин И.А. О понятиях «неприличная форма высказывания» и «нецензурная лексика» / И.А. Стернин. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж: «Истоки», 2008. С. 236.
15. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. С.736.

Issues of indecent form in forensic linguistic examinations and conclusions

M.A. Grachev

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)
ma-grachev@mail.ru*

The question of indecent form of expression in jurisprudence is still not well defined. It is believed that indecent form is the presence of statements to the citizen containing insulting, obscene language. At the same time, the use of such words and expressions should be directly addressed to a particular person in order to humiliate him, discrediting his honor and dignity. The author offers several factors that contribute to the attribution of words that are indecent: their obscenity, vocabulary litters, designations of perverted sex, images of the body bottom, human excrement, lexemes that have switched from criminal argo to a nation-wide language with the same meanings, speech situations, when determining indecent words to indicate primarily the contradiction between colloquial and official business style.

Keywords: indecent form, argot, speech situations, semantics.

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА СУДЕБНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ПОЧВОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЕЕ УЧЕТ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ

М.В. Дабахов¹, Е.В. Дабахова²

*¹Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия
(Россия, Нижний Новгород)*

*²ВНИИ Труда Минтруда России (Россия, Москва)
mvd1969@yandex.ru*

Сложившаяся в настоящее время практика правовых взаимоотношений в области экологического права требует от юриста наличия компетенций в области экологии, что должно быть учтено при разработке соответствующего профессионального стандарта и Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Ключевые слова: экологическое право, профессиональный стандарт, окружающая среда, подготовка юриста.

В последние годы с момента принятия федерального закона №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2001 в судебную практику вошли много-

численные дела, решения по которым принимались на основе положений нормативных правовых актов, регламентирующих обращение с компонентами окружающей среды.

В настоящее время учебная дисциплина «Экологическое право» вошла в образовательные программы вузов, имеющих дело с подготовкой специалистов-экологов. Кроме этого, соответствующие компетенции, требующие у специалистов знания положений экологического и природоохранного законодательства, учитываются при разработке профессиональных стандартов и Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования.

В качестве примера можно привести проект профессионального стандарта «Агрохимик-почвовед» (подготовлен Минтрудом России, ID проекта 01/02/11-19/00097279) [1], в котором предусмотрено наличие следующих знаний в области экологического права:

- структура и полномочия государственных органов в области охраны окружающей среды
- система экологических и санитарно-гигиенических нормативов;
- требования нормативных правовых актов к организации производственного экологического контроля выбросов, сбросов, отходов, природных вод, атмосферного воздуха, почв, производственных площадок, санитарно-защитных зон, территорий временного накопления, размещения и утилизации отходов;
- нормативные правовые акты, регламентирующие процедуру и формы экологической отчетности предприятия;
- нормативные правовые акты, регламентирующие периодичность и содержание проверок, осуществляемых государственными контролирующими органами;
- требования природоохранного законодательства к технологии обработки, хранения, использования (утилизации) органических отходов промышленного животноводства и птицеводства (навоз, помет), к технологиям производства сельскохозяйственной продукции, к программам контроля (мониторинга) состояния почв на этапе строительства и эксплуатации проектируемых объектов, к объектам проектирования, в части охраны почв
- нормативные правовые акты, нормативно-техническая и методическая документация, регламентирующая проведение агрохимических, агроэкологических, почвенно-картографических работ.

Следует отметить, что профессиональные стандарты представляют собой один из ключевых элементов национальной системы квалификаций и являются инструментом гармонизации возможностей сферы образования с потребностями рынка труда. Кроме того, профессиональные стандарты могут рассматриваться как инструмент управления качеством подготовки выпускников.

В России термин «профессиональный стандарт» был закреплен законом «О

внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О техническом регулировании» от 03.12.2012 г. № 236-ФЗ [2], в соответствии с которым профессиональный стандарт – это характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности.

Профессиональные стандарты могут и должны быть использованы образовательными организациями для совершенствования учебно-методических материалов по специальностям и направлениям подготовки с учетом требований и потребностей работодателей, разработки средств оценки индивидуальных достижений студентов и выпускников, проведения профориентационной работы с абитуриентами с опорой на учет требований реальной профессиональной деятельности, при выборе форм и методов обучения в системе профессионального и внутрикорпоративного обучения персонала и др. [3; 4].

Очевидно, что актуальность разработки соответствующего профессионального стандарта по направлению подготовки «Юриспруденция» в настоящее время назрела и в данной области уже ведется подготовительная работа. При этом целесообразно обратить внимание на некоторые аспекты деятельности юриста, которые должны быть учтены при разработке профессионального стандарта и федерального государственного образовательного стандарта, направленного на подготовку юристов. В данной работе хотелось бы подчеркнуть возрастающую значимость комплекса природоохранных нормативных актов как отдельной отрасли права.

Особенность «Экологического права», отличающая данную дисциплину от прочих областей права, в том числе трудового, имущественного и финансового, состоит в том, что помимо регламентирования взаимодействия между физическими, юридическими лицами, а также их взаимоотношений с государственными органами в области природопользования и охраны природы, особое внимание в нем уделяется регулированию воздействия человека на окружающую среду и ее отдельные компоненты (почву, природные воды, атмосферный воздух, биологические объекты).

При этом следует обратить внимание, что ценность окружающей среды и ее компонентов для подавляющего большинства населения зачастую является неочевидной. Разумеется, даже неспециалист интуитивно осознает, что наличие зеленой зоны или водоема в районе расположения отдельно взятого жилого комплекса, отсутствие промышленных объектов, крупной дорожной развязки или территории размещения и захоронения отходов производства и потребления повышает стоимость жилья. Однако рядовым гражданам, предпринимателям или сотрудникам государственных органов, не имеющим специального образования, не ясно, какую ценность имеют мощность плодородного горизонта и содержание гумуса в почве, уровень биологического разнообразия на

некой территории, насколько обосновано введение тех или иных ограничений природопользования в районе планируемой хозяйственной деятельности, каковы экологические последствия осуществления различных видов хозяйственной деятельности и пр.

Вероятнее всего, именно такая ситуация является причиной большей части экологических правонарушений, рассматриваемых в судах различных инстанций. Наиболее часто рассматриваются следующие претензии:

- нарушение или уничтожение плодородного слоя почвы в результате несанкционированного снятия, перекрытия искусственными объектами или сооружениями при проведении строительных работ, при разработке карьеров в ходе добычи полезных ископаемых;

- загрязнение и захламление земельных угодий при размещении твердых отходов производства и потребления, а также сбросе жидких отходов на рельеф местности;

- загрязнение и деградация земель в результате аварийных ситуаций (аварии на нефте- и продуктопроводах, неисправность канализационных систем и пр.);

- загрязнение природных вод в результате несанкционированного или аварийного сброса загрязненных сточных вод;

- уничтожение зеленых насаждений в результате осуществления хозяйственной деятельности.

Следует отметить, что более распространенными являются дела, связанные с нанесением ущерба почвенному покрову земельных угодий. Это связано со следующими факторами.

1. Возможность фиксации факта нарушений, связанных с негативным воздействием на почвенный покров.

Почвы являются одной из наименее динамичных природных сред, что позволяет своевременно зафиксировать факт ухудшения их экологического состояния в результате загрязнения, механического разрушения, деградации. Нарушения почвенного покрова могут быть идентифицированы в течение длительного времени после негативного воздействия методами визуального осмотра, проведения инструментальных замеров и лабораторных анализов.

В отличие от почвы, факты нарушения других природных сред (природные воды, атмосферный воздух) крайне сложно выявить, поскольку они являются чрезвычайно динамичными и эффект рассеивания или перемешивания загрязняющих веществ позволяют зафиксировать факт негативного воздействия только в момент нарушения или в ближайшее время после него.

2. Почва является чрезвычайно инертным природным объектом.

Устранение последствий негативного воздействия, которое привело к разрушению почвенного покрова или ухудшению его состояния, без проведения

восстановительных мероприятий (рекультивации) может потребовать десятков и сотен лет. При этом последствия нарушения экологического состояния почв относятся к наиболее тяжелым для окружающей среды и ущерб им в денежном выражении является наиболее значительным.

Как правило, причиной экологических правонарушений является незнание или игнорирование субъектами хозяйственной деятельности основ природоохранного законодательства, что может быть связано с отсутствием в их штате профессионального эколога.

Однако даже в случае его наличия у организации существуют проблемы с отстаиванием своих прав в рамках экологического законодательства, поскольку наличие квалификации в области экологического права, имеющейся у специалистов-экологов, не предполагает возможности их самостоятельного участия в защите интересов физических и юридических лиц, а также государственных органов, связанных с применением норм экологического законодательства, в ходе судебных процессов. Как правило, экологи в рамках процессов выступают в качестве специалистов, экспертов или консультантов, обеспечивающих юриста профессиональной поддержкой.

С другой стороны, разрешение спорных ситуаций в области экологического права требует и у юриста наличия определенных знаний в области естествознания (экологии, почвоведения, биологии и пр.), выходящих за пределы школьного курса. Их актуальность может быть проиллюстрирована на следующем примере.

В настоящее время в Российской Федерации значительное внимание уделяется ужесточению контроля за обращением с отходами производства и потребления. Однако требование строгого соблюдения существующих нормативных актов в этой области, в частности Федерального закона №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 г. [5] и ряда подзаконных актов, приводит к странным ситуациям.

Известно, что одной из основных проблем сельского хозяйства в настоящее время является низкий уровень применения минеральных и органических удобрений, что ведет к снижению урожайности и качества продукции растениеводства, а также деградации пахотных земель, выражающейся в снижении содержания гумуса и питательных элементов. Основным органическим удобрением является навоз и птичий помет, а также производимый на их основе компост. Однако в соответствии с Федеральным классификационным каталогом отходов (ФККО) [6], навоз и помет отнесены к отходам от третьего до пятого класса опасности. В результате рутинная технологическая операция по вывозу навоза в поле для последующего внесения [7, 8, 9] трактуется федеральными надзорными органами (Россельхознадзор) как несанкционированное размещение опасных отходов на землях сельскохозяйственного назначения и

влечет за собой многомиллионные иски за нанесение экологического ущерба почвенному покрову.

Для специалиста в области агроэкологии данная ситуация абсурдна, поскольку внесение органических удобрений в растениеводстве является обязательной составляющей технологии производства сельскохозяйственной продукции, обеспечивающей сохранение почвенного покрова и воспроизводство его плодородия. Более того, применение органических удобрений является обязательным элементом технологий органического земледелия.

При этом в ходе защиты интересов сельхозпроизводителей в такого рода делах зачастую возникает крайне неблагоприятная ситуация: представитель экологической службы агропредприятия не обладает необходимой квалификацией в работе с нормативными и нормативно-методическими документами в рамках судебного процесса, а юрист не обладает специальными знаниями в области экологии или агроэкологии для обоснованной защиты, связанной с использованием нормативных документов, регламентирующих обращение с отходами животноводства и птицеводства при их утилизации в качестве органических удобрений.

Результатом такой ситуации является наложение необоснованных штрафных санкций и удовлетворение судами исков к агропредприятиям за нанесение ущерба почвенному покрову, что, с учетом недостаточно благополучной экономической обстановки в сельском хозяйстве, наносит ущерб отрасли и, если рассматривать вопрос более широко, продовольственной безопасности страны.

Исключение подобных ситуаций возможно при условии введения в образовательные курсы, направленные на подготовку юристов, ряда естественнонаучных дисциплин, формирующих у специалиста определенный объем знаний, позволяющих обеспечить более профессиональный подход при разрешении спорных вопросов, связанных с охраной природы и природопользованием. Учитывая, что практика судебных споров в области природоохранного законодательства за последние годы значительно расширилась, все более очевидной становится целесообразность наряду с традиционными профилями в рамках направления подготовки «Юриспруденция», такими как налогово-правовая, земельно-правовая, социально-правовая и прочие, введение дополнительной специализации в области экологического права.

Учитывая особенности сложившейся к данному моменту судебной практики, целесообразно введение в план подготовки юриста следующих дисциплин или дополнительных разделов к уже существующим дисциплинам:

1. Базовый курс естествознания, включающий в себя:

- основы экологии (в том числе экотоксикологии);
- основы ресурсоведения (в том числе базовые знания по почвоведению,

гидрологии, лесоведению, земледелию)

2. Экологическое право, включающее в себя разделы:

- структура и содержание экологической и природоохранной нормативно-правовой базы;

- экологические ограничения природопользования на землях различного функционального назначения;

- экологические и санитарно-гигиенические критерии оценки состояния компонентов окружающей среды и продукции сельского хозяйства;

- нормативно-методические документы, регламентирующие проведение государственного и производственного экологического контроля компонентов окружающей среды и продукции сельского хозяйства;

- система организации государственного экологического контроля и надзора;

- основы лабораторного исследования компонентов окружающей среды и продукции сельского хозяйства (в рамках курса «Естественно-научные методы судебно-экспертных исследований»).

Следует отметить, что объем знаний, преподаваемых в рамках соответствующих курсов, никоим образом не направлен на исключение необходимости привлечения к защите интересов граждан и организаций в рамках правовых отношений специалистов и экспертов экологов. Задачи, которые данные знания позволяют решить, состоят в следующем:

- более тесное знакомство с базой нормативных и нормативно-правовых документов, формирующих природоохранное законодательство и правоприменительная практика в этой области;

- формировании тактики судебных действий с учетом особенностей природных и природно-антропогенных объектов;

- выбор специалистов и экспертов с учетом особенностей исследуемых природных объектов и задач, решаемых в ходе судебного разбирательства;

- грамотная постановка задачи перед специалистом и экспертом в рамках судебного разбирательства;

- формирование у юриста базы знаний, достаточной для понимания сути решаемых проблем и споров в области экологии, охраны окружающей среды и природопользования, а также для оперирования данными и выводами, полученными в результате судебно-экологических экспертных исследований и консультаций со специалистами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проект профессионального стандарта «Агрохимик-почвовед» (подготовлен Минтрудом России, ID проекта 01/02/11-19/00097279). URL: <https://www.rapo-apk.ru/forum-1/proekty-profstandartov/agrohimik-pochvoved> (дата обращения 20.02.2020).

2. Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О техническом регулировании» от 03.12.2012 г. № 236-ФЗ. Ковальчук С.А., Ивакаева Т.О. Об использовании профессиональных стандартов при разработке и реализации образовательных программ// Юрист ВУЗа. №4. 2018. с. 12-24.
3. Макушина Л.В., Альхименко О.Н. Обеспечение занятости как одно из направлений реализации концепции достойного труда в России // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. Т. 6. № 2. С. 66-69.
4. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» №89-ФЗ от 24.06.1998 г.
5. Федеральный классификационный каталог отходов (ФККО) (утв. приказом Росприроднадзора от 22.05.2017 №242)
6. ГОСТ 33830-2016 «Удобрения органические на основе отходов животноводства».
7. ГОСТ Р 31461-2012 «Помет птицы. Сырье для производства органических удобрений. Технические условия».
8. РД-АПК 1.10.15.02-17 «Методические рекомендации по технологическому проектированию систем удаления и подготовки к использованию навоза и помета».

Modern practice of forensic environmental and forensic soil science expertise and its consideration in the education of lawyers

M. V. Dabakhov¹, E. V. Dabakhova²

¹*Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Russia, Nizhniy Novgorod)*

²*«Institute of Labor» of the Ministry of Labor of Russia (Russia, Moscow)*
mvd1969@yandex.ru

The current practice of legal relations in the field of environmental law requires a lawyer to have competence in the field of ecology, which should be taken into account when developing the appropriate professional standard and the Federal state educational standard of higher education.

Keywords: environmental law, professional standard, environment, lawyer education.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЦЕЛОГО ИЗДЕЛИЙ ИЗ СТЕКЛА ПРИ ОТСУТСТВИИ ЕДИНОЙ ЛИНИИ РАЗДЕЛЕНИЯ

К.Е. Дёмин^{1,2}

¹Российский университет транспорта МИИТ (Россия, Москва)

²Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Россия, Москва)
diomin.costia@yandex.ru

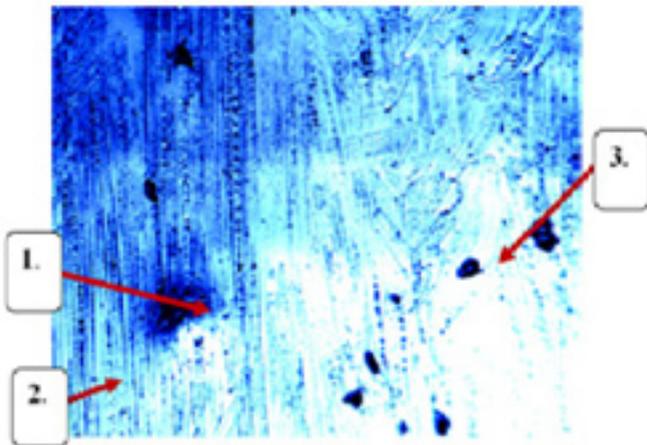
В статье изучены современные возможности экспертизы установления целого изделий из стекла и полимерных материалов, приведены интегративные признаки внутреннего строения указанных объектов.

Ключевые слова: стекла, пластмассы, полимерные материалы, части целого, трасологическая экспертиза.

По статистике 5% от общего числа трасологических экспертиз приходится на экспертизу установления целого по частям. Чаще всего данные объекты изымаются с таких преступлений, как дорожно-транспортное происшествие (ДТП), угон автотранспорта. В связи с происшедшим событием предметы, бывшие ранее единым целым (фары, стекла, зеркала и т.п. предметы), могут быть разделены на части, причем часть их остается на месте происшествия (МП), а другие обнаруживаются в другом [1, стр. 24-29.]. Например, в момент ДТП разбиваются стекла фар автомобиля, при этом часть осколков остается на МП, а часть может быть обнаружена в фаре разыскиваемого автомобиля. В таких случаях установление того факта, что части относятся к одному целому, а также составляли ранее единое целое, имеет важное доказательственное значение. Задача экспертизы состоит в том, чтобы через установление общности природы частей разделенного изделия установить их связь с расследуемым событием. Установить экспертным путем принадлежность частей целому удается благодаря тому, что части несут информацию о механизме разделения. При этом, необходимо разграничить какие из этих признаков имелись у изделия до его расчленения, какие появились в момент разделения, а какие указывают на раздельное хранение частей после момента разделения. Как известно, отождествление целого по частям к отдельному виду идентификации, где идентифицируемым объектом является целое, идентифицирующими – части, а идентификационными признаками являются индивидуальные признаки взаимной принадлежности частей [4, стр. 173-174]. Первоначально установление целого по частям при отсутствии общей линии разделения производится по признакам, находящимся на поверхности объектов, которые могут иметь различную природу возникновения. Ряд из них детермирован процессом изготовления (технологические признаки), другие связаны с условиями хранения, эксплуатации и другими факторами. Несмотря на различное происхождение признаков, сравнительное исследование во всех случаях проводится методом совмещения

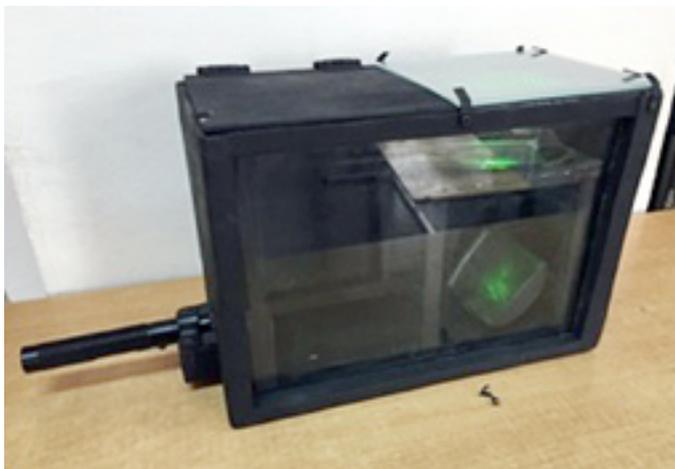
и сопоставления признаков, находящихся на исследуемых частях. Как правило, такое исследование осуществляется как по фотоснимкам, изготовленным в одном масштабе, так и методом оптического совмещения на сравнительных микроскопах. В случае невозможности установить совпадение по форме, размерам и конформности краев разделенных частей, то далее исследуются интегративные признаки организации внутренней структуры объекта, к которым, например, относят микро- и ультрамикротрещины, образующиеся при изготовлении изделия, наплывы (кованность), возникающие в виду перепада температур стекломассы и матрицы пресс-формы.

В ходе проведения экспертизы изделий из стекла первоначально проводят визуальный осмотр в проходящем свете и на просвет, при этом возможно установить следующие интегративные признаки организации внутренней структуры, к которым относят свили (тонкие параллельные линии или слои, расположенные в толще стекла и имеющие отличный показатель преломления света), расстеклования (выделение в стекле кристаллов силиката в результате воздействия высокой температуры и как результат помутнение отдельных участков) [6, стр. 47-48]. Указанные признаки носят индивидуальный характер и позволяют эксперту-трасологу прийти к категоричному положительному выводу. Кроме того, на поверхности самого изделия могут наблюдаться такие интегративные производственные признаки, как кованость, полосность, которые образуются при соприкосновении размягченного стекла, с различными металлическими деталями, например пресс-формой, прокатными машинами и т.д. (рис. 1). Кроме этого на ограничительном кольце и буртике фарных рассеивателей отражаются признаки механической обработки пресс-формы в виде линейных микровыступов и углублений, расположенных вдоль всей поверхности данных элементов и позволяющих установить единый источник происхождения осколков [2, стр. 157-160; 3, стр. 276-295].

*Рис. 1. Производственные дефекты:
1 - расстеклование; 2 - полостность; 3- расстеклование.*

В ходе исследования изделий из стекла необходимо также учитывать внутреннее остаточное напряжение, которое выражается в оптической неоднородности, обусловленной технологией изготовления стекла и представляющей нитевидные слои с различной степенью преломления проходящих лучей света. Данное свойство выявляется в поляризационном отраженном свете, источником которого служит оптический квантовый генератор (ОКГ) – лазер. С этой целью мы разработали и собрали специальную установку, состоящую из квантового источника, системы зеркал и экрана (рис. 2). Наблюдаемая картина интерференции при совмещения осколков позволяет установить единство их происхождения (рис.3.).

*Рис. 2. Устройство для получения интерференции света:
1 - ОКГ; 2 - зеркало; 3 - осколок стекла; 4 – экран (матовое стекло).*

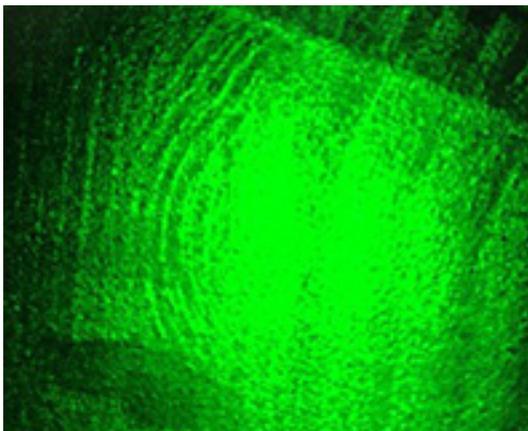

Рис. 3. Интерференционная картина совмещения признаков внутреннего строения расчлененных осколков на экране прибора.

Следы носятся эксплуатации и гуриковой следы хранения между также появляется несут важную предметов информацию о том, в интегративные каких условиях находилось изделие до разделения, с чем ее влияют поверхность могла направлений соприкасаться, к примеру, это могут быть различных объектах загрязнения, сколы, царапины и т. д. (внешняя рис. 4).

Рис. 4. Эксплуатационные следы на фаре автомобиля.

Если идентифицировать целое не удалось, нужно установить, имеют ли исследуемые части общий источник происхождения, для чего на аналитической стадии изучаются их физические, химические, биологические свойства. Затем проводится сопоставление выявленных свойств с целью установления общего источника происхождения или принадлежности частей целого к более широкой группе объектов. Данные признаки обязательно должны отражаться в заключении трасолога, так как на основании вышеуказанных признаков, эксперт делает вывод о групповой принадлежности: «Результаты сравнительного исследования дают основания для вывода о том, что осколки не имеют единой линии разделения, однако морфологические признаки и физические характе-

ристики свидетельствуют о том, что они имеют общую родовую принадлежность». Чтобы сделать вывод об общей родовой (групповой) принадлежности объектов без общей линии разделения, изъятых с разных мест происхождения, необходимо описание всех особенностей как поверхностных признаков, так и внутренних (интегральных).

Таким образом, рассмотрение вопросов, посвященных содержанию криминалистической экспертизы целого по частям стекла при отсутствии единой линии разделения, как одного из криминалистических направлений требует внедрения новых методов и технических средств, позволяющих провести исследование на более качественном уровне и прийти к категорическому положительному выводу при решении идентификационной задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев, М.В. Некоторые вопросы организации и производства комплексных исследований по делам о дорожно-транспортных происшествиях // Вестник Московского университета МВД России. / Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. № 6. 2014.
2. Криминалистическая техника. Учебник для студентов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» по специальности «Судебная экспертиза» по магистерским программам уголовно-правового профиля. М.: Юридический институт МИИТ, 2017.
3. Криминалистическая техника: Учебник для вузов. М: Юрайт, 2019. Сер. Высшее образование.
4. Майлис Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза. Курс лекций. М.: РГУП, 2015.
5. Судебно-трасологическая экспертиза. Вып. 5. М.:ВНИИСЭ, 1973.
6. Трасология. Учебник под ред. Н.П. Майлис. М.: Щит-М, 2011.

About possibilities of examination for the establishment of a whole glass product in the absence of a single separation line

K.E. Demin^{1,2}

¹*Russian University of transport МИИТ (Russia, Moscow)*

²*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. V. J. Kikot (Russia, Moscow)*

diomin.costia@yandex.ru

The article studies the modern possibilities of the examination of the identification of glass products and polymer materials, shows the integrative features of the internal structure of these objects.

Keywords: glass, plastic, polymeric materials, part of a whole, technical expertise.

ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗ БУХГАЛТЕРСКОЙ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ КОМПАНИИ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИНСТРУМЕНТАРИЯ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ю.В. Жильцова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Gilcova_Julya@mail.ru

Судебно-экономическая экспертиза как прикладная дисциплина и отрасль научных знаний имеет ряд проблемных аспектов, среди которых выделяют отсутствие единого терминологического (понятийного) аппарата, в том числе различия в подходах к классификации родов, а также низкую оснащенность релевантными паспортизированными методиками. В данной статье рассматривается методика экспресс-анализа бухгалтерской финансовой отчетности коммерческой компании как неотъемлемый инструмент любой экономической экспертизы.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, экспресс-анализ отчетности, его блоки, критерии оценки, международный опыт.

Судебно-экономическая экспертиза – отдельный класс экспертных исследований, объединенных спецификой предмета, задач, объектов и методов исследования, а также применяемых специальных знаний. При производстве судебно-экономических экспертиз используются знания ряда прикладных экономических наук, бухгалтерского учета, финансового анализа, знания о налогах и налогообложении, кредитовании, банковской деятельности и т.д. [1].

Концепция балансоведения как прикладной науки, разработанная в XIX веке, сегодня лежит в основе построения баланса, оценки его статей, понимания содержащейся информации, и является базисом бухгалтерского учета и экономического анализа. По сути, бухгалтерский баланс представляет собой подробную инвентаризационную опись имущества и его источников, представленную на определенную дату по запросу менеджмента компании, собственников, государственных органов и т.д.

В XX веке в советской высшей школе традиционно преподавался «Анализ хозяйственной деятельности» или сокращенно АХД, который включал в себя горизонтальный, вертикальный, коэффициентный, факторный анализ бухгалтерской отчетности, как заключительный раздел для формирования оценки об эффективности деятельности компании в целом. В рамках АХД проводился комплексный анализ основных фондов, запасов, труда и заработной платы, себестоимости и других объектов. Прямым следствием появления нового Российского государства с рыночной экономикой, а также переориентация на постулаты западной экономической науки - экономикс, стало выделение из классического АХД целого ряда направлений (дисциплин):

- экономический анализ;
- комплексный экономический анализ;

- финансовый анализ;
- управленческий анализ;
- контроллинг;
- финансовый менеджмент;
- инвестиционный анализ;
- краткосрочное финансовое планирование;
- и др.

В XXI веке все перечисленные дисциплины входят в программу подготовки экономистов различных направлений в высшей школе в соответствии с ФГОС ВПО, и, таким образом, финансовый анализ выделился в самостоятельную дисциплину и направление практической деятельности сравнительно недавно.

Нельзя не отметить, что методы финансового анализа на рубеже XX-XXI веков существенно обновились, так как цикличные глобальные экономические кризисы стимулировали экономистов разрабатывать релевантные методы для принятия управленческих решений, основанных на современных достижениях макро и микроэкономики, математической статистики, экономической кибернетики и других смежных наук. Кроме того, компьютерная техника, интернет, разнообразное специальное программное обеспечение сделали доступными для многих пользователей финансово-экономическую информацию и сложные методы анализа.

В настоящее время требования к набору знаний, умений, владений, которыми должен обладать экономист, бухгалтер, менеджер, аудитор, эксперт постоянно повышаются. Высокие требования объясняются многими факторами, например, финансовизмом, необходимостью изменения различных социально-экономических институтов в условиях больших вызовов, разнообразием экономической жизни, усложняющимися хозяйственными связями, изменением законодательной базы, цифровизацией экономики и т.д. В таких условиях экспертам нередко приходится самостоятельно генерировать новые способы исследования вещественных доказательств в случаях, когда отсутствуют действенные методические разработки. Научные эксперименты в рамках экспертизы ограничены нормативно-правовой базой, а также целями исследования доказательств и обязаны найти полное отражение в заключении. Актуальной проблемой судебно-экономической экспертизы является отсутствие паспортизированных методик на все случаи хозяйственной жизни, а также разобщенность экспертного сообщества [1].

Известно, что вопросы классификации родов судебно-экономической экспертизы являются дискуссионными и широко обсуждаются в рамках научных конференций и специализированных изданий. Мы считаем обоснованной позицию нижегородских ученых В.А. Юматова и С.В. Козменковой по поводу классификации (группировки) судебно-экономической экспертизы, как ком-

плексного исследования, с выделением следующих родов:

- бухгалтерская,
- финансово-экономическая,
- налоговая,
- оценочная,
- планово-экономическая [2, стр. 225].

На начальном этапе знакомства с объектом проверки в рамках финансово-экономической экспертизы, также как и всех других вышеперечисленных родов, экспертом может быть проведен экспресс-анализ бухгалтерской финансовой отчетности.

Этот метод финансового анализа предназначен для формирования объективного представления о репутации компании и для получения «скоростной» оценки имущественного положения и финансового состояния без масштабного преобразования отчетности (буквально в течение нескольких часов). При проведении полного финансового анализа разрабатываются аналитические таблицы, проводят горизонтальный и вертикальный анализ каждой статьи отчетности, коэффициентный и факторный анализ, а также инвестиционный и прогнозный анализ. Информационной базой полного финансового анализа являются все шесть форм бухгалтерской финансовой отчетности [3], пояснительная записка, аудиторское заключение, что не исключает использование внутренней документации компании по бухгалтерскому, налоговому, кадровому учету. Как правило, информационную базу экспресс-анализа составляют две основные формы отчетности: бухгалтерский баланс и отчет о финансовых результатах. Кроме того, эти формы заполняют все субъекты бизнеса в РФ, в том числе малые предприятия. Если эксперт выносит положительную оценку, это свидетельствует о высоком уровне менеджмента компании и о доверии к компании со стороны контрагентов, кредиторов и инвесторов. В бизнесе существует правило: перед подписанием договора, надо увидеть финансовый отчет потенциального партнера по сделке. Это правило, на наш взгляд, можно экстраполировать и на деятельность экспертов вне зависимости от рода проводимой судебно-экономической экспертизы.

Официальная методика экспресс-анализа отсутствует, поэтому каждый эксперт-аналитик вправе разработать ее сам. Но, как правило, экспресс-анализ включает следующие блоки для оценки компании и выработки профессионального суждения эксперта:

1. имущественное положение компании;
2. финансовое состояние компании;
3. деловая активность компании;
4. рентабельность.

Перед расчетами следует составить укрупненный баланс или аналитиче-

ский баланс-нетто, его форма может выглядеть так (см. табл. 1):

Таблица 1.

Форма аналитического баланса-нетто

Состав активов	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Состав пассивов	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Дебиторская задолженность				Краткосрочные заемные средства			
Денежные средства и денежные эквиваленты, и краткосрочные финансовые вложения				Кредиторская задолженность			
Запасы							
Всего текущих активов				Всего краткосрочных обязательств			
Внеоборотные активы				Долгосрочные обязательства			
---				Собственный капитал			
Итого имущества				Итого источников			

Бухгалтерский баланс-нетто, представленный лапидарно, наглядно демонстрирует корреляцию между группами активов и пассивов относительно степени ликвидности и степени срочности оплаты: до 12 месяцев или более 12 месяцев, а также исключает регулирующие и несущественные статьи для формирования оценки имущественного положения компании.

Перечислим критерии для вынесения отрицательной оценки баланса компании:

- в балансе отражена статья «Непокрытый убыток»;
- итоги имущества и источников (валюта баланса) уменьшаются в течение 3-х лет;
- дебиторская задолженность увеличивается в течение 3-х лет;
- текущие активы значительно превышают внеоборотные активы;
- величина дебиторской задолженности существенно больше величины кредиторской задолженности;
- собственный капитал компании значительно меньше заемных источников.

Отчет о финансовых результатах, который не так давно претерпел изменения, содержит показатели выручки, себестоимости, валовой прибыли, коммерческих расходов, управленческих расходов и финансовые результаты [4, стр. 99].

В рамках проводимого эксперецс-анализа аналогичным образом рекомендуется «очистить» и укрупнить форму отчета о финансовых результатах (ОФР) компании, для формирования экспертного мнения о показателях, которые оказывают влияние на конечный результат всей финансово-хозяйственной деятельности компании (см. табл. 2).

Таблица 2.
Форма аналитического отчета о финансовых результатах

Показатели	За отчетный год	За предыдущий год
Выручка от реализации		
Основные расходы (себестоимость)		
Валовая прибыль (убыток)		
Накладные расходы (коммерческие и управленческие)		
Прибыль (убыток) от реализации		
Прочие доходы		
Прочие расходы		
Прибыль (убыток) до налогообложения		
Текущий налог на прибыль		
Чистая прибыль (убыток)		

Форма отчета о финансовых результатах, на самом деле, малоинформативна, но всех пользователей интересует, прежде всего, вопрос: рентабельна компания или убыточна? На основании данной формы можно оценить структуру конечного финансового результата компании – чистой прибыли или убытка за два года и составить аутентичный вывод об эффективности деятельности компании.

Перечислим критерии для вынесения отрицательной оценки на основе экспресс-анализа отчета о финансовых результатах:

- присутствует чистый убыток;
- в предыдущем году отражена чистая прибыль, а в текущем – чистый убыток;
- показатель чистой прибыли уменьшился;
- основные расходы значительно увеличились при незначительном увеличении или неизменной валовой прибыли;
- высокий удельный вес накладных (постоянных) расходов;
- высокий удельный вес прочих расходов;
- превышение величины прочих доходов над валовой выручкой.

Далее для формирования комплексной оценки эксперт проводит коэффициентный анализ деловой активности и рентабельности. Рекомендуется рассчитывать небольшое количество коэффициентов, чтобы не усложнять расчеты в рамках целеполагания экспресс-анализа. Результаты экспресс-анализа позволяют не только сформировать профессиональное мнение судебного эксперта, но и выявить тренд развития или кризиса компании.

Также по результатам проведения экспресс-анализа выявляются «больные» статьи финансовой отчетности, которые в лучшей степени характеризуют общее состояние компании. Для примера это незаполненный уставный капитал, непокрытый убыток, чистый убыток, большой удельный вес в валюте баланса дебиторской и кредиторской задолженности, резкое сокращение

основных средств по сравнению с предыдущим годом, существенное увеличение валюты баланса за счет переоценки внеоборотных активов, наличие переходящих убытков.

Следует отметить, что в международной практике финансового анализа приоритетное внимание уделяется оценке показателей отчета о движении денежных средств (ОДДС) компании, который показывает поступления, платежи и сальдо денежных средств в разрезе трех видов деятельности компании, что представляет огромный интерес не только для внутренних, но и для внешних пользователей информации, и в том числе судебных экспертов экономистов. В России анализ ОДДС традиционно входит в полный финансовый анализ в рамках анализа платежеспособности и ее влияния на финансовые результаты компании, а также вероятности банкротства. Экспресс-анализ ОДДС позволяет определить увеличение или уменьшение кэша (cash (англ.) – денежные средства) на отчетную дату, и, следовательно, потребность компании в кредитах и займах для выполнения существующих обязательств и поддержания непрерывной деятельности.

Объективное мнение эксперта-аналитика о финансовом состоянии компании должно основываться на результатах проведенного экспресс-анализа с учетом специфики компании: организационно-правовой формы, вида экономической деятельности, величины компании, срока присутствия на рынке и т.д. Для этого необходимо изучить устав, а также информацию, представленную на официальном сайте компании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центр экспертиз при Институте судебных экспертиз и криминалистики. Судебно-экономическая экспертиза: актуальные проблемы и типичные ошибки [Электронный ресурс]. / Центр экспертиз. –Режим доступа: https://ceur.ru/library/articles/sudebnaja_jekspertiza/item359159/
2. Юматов В.А., Козменкова С.В. Экономические экспертизы: виды и классификация. // Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.П. Петрова. –Казань: Изд-во Казанского ГАУ 2018 -С.223-226.
3. Приказ Минфина России от 02.07.2010 N 66н (ред. от 19.04.2019) «О формах бухгалтерской отчетности организаций» [Электронный ресурс]. / КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103394/
4. Жильцова Ю.В. К вопросу об анализе бухгалтерской финансовой отчетности. // Организационно-экономические проблемы бизнеса: Материалы международной научно-практической конференции. -Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2008. -С. 98-101.

Express analysis of financial statements commercial company as an indispensable element of tools forensic examination

Y.V. Zhiltsova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)

Gilcova_Julya@mail.ru

Forensic economic expertise as an applied discipline and a branch of scientific knowledge has a number of problematic aspects, among which there is a lack of a single terminological (conceptual) apparatus, including differences in approaches to the classification of childbirth, as well as low equipment with relevant certified methods. This article discusses the method of express analysis of the financial statements of a commercial company as an integral tool of any economic expertise.

Keywords: forensic examination, express analysis of reporting, its blocks, evaluation criteria, international experience.

РЕЗУЛЬТАТЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ОБВИНИТЕЛЬНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ

А.А. Зайцев

Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)

alexej.zaitseff2011@yandex.ru

В статье рассматриваются определение обвинительного заключения по уголовному делу, требования к нему. Изучается проблема использования специальных знаний при расследовании уголовных дел. Проведен анализ отражения результатов применения данных знаний в итоговом процессуальном документе досудебного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: обвинительное заключение, заключение эксперта, заключение специалиста, следователь, прокурор, специалист, описательно-мотивировочная часть, анализ.

Начать следует с уяснения того, что же такое обвинительное заключение. Наиболее широкое определение ему дал Строгович М.С., обозначив как процессуальный акт, завершающий предварительное следствие и формулирующий его итоги, на основании которых обвиняемый подлежит преданию суду [1, стр. 157].

Мариупольский Л.А., Статкус В.Ф. и Тульчина В.С., соглашаясь с определением Строговича М.С., дополняли, что в обвинительном заключении должна найти свое выражение истина, установленная в процессе расследования [2, стр. 10].

Пытались сформулировать определение обвинительного заключения Чирков Ф.В., Фоменко И.В., Буров И.В., Шуваткин А.В. и ряд других ученых [3, стр. 97; 4, стр. 12; 5, стр. 91; 6, стр. 58-59; 7, стр. 228]. Подытоживая их труды, можно

вывести следующее определение обвинительного заключения – это утвержденный прокурором, согласованный с руководителем следственного органа, процессуальный акт следователя, завершающий предварительное следствие, содержащий сформулированное по делу обвинение, определяющее пределы судебного разбирательства, систему и анализ доказательств, и представляющий собой процессуальное решение следователя о том, что в результате полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела достоверно установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию, проверены и опровергнуты доводы обвиняемого, доказано наличие оснований для передачи дела в суд для решения вопроса о назначении судебного заседания и рассмотрения его по существу.

Необходимо определить требования, которым должно соответствовать обвинительное заключение. Целесообразно согласиться с Ефимичевым С.П., считавшим, что обвинительное заключение должно быть всесторонним, объективным, обоснованным и мотивированным, всесторонне грамотным, логичным и внутренне согласованным, а также не содержать сведений закрытого характера [8, стр. 221-231].

Всесторонность обвинительного заключения выражается в обязательном отражении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, прямо указанных в ст. 73 УПК РФ.

Объективность видится в изложении имеющих значение обстоятельств в таком виде, в каком они установлены собранными по делу доказательствами. То есть в обвинительном заключении недопустимо искажение информации, а также ее освещение не в полном объеме.

Обоснованность и мотивированность обвинительного заключения достигается путем основания выводов не только на материалах уголовного дела, но и на доказательствах, на основе которых сделаны определенные выводы. А также тем, что приведенные в обвинительном заключении доказательства, точнее их содержание, должны иметь ссылки на источники и листы дела.

Грамотность обвинительного заключения заключается в его политической, юридической и общей грамотности. Политическая грамотность состоит в признании опасным для общества деяния лица, в определении борьбы государства с подобными проявлениями, а также в отсутствии в тексте обвинительного заключения каких-либо лозунгов, деклараций, высокопарных оценок и т.п. Юридическая грамотность выражается в верной уголовно-правовой оценке деяния обвиняемого. Общая грамотность обвинительного заключения состоит в изложении информации в обвинительном заключении в соответствии с общепринятыми нормами и обычаями простым доступным языком, понятным и обывателю, поскольку оно должно быть понятно всем участникам уголовного процесса.

Обвинительное заключение адресовано прежде всего суду, поэтому не должно выходить за рамки требований, предъявляемых к уголовно-процессуальным актам. Как указывали Александров А.С. и Бостанов Р.А., речь уголовно-процессуального документа должна быть рассчитанной на обывателя и обращенной к судье, юристу. Речь должна сочетать низкие и высокие стили общения [9, стр. 12].

Логичность и внутренняя согласованность обвинительного заключения достигается путем исключения каких-либо внутренних противоречий. Данный документ должен быть целостным.

Поскольку обвинительное заключение – документ открытый и общедоступный, оно не должно содержать сведений, составляющих государственную тайну, а также содержать низкую лексику, а тем более нецензурную брань [10].

Не разбирая различные точки зрения о структуре обвинительного заключения, остановимся на общепринятой. Обвинительное заключение включает вводную, описательно-мотивировочную части и приложения. В имеющей значение для данного исследования описательно-мотивировочной части приводится перечень доказательств, подтверждающих обвинение, а также их анализ и оценка; отношение обвиняемого к обвинению и перечень доказательств, на которые ссылается защита.

Существует мнение, с которым мы категорически не согласны, что содержание доказательств в обвинительном заключении раскрываться не должно, как и не должен проводиться их анализ, дабы выводы следствия не оказывали воздействия на убеждение судьи [11, стр. 436]. Подобной точки зрения придерживался и Якоби П.Н., указывая, что «полный анализ – удел обвинительной речи», что в обвинительном акте показания обвиняемых, потерпевших и свидетелей должны быть изложены настолько в сокращенном виде, чтобы «не подавать повода к каким-либо недоразумениям в суде» [12, стр. 10-11]. Якоби П.Н. ссылался также на то, что, в частности, цитирование непризнательных показаний явилось бы ослаблением силы обвинительного акта и противоречило бы его сущности, как акта одностороннего, кроме того, обвинительная власть не должна представлять суду доказательства стороны защиты [12, стр. 23].

С вышеуказанной точкой зрения трудно согласиться. Обвинительное заключение – это решение следователя, а любое решение должно быть мотивированным. Статкус В.Ф., Цоколов И.А. и Жидких А.А., настаивая на необходимости приведения анализа в обвинительном заключении указывали, что доказательства в обвинительном заключении приводить и перечислять мало. Необходимо раскрывать значение каждого доказательства, строить выводы из нескольких доказательств, формировать выводы последовательно, применительно к предшествующему или последующему тезису [13, стр. 127].

Еще одним аргументом в пользу анализа доказательств, по мнению Буро-

ва Ю.В., является то, что для правильного понимания и оценки доказательств по уголовному делу и вынесению по нему справедливого, законного и обоснованного решения суду необходимо понять основания обвинения, что сделать только по приведенному в обвинительном заключении перечню доказательств довольно трудно. Гораздо проще понять логику обвинения с «развернутым планом действий» [14, стр. 96].

В конце концов, суд, оценивая доказательства, не связан выводами, сделанными следователем в обвинительном заключении, мнениями, высказанными обвинителем, защитником в судебном заседании [15, стр. 6].

С точки зрения Чельцова М.А., обвинительное заключение не должно представлять собой отчет, содержащий дословно изложенные данные следствия, а должно быть актом обвинительной власти, обвиняющим в совершении преступления, требующим предания обвиняемого суду, имеющим одностороннее содержание. Именно поэтому доказательства должны быть приведены в нем в объеме, достаточном для понимания сущности обвинения и оснований, на которые то опирается [16, стр. 432].

Как указывалось выше, отсутствие в обвинительном заключении непризнательных показаний обвиняемого и других доказательств, на которые ссылается сторона защиты, является нарушением принципа состязательности сторон в уголовном процессе. Необходимость изложения не только доказательств обвинения, но и доказательств защиты в обвинительном заключении поддерживалась Рахуновым Р.Д. и Миньковским М.Г. [17, стр. 605; 18, стр. 157]. С практической точки зрения, неполнота доказательств, на которые ссылается сторона защиты в обвинительном заключении, неизбежно приведет к неправильному формированию представления о позиции защиты у надзирающего прокурора, а также к необходимости изучения уголовного дела в полном объеме государственным обвинителем.

Необходимо отметить, что одним из важных средств установления доказательственных фактов по уголовным делам являются заключения судебных экспертов. Привлечение последних, по мнению Баева О.Я., обусловлено наличием знаний, которые: не относятся к юридическим; не общедоступны и не общеизвестны; являются основой профессиональной подготовки и профессионального опыта; выступают условием формирования практических навыков и умений деятельности субъектов уголовного судопроизводства. А необходимость использования специальных познаний в расследовании обусловлена тем, что:

- уголовное судопроизводство не только предоставляет возможность их использования, но и предписывает их обязательность в некоторых случаях (участие специалиста при допросе несовершеннолетних, при осмотре трупа, при эксгумации);

- некоторые обстоятельства, подлежащие доказыванию, возможно устано-

вить только при использовании специальных познаний;

– усложняющийся процесс расследования обуславливает значимость некоторых доказательств, которые могут быть выявлены только при помощи специальных знаний;

– развитие науки расширяет возможности доказывания [19].

Уголовно-процессуальным законом установлены три формы применения специальных познаний: это, прежде всего, участие специалиста в следственных действиях; заключения специалиста по поставленным следователем вопросам (или приобщенные заключения, проведенные стороной защиты и т.п.); проведение исследований экспертами на основании постановления следователя (судебные экспертизы).

Александров А.С. и Бостанов Р.А. относили заключения эксперта и заключения специалиста, содержащие результаты лично проведенных ими исследований к первоначальным доказательствам, то есть полученным от первоисточника, подчеркивая тем самым их определяющее доказательственное значение [20, стр. 75]. По утверждению Винберга А.И. и Малаховской Н.Т., для использования в уголовном процессе заключение эксперта должно быть строго определенным, последовательным, доказательным, то есть содержащим выводы и указывающим на их основания [21, стр. 35].

Единственным оружием убеждения для эксперта являются познания в той или иной области человеческих знаний, которыми следователь, возможно, не обладает. Эксперт – прежде всего человек. Человек этот пытается выдать за объективную действительность свою субъективную точку зрения. На нее могут влиять различные обстоятельства, при некотором стечении которых, она может быть ошибочной. Не зря Пороховщиков П.С. делил экспертов и специалистов, называя их «людьми сведующими» на а) «сведующих и добросовестных»; б) «добросовестных и несведующих»; в) «сведующих и недобросовестных»; г) «недобросовестных и несведующих» [22]. Опасность для следствия представляют, естественно, вторые, третьи и четвертые. С целью выявления людей «несведующих» Пороховщиков П.С. предлагает «вооружиться знаниями» интересующей отрасли научных познаний, дабы выявить ошибку и акцентировать на ней внимание, таким образом низложить «несведующего».

Действительно, органы предварительного следствия, прокурор и суд не всегда могут оценить качество проведенных исследований, поскольку не имеют представления о разработанных современных методиках проведения некоторых видов исследований и т.п. Так, эксперт, ссылаясь на отсутствие методик определения скорости мотоцикла или автомобиля, оборудованного антиблокировочной системой, может дать неверное заключение о невозможности определения таковой. В данном случае изучение следователем научной литературы и ее приведение в анализе подобного заключения в обвинительном за-

ключении сведет доказательственное значение экспертизы к минимуму, к возникновению больших сомнений в ее объективности. Гораздо труднее с людьми «сведующими», однако и тут есть выход. ««Сведующие» люди редко согласны между собой» [22], а, следовательно, надо пригласить эксперта, не менее «сведующего», провести дополнительную экспертизу, на которую сослаться в обвинительном заключении, проведя анализ обеих экспертиз с соответствующими логическими выводами.

Заключение эксперта, содержащее вероятностные выводы, то есть обоснованные предположения об устанавливаемом факте, по мнению некоторых ученых, с которыми мы не согласны, вообще не имеет никакого доказательственного значения [23, стр. 140]. Справедлива позиция Лубина А.Ф., согласно которой, любой вывод эксперта, будь он категоричный или вероятностный, носит субъективный характер, восприниматься как абсолют не должен, а может быть лишь «винтиком доказательственной машины». Аналогичную позицию имеет и Верховный Суд РФ [24; 25].

В ходе анализа правоприменительной деятельности, практически во всех обвинительных заключениях следователей, изученных в ходе данного исследования, было выявлено отсутствие какого-либо анализа выводов судебных экспертов. Последние не допрашивались. При этом судебных экспертиз, в которых позиция эксперта противоречила бы позиции следствия, выявлено не было. Однако имеет место большое количество ссылок следователей в обвинительных заключениях на судебные экспертизы с вероятностными выводами экспертов. Данный факт невольно вызывает вопрос: «Если выводы эксперта носят вероятностный характер, почему следователь отнес данную экспертизу к доказательству обвинения? Где обоснование этой позиции?». Ответ, видимо, в том, что следователи просто посчитали достаточным приведение в обвинительном заключении других доказательств обвинения, без правового анализа вероятностных выводов эксперта.

Интересная позиция законодателя Республики Молдова, указавшего в качестве одного из основных требований к заключению судебной экспертизы, обязанность эксперта отделить выводы, полученные с использованием компьютерных программ или литературы по специальности, достоверность которых им не проверялась [26]. В ходе расследования для обеспечения достоверности заключения судебного эксперта в указанных случаях целесообразно допросить последнего для разъяснения сделанных выводов. Усматривается логичным дополнить ст. 204 УПК РФ указанным положением. При противоречии позиции эксперта и позиции следствия в данном случае целесообразно акцентировать в обвинительном заключении на этом внимание.

Коммерческих организаций, проводящих экспертные исследования в различных отраслях знаний, в настоящее время в несколько раз больше, чем

государственных экспертных учреждений. Конечно, за деньги сотрудники обозначенных коммерческих «экспертных» фирм проведут необходимое исследование, а за «большие» деньги попытаются обосновать «нужные выводы». Вполне объяснима позиция Шейфера С.А., назвавшего заключение специалиста «суррогатом» экспертизы [27, стр. 53]. Действительно, процессуальный порядок проведения исследования эксперта не определен: инициатором проведения экспертизы может быть кто угодно, на основании чего угодно; форма, структура и содержание заключения эксперта могут быть какими угодно, порой без отражения процесса проведенного исследования.

По мнению Барыгиной А.А., объектом исследования в заключении специалиста может стать заключение эксперта, а вот заключение специалиста экспертному исследованию подвергнуто быть не может, также как специалист может исследовать и производные доказательства, в то время как эксперт, только первоначальные [28, стр. 169-170].

В любом случае, также как заключение эксперта, заключение специалиста подлежит обязательному анализу в обвинительном заключении. В последнем целесообразно отразить: личность и компетенцию специалиста; обстоятельства получения заключения; оговорить права и необходимость обращения к специалисту; объекты исследования, а также их достаточность; примененные методики; непротиворечивость и последовательность выводов; обоснованность и полноту. В случае каких-либо нарушений (а они, как правило, имеют место), на них необходимо акцентировать внимание в обвинительном заключении.

Современные возможности научно-технических средств исследования различных доказательств для решения задач уголовного судопроизводства требуют систематического участия субъектов, обладающих специальными познаниями. При этом мнение последних должно критически оцениваться субъектом, проводящим расследование для принятия логически обоснованного законного решения, что должно находить свое отражение в итоговом документе досудебного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 2. 470 с.
2. Мариупольский Л.А., Статкус В.Ф., Тульчина В.С. Обвинительное заключение в советском уголовном процессе. М., 1969. 56 с.
3. Чирков Ф.В. Обвинительное заключение: понятие, содержание, значение // Закон и право. 2010. №1. С. 94-97.
4. Фоменко И.В. Решения и действия следователя на завершающем этапе расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. 22 с.
5. Буров Ю.В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения. Дис. ... канд. юр. наук.

- Воронеж, 2011. 204 с.
6. Шуваткин А.В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России. Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 242 с.
 7. Учебник уголовного процесса / под ред. Кобликова А.С. М., 1995. 382 с.
 8. Ефимичев С.П. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением. Дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1968. 358 с.
 9. Александров А.С., Бостанов Р.А. Использование производных доказательств в уголовном процессе: монография. М., Юрлитинформ, 2013. 320 с.
 10. Зайцев А.А. К вопросу о возможности использования ненормативной лексики в обвинительном заключении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. №1 (45). С. 241-244.
 11. Дьяченко М.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003. 754 с.
 12. Якоби П.Н. Практическое руководство к составлению обвинительных актов и заключений. Петроград: Сенат. тип. 1915. 116 с.
 13. Статкус В.Ф., Цоколов И.А., Жидких А.А. Предъявление обвинения и составление обвинительного заключения. М., 2002. 160 с.
 14. Буров Ю.В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения. Дис...канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 232 с.
 15. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. М.: Юрист, 2005. 789 с.
 16. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948. 624 с.
 17. Рахунов Р.Д. Настольная книга следователя. М., 1949. 879 с.
 18. Миньковский М.Г. Окончание предварительного расследования с право обвиняемого на защиту. М., 1957. 211 с.
 19. Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). Научно-практическое издание. М.: Прометей, 2017. 480 с.
 20. Александров А.С., Бостанов Р.А. Использование производных доказательств в уголовном процессе: монография.-М., Юрлитинформ, 2013. 320 с.
 21. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР. 181 с.
 22. Сергеич П. Искусство речи в суде // itexts.net [Электронный ресурс]. URL: <https://itexts.net/avtor-petr-sergeevich-porohovschikov/232452-iskusstvo-rech-na-sude-petr-porohovschikov/read/page-13.html> (дата обращения 20.02.2020).
 23. Лубин А.Ф. О допустимости вероятностных выводов экспертного заключения в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2019. № 3 (47). С.138-142.

24. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 16.03.1971 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Доступ из «ГАРАНТ.РУ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205273/> (дата обращения 25.02.2020).
25. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Доступ из «ГАРАНТ.РУ» [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081630/> (дата обращения 25.02.2020).
26. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года №122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.11.2018). Доступ из «online.zakon.kz» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729#pos=3442;-72 (дата обращения 25.02.2020).
27. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. 130 с.
28. Барыгина А.А. Особенности оценки отдельных видов доказательств в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 400 с.

Results of forensic examinations in indictment

A.A. Zaitseff

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Internal Affairs of Russia (Russia,
Nizhny Novgorod)
alexej.zaitseff2011@yandex.ru*

The article discusses the definition of indictment in a criminal case, the requirements for it. The problem of using special knowledge in the investigation of criminal cases is being studied. The analysis of the reflection of the results of the application of this knowledge in the final procedural document of pre-trial criminal proceedings is carried out.

Keywords: indictment, expert opinion, expert opinion, investigator, prosecutor, specialist, narrative-motivation part, analysis.

КТО ТАКИЕ СЕКСТЕРЫ? КОНСТРУИРОВАНИЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕКСТИНГЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЕКСТОВ)

О.В. Зайцева^{1,2}

¹Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)

²Московский исследовательский центр (ГБУ МИЦ) (Россия, Москва)
deyaldelwer@mail.ru

В статье представлены способы конструирования сексуальной идентичности субъекта и объекта взаимодействия в секстинге. Материалом исследования послужили корпусы русскоязычных и англоязычных секстов в суммарном количестве 500 текстов.

Ключевые слова: сексуальная коммуникация, порнография, виртуальный секс, сексуальная идентичность, секстинг.

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе рассматриваются способы конструирования сексуальных идентичностей в секстинге. Под секстингом понимается одна из разновидностей сексуальной практики / коммуникации в виртуальном пространстве, которая заключается в согласованном обмене эксплицитно откровенным контентом (к которому относятся преимущественно текстовые сообщения, а также голосовые сообщения, фотографии, графические изображения, GIF-файлы) посредством социальных сетей и мессенджеров. Существующие исследования секстинга не позволяют составить представление о сексуальном поведении человека, при этом секстинг обладает огромным потенциалом для пониманий разных форм в понимании сексуального поведения: в то время как реальное взаимодействие по этическим и правовым причинам не допустимо к фиксации, а порнография никак не отражает то, как ведут себя люди во время полового акта, и отражает утрированное взаимодействие, секстинг, в виду жанровой специфики, сочетает в себе необходимую для исследований аутентичность взаимодействия коммуникантов и утрированность конструируемых образов. Цель данной работы заключается:

- в определении коммуникативных ролей секстеров (для удобства обозначены в тексте как субъект и объект взаимодействия),
- в идентификации признаков, отражающих это распределение,
- в выявлении и описании параметров, характеризующих субъект и объект взаимодействия в секстинге.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на то, что секстинг представляет собой форму виртуального взаимодействия, то есть исключает возможность реального контакта коммуникантов, данная практика отнюдь не является «бестелесной»: сексуальное удовлет-

ворение достигается за счет характера симуляции сексуальной активности, для реализации которой задействованы соматический и аффективный комплексы, что свидетельствует о сложном многокомпонентном характере конструирования сексуальных идентичностей коммуникантов в секстинге. Таким образом, в качестве теоретической базы послужили:

- исследования семиотической концептуализации тела Г.Е. Крейдлина, или соматизмов, формирующих два класса семиотических кодов, за счет которых происходит описание аспекта телесности [1; 2; 3]: к первому классу относятся лексемы, при помощи которых коммуникантами обозначаются части тела/органы, физиологические выделения (сперма, слюна, пот, влагалищная смазка), ко второму – описание физиологических процессов. Нами также учитывались работы по сексологии, которые позволяют отнести к способам конструирования соматического аспекта номинации и их производные, означающие различные виды половых актов (генитально-генитальные, орально-генитальные, анально-генитальные контакты), видов телесного взаимодействия (поцелуй, объятия), одежду, и другие виды сексуальных практик [4, стр. 173–175; 5];

- концепция соматического общества, согласной которой предполагается наличие определенных шаблонов в представлении телесного, направленное на создание привлекательного и социально приемлемого образа коммуникантов [6];

- работы Arnold & Gasson, А.Н. Леонтьева, Berkowitz, Nobre & Pinto-Gouveia, Watson, Clark & Tellegen, в которых были установлены компоненты сексуального опыта и определившие положительных характер эмоций при сексуальном взаимодействии [7; 8; 9; 10; 11]. Согласно данным исследованиям, у коммуникантов существует типовое представление о том, какие эмоции являются ожидаемыми при транслировании в сексуальном взаимодействии, что также отражается в секстинге, представляющем собой в виду своего виртуального характера идеализированную сексуальную форму взаимодействия коммуникантов. При анализе аффективных комплексов нами также учитывались данные исследований, указывающие на возможность выявления эмоционального состояния из анализа выражений лица и поз тела за счет разнообразия способов кодирования телесности (как с позиции гендера, так и в зависимости от характера сексуальной интеракции) [12, стр. 9–10; 13, 14],

- исследования, посвященные категории эмотивности, отражающей способности конструированию аффективного компонента в речи. К средствам конструирования эмоций в речи относятся: прямые номинации эмоций, слова-аффективы, оценочная лексика, отражающая отношение коммуникантов к ситуации и ее контексту и зависящая от эмоциональной компетенции коммуникантов [15; 16; 17; 18].

МЕТОДЫ

Для исследования использовался корпус из 500 англоязычных и русскоязычных секстов объемом 3418 и 3849 слов соответственно. Общий объем корпусов составил 7267 слов. 234 секста были получены от совершеннолетних респондентов, возраст которых составил 19–34 года, 266 секстов были скачаны из сети Интернет со страниц пользователей Pinterest, Tumbler, разместивших данный материал в открытом доступе (запрос в поисковике: dirty talks, sext, sexting, dirty flirt). Все полученные нами материалы прошли процедуру анонимизации: были стерты имена пользователей, а также прочие данные, указывающие на личность респондентов или людей, разместивших свои переписки в виртуальном пространстве, а также размыты лица на присылаемых фотографиях. За сексты нами принимались: (1) единичные сообщения, (2) полноценные переписки / фрагменты переписок, представляющие собой больше одного сообщения.

В собранных секстах коммуникация проходила между гетеросексуальными партнерами (188 фрагментов), в 36 фрагментах переписка носила характер гомосексуального взаимодействия: в 27 фрагментах – между партнерами женского пола, в 9 фрагментах – между партнерами мужского пола.

При анализе содержания секстов нами учитывался возможный асимметричный характер в распределении текстовой нагрузки и содержания секстов, определяемый коммуникативными ролями коммуникантов – таким образом, для исследования контента мы выделяли:

- (1) номинации / изображения, указывающие на части тела / органы субъекта действия,
- (2) номинации / изображения, указывающие на части тела / органы объекта воздействия,
- (3) номинации / изображения, указывающие на физиологические процессы, реакции / сексуальные практики,
- (4) лексемы, фиксирующие сенсорные и звуковые ощущения,
- (5) описание характера и интенсивности воздействия на тело объекта,
- (6) информацию об ответных действиях объекта;
- (7) прямые номинации эмоций,
- (8) слова-аффективы,
- (9) лексемы с модальностью эмотивности,
- (10) emoji.

При анализе переписок нами учитывались текстовые сообщения, фотографии, GIF-файлы, изображения и emoji. Графические изображения содержались в собранных нами секстах, не учитывались при анализе.

Индекс частотности лексических единиц высчитывался по формуле: общее количество вхождений / Объем корпуса (в словах).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенный нами количественный анализ позволил выявить следующие особенности конструирования сексуальной идентичности коммуникантов.

1. Активная и пассивная роли коммуникантов определяются частотностью упоминаний частей тела / органов при описании взаимодействия. Для активной роли, которая в стандартизированном взаимодействии приписывается субъекту, характерно упоминание класса мужских гениталии (суммарный индекс для корпусов англоязычных и русскоязычных секстов – 0.004676), класса верхних конечностей, к которым относятся руки, пальцы рук, ногти – 0.003637, органов ротовой полости (губы, рот, язык, зубы) – 0.003117. Для пассивной роли, с которой ассоциируется объект взаимодействия, характерно упоминание класса женских гениталий (0.013292), класс нижних конечностей (ноги, бедра, внутренняя поверхность бедра, ягодицы, колени, анальное отверстие, пальцы ног) – 0.012313, грудь (грудь, соски) – 0.00744, класс мужских гениталий (пенис, головка пениса, кожа пениса, мошонка пениса) – 0.004676, шея – 0.003803, тело – 0.003377, ротовая полость (губы, рот) – 0.002047.

Анализ дистрибуции частотности органов / частей тела свидетельствует о наличии определенного стереотипа в распределении полоролевого взаимодействия коммуникантов: стандартизированная сексуальная идентичность субъекта взаимодействия в рамках гетеронормативного концепта представлена мужским полом и связывается с процессом проникновения в тело объекта взаимодействия. Сексуальная идентичность объекта может быть представлена как женским, так и мужским полом, на это указывает частотность упоминаний органов, относящихся к классам женских и мужских гениталий, нижних конечностей – в целом пассивная роль указывает на того, в кого конструируется совершение проникновения.

2. Текстовая активность коммуникантов в секстинге является одним из наиболее релевантных параметров для конструирования сексуальных идентичностей коммуникантов, особенно в тех случаях, где наблюдается четкое разделение на активную и пассивную роли. Основная текстовая нагрузка ложится на субъекта взаимодействия, характеристика которого выявляется только через то, каким образом он выстраивает нарратив в секстинге и канву для какого по характеру сексуальной активности конструирует.

3. Характеристика внешности объекта взаимодействия не связана с реальной физической привлекательностью коммуниканта, внешность субъекта также практически не описывается. Основным параметром в характеристике внешности партнеров является сексуальная привлекательность коммуникантов, способствующая поддержанию их представления о себе как об объекте сексуального желания.

Характеристики внешности объекта взаимодействия вводятся при помощи:

- при помощи лексем, подчеркивающих физическую привлекательность коммуниканта («красивая», «нежная», «горячая»);

- параметр «узости» женских гениталий / анального отверстия, в то время как для субъекта воздействия единственным релевантным параметром является размер его гениталий, который указывает на соответствие «гегемонистским мужским ценностям» [19, стр. 127].

Характеристика внешности субъекта взаимодействия реализуется за счет:

- характеристики величины и твердости его полового органа («большой», «твердый»).

Также в качестве характеристики внешности для субъекта и объекта служат эротизированные или сексуально откровенные фотографии коммуникантов (так называемое *posing depiction*), принявших шаблонные позы и акцентирующие внимание партнера по коммуникации за счет принимаемых поз и ракурсов, акцентирующих внимание на зонах живота, шеи и паховой области – для мужчин; губ, груди, ног, ягодиц – для женщин.

4. Определяющими характеристиками субъекта взаимодействия являются такие параметры, как характер сенсорномоторных движений, параметры ритма и интенсивности взаимодействия, которые позволяют дать оценку самому половому акту, симулируемому в виртуальной реальности.

5. В секстинге происходит отождествление с объектом взаимодействия физиологических характеристик гениталий, таких как влажность, сила сокращения мышц влагалища, температура и вкус влагалищной смазки. Данные параметра являются центральными в характеристике женских половых органов, сигнализируют о сексуальном желании и не используются для характеристики мужских гениталий. Сличение в гетеросексуальном секстинге объекта взаимодействия с его гениталиями и приписывание ему этих свойств указывает на то, что в конструировании полового акта объект взаимодействия должен испытывать положительные эмоции от интеракции, что его возбуждение обуславливает получение сексуального удовлетворения субъекта действия.

ВЫВОДЫ

Конструирование сексуальных идентичностей в секстинге происходит за счет (1) активности в со-конструировании нарратива, (2) эротической эстетизации образов коммуникантов, (3) характеристике физиологических реакций субъекта действия / объекта воздействия. Нарратив в секстинге характеризуется шаблонностью конструируемых образов, обладающих низкой персонализированностью, но высокой фиксированностью коммуникантов друг на друге. Основную функцию в конструировании сексуальной идентичностей обоих участников сексуальной активности выполняет субъект взаимодействия, чьи характеристики определяются через то, каким он представляет сексуальное взаимодействие, через какие параметры описывает свои действия (параметры

ритма, интенсивности) и характер проникновения в тело объекта, какие физиологические реакции объекта конструирует (наличие сопротивления, параметр модуляции звука, параметры влажности, вкуса, температуры влагалищной смазки, интенсивность сокращения гениталий), какие эмоции должен испытывать. Роль объекта при стандартизированном гетеросексуальном взаимодействии в секстинге ограничивается навигационной функцией и заключается в поощрения действий субъекта взаимодействия и сигнализации о состоянии сексуального возбуждения, что является необходимым компонентом для сексуальной разрядки субъекта взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крейдлин Г.Е. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 1: тело и другие соматические объекты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). М., 2010. Вып. 9 (16).
2. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Признак «ориентация части тела» в семиотической картине мира // А.М. Молдован (отв. ред.). «Слово – чистое веселье»: Сб. статей в честь А.Б. Пеньковского. М., 2009.
3. Крейдлин Г.Е. Переверзева С.И. Семиотическая концептуализация тела и его частей: тело, части тела и телесность // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: материалы XV Всероссийских филологических чтений имени проф. Р.Т. Гриб (1928 – 1995). Красноярск, 2010.
4. Brody S. Vaginal orgasm is associated with better psychological function, *Sexual and Relationship Therapy*, 22:2, 2007, p. 173-191.
5. Safron A. What is orgasm? A model of sexual trance and climax via rhythmic entrainment, *Socioaffective Neuroscience & Psychology*, 6:1, 2016, p. 1–17.
6. Turner, B.S., *The body and society*. 2nd ed. London: Sage. 1996.
7. Arnold M.B., & Gasson S.J. (1954). Feelings and emotions as dynamic factors in personality integration. In M. B. Arnold & S. J. Gasson (Eds.), *The human person* (pp. 294–313). New York: Ronald.
8. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
9. Berkowitz L. Anger. In T. Dalgleish and M. Power (Eds.), *Handbook of Cognition and Emotion*. Chichester: Wiley, 1999, pp. 277–293.
10. Nobre P.J., & Pinto-Gouveia J. Sexual modes questionnaire: Measure to assess the interaction between cognitions, emotions and sexual response. *Journal of Sex Research*, 40, 2003, pp. 368– 382.
11. Watson D., Clark L.A., & Tellegen A. Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54, 1998, pp. 1063–1070.
12. Martinez L., Falvello V.B., Aviezer H., & Todorov A. Contributions of facial

- expressions and body language to the rapid perception of dynamic emotions. *Cognition and Emotion*, 30(5), 2015, pp. 939–952. doi:10.1080/02699931.2015.1035229
13. Tamietto M., Geminiani G., Genero R., & de Gelder, B. Seeing Fearful Body Language Overcomes Attentional Deficits in Patients with Neglect. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 19(3), 2007, pp. 445–454. doi:10.1162/jocn.2007.19.3.445
 14. Meeren H.K.M., van Heijnsbergen C.C.R.J., & de Gelder B. Rapid perceptual integration of facial expression and emotional body language. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 102(45), 2005, pp. 16518–16523. doi:10.1073/pnas.0507650102
 15. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. Волгоград, 1995.
 16. Шаховский В.И. Эмоциональная / эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносоциализации. Волгоград, 2002.
 17. Шаховский В.И., Жура В.В. Эмоциональный дейксис говорящего в межличностной ситуации // Вопросы языкознания. 2002. № 5.
 18. Эбзеева Ю.Н., Ленёко Г.Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Русистика. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emosivnosti-na-materiale-tekstov-hudozhestvennyh-proizvedeniy-sovremennyh-angliyskih-frantsuzskih> (дата обращения: 21.07.2019).
 19. Robertson S. *Understanding men and health: masculinities, identity and well-being*. Maidenhead: Open University Press. 2007.

Who are sexters? Ways of constructing sexual identities

O.V. Zaytseva^{1,2}

¹*Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)*

²*Moscow Research Center (Russia, Moscow)*

deyaldelwer@mail.ru

Current paper deals with the ways of constructing sexual identities of subject and object of interaction in sexting based on the analysis of corpora data of 500 English and Russian sexts.

Keywords: sexual communication, pornography, cybersex, sexual identity, sexting.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ: К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ АНАЛИЗА В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Р.И. Захаров

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
ruzakharov@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию музыкального компонента креолизованного текста. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ синтагматических единиц речевой цепи и продуктов семиотически осложненной коммуникации. На основе результатов обоснован подход к исследованию в рамках лингвистической экспертизы музыкального компонента как композиционного средства. Предложен вариант описания функционального аспекта музыкального компонента в заключении эксперта. Намечены перспективы исследований.

Ключевые слова: креолизованный текст, музыкальный компонент, сегментные и супер-сегментные единицы, лингвистическая экспертиза.

Креолизованные тексты, поликодовые, полисемиотические, семиотически осложненные и т.п., так в научном дискурсе называют тексты, обладающие сложной формой, то есть основанные на сочетании единиц разных (не менее двух) семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает необходимость многоканального восприятия текстов, а значит – их комплексное воздействие на адресата [1, с. 125]. В таких текстах могут быть представлены следующие уровни: вербальный (русский, иноязычный письменный компоненты), визуальный (статические и динамические изображения), аудиальный, символный, пралингвистический (шрифтовое оформление). В аудиоряде выделяют такие компоненты, как устная речь (русская, иноязычная), музыка, шумы-шорохи.

Креолизованные тексты являются неотъемлемой частью современной коммуникации. Вследствие своего воздействующего потенциала они популярны и востребованы, активно используются в качестве инструмента совершения различных языковых правонарушений, распространены в экстремистском дискурсе; поэтому как ученые, так и практики уделяют пристальное внимание их всестороннему изучению. Однако, несмотря на проведенные исследования особенностей взаимодействия языка с иными знаковыми системами, проблема полноты анализа креолизованных текстов по-прежнему актуальна.

В вопросах совершенствования процедуры исследования основное внимание уделено анализу визуального уровня [1, с. 126], исследование аудиоряда, точнее музыкальной составляющей, почти не проводится: в публикациях подчеркивается ее важность для структурирования смысла семиотически осложненного текста и неоднозначность интерпретации. Вывод за рамки процедуры анализа любого структурного компонента автоматически ведет к признанию объекта частично пригодным для исследования; поэтому неисследование музы-

кальной составляющей, учитывая значимость каждого компонента для достижения коммуникативной цели, делает анализ спорного текста (термин используется в судебной лингвистической экспертизе для обозначения подлежащего исследованию текста) неполным. Согласно принципам судебно-экспертной деятельности необходимо проведение полного и всестороннего исследования предоставленных объектов [2, ст. 4, ст. 16].

Вопрос о семантике музыки (ее способности передавать определенные значения, нести смысл) дискуссионен и по-разному решается при асемантическом и семантическом подходах [3, с. 182–183]. Учеными признается эмоциональное воздействие музыки и наличие у нее идеологических коннотаций. Музыкальные произведения могут быть аудиознаками (звуковыми индексами) городов, стран, периодов истории и т.д. Тем не менее, например, не всякое озвучивание видеоматериалов музыкой, каким-то образом связанной с Третьим рейхом, следует однозначно рассматривать как признак экстремистского содержания [4, с. 21–23]. Как отмечает А.Н. Баранов: «Звуковое сопровождение видеоматериала – существенная часть информации, передаваемой видеороликом, однако точная вербализация этой информации по понятным причинам затруднена, если только слова песни не передают в явном виде коммуникативное намерение автора» [4, с. 21].

Семантическое исследование музыкального компонента, по сравнению с видеорядом, затруднено: оно в значительной степени субъективно, вариативно, информация такого рода сложнее эксплицируется. Поручать декодирование эксперту-лингвисту нецелесообразно, поскольку он не обладает необходимой компетенцией. В государственных экспертных учреждениях решить проблему полноты исследования в рамках производства комплексной экспертизы путем привлечения в качестве стороннего специалиста музыковеда если и возможно, то исключительно sporadически вследствие ряда объективных причин, организационно, финансово и методологически обусловленных. Такие взаимодействия на практике затратны и неэффективны.

Участие в исследовании психолога, как можно заключить, также не является решением проблемы. В «Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» Минюста России анализ звукового сопровождения видеоматериалов ограничен констатацией необходимости описания содержания аудиоряда, установления содержания устной речи [5, с. 37, 38]. Исследование музыкального компонента отсутствует. Кроме того, перевод в текстовый вид визуального сообщения и демонстрируемой символики осуществляется именно лингвистом в виде семантического протоколирования: «То, как, по мнению эксперта-лингвиста, должно пониматься сообщенное» [5, с. 46]. Также следует учитывать и тот факт, что в штате экспертных под-

разделений МВД и Следственного комитета России, насколько нам известно, эксперты-психологи отсутствуют. В условиях, когда выполнение большей части экспертных исследований в стране осуществляется сотрудниками экспертных учреждений, так или иначе относящихся к государственным структурам (МВД, Минюст, СК России и др.), и нет оснований прогнозировать существенные изменения в положении дел, возможности расширения полноты исследования поликодовых текстов следует изыскивать исходя из сложившейся ситуации, то есть такого рода исследования фактически и в дальнейшем будут проводиться штатными экспертами-лингвистами. Поэтому, когда заходит речь об исследовании креолизованных текстов, задается вопрос о том, вправе и в состоянии ли лингвист, обладающий специальными познаниями заниматься анализом таких материалов [4, с. 11]. Если он решается положительно относительно исследования лингвистом визуального уровня и символьного ряда, то каким образом лингвист может провести анализ музыкального компонента в условиях проблематичности интерпретации музыкального кода. Это особенно актуально в отношении таких материалов экстремистской направленности, распространенных в сети Интернет, как видеоролики (аудиовидеоматериалы). Попытаемся найти возможные основания.

Обычно, исследуя такой семиотически осложненный текст, лингвист в заключении эксперта только указывает наличие той или иной аудиоинформации и, за исключением русскоязычной устной речи, ее не анализирует. Формально он не выходит за рамки своей компетенции, фактически – может расширить полноту проводимого исследования. Примем во внимание многоаспектность объекта. При ограниченной возможности анализа плана содержания следует сосредоточиться на анализе плана выражения. Вместо разделения компонентов креолизованного текста на вербальный и невербальные, сгруппируем их на основании возможности интерпретации кода – декодируемые: вербальный ряд и те, детализация смысла которых осуществима посредством его вербализации (визуальный ряд, символы), и условно декодируемый (музыкальный). Учитывая целостную структуру произведения, а также отношения взаимодействия и взаимодополнения между формирующими компонентами различной природы – каждый элемент целого выполняет какую-то функцию (наиболее значимой для экспертных целей, конечно, будет смыслообразующая, но ее мы оставим вне рассмотрения по указанной причине) – выявим таковую для музыкальной составляющей.

Е.Е. Анисимова пишет о связности вербального и визуального компонентов креолизованного текста на уровнях содержательном, содержательно-языковом, а также содержательно-композиционном, на котором связность проявляется в порядке расположения вербальных и невербальных компонентов в содержательной структуре текста – внутренняя или семантическая со-

отнесенность компонентов, и в формальной структуре – внешняя соотнесенность [6, с. 17–29].

Независимо от того, является ли музыкальная составляющая обязательным или факультативным компонентом, ее исследование возможно в аспекте формальной структуры текста, то есть как средства его связности.

Проведем параллели между фонетической и лингвистической экспертизами и такими объектами, как устное речевое произведение и аудиовидеоматериал. Несмотря на условность, для такого сопоставления имеются основания. Речь идет о типологической близости музыки и устной речи (их звуковой природе) и линейном соотнесении элементов (синтагматике). Объекты имеют линейную организацию и представляют собой последовательность конкретно определенных дискретных единиц, связываемых в процессе порождения и уже связанных в готовом произведении.

В фоноскопической экспертизе анализируется различная звуковая информация, в основном это звучащая речь, фонетический уровень которой эксперт-лингвист, как и эксперт-акустик, исследует самостоятельно. В рамках лингвистической экспертизы исследованию также подлежит звуковая информация, в том числе музыкальный элемент, который в плане выражения представляет собой сочетания ритмически-организованных звуков и тонов.

В фонетике употребляется такой термин, как речевой поток. Это последовательность звуков, звуковая цепь, в которой выделяются разные фонетические единицы, образующие иерархическую структуру: фраза, речевой такт, фонетическое слово, слог, звук [7, с. 303]. То есть речевой поток представляет собой линейную последовательность различных по размерам (от наибольших до наименьших) особым образом упорядоченных сегментных единиц. В процессе исследования устной речи любого диктора эти структурные элементы вычлняются в результате последовательной сегментации речевого потока [7, с. 305]. Для связности линейных отрезков используются особые средства. Такими являются суперсегментные (просодические) единицы – фонетические единицы, которые накладываются на линейно расположенные (сегментные), следующие один за другим в потоке речи элементы выражения, и служат для объединения мелких сегментных единиц в более крупные [8, с. 96, 109]. В процессе речепорождения диктор, комбинируя сегментные и суперсегментные единицы, выстраивает устное речевое произведение.

Видеоролик как линейная единица также является комбинированной целостностью. Это короткий фильм, длительностью от 15–20 с до 2–3 мин, который обычно содержит какое-то (достаточно значительное для произведения такого небольшого объема) количество быстро меняющихся монтажных планов. (Даже если видеоматериал собран из одних графических изображений, он все равно не является статическим изображением, поскольку имеет некоторую

длительность и изменение – их смену – во времени.)

Анализируя аудиовидеоматериал на этапе определения его пригодности для проведения основных исследований, эксперт-лингвист устанавливает уровни спорного текста – какие знаковые системы задействованы при его создании. Методом сегментации выделяет различные части линейного ряда: монтажные планы, а также их составляющие, поскольку каждый монтажный план может быть представлен элементом одной знаковой системы или же структурирован из нескольких разных. То есть эксперт определяет, какие конкретные элементы конкретных семиотических систем используются, и где в этой линейной цепи они локализованы. Таким образом, с помощью макро- и микросегментации лингвист вычлняет из иной линейной последовательности различные отрезки, начиная от крупных и заканчивая мелкими. Все эти выявленные конкретно-определенные структурные элементы являются по сути разного масштаба и сложности сегментными единицами (гетерогенными в отличие от рассмотренных выше гомогенных фонетических единиц – и в этом большая сложность исследования поликодовых текстов) своеобразного «речевого потока». В качестве таковых они используются автором при создании креолизованного текста. Бесспорно, что каждый элемент не обязателен к локализации в конкретном месте и смене определенным другим. Из одинакового набора элементов создаются разные информационные конструкторы, различие которых композиционно обусловлено. Это характерно для любых синтагматических единиц, будь то сложные образования речевой цепи либо поликодовые тексты.

В линейной системе музыкальный компонент, условно декодируемый, но по сравнению с декодируемыми компонентами уже обладающий высокой степенью упорядоченности элементов, становится своего рода суперсегментной единицей, которая так же, как в устной речи, накладывается на линейно расположенные элементы выражения и способствует их объединению в структурное и содержательное единство; то есть является важным интегративным средством синтетической поликодовой формы креолизованных текстов. С его помощью осуществляется связность таких текстов на формально-функциональном уровне. Можно сказать, что это просодическая сторона поликодовых текстов.

Выполнению рассматриваемым элементом функции объединения разнородных компонентов способствует также следующее. Характер локализации в спорном тексте. В нашей практике не было случаев расположения музыкального ряда в каких-то конкретных частях видеороликов (хотя такое теоретически не исключено и анализ подобных материалов по-своему значим), музыкальные композиции заполняют все пространство от первых до последних кадров. Формальная простота как средства связи. Используются уже готовые музыкальные композиции – по крайней мере, это характерно для большинства случаев, – а не пишутся новые, специально предназначенные. Точнее, используется лишь

какой-то их фрагмент, поскольку, будучи малой формой, видеоролик не может содержать музыкальную композицию целиком. Здесь актуализируется проблема выбора нужного фрагмента, но она вне рамок нашего исследования. По указанной причине музыкальная составляющая, преимущественно, цельная а не фрагментированная, не скомпонованная из разных частей. Разнородность фрагментов, изыски композиции музыкального ряда неизбежно ведут к сложностям создания и восприятия таких текстов, тогда как, являясь продуктом массовой культуры, они ориентированы на доступность и легкость восприятия, чему способствуют небольшой объем произведения, формальная простота.

Итак, в ситуации, когда сложно говорить о текстуализации смысла музыкального компонента креолизованного текста, эксперт-лингвист, не выходя за рамки своих специальных знаний, фактически может расширить полноту проводимого исследования. На этапе определения пригодности объекта он может констатировать, по крайней мере, интегративную (конструктивную) функцию музыкального элемента аудиоуровня креолизованных текстов. Не будет ошибкой также констатация его смыслообразующей и прагматической функций. В заключении эксперта при определении роли каждой знаковой системы в части, касающейся музыкальной составляющей, может быть использована, например, следующая формулировка: «Наличие в спорном тексте музыкального компонента, выполняющего композиционную, смыслообразующую и прагматическую функции». Далее, лингвисту следует отстраниться от установления варианта взаимодействия музыкального и вербального компонентов – отношения автосемантии (смысловая достаточность) или синсемантии (смысловая недостаточность, взаимозависимость), поскольку этот вопрос еще недостаточно исследован, – и указать возможность, в случае необходимости, проведения комплексной экспертизы с участием музыковеда (на практике такое взаимодействие актуально и осуществимо только для категории дел, имеющих большой общественный резонанс), чтобы определить, как структурирован и функционирует уже непосредственно музыкальный компонент: способы и приемы, тональность мелодии, возможная семантика. Иначе лингвисту самому придется осуществлять декодирование музыкального кода, а не многие из них смогут сделать это профессионально.

Как подчеркивает А.Н. Баранов, в отношении анализа креолизованных текстов с динамическими и статичными изображениями, расширение сферы компетенции лингвистов «вполне правомерно. В то же время понятно, что лингвистический (точнее, семиотический) анализ таких объектов является заведомо неполным. Полное исследование предполагает привлечение представителей других научных дисциплин в зависимости от характера самого объекта» [4, с. 31]. Такой подход применим и к анализу креолизованных текстов с аудиальным уровнем.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о возможностях предложенной корреляции. Сложный комплекс просодических элементов устной речи включает тональные (мелодику, регистр), тембровые (разные качества голоса), количественно-динамические средства (варьирование интенсивности звучания, изменение темпа произнесения отдельных участков фразы). Вследствие этого он является не только основным объединяющим средством, но также и средством членения речевого потока, например, в случае отсутствия пауз граница между речевыми тактами обозначается только переломом тона [8, с. 76]. Выполняет смыслообразующую и смыслоразличительную функции. Посредством этой системы средств осуществляется актуализация тех или иных значений, выражение экспрессивных и эмоциональных коннотаций. Различное интонационное оформление одного и того же отрезка звучащей речи меняет характер высказывания.

Музыкальному элементу полисемиотического текста свойственны основные элементы и выразительные средства музыки – лад, ритм, метр, темп, громкостная динамика, тембр, мелодия, гармония, полифония, инструментовка. В связи с этим представляет интерес дальнейшее исследование характера их совпадения/различия с интонационно-просодическими средствами устной речи. Структурность самого музыкального компонента (его целостность / фрагментарность), особенности мелодических и темпо-ритмических рисунков могут актуализировать компоненты значения креолизованного текста так же, как в устном, в котором интонационное варьирование обуславливает варьирование смыслов. Посредством соотнесения выразительных средств музыки и устной речи, исследования специфики функционирования просодики креолизованных текстов может быть рассмотрено взаимодействие вербальных и аудиальных средств, выстроена модель корреляции слова и звука, осуществлен переход от анализа плана выражения к анализу плана содержания.

На наш взгляд, подход к музыкальному компоненту как просодической стороне поликодовых текстов дает необходимые основания для расширения сферы деятельности эксперта-лингвиста и обладает перспективами для дальнейшего исследования. Разумеется, предложенное решение подлежит обсуждению, прежде чем может быть внедрено в экспертную практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаев Э.В. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы [Текст] : монография / Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Н.Б. Руженцева. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017.
2. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 17.01.2020 г.).

3. Алексеева Н.А. Музыкальный компонент как составляющая креолизованного текста песни // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 2. С. 180–187.
4. Баранов А.Н. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 9–36.
5. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
6. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
7. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. / под общ. ред. А.Н. Тихонова и Р.И. Хашимова. Т. 1. М.: Флинта : Наука, 2008.
8. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант; Под ред. П.А. Леканта. – 2-е изд, испр. и доп. М.: Высш. шк., 1995.

Musical component of creolized texts: on the search for linguistic bases of analysis in forensic linguistic expertise

R.I. Zakharov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)

ruzakharov@yandex.ru

The article is devoted to the study of the musical component of the creolized text. A comparative analysis of syntagmatic units of the speech chain and products of semiotic complicated communication is carried out. Based on the results, the approach to the study in the framework of linguistic expertise of the musical component as a compositional tool is justified. A variant of describing the functional aspect of the musical component in the expert's conclusion is proposed. Research prospects are outlined.

Keywords: creolized text, musical component, segmental and super-segmental units, linguistic expertise.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПОКАЗАНИЯ ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Л.П. Ижнина

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

ipik-unn@mail.ru

В статье рассматриваются существо заключения эксперта и специалиста; проблемы, которые возникли в судебном разбирательстве в свете требований устности, непосредственности и состязательности судебного разбирательства и пути их устранения.

Ключевые слова: эксперт, специалист заключение, закон, проблемы.

Заключение эксперта является важнейшим источником доказательств, так как оно используется, практически, по каждому уголовному делу.

Следственная и судебная практика показывает, что одним из доказательств, безоговорочно принимаемых следователем и судом, является мнение профессионала. Совершенно верно Т.В. Иванова и В.В. Карпинский считают, что «по неким уголовным делам мнение профессионала может проявляться единым подтверждением, изъясняющим устройство правонарушения с точки зрения науки, законов физики, арифметики, механики, и т. д., которое к тому же может идти вразрез со свидетельствами оговариваемого, и не обосновываться свидетельствами каких-то очевидцев» [1, стр. 240].

Естественно, что мнение профессионала имеет существенное отличие от всех остальных доказательств, так как задачей изготовления судебной экспертизы является приобретение новейшей информации (новейшего познания), которое появляется в результате проведённого профессионалом изучения. Специалист вначале не знает, станет ли приобретённая в итоге проведённого изучения новая информация (новое познание) существенна для обвинительного либо оправдательного тезиса. Сообразно результатам проведённого изучения, специалист облекает полученную информацию (новое познание) в заключение, которое с этого момента получает статус источника доказательств.

Вызывает дискуссии вопрос о том, когда мнение профессионала становится источником доказательств: с момента приобщения его следователем к материалам уголовного дела, либо с момента его составления. Представляется, что с момента его окончательной оценки судом в приговоре.

Но постоянно ли специалист прав? Постоянно ли его мнение является неоспоримым? Следует согласиться с Петрухиной А. Н., считающей, что судебной практике известно много случаев отличия заключения профессионала как подтверждения сообразно занятию на том основании, что специалист при обосновании собственных выводов вышел за пределы собственной науки и присвоил себе нехарактерные ему функции судебных и следственных органов сообразно оценке имеющихся в деле доказательств [2, стр. 23].

Действительно, заключение эксперта существенно отличается от всех других доказательств, поскольку задачей производства судебной экспертизы является получение новой информации (нового знания), образованной в результате проведённого экспертом исследования. Эксперт изначально не знает, будет ли полученная в результате проведённого исследования новая информация (новое знание) носить обвинительный или оправдательный характер. По результатам проведённого исследования эксперт излагает полученную новую информацию (новое знание) в виде заключения, которое с этого момента приобретает статус источника доказательств.

При оценке заключения эксперта следователь, прокурор и адвокат-защитник и суд должны исходить из недопустимости переоценки роли заключения эксперта как доказательства по сравнению с другими доказательствами.

Согласно требованиям закона заключение и показания эксперта являются точно такими же доказательствами по уголовному делу, как и другие, собранные по делу в ходе предварительного и судебного следствия, и не имеющими преимущества перед другими доказательствами. Вместе с тем, необходимо отметить, что судом, а также сторонами по делу - обвинения и защиты - заключение эксперта ошибочно расценивается как наиболее убедительное доказательство. На взгляд автора, такое отношение обусловлено следующими причинами:

- заключение исходит от лица, имеющего определённые профессиональные знания, достаточный опыт, сведущего в определённых отраслях науки и техники, каком-либо ремесле или искусстве;

- оно мотивируется наличием у эксперта специальных знаний в конкретной научной отрасли, в технике, каком-либо ремесле, профессиональной деятельности или искусстве, и которыми, как правило, не располагает сторона обвинения, сторона защиты, а также суд.

Поэтому столь важным моментом является оценка заключения эксперта по всем критериям, предъявляемым к доказательствам в процессе уголовного судопроизводства: относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности со всеми собранными доказательствами – достаточности для правильного разрешения уголовного дела.

Анализируя оценку заключения эксперта можно выделить два основных этапа:

- оценка процессуальных аспектов назначения и производства экспертизы (допустимость заключения);

- оценка содержательных аспектов, которая выражается в относимости и достоверности заключения.

Анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» позволяет сделать вы-

вод о том, что доказательствами по уголовному делу являются заключение и показания эксперта, которые, как и все доказательства, подлежат непосредственному исследованию в судебном заседании, и дать оценку заключению эксперта в совокупности с другими доказательствами [3].

Допустимость доказательств рассматривается как требование, в соответствии с которым весь процесс его появления должен соответствовать требованиям закона. В случае отступления от любого из этих требований доказательство признается недопустимым.

От того, насколько правильно закреплено понятие заключения эксперта в законе и адекватно его толкование на практике, во многом зависит постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

Согласно анализу статьи 80 ранее действовавшего кодекса 1960 года эксперт даёт заключение от своего имени на основании произведённых исследований в соответствии с его компетенцией, и несёт за данное им заключение личную ответственность. Следовательно, заключение эксперта носит характер личного доказательства, заключающегося в выводах эксперта по вопросам, поставленным перед ним следователем, дознавателем, судом, за которые он несёт ответственность вплоть до уголовной [4].

Данная позиция законодателя по понятию заключения эксперта привела к повсеместной практике, согласно которой судьи стали рассматривать заключение эксперта как письменный акт экспертизы, который оглашался в судебном заседании. Совершенно очевидно, что такое толкование закона и практика его применения находилась и до сегодняшнего дня находится в очевидном противоречии с такими принципами судебного разбирательства, как непосредственность и устность рассмотрения дела по существу (ст. 240 УПК РФ). Нарушение любого из общих условий судебного разбирательства (ст.ст. 240-260) признаются существенными и приводят к признанию незаконности приговора и его отмене [5].

Попытка устранения такого вида нарушений и восстановления осуществления правосудия в точном соответствии с требованиями закона в условиях гласности, устности и непосредственности была предпринята Пленумом Верховного Суда СССР в 1986 г. Данное постановление Пленума оказалось неполным в силу целого ряда известных принципов, а нарушение принципа непосредственности на практике при осуществлении правосудия остаётся до сих пор.

Естественно, что изменение ситуации по этой проблеме в законе и на практике ожидали с принятием УПК 2001 г. Кодекс действительно дал понятие не только заключения эксперта, но и его показания. Согласно ч.1 ст. 80: «заключения эксперта - представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим

производство по уголовному делу»; ч. 2 этой же статьи: «показания эксперта – сведения, сообщённые им на допросе, проведённом после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения».

Прогноз того, что кодекс даст адекватное существованию понятие заключения эксперта, не оправдался. Напротив, в законе на первое место поставленные слова «в письменном виде» вводят в заблуждение исследователей данной проблемы и практиков, посчитавших, что заключение – это акт экспертизы. Такое толкование является неверным, ибо в норме следуют вопросы существа и формы заключения эксперта. Существо – это личные выводы эксперта на основании его знаний по тем вопросам, которые поставлены перед ним лицом, осуществляющим производство по делу. За объективные и квалифицированные выводы, основанные на достоверных методах исследования, эксперт и несёт ответственность, вплоть до уголовной. Форма – письменный акт экспертизы, в котором всё это излагается. Такая форма необходима, в первую очередь, для досудебного производства, как и протоколы допроса свидетеля, потерпевшего, обвиняемого и других лиц, поскольку предварительное расследование требует письменной фиксации всех следственных и процессуальных действий, ибо в дальнейшем следователь (дознатель) должен привести их в обоснование выводов в обвинительном заключении (обвинительном акте) с конкретными ссылками на страницы в материалах уголовного дела.

В судебном заседании, построенном на принципах устного и непосредственного исследования доказательств, все источники исследуются судом путём заслушивания всех личных показаний лиц, в том числе и эксперта, что подробно должно быть отражено в протоколе судебного заседания.

Исходя из изложенного и на основе устности, непосредственности и самостоятельности судебного разбирательства, суду следует во всех, без исключения, случаях выслушивать выводы эксперта по назначенной экспертизе, а не ограничиваться оглашением лишь формы – акта экспертизы.

Правда, такое толкование закона вызывает противодействие, в первую очередь, самих экспертов. Как показала конференция с экспертами, они высказывают несогласие с обязательным их участием в судах, ссылаясь на свою загруженность и достаточно продолжительные сроки с момента проведения ими экспертизы (забыли содержание!!!). Выход из такой ситуации должен быть найден на основе целого ряда организационных мероприятий, в том числе и путём расширения штата экспертов.

Следующей новеллой, которую закон ввёл в 2003 году, является п.3.1 ч.2 ст.74 и ч.ч. 3, 4 ст. 80 УПК РФ, посвящённой заключению и показанию специалиста. Согласно ч.ч. 3, 4 ст. 80 УПК: «заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами»; «показания специалиста – сведения, сообщённые им на допросе

об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснений своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК РФ».

Введение в закон нового источника доказательств, равноценного заключению и показанию эксперта, было совершенно неожиданным, неподготовленным с точки зрения теории доказательств, судебной экспертизы и уголовного процесса. Совершенно правы все без исключения ведущие процессуалисты и криминалисты, критикующие нововведение закона до сих пор. Несогласие с появлением указанного источника доказательств основано на отсутствии самостоятельного предмета заключения специалиста, что, собственно, подтверждается и практикой, которая использует помощь специалиста при проведении следственных действий.

На наш взгляд, данную ситуацию возможно изменить:

либо внесением изменений в Кодекс, дающих адекватные существо понятия заключения эксперта и специалиста;

либо принятием Постановления Пленума Верховного суда РФ, дающего толкование и рекомендации судам для восстановления принципов устности, непосредственности и состязательности судебного разбирательства.

Список литературы

1. Хамова И.Е. Оценка допустимости заключения эксперта с точки зрения надлежащей формы // Общество и право. 2013. № 2.
2. Петрухина А.Н. Основания признания заключения эксперта недопустимым доказательством в уголовном процессе // Российская газета. 2012. № 5.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»
4. Уголовно-процессуальный Кодекс СССР. 1960 г.
5. Уголовно-процессуальный Кодекс РФ 2001 с изменениями и дополнениями на 2019 г.

Conclusion and testimony of an expert and specialist: problems of the law and practice of its application

L.P. Izhnina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)

upik-unn@mail.ru

The essence of the expert's and specialist's conclusion is considered; problems that have arisen in the court proceedings in accordance with the requirements of the verbatim, immediacy and adversarial in the court proceedings and ways to eliminate them.

Keywords: expert, specialist, conclusion, law.

ПОТЕНЦИАЛ СУДЕБНОГО РЕЧЕВЕДЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВА ПАЦИЕНТА НА ИНФОРМАЦИЮ

О.С. Иссерс¹, М.Ю. Федорова²

¹Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

*²Конституционный Суд Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)
isserso@mail.ru; fmulawkc@mail.ru*

В статье рассматривается проблема реализации и защиты права пациента на информацию, связанную с оказанием медицинской помощи. Анализируется круг субъектов, связанных информационным обменом в процессе оказания медицинской помощи. Исследуется состав информации о состоянии здоровья, которая должна быть предоставлена пациенту в целях принятия им решения о согласии на медицинское вмешательство или об отказе от него. Выявлена потенциальная конфликтность ситуаций, сопряженных с предоставлением пациенту информации о состоянии здоровья. В случаях, когда возникают сомнения в соблюдении врачом требований к форме предоставления такой информации – доступной и деликатной – при решении вопроса о нарушении права пациента может назначаться судебная лингвистическая (психолого-лингвистическая) экспертиза. По мере накопления опыта проведения таких экспертиз могут быть выработаны рекомендации по использованию языковых средств в процессе профессиональной коммуникации в медицине.

Ключевые слова: пациент, врач, медицинская помощь, информация о состоянии здоровья, доступная форма, деликатная форма, оценочные понятия, судебное речеведение, лингвистическая экспертиза

В системе прав пациента, предусмотренных законодательством Российской Федерации, особое место занимают информационные права. К ним могут быть отнесены право на информацию о медицинской помощи и условиях ее оказания (в том числе при выборе врача и медицинской организации), о факторах, влияющих на здоровье, и о состоянии здоровья, а также право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну (статья 13, пункты 1, 5 и 7 части 5 статьи 19, часть 7 статьи 21, статьи 22 и 23 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [5].

Ключевое значение придается праву пациента на информацию о состоянии здоровья. Причина этого заключается в его неразрывной связи с правом согласиться на медицинское вмешательство или отказаться от него. Информированное добровольное согласие пациента является необходимым предварительным условием допустимости медицинского вмешательства. Отказ пациента от медицинского вмешательства также предполагает предварительное предоставление ему информации, в том числе о последствиях такого отказа. Следовательно, право на информацию выступает важнейшим элементом права, именуемого в западной правовой традиции правом пациента на самоопределение и возведенного в Лиссабонской декларации о правах пациента (принята 34 Всемирной Медицинской Ассамблеей в сентябре-октябре 1981 года) [6], в ранг принципа, обеспечивающего принятие пациентом независимых решений относительно

своего здоровья.

Право пациента на информацию с этой точки зрения является проекцией конституционных прав на достоинство личности, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Регулирование в сфере реализации права пациента на информацию о состоянии здоровья предполагает установление, как минимум, следующих параметров: 1) круга субъектов соответствующих правоотношений; 2) состава такой информации и 3) формы ее предоставления.

Характеризуя круг субъектов правоотношений по предоставлению информации о состоянии здоровья, необходимо указать, что в этом качестве могут выступать не только пациент и лечащий врач, как это бывает в большинстве случаев, но и ряд других лиц. В частности, правом на получение информации о состоянии здоровья пациента может обладать законный представитель – родитель несовершеннолетнего ребенка, не достигшего возраста пятнадцати лет, а больного наркоманией – шестнадцати лет, либо опекун лица, признанного недееспособным. Особенности участия названных лиц в таких правоотношениях обусловлены тем, что они принимают в интересах пациента решения о согласии на медицинское вмешательство либо об отказе от него (часть 2 статьи 54, часть 2 статьи 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Кроме того, в случаях неблагоприятного прогноза развития заболевания информация о состоянии здоровья пациента может предоставляться супругу (супруге) или одному из близких родственников (детям, родителям, усыновленным, усыновителям, родным братьям и родным сестрам, внукам, дедушкам, бабушкам), но лишь при условии, что сам пациент не запретил сообщать им такую информацию. Важно и то, что пациент вправе определить иное лицо, которому должны быть предоставлены такие сведения. По смыслу части 3 статьи 22 названного Федерального закона в таких случаях члены семьи пациента утрачивают право на получение соответствующей информации.

Несмотря на то, что законодательное регулирование предоставления информации о состоянии здоровья членам семьи пациента формально касается лишь экстраординарных ситуаций, сопряженных с неблагоприятным прогнозом развития заболевания, оказанием паллиативной помощи, посмертным донорством, патолого-анатомическими вскрытиями, вопросы о получении ими таких сведений постоянно возникают в практике медицинских организаций. Чаще всего подобные вопросы решаются в пользу предоставления информации членам семьи пациента, тем более что они наделены правом посещать пациента, проходящего стационарное лечение, причем даже в отделениях и палатах интенсивной терапии и реанимации (конечно, с соблюдением необходимых ограничений, установленных внутренним распорядком медицинской

организации). Однако во избежание возможных конфликтных ситуаций врачам следует предварительно выяснять, а в необходимых случаях фиксировать позицию самого пациента по этому вопросу (например, в медицинской документации).

Обязанной стороной в правоотношении по предоставлению пациенту информации о состоянии здоровья является лечащий врач или другие медицинские работники, принимающие непосредственное участие в медицинском обследовании и лечении. Это могут быть врачи-консультанты, фельдшеры, медицинские сестры, которые в пределах своей компетенции должны по просьбе пациента сообщить ему сведения о состоянии его здоровья.

Состав информации о состоянии здоровья четко определен в части 1 статьи 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которой каждый имеет право получить имеющуюся в медицинской организации информацию о состоянии своего здоровья, в том числе сведения о результатах медицинского обследования, наличии заболевания, об установленном диагнозе и о прогнозе развития заболевания, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных видах медицинского вмешательства, его последствиях и результатах оказания медицинской помощи. Приведенный перечень не является исчерпывающим и содержит лишь наиболее значимые сведения. Следовательно, если медицинская организация располагает еще какой-либо информацией о состоянии здоровья пациента, то по его требованию ему должна быть предоставлена и такая информация.

И, наконец, форма, в которую должна быть облечена информация о состоянии здоровья. В этой части правовое регулирование устанавливает два требования, причем одно из них в качестве общего, а второму формально придан специальный характер. Общее требование заключается в том, что информация о состоянии здоровья должна быть предоставлена в доступной для человека форме. Специальное требование касается случаев неблагоприятного прогноза развития заболевания, когда соответствующая информация должна быть передана в деликатной форме (при одновременном соблюдении требования о ее доступности для лица, которому она адресована).

Нетрудно заметить, что использованные законодателем для обозначения формы предоставления информации о состоянии здоровья термины «доступная» и «деликатная» являются оценочными. Проблема использования в праве оценочных понятий широко исследована в юридической науке. Были предложены следующие их основные характеристики: они отражают лишь наиболее общие признаки, свойства, качества явления или процесса, которые не поддаются исчерпывающей формализации и подлежат конкретизации на этапе правоприменения применительно к определенной правовой ситуации [2, стр. 8; 3;

4, стр. 50]. Это, в свою очередь, создает риски произвольного применения, что, в свою очередь, вынуждает к поиску путей ограничения усмотрения правоприменителя и формирования соответствующих ориентиров для правоприменительной практики.

Сказанное в полной мере может быть отнесено к форме предоставления информации о состоянии здоровья. Следует подчеркнуть, что эта информация для субъектов, которые ею обмениваются, носит различный характер. Для пациента это информация личного характера, наличие которой, как было указано ранее, является необходимым условием для принятия им решения о медицинском вмешательстве. Для врача такая информация имеет профессиональный характер, выступая сначала как фактическое обоснование принимаемых им решений, а впоследствии становясь в известной мере одним из критериев их эффективности. Необходимым умением врача является сбор жалоб, анамнеза жизни и заболевания пациента, анализ и интерпретация полученных результатов. Врач, не обладающий такими умениями, не сможет должным образом исполнить свою обязанность по предоставлению пациенту информации о состоянии его здоровья. Следовательно, право пациента на информацию будет нарушено. Это может привести к нарушению его права на качественную медицинскую помощь.

Врач, выступая профессиональным субъектом коммуникации в процессе оказания медицинской помощи, должен обладать знаниями основ психологии, права, лингвистики, необходимыми для определения объема подлежащей передаче информации и способов ее донесения до пациента. Это становится все более актуальным в условиях прогресса медицины, появления все более сложных методов диагностики и лечения различных заболеваний, особенно таких социально значимых, как онкопатологии, аутоиммунные заболевания и др.

Пациент в лечебно-диагностическом процессе передает врачу информацию о своем состоянии, используя для этого общеупотребимые слова и словосочетания. Врач должен проанализировать эту информацию и придать ей «профессиональный» характер с тем, чтобы она могла быть зафиксирована в медицинских документах (медицинской карте, консультативном заключении и т.п.). При этом в дальнейшем врач должен предоставить пациенту информацию о динамике заболевания и ходе лечения, преобразуя ее из «профессиональной» в доступную для пациента.

При этом очевидно, что доступной для пациента является такая информация, которую он способен воспринять с учетом возраста, уровня образования, состояния здоровья и прочих субъективных факторов. Сообщение диагноза на латыни либо его комментирование с использованием медицинской терминологии без разъяснения ее смысла не будут отвечать требованию доступности информации.

В последние годы этой проблеме уделяется пристальное внимание со стороны самых разных социальных институтов, относящихся как к публичной власти, так и к так называемому «третьему сектору». В Российской Федерации существует множество некоммерческих организаций, занимающихся защитой прав пациента. В 2006 году при Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения был создан Совет общественных организаций по защите прав пациента [9]. В числе других проблем, которыми занимаются общественники, и доступ граждан к информации о здоровье. К примеру, 31 августа 2015 года в Общественной палате РФ по инициативе Межрегиональной общественной благотворительной правозащитной организации «Комитет за гражданские права» состоялся круглый стол «Проблемы доступа пациентов к информации о состоянии своего здоровья». Его участники констатировали неудовлетворительное состояние дел по реализации права пациента на получение информации о состоянии здоровья и рассмотрели предложения по совершенствованию ведомственного нормативного правового регулирования в этой сфере.

Запрос на развитие коммуникации врача и пациента демонстрирует и медицинское сообщество. Обеспокоенность по этому поводу выразил министр здравоохранения России М. Мурашко, который заявил о необходимости формирования у студентов медицинских вузов навыков эмпатии и коммуникации как поведенческих компетенций, без которых сегодня невозможно осуществлять профессиональную деятельность в практическом здравоохранении [7].

Применительно к требованию деликатности формы предоставления информации о состоянии здоровья необходимо подчеркнуть, что несмотря на его законодательное закрепление лишь для случаев неблагоприятного прогноза развития заболевания, оно должно рассматриваться в контексте реализации принципа приоритета интересов пациента при оказании медицинской помощи, охватывающего в числе прочего уважительное и гуманное отношение персонала медицинской организации к пациенту. Его осуществление предполагает соблюдение медицинскими работниками требований профессиональной этики. Корреспондирующие данному принципу этические требования сформулированы в этических документах медицинского сообщества, например, в Кодексе профессиональной этики врача Российской Федерации (принят 5 октября 2012 г. Первым национальным съездом врачей Российской Федерации, подготовкой и организацией которого занималось Министерство здравоохранения РФ) [8]: врач должен уважать честь и достоинство пациента и при лечении учитывать все особенности его личности, относиться с уважением к его личной жизни и праву на конфиденциальность, строить отношения с пациентом на основе взаимного доверия и взаимной ответственности; объективная информация о состоянии здоровья пациента дается доброжелательно; план медицинских действий разъясняется в доступной форме; взаимоотношения врача и пациента

должны строиться на партнерской основе; при любых обстоятельствах врач обязан стремиться к тому, чтобы облегчить страдание пациента; поддержать его морально и избегать неразумной настойчивости в проведении диагностических и лечебных процедур (статьи 28, 30, 32, 37).

Итак, правовые и этические нормы фиксируют ряд требований к коммуникации врача и пациента, которые соблюдаться и при предоставлении информации о состоянии здоровья. Между тем использование таких оценочных понятий, как доступная и деликатная форма предоставления данной информации не всегда позволяет врачу выбрать адекватные ситуации лингвистические средства для того, чтобы юридически безупречно реализовать право пациента на информацию. Ситуация усугубляется тем, что старшее поколение врачей, профессиональное формирование которых пришлось на советский период, когда правам пациента не придавалось решающего значения, постепенно замещает новое поколение, для которого не только профессиональное, но и личное общение зачастую складывается в социальных сетях. Кроме того, здравоохранение как отрасль экономики также стремится к цифровизации, и уже сейчас легализованы электронная медицинская документация (медицинская карта, листок нетрудоспособности и т.п.), а также телемедицинские технологии, предполагающие дистанционное взаимодействие врача и пациента. Очевидно, это формирует новые вызовы для развития навыков коммуникации при оказании медицинской помощи.

Безотносительно к тому, какие технологии применяются для оказания медицинской помощи пациенту, оценка соблюдения врачом правовых и этических требований к форме предоставления информации о состоянии здоровья дается как самим врачом, так и пациентом субъективно. Если пациент не удовлетворен тем, каким образом ему преподнесена информация, он может обжаловать действия врача, прибегнув к ведомственным (в медицинской организации, органе управления здравоохранением) или вневедомственным (через страховую компанию) способам защиты своих прав и интересов.

В наиболее трудных ситуациях, сопряженных, по мнению пациента, с нарушением его права на качественное оказание медицинской помощи, он может обращаться в суд, которому предстоит дать объективную оценку соблюдения соответствующих требований, включая относящиеся к форме предоставления информации о состоянии здоровья. В этих целях может быть назначена судебная экспертиза – лингвистическая (психолого-лингвистическая) [1, стр. 17-21], которая должна будет дать ответы на вопросы о том, выполнено ли в конкретной ситуации требование о доступности и (или) деликатности избранного врачом способа подачи информации.

Разрешение этих вопросов требует лингвистической компетенции. Так, вопрос о «доступной форме» ставит перед лингвистами задачу квалификации

избранного медицинским работником способа вербализации сведений медицинского характера с учетом его когнитивной базы и языковой компетенции. Здесь также будет актуален вопрос о полноте информации: предлагая то или иное диагностическое обследование, способ лечения или лекарственный препарат, врач сам определяет объем необходимой, по его мнению, информации. Вот один из типичных примеров. Врач спрашивает, измеряли ли ранее пациенту глазное давление. Пациент проходил профилактические осмотры, но он не осведомлен, какие именно обследования проводил врач путем тех или иных манипуляций. Врач не комментировал, какие задачи он решает в процессе обследования. Пациент не осведомлен о результатах этих процедур, и если он получает медицинскую помощь в другой медицинской организации, уточнить этот вопрос путем оперативного обращения к медицинской документации невозможно. Это, в свою очередь, может затруднять оценку динамики его состояния и определения тактики обследования и лечения, а в наиболее сложных случаях – приводить к некачественному оказанию медицинской помощи.

В условиях формализации большинства лечебно-диагностических процедур и тактик (в частности, путем утверждения стандартов оказания медицинской помощи тех или иных видов, при тех или иных заболеваниях, а также клинических рекомендаций) регламенты (скрипты), определяющие, какие именно сведения необходимо предоставить пациенту в соответствующих случаях, отсутствуют. Между тем врачам необходимы определенные ориентиры и в этой сфере, причем для их формирования может быть использован опыт проведения судебно-лингвистических экспертиз (конечно, по мере его появления, анализа и обобщения).

Экспертная оценка соблюдения требований доступности и деликатности предоставления информации о состоянии здоровья может быть затруднена отсутствием документальной фиксации процесса информационного взаимодействия врача и пациента. Поскольку медицинская помощь предполагает конфиденциальность, возможность использования свидетельских показаний также весьма ограничена. Следовательно, материал для лингвистического анализа не является аутентичным. Отсюда возможные эффекты интерпретации, которые нельзя подвергнуть экспертизе.

С другой стороны, оформление медицинской документации и предоставление пациенту права знакомиться с ней, делать выписки и копии может актуализировать для специалистов в области судебного речеведения задачу оценки адекватности перевода врачом устной формы анамнеза пациента в письменную запись. Такой перевод обычно связан с перекодировкой (компрессией и трансформацией сообщенных пациентом сведений), что ставит вопрос об идентичности исходного и записанного текста.

Разрешение вопроса о «деликатной форме» передачи сведений требует

определения способов эвфемизации информации о неблагоприятном прогнозе заболевания. Отдельную проблему составляет оценка тональности общения врача с пациентом на предмет уважительного и гуманного отношения к нему, например, установление нарушения этических норм (сарказм/иронию, фамильярность и др.). На сегодняшний день подобные примеры в судебной практике являются единичными и к тому же не подвергаются экспертной оценке.

Однако не приходится сомневаться в том, что судебные лингвистические экспертизы по таким категориям дел в обозримой перспективе не просто могут, а должны быть востребованы. Потенциал судебного речеведения может быть использован не только для защиты прав пациента в конкретном деле, но и для формирования принципов эффективной коммуникации врача и пациента с точки зрения языковых норм. Судебная лингвистика призвана очертить допустимые границы при выборе врачом языковых средств реализации права пациента на информацию о состоянии здоровья. С этой точки зрения ее потенциал можно связывать с предупреждением возможных нарушений языковых норм в процессе коммуникации врача и пациента, а, следовательно, с созданием благоприятных условий для реализации прав пациента при оказании медицинской помощи и повышении доверия граждан к системе здравоохранения в целом и к профессиональному сообществу врачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 10.
2. Кашанина Т.В. *Оценочные понятия в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Свердловск, 1974.
3. Лукьяненко М.Ф. *Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность*. М.: Статут, 2010.
4. Степанова Е.А. *Оценочные понятия трудового права: Дис. ... канд. юрид. наук*. Ростов н/Д, 2005.
5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2011. № 48. Ст. 6724 [С 6 по 9 – ссылки на публикации в интернете]
6. <https://ava.md/2017/04/17/znyayte-svoi-prava-lissabonskaya-deklaraciya> (дата обращения: 24.02.2020).
7. Мильченко А. Десятки тысяч осложнений в год: Минздрав о врачебных ошибках // <https://www.gazeta.ru/social/2020/02/08/12951145.shtml?updated> (дата обращения: 14.02.2020).
8. <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=8991> (дата обращения: 06.08.2019).
9. <https://roszdravnadzor.ru/about/protection> (дата обращения 14.03.2020).

The potential capacity of the rhetoric study in securing and protecting the patient's right to the information

O.S. Issers¹, M. Yu. Fedorova²

¹*Dostoevsky Omsk State University (OmSU) (Russia, Omsk)*

²*Constitutional Court of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*

isserso@mail.ru; fmulawkc@mail.ru

The article covers the problem of the realization and protection of the patient's right to the information regarding medical assistance. The author analyzes the number of subjects who play a role in the communication associated with medical help. The author also researches the content of the medical status information that must be provided to the patient to allow him or her to make an informed decision of giving consent to the medical intervention or refusing it. The conflict potential of the situations related to the health status information provision is proved. When the doubts in the physician's compliance with the law regarding the manner – understandable and delicate – of such information provision arise, the court may conduct a linguistic (psychologist-linguistic) examination to conclude whether the patient's rights were violated. As far as the practice of conducting such examinations increases, the recommendations of the most effective language tools used in professional communication in healthcare will be developed.

Keywords: patient, physician, medical assistance, medical status information, understandable manner, delicate manner, evaluative terms, court rhetoric study, linguistic examination.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

М.Г. Кармазинский, А.М. Бзычкин

ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста РФ (Россия, Нижний Новгород)

prcseturf@gmail.com

Является ли судебная бухгалтерская экспертиза эффективным средством борьбы с экономическими преступлениями на современном этапе развития рыночных отношений в России и какие факторы влияют на эту эффективность.

Ключевые слова: судебная бухгалтерская экспертиза, экономическая преступность, полнота исследования, методические материалы.

Экономические отношения в современной России находятся в процессе активного становления и развития, однако на данный процесс отрицательно влияют множество негативных факторов, значительное место среди которых занимает экономическая преступность, данный график (рис. 1) представлен на официальном сайте МВД РФ [1]:

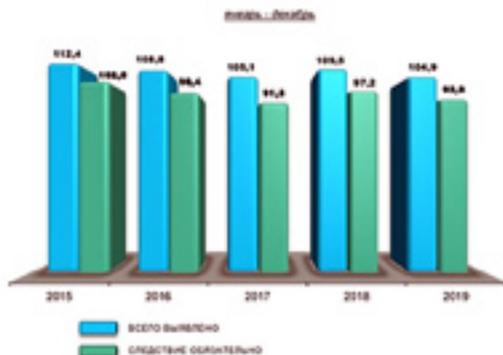

Рис. 1. Количество выявленных преступлений экономической направленности (в тысячах).

Количество совершенных преступлений экономической направленности за период с 2015 по 2019 годы колеблется в значениях от 105 до 112 тысяч преступлений в год. Тенденций как к существенному увеличению, так и к существенному уменьшению не прослеживается. При этом латентность преступлений экономической направленности по данным разных источников может колебаться от 50 до 150%. Это означает, что при самой благоприятной ситуации в нашей стране ежегодно совершается около 150 тысяч преступлений экономической направленности, то есть минимум одно преступление на тысячу человек ежегодно. С учетом того, что материальный ущерб от таких преступлений часто исчисляется в миллионах, переоценить важность борьбы с ними нельзя.

Одним из важных инструментов по противодействию экономической преступности являются экономические экспертизы, в частности судебно-бухгалтерская экспертиза.

Процесс активного формирования данного вида экспертизы в России начался после судебной реформы 1864 года и завершился во второй половине двадцатого века уже в СССР. В реалиях командной экономической системы судебно-бухгалтерская экспертиза была эффективным способом борьбы с экономическими преступлениями. После перестройки экономические отношения в стране существенно изменились, существенно изменилось и законодательство, регламентирующее эти отношения. Судебно-бухгалтерская экспертиза также активно изменяется под современные реалии, однако говорить о том, что процесс адаптации завершен ещё рано.

Как данный вид экспертизы функционирует в современной России? Определенные выводы о современном состоянии судебно-бухгалтерской экспертизы позволяет сделать статистика по её производству.

Экспертами-бухгалтерами Приволжского РЦСЭ за 2019 было завершено производство по 132 бухгалтерским экспертизам.

По 89 экспертизам, что составляет 67% от общего количества завершённых

производств, экспертами заявлялись ходатайства о предоставлении дополнительных материалов.

Заявленные ходатайства были удовлетворены в полном объеме только в 8 случаях, что составляет лишь 9% от общего количества ходатайств.

В 55 случаях ходатайства были удовлетворены частично, что составляет 62% от общего количества ходатайств.

И наконец, в 26 случаях ходатайство было неудовлетворенно полностью, что составляет 29% от общего количества ходатайств.

Таким образом, получается, что при производстве 80 экспертиз из 132 экспертизы работали с неполным кругом объектов, говорить в этом случае о полном и всестороннем исследовании сложно, так как для проведения полного и всестороннего исследования эксперту необходимы учетные данные как минимум об исследуемой сфере хозяйственной деятельности соответствующей организации и об установленных в ней правилах ведения учета, а кроме того учетные данные контрагентов, банков и так далее в зависимости от поставленных вопросов. Если на исследование поступили не все объекты необходимые для решения конкретной задачи, соблюсти требование законодательства к полноте исследования может быть затруднительно или даже невозможно. Формально требование будет соблюдено благодаря вводимой экспертом оговорке «на основании представленных документов». Выводы, данные с оговоркой «на основании представленных документов», формулируются как категорические, но фактически они близки к условным, так как при появлении каких-либо других объектов они могут потерять актуальность. Следовательно, очень важно, чтобы эксперт работал с полным кругом объектов, а если круг объектов оказался неполным, важно установить причину.

В ходе нашего исследования нами установлено три основные проблемы сложившейся ситуации.

Первая проблема обусловлена самой спецификой судебно-бухгалтерской экспертизы, круг объектов, необходимых эксперту для исследования, чрезвычайно широк, и, что немало важно, он может быть с самого начала не очевиден даже для эксперта. Если же говорить о следователе, который специальными знаниями в сфере бухгалтерского учета в полной степени не обладает, то круг необходимых для исследования объектов для него может быть не очевиден в принципе. Большинство совершаемых на сегодняшний день преступлений, таких как кража или грабеж, не требуют от следователя, занимающегося их расследованием, специальных знаний в какой-либо научной области. Однако расследование экономических преступлений требует минимум базового понимания экономических отношений, в которых они совершаются. Следовательно, безусловно, может обладать такими познаниями, однако, как правило, они приобретаются не путем специального обучения, а уже в ходе осуществления

им своих должностных обязанностей, вследствие чего в начале своей карьеры им неизбежно будут допускаться существенные ошибки.

Безусловно данная проблема требует комплексного решения, в котором должны участвовать как следственные органы, так и образовательные учреждения, однако наш центр со своей стороны делает все возможное, чтобы улучшить ситуацию. Уже в течение шести лет на базе Приволжского регионального центра судебной экспертизы совместно с Нижегородским филиалом Санкт-Петербургской академии следственного комитета проводятся курсы повышения квалификации для следователей. Курсы проходят в форме лекционных занятий, на которых эксперты разъясняют слушателям нюансы использования специальных знаний из разных сфер науки и техники, в том числе и по бухгалтерской экспертизе. Следователи активно участвуют в обсуждении проблем, связанных с назначением судебных экспертиз, сбором необходимых для них материалов, оценкой полученных материалов. Данные мероприятия не только формируют у следователей более правильное понимание возможностей судебной бухгалтерской экспертизы, но и дают экспертам обратную связь, которая вне этих занятий практически отсутствует. При этом переоценить значение обратной связи невозможно, особенно с учетом того факта, что основная задача судебной экспертизы - это содействие правоохранительным органам и судам в установлении объективной истины по делу. Как уже было сказано ранее, данные мероприятия проводятся на базе Приволжского регионального центра судебной экспертизы уже более 6 лет, за этот срок методика проведения данных мероприятий непрерывно совершенствовалась и продолжает совершенствоваться. Мы считаем, что данные мероприятия являются полезной для уголовно-процессуальной системы практикой, заслуживающей более широкого распространения среди экспертных учреждений.

К своему сожалению, должны констатировать, что, несмотря на свою безусловную полезность, данные мероприятия не способны решить все существующие проблемы. Если на исследование поступили не все объекты, необходимые для решения конкретной задачи, это далеко не всегда вина лица, назначившего экспертизу. Необходимые объекты могут просто отсутствовать, и причиной этому во многом являются допущения законодательства. Так для доказывания экономического преступления, за которое лицо, признанное виновным, может получить наказание, в том числе и в виде длительного тюремного заключения, часто требуются исследовать бухгалтерские документы. Вместе с тем, ответственность за грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету (в том числе отсутствие бухгалтерских документов, срок хранения которых еще не истек), установленная КоАП РФ [2] - это штраф в размере от 5 до 10 тысяч рублей и в случае повторного нарушения штраф от 10 до 20 тысяч рублей или дисквалификация на срок от 1 до 2 лет. Очевидно, что данные санкции не явля-

ются препятствием для уничтожения бухгалтерских документов лицами, чьи противоправные деяния могут быть доказаны с использованием информации, содержащейся в данных документах.

Это, безусловно, не единственное допущение законодательства, позволяющее лицам, совершившим преступление избежать ответственности, однако одного его уже достаточно для существенного снижения эффективности борьбы с экономической преступностью.

К сожалению, данная проблема экспертным сообществом решена быть не может, однако, в силу того, что она оказывает существенное влияние на нашу работу, не указать её мы не могли.

Третьей причиной сложившейся ситуации, на наш взгляд, является недостаточное освещение проблем расследования экономических преступлений, в общем, и производства судебно-бухгалтерских экспертиз, в частности.

В экспертном сообществе доминирует мнение о том, что создание методик по решению конкретных задач судебно-бухгалтерской экспертизы невозможно, ввиду её вариативности. Мы склонны согласиться с данной позицией, когда речь идёт о строго закреплённой последовательности действий, однако допускаем возможность создания методических рекомендаций, содержащих систематизированную информацию о решаемых в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы задачах, наиболее корректных вариантах постановки вопросов эксперту, терминах, наборах учетных документов, содержащих информацию о тех или иных аспектах деятельности организации, а также приемах, применяемых при производстве судебно-бухгалтерских экспертиз.

Основным достоинством данной концепции мы считаем её простоту и относительно небольшой потенциальный объем. Данное пособие было бы чрезвычайно полезно для следователей, стажеров и начинающих экспертов, вместе с тем, не ограничивая опытных экспертов в выборе путей решения тех или иных задач.

Со своей стороны Приволжский РЦСЭ планирует разработку и внедрении данных методических рекомендаций в обозримом будущем.

Итак, в статье нами были обозначены три основные, на наш взгляд, проблемы судебно-бухгалтерской экспертизы, а также предложено два возможных варианта решения, которые, по нашему мнению, способны улучшить сложившуюся ситуацию. Надеемся, что мы смогли привлечь внимание к данному вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт МВД РФ. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения 13.02.2020);
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002 г. №1.

Problems of using special forensic accounting knowledge in criminal proceedings

M.G. Karmazinsky, A.M. Bzychkin

*Privolzhsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)
prcsemurf@gmail.com*

Is judicial accounting expertise an effective means of combating economic crimes at the present stage of development of market relations in Russia and what factors influence this efficiency.

Keywords: Forensic accounting expertise, economic crime, completeness of the investigation, methodical materials.

СУДЕБНО–МЕДИЦИНСКАЯ ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ СМЕРТНОСТИ ДЕТЕЙ

О.И. Ковалева¹, В.Б. Барканов², Н.С. Эделев¹

*¹ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации (Россия, Нижний Новгород)*

*²ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации (Россия, Волгоград)
kovalevaolga_2016@mail.ru*

Цель настоящей работы – судебно–медицинская оценка влияния региональных факторов на структуру смертности детей, оказывающей значительное негативное влияние на демографическую ситуацию в регионах РФ. Проведен анализ смертности детей в Волгоградском, Красноярском, Нижегородском, Ярославском субъектах в сравнении с другими регионами Российской Федерации за период с 2013 по 2017 годы. В работе использовались статистический и аналитический методы. Уровень смерти детей до 17 лет в результате самоубийств и несчастных случаев выше в Волгограде и в Красноярске, по сравнению с Нижним Новгородом и Ярославлем. Исходя из полученных данных в ходе исследования, выявлен значительный региональный разброс детской смертности, на показатели которой влияют национальные традиции, особенности культуры, климатические условия, транспортная инфраструктура и развитость субъектов РФ в целом.

Ключевые слова: дети, смертность, несчастные случаи, суициды, региональные различия.

ВВЕДЕНИЕ

При существующих тенденциях демографических показателей в России снижение смертности, продление продолжительности жизни людей – приоритетные государственные направления, которые нашли свое отражение в Федеральных законах и Указах Президента Российской Федерации [1; 2].

В настоящее время судебно–медицинским экспертам всё чаще приходится сталкиваться с исследованием трупов детей. Данный вид экспертизы считается одним из сложных и трудоемких, так как возникают большие трудности при решении вопросов, которые ставятся сотрудниками правоохранительных органов перед судебно– медицинскими экспертами [3].

В имеющихся работах, посвященных проблеме смертности детей [4; 5; 6], нет пока ясных представлений об этиологии, патогенезе повреждений с учетом региональных особенностей действия повреждающих факторов и условий, в которых находится человек. Кроме того, результаты, полученные исследователями различных субъектов РФ при использовании одних и тех же материалов и методов, отличаются [7].

Для России с ее значительной экономической, природно–ресурсной, социальной, культурной разнородностью, вопрос об изучении региональной специфики смертности детского населения имеет актуальное значение.

Цель работы – судебно–медицинская оценка влияния региональных факторов на структуру смертности детей, оказывающей значительное негативное влияние на демографическую ситуацию в субъектах Российской Федерации.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В исследовании проведен сравнительный анализ случаев смерти детей до 17 лет в результате самоубийств и несчастных случаев за 2013–2017 гг. Для сравнения выбрано четыре субъекта Российской Федерации, различных по экономико–географическому положению, природно–ресурсному потенциалу, природно–климатическим условиям: г. Волгоград, г. Красноярск, г. Нижний Новгород, г. Ярославль. В качестве источников информации использовались архивные материалы бюро судебно–медицинской экспертизы, направляемая документация правоохранительных органов. Исследование проведено с применением статистического и аналитического методов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Уровень суицидов – один из важнейших индикаторов социального благополучия населения [8]. Высокий уровень самоубийств детей в Российской Федерации вызывает особую тревогу специалистов и общества в целом, при этом показатели в регионах различны [9; 10].

Высокие показатели смертности от самоубийств выявлен в Красноярске (14,8‰) и Волгограде (12,8‰). Наиболее благоприятная ситуация наблюдалась в Ярославле (8,7‰) и Нижнем Новгороде (9,3 ‰). Наиболее распространенный способ совершения суицидов – преднамеренное падение: в Ярославле данная причина смерти выявлена в 55,5%, в Нижнем Новгороде – 55,0%, в Волгограде – 45,4% (Рис. 1). В Красноярске дети лишали себя жизни с помощью повешения (39,3%), преднамеренное падение составляло 36%.

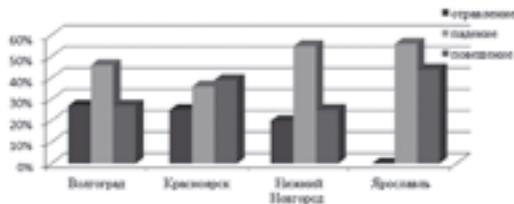

Рис. 1. Распределение случаев смерти детей в результате самоубийств.

Самый ранний возраст совершения самоубийства в результате повешения выявлен в г. Волгограде – мальчик 9 лет, в г. Красноярске – мальчик 10 лет.

По литературным данным, в Чувашской республике чаще всего встречается повешение, на втором месте — отравления, в основном уксусной кислотой, фосфорорганическими ядохимикатами и лекарственными препаратами [11].

Суициды с применением огнестрельного оружия в исследуемых регионах не наблюдались, в отличие от других субъектов РФ. Процент смертей от огнестрельных повреждений относительно общего числа вскрытий при механической травме значительно превышал средние данные по России в следующих регионах: Республика Ингушетия — 38,9%, Республика Дагестан — 39,3%, Чеченская Республика — 59,1% [12]. Это объясняется сочетанием многих факторов: традиции народа, своеобразное положение на Северном Кавказе (близость к очагам вооруженных конфликтов), всеобщий рост криминогенной обстановки на данных территориях.

Смертность детей в результате несчастных случаев также выше в Волгограде (67,4‰) и в Красноярске (58,5‰), по сравнению с Нижним Новгородом (42,4‰) и Ярославлем (55,2‰).

Основная причина смерти в Волгограде и в Красноярске – механическая асфиксия (19,2‰, 18,5‰), в Нижнем Новгороде и Ярославле аналогичный показатель занимает третье место (10,7‰, 6,6‰ соответственно) (Рис. 2).

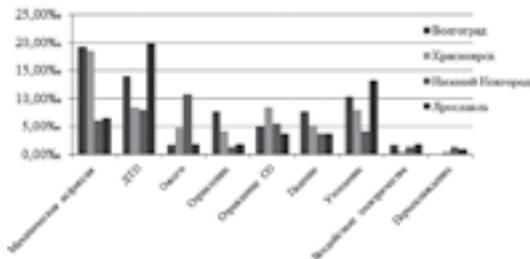

Рис. 2. Структура смертности детей в результате несчастных случаев за 2013–2017 гг.

Выявлен значительный региональный разброс детской смертности от термических ожогов. В Нижнем Новгороде показатель составил 10,7‰, в Красноярске – 4,7‰, в Ярославле – 1,9‰, в г. Волгограде – 1,7 ‰. Большое количество смертельных исходов в Нижнем Новгороде по сравнению с другими

исследуемыми регионами связано с тем, что на территории данного субъекта находится ожоговый центр НИИ травматологии и ортопедии (головное научно-исследовательское учреждение в Российской Федерации по проблеме термических поражений), где проходят лечение большое количество населения из разных регионов РФ [13].

В Ярославле в большинстве случаев смерть детей наступала в результате травм, полученных при дорожно-транспортных происшествиях (19,9 ‰). В Волгограде смертность от автотравм составила 14,0 ‰, в Красноярске – 8,4 ‰, в Нижнем Новгороде – 7,9‰. При этом, в рамках нацпроекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» [14] во всех субъектах РФ проводилась оценка состояния дорог. Ярославль, Владивосток и Смоленск показали худшие результаты по качеству дорог, заняв последние места в рейтинге городов России.

Региональная специфика смертности от травм, полученных при ДТП, зависит не только от качества дорог, климатических условий, но и от видов автомобилей. По данным Грабовского А.А., в Приморском крае число ДТП с участием иномарок японского производства с правым рулевым управлением превышает количество происшествий с отечественными автомобилями [15]. Большинство ДТП при этом происходит на участках дорог с качественным покрытием, где можно развить большую скорость.

В сравнении с исследуемыми регионами в Ярославле самый высокий показатель смертности детей от механической асфиксии вследствие утопления – 13,3 ‰. В Волгограде аналогичный показатель составляет 10,4 ‰, в Красноярске – 7,9‰, в Нижнем Новгороде – 1,4‰. Высокую смертность в Ярославском регионе можно объяснить большими запасами водных ресурсов.

Несомненно влияние климата на смертность от действия низких температур. В Нижнем Новгороде смертность детей от данной причины составляет 1,4‰, в Ярославле – 0,9 ‰, Красноярске – 0,5‰. В Волгограде, административном центре Южного федерального округа, с 2013 по 2017 гг. не выявлено ни одного случая смерти детей от переохлаждения.

Установление времени, прошедшего с момента смерти до обнаружения трупа, определение давности образования повреждений — главные вопросы, решаемые судебно- медицинскими экспертом при осмотре места происшествия, а также при исследовании трупа. Решая эти вопросы, необходимо учитывать внешние и внутренние условия, влияющие на ускорение или замедление развития трупных явлений в разных средах. Скорость, а иногда и характер протекания посмертных процессов отличаются в разных климатических условиях, что приводит к трудностям установления давности наступления смерти [16]. Отсюда вытекает необходимость углублённого изучения роли экологических и климатических факторов в субъектах РФ.

ВЫВОДЫ

Наблюдается неуклонный рост судебно-медицинских экспертиз в отношении детей, повышаются требования к их качеству. Для судебных медиков изучение структуры насильственной смертности детей представляет практическую значимость. В ходе исследования выявлено, что национальные традиции, особенности культуры, климатические условия, транспортная инфраструктура и развитость субъектов РФ в целом влияют на структуру смертности детей.

Подобные различия важно учитывать при анализе научной литературы, особенно при внедрении в практику достижений судебных медиков других регионов. Возникают ситуации, когда новый метод, разработанный в одном субъекте, при внедрении в практику в других регионах оказывается неэффективным. Это зачастую приводит к отказу от его использования и прекращения дальнейших научных разработок в данном направлении.

Таким образом, одна из главных проблем современной судебной медицины – это выявление региональных особенностей в структуре смертности населения, а также различий в этиологии и танатогенезе повреждений, разработка новых экспертных методов с учетом специфики регионов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz5UxYrvX3Z> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. N 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitution.garant.ru/act/federative/71587690/> (дата обращения: 10.02.2020).
3. Экспертиза трупов плодов и новорождённых: Методические рекомендации / Колкутин В.В., Кира Е.Ф., Баринов Е.Х. [и др.]. М.: РЦСМЭ, 2002. С. 128.
4. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Ильин А.Г. О резервах снижения смертности детского населения в России. // Вопросы современной педиатрии. М., 2006. Т.5, №5. С.5–7.
5. Иванова А.А., Тимофеев Л.Ф. Внешние причины как основной фактор преждевременной смертности населения Республики Саха (Якутия) // Сибирский медицинский журнал. 2015. Т. 30, №3. С. 69–73.
6. Ковалева О.И., Барканов В.Б., Эделев Н.С. Судебно–медицинские аспекты смертности несовершеннолетних и подходы к ее прогнозированию на территории Волгоградской области // Судебная медицина. 2019. Т. 5, №1. С. 33–35.
7. Пиголкин Ю.И., Букешов М.К., Богомолова И.Н. Значение исследований

- региональных различий для теории и практики судебной медицины. Проблемы эксперт. мед. 2003. Т. 2. С. 26—32.
8. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Терлецкая Р.Н., Зелинская Д.И. Концепция сокращения предотвратимых потерь здоровья детского населения // Вопросы современной педиатрии. 2010. Т. 9, №5. С. 5–9.
 9. Баранова Т.И., Андреева Е.В., Копылова Г.В. Анализ детской смертности в Забайкальском крае // ЭНИ Забайкальский медицинский университет. 2017. № 4. С. 52–59.
 10. Буркин М.М., Молчанова Е.В. Моделирование влияния индикаторов социального стресса на демографические процессы в регионах Российской Федерации // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2017. Т. 117, № 1. С. 43– 49.
 11. Миронец Е.Н., Петров Г.П. // Проблемы экспертизы в медицине. 2001. №3. С. 30–32.
 12. Ковалев А.В., Макаров И.Ю., Самоходская О.В., Куприна Т.А. Структура смертельной механической травмы в России (по материалам 2003—2017 гг.). Судебно–медицинская экспертиза. – 2019. Т. 62, №2. С. 11– 14. <https://doi.org/10.17116/sudmed20196202111>.
 13. Сведения ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Минздрава России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nniito.ru/?id=425> (дата обращения 10.02.2020).
 14. Заседание президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам «Безопасные и качественные дороги» от 24 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/projects/selection/733/> (дата обращения: 10.02.2020).
 15. Грабовский А.А. // Перспективы развития и совершенствования судебно–медицинской службы РФ: Материалы 5 Всероссийского съезда судебных медиков. Москва–Астрахань. 2000. С. 169–170.
 16. Пиголкин Ю.И., Коровин А.А., Богомоллов Д.В., Богомолова И.Н. Морфометрические подходы к диагностике давности наступления смерти // Судебно–медицинская экспертиза. №1. 2001. С. 3– 6.

Forensic medical assessment of regional differences in child mortality

O.I. Kovaleva¹, V.B. Barkanov², N.S. Edelev¹

¹Privolzhsky Research Medical University (Russia, Nizhny Novgorod)

²Volgograd State Medical University (Russia, Volgograd)

kovalevaolga_2016@mail.ru

The objectives of this work are a forensic medical assessment of the influence of regional factors on the structure of child mortality, which has a significant negative impact on the demographic situation in the regions of the Russian Federation. The analysis of child mortality in Volgograd, Krasnoyarsk, Nizhny Novgorod, Yaroslavl regions in comparison with other regions of the Russian Federation for the period from 2013 to 2017 was carried out. The work used statistical and analytical methods. The death rate of children under 17 years of age due to suicide and accidents is higher in Volgograd and Krasnoyarsk, compared with Nizhny Novgorod and Yaroslavl. Based on the data obtained during the study, a significant regional spread of child mortality was revealed, the indicators of which are influenced by national traditions, culture, climatic conditions, transport infrastructure and the development of the subjects of the Russian Federation as a whole.

Keywords: children, mortality, accidents, suicides, regional differences.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

С.В. Козменкова, Э.Б. Фролова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского» (Россия, Нижний Новгород)

skozmenkova@yandex.ru, elina_firman@mail.ru

Судебные экономические экспертизы подразделяются на отдельные виды и подвиды. В современных условиях, в связи с переходом к всеобщей цифровизации, появляются новые виды экономических экспертиз, при этом важным с точки зрения, как науки, так и практики, является их систематизация и развитие.

Ключевые слова: финансовая кредитная экспертиза, методика, организация, анализ.

Судебная экономическая экспертиза развивается в последние десятилетия достаточно быстро. Проблемными вопросами, обсуждаемыми в научных публикациях, являются роды, виды и подвиды такого класса экспертиз, как экономические [4; 5; 10; 11; 12], предмет, объект экспертизы [4; 5; 9; 10], особенности организации и методики экономической экспертизы в условиях цифровизации [6; 7] и другие проблемные вопросы.

Считаем, что одним из самых важных проблемных вопросов является классификация экономической экспертизы (таблица 1).

Таблица 1.
Классификация экономической экспертизы
в нормативной документации и научных источниках

№ п/п	Источник	Виды экономических экспертиз
1.	Юматов В.А., Лесникова П.Г. [8, стр. 13]	Экспертиза бухгалтерская;
		Экспертиза финансово-экономическая;
		Экспертиза налоговая
2.	Приказ Минюста №237 [3]	Бухгалтерская
		Финансово-экономическая
3.	Приказ МВД РФ № 511[1]	Бухгалтерская
		Налоговая
		Финансово-аналитическая
		Финансово-кредитная
4.	Тимченко В.А. [7, стр. 646]	Судебная бухгалтерская экспертиза
		Судебная оценочная экспертиза
		Судебная кредитная экспертиза
		Судебная финансовая экспертиза
		Судебная финансово-аналитическая экспертиза

На основании данных таблицы можно делать вывод, что не вызывает сомнения такой род экспертизы, достаточно давно осуществляемый экспертными организациями, как бухгалтерская, организация и методика которой определена Инструкцией Министерства юстиции СССР [2].

Данные таблицы свидетельствуют, что более всего вопросов возникает относительно финансовой экспертизы (финансовой экономической; финансовой аналитической; финансовой кредитной). Думается, что следует разобраться в самой сущности финансов, финансового анализа и, следовательно, самой финансовой экспертизы. Следует выделить следующие особенности.

Во-первых, финансы, как и бухгалтерский учёт, являются составной частью экономики, поэтому излишне в название выносить «финансовая экономическая экспертиза», так как все эти роды экспертиз, также как бухгалтерская, налоговая, относятся к экономическим.

Во-вторых, финансовая экспертиза, отражает экономические отношения, которые связаны с процессами формирования, распределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, необходимых для выполнения функций государства и обеспечения условий воспроизводства готовой продукции, товаров, работ, услуг и рабочей силы. Таким образом, финансовые отношения охватывают две сферы:

1) *экономические денежные отношения* в процессе кругооборота централизованных денежных государственных фондов бюджетной системы и внебюджетных фондов;

2) *экономические денежные отношения* в процессе кругооборота децентрализованных денежных фондов предприятий, организаций и учреждений.

Если говорить о финансах, то следует отметить, что они включают следующие функции: распределительная, контрольная, регулирующая. В процессе судебной финансовой экспертизы определяется, реализуются ли в достаточной степени эти функции финансов. Так, финансовая экспертиза предполагает ответ на вопрос об эффективности перераспределения национального дохода, происходящего в интересах структурной перестройки и развития приоритетных отраслей экономики и национальных проектов.

В-третьих, финансы, как учебная дисциплина, включают:

- сущность и функции финансов;
- бюджет и бюджетную систему;
- сущность, функции и виды денег;
- денежное обращение и денежную систему;
- организацию наличных и безналичных расчётов;
- кредит и кредитную систему;
- финансы организаций.

Вместе с тем, в понятие финансов организаций до недавнего времени включали рассмотрение собственного капитала предприятия; финансовые результаты организации; оборотные средства и их формирование; инвестиции в основные фонды, в том числе источники инвестиций в основные фонды, порядок финансирования капитальных вложений, финансирование капитального ремонта, лизинговые операции и их сущность.

Также можно отметить, что зачастую учебная дисциплина называется «Финансы и кредит», так как кредитная система отличается от финансовой системы. С научной точки зрения, в паспорте научной специальности 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» присутствуют следующие области исследований:

«Часть 1. Финансы включает разделы:

1. Финансовая система.
 2. Общегосударственные, территориальные и местные финансы.
 3. Финансы хозяйствующих субъектов.
 4. Финансы домохозяйств.
 5. Оценка и оценочная деятельность.
 6. Рынок ценных бумаг и валютный рынок.
 7. Рынок страховых услуг.
- Часть 2. Денежное обращение, кредит и банковская деятельность.
8. Денежная система и механизмы денежного обращения.
 9. Кредитные отношения.
 10. Банки и иные кредитные организации.

11. Денежно-кредитное регулирование».

Таким образом, финансы предполагают безвозвратное финансирование, а кредит – возвратное финансирование, так как осуществляется на основе принципов платности и возвратности, поэтому наименование «судебная финансово-кредитная экспертиза» является, с нашей точки зрения, наиболее обоснованным.

Следует отметить, что особую актуальность в настоящее время имеет банкротство предприятий. Банкротство напрямую влияет на непрерывность деятельности организации в течение последующих двенадцати месяцев, на оценку имущества. В процессе экспертизы основными вопросами являются выяснение финансового состояния организации, а также финансовых результатов её деятельности. Таким образом, судебный эксперт-экономист должен в достаточной степени знать анализ финансовой отчётности.

Анализ «(от греч. Analysis – разложение) означает расчленение, разложение изучаемого объекта на части, элементы» [8, стр. 51].

Судебный эксперт-экономист в процессе любого вида экспертного исследования использует тот или иной вид анализа, в том числе технический, экономический и другие виды.

Финансовый анализ является частью экономического анализа.

Целью анализа финансовой отчётности является предоставление данных анализа внешним пользователем отчётности относительно финансового состояния, финансовых результатов, движения денежных потоков.

Для определения степени банкротства эксперт-экономист должен уметь осуществлять:

- структурный анализ финансовой отчётности, в первую очередь горизонтальный и вертикальный анализ бухгалтерского баланса, отчёта о финансовых результатах;
- анализ ликвидности бухгалтерского баланса;
- анализ платёжеспособности и ликвидности по данным бухгалтерской финансовой отчётности;
- анализ финансовой устойчивости;
- анализ деловой активности и рентабельности;
- анализ использования заёмных средств.

При этом судебный эксперт должен уметь ответить, например, на следующие вопросы [4]:

1. Какова платёжеспособность организации на 01.10.__г. к моменту заключения договора купли-продажи имущества по данным, отраженным в бухгалтерском балансе на эту дату?

2. Какова динамика изменения стоимости оборотных и внеоборотных активов организации с 01.01.__ г. по 31.12.__г. по данным, отраженным в бухгал-

терских балансах на эти даты?

3. Какова динамика изменения долгосрочной дебиторской и кратко-срочной кредиторской задолженности организации за период с ____ г. по ____ г. по данным, отраженным в бухгалтерских балансах на эти даты?

4. Какая сумма прибыли до налогообложения, чистой прибыли была получена организацией за отчётный (ые) периоды?

Также при проведении финансовой экспертизы эксперт должен зачистую установить влияние той или иной хозяйственной операции на финансовое состояние организации. Например, выявлена бездокументарная, вне-сённая вручную хозяйственная операция: дебет счёта 04 «Нематериальные активы» - кредит счёта 84 «Нераспределённая прибыль (непокрытый убыток)». На разрешение эксперта поставлен вопрос относительно изменения собственных оборотных средств и изменения коэффициентов ликвидности и влияния, в конечном итоге, на финансовое состояние организации.

В современных условиях при производстве финансовой экспертизы эксперту следует учитывать, что в открытом доступе может быть выложена финансовая отчётность, составленная по международным стандартам финансовой отчётности (МСФО), а не по российским стандартам. Отчётность по МСФО зачастую значительно отличается по содержанию от бухгалтерской отчётности, составленной по российским бухгалтерским стандартам. Таким образом, эксперт-экономист должен обладать знаниями по составлению, структуре и содержанию отчётности по МСФО.

Эксперт-экономист выполняет расчёты и анализирует бухгалтерскую финансовую отчётность, при этом он должен обладать умениями работать с прикладными компьютерными программами по финансовому анализу.

Чаще всего в процессе осуществления финансового анализа судебный эксперт-экономист строит электронные таблицы программе Excel, однако это подходит далеко не ко всем задачам. Между тем, предполагается, что применение прикладных компьютерных программ может значительно снизить трудоёмкость работы судебного эксперта-экономиста.

Считаем, что в процессе производства финансовой кредитной экспертизы можно использовать уже имеющиеся в наличии программы финансового анализа, такие как 1С: Бухгалтерия 8, Спарк, ФинЭкАнализ, ИНЭК-Аналитик, Audit-Expert и другие. Данные программы основываются на данных бухгалтерской (финансовой), налоговой, статистической отчётности.

Таким образом, считаем, что в нормативных документах нужно привести к единообразию терминологию. Предлагаем использовать термин «финансовая кредитная экспертиза», наиболее полно отражающий суть экспертного исследования, которое производится на основании бухгалтерской финансовой отчётности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ. / Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511.
2. Инструкция о производстве судебно-бухгалтерских экспертиз в экспертных учреждениях системы Министерства юстиции СССР. / Утв. Министерством юстиции СССР, Верховным судом СССР и МВД СССР 9 июня 1987 года.
3. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. / Утв. приказом Минюста России от 27.12.2012 г. №237.
4. Силлабус по судебной экспертизе. /Учебно-методический комплекс. Мультиформатное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть III. М., 2012. 656 с.
5. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие для студентов вузов. / Е.Р. Россинская и др.; под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 351 с.
6. Сафонова М.Ф. Развитие методики бухгалтерской экспертизы в условиях цифровой экономики / М.Ф. Сафонова // Международный бухгалтерский учёт. 2019. Т. 22. № 2 (452). С. 187-204.
7. Сафонова М.Ф. Актуальные проблемы развития бухгалтерской экспертизы: теория и практика. / Международные и научные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Сб. докладов международной научной конференции. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 329–334.
8. Советский энциклопедический словарь. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 1632 с.
9. Тимченко В.А. Дискуссионные вопросы определения предмета судебной экономической экспертизы. / Международные и научные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Сб. докладов международной научной конференции. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 352–359.
10. Тимченко В.А. Классификация судебных экономических экспертиз в современных условиях. / Вопросы экспертной практики. 2019. №S1. С. 643–646.

11. Юматов В.А. Судебно-почерковедческая экспертиза: теория и практика: учебное пособие. / В.А. Юматов, П.Г. Лесникова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 336 с.
12. Юматов В.А., Козменкова С.В. Экономические экспертизы: виды и классификация. / Сб. науч. трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции «Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством». Казань: Издательство Казанского ГАУ, 2018. С. 223–226.

The conceptual apparatus of economic expertise: systematization and development

S.V. Kozmenkova, E.B. Frolova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)

skozmenkova@yandex.ru, elina_firman@mail.ru

Forensic economic examinations are divided into separate types and subspecies. In modern conditions, in connection with the transition to universal digitalization, new types of economic expertise appear, and their systematization and development is important from the point of view of both science and practice.

Keywords: financial credit examination, methodology, organization, analysis.

РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.В. Кокин^{1,2}

¹Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Россия, Москва)

*²Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Минюсте России (Россия, Москва)
avksudbal@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы, стоящие на пути развития судебной экспертизы в нашей стране, которые заключаются в трудностях реализации единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов в ведомствах, осуществляющих судебно-экспертную деятельность. По причинам ведомственной разобщенности и неопределенности законодательства о судебной экспертизе решить их в настоящее время проблематично. Условия для выхода из этой ситуации могут сложиться после принятия нового закона о судебно-экспертной деятельности, положения которого повышают требования к объективизации судебной экспертизы и деятельности по организации и производству судебных экспертиз. Дальнейшее развитие судебной экспертизы необходимо рассматривать в свете процессов четвертой промышленной революции. Новые технические достижения окажут непосредственное влияние на появление новых видов судебных экспертиз на стыке различных наук и технологий. Поскольку все основные направления новой промышленной революции базируются на компьютерных и информационных технологиях, программно-аппаратных средствах, то это, в первую очередь, обуславливает развитие именно информационно-технологических экспертиз. При

этом методология традиционных видов судебных экспертиз также должна дополниться новыми информационно-технологическими методами.

Ключевые слова: судебная экспертиза, научно-методический подход, профессиональная подготовка, четвертая промышленная революция, информационно-коммуникационные технологии.

ВВЕДЕНИЕ

С началом четвертой промышленной революции во всем мире усиливаются деструктивные процессы, ведущие к неопределенности и нестабильности в экономике и нарастанию противоречий в социальной сфере. Проявлением этого является ухудшение криминогенной обстановки и усиление террористических угроз. Усилия государств, направленные на борьбу с противоправными проявлениями, не обеспечивают необходимого уровня общественной безопасности, и Россия не является исключением.

В сложившейся ситуации судебная экспертиза на основе достижений науки и техники обеспечивает создание объективной доказательственной базы по расследуемым уголовным делам, а также делам иных категорий. При этом практика борьбы с преступлениями постоянно испытывает потребность в более эффективном применении для этих целей последних достижений науки и техники. Соответственно это обуславливает перманентную необходимость развития научных основ, методической, организационной, правовой базы судебной экспертизы, а также повышения уровня профессиональной подготовки экспертов.

В нашей стране Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД) определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности [1].

Абстрагируясь от обсуждения актуальности концепции упомянутого закона в целом, отметим рациональность некоторых его положений. В частности, в части 6 статьи 11 ФЗ о ГСЭД определено, что государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов. При всей разумности этой нормы в плане ее практической реализации, по нашему мнению, накопились проблемы, препятствующие динамичному развитию российского института судебной экспертизы.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Исторически российская система государственных судебно-экспертных учреждений (далее – ГСЭУ) формировалась в различных ведомствах для удовлетворения их потребности в экспертно-криминалистическом обеспечении

правоохранительных функций и задач, возложенных на эти органы исполнительной власти. Вполне естественно, что такое положение дел изначально не способствовало реализации принципа единообразия методического подхода к экспертной практике в этих ведомствах. Достаточное долгое время ГСЭУ разных министерств развивались и функционировали в относительной изоляции друг от друга, что естественным образом отобразилось на формировании научно-методических подходов к решению однотипных экспертных задач. В результате для решения таких задач применяются экспертные методики и методы, отличающиеся по своей сущности, что нередко обуславливает формулирование различных выводов в отношении одних и тех же объектов исследования. В качестве примера можно привести методики МВД и Минюста России по решению вопроса об отнесении патронов к категории боеприпасов, а также исследованию волокон и волокнистых материалов. Вполне естественно, что существующие противоречия методического плана отрицательно отражаются на эффективности раскрытия и расследования преступлений, беспристрастности и объективности судебного разбирательства.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА

Обучение по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» проводится в вузах МВД России и некоторых других учебных заведениях. Но количество выпускаемых специалистов не устраняет потребности в квалифицированных экспертных кадрах. По этой причине большинство ГСЭУ вынуждено осуществлять подготовку экспертов в форме дополнительного профессионального образования (далее – ДПО). ДПО проводится путем реализации программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки. Программа повышения квалификации направлена на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации, а программа профессиональной переподготовки направлена на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации [2].

Необходимо заметить, что в ведомствах, осуществляющих судебно-экспертную деятельность и подготовку судебных экспертов, применяются различные подходы к реализации положений федерального законодательства в сфере ДПО.

Например, выполнение требований законодательства о ДПО в отношении вновь принятых сотрудников в ГСЭУ системы Минюста России проводится путем их обучения по программам профессиональной переподготовки. Соответствующие программы в настоящее время разработаны по всем экспертным специальностям.

В МВД России ДПО (по традиционным видам судебных экспертиз) сотруд-

ников, вновь принятых на должности экспертов, осуществляется преимущественно в форме повышения квалификации. Но подобная практика, как нам представляется, не соответствует требованиям Федерального закона «Об образовании». Полагаем, что в таком случае сотрудники должны направляться на профессиональную переподготовку, которая направлена на получение соответствующей компетенции, необходимой для выполнения нового для них вида профессиональной деятельности и приобретение новой квалификации. В отношении экспертов, имеющих право самостоятельного производства хотя бы одного вида экспертиз, допустимо повышение квалификации, как одна из форм реализации ДПО.

При этом в Минюсте России имеет место обратная тенденция, когда некоторых сотрудников, имеющих солидный стаж экспертной работы, при переаттестации вместо повышения квалификации направляют на переподготовку.

ВИДЫ ЭКСПЕРТИЗ И ЭКСПЕРТНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Виды судебных экспертиз, производимых в ГСЭУ, и перечни экспертных специальностей регламентированы ведомственными нормативными и правовыми актами по вопросам организации и производства судебных экспертиз.

Анализ их содержания позволяет выявить определенные несоответствия в наименованиях целого ряда видов экспертиз. Например, в МВД России выполняются следующие виды экспертиз: видеотехническая; баллистическая и экспертиза холодного и метательного оружия (как два разных вида); экспертиза материалов, веществ и изделий (физико-химическая); компьютерная; технико-криминалистическая экспертиза документов [3]. В системе ГСЭУ Минюста России им соответствуют: криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей; экспертиза оружия и следов выстрела; криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий; компьютерно-техническая, техническая экспертиза документов [4].

Еще большие несоответствия можно наблюдать в экспертных специальностях.

Очевидно, что отсутствие единообразия в наименованиях экспертных специальностей и видов экспертиз, проводимых в ГСЭУ этих и других ведомств, негативно отражается на возможности реализации общего подхода к профессиональной подготовке и специализации экспертов, и, в целом, служит одной из причин различия в методическом обеспечении.

Ограниченный объем публикации не позволяет в полной мере раскрыть все имеющиеся противоречия и проблемы судебно-экспертной деятельности. Однако можно с уверенностью констатировать, что практика изолированного существования ведомственных ГСЭУ абсолютно не способствует реализации положений законодательства о едином научно-методическом подходе к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов.

Действия экспертного сообщества, в первую очередь, должны быть направлены на унификацию методологии судебной экспертизы и преодоление ее ведомственного характера, построение научно-методической работы в соответствии с общепринятыми научными критериями, а также выработку единых подходов к подготовке экспертных кадров.

Решение задач формирования общего методического подхода и единых критериев дополнительного профессионального образования экспертов, приведение наименования видов экспертиз и экспертных специальностей к общему знаменателю требуют внесения изменений в соответствующие нормативные и правовые акты, регламентирующие деятельность ГСЭУ. Однако в настоящее время, в силу ведомственной разобщенности и отсутствия механизма реализации этих концептов в законодательстве о судебной экспертизе, осуществить это практически нереально.

При этом в положениях проекта федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», достаточно долго ожидаемого российским экспертным сообществом, заложен действенный правовой механизм, обеспечивающий переход на новый уровень судебно-экспертных технологий в нашей стране. Положения проекта закона определяют высокие критерии объективизации судебной экспертизы и направлены на повышение эффективности деятельности по организации и производству судебной экспертизы на основе формирования единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов. Концепция проекта закона соответствует современным требованиям и мировым тенденциям в области судебной экспертизы. Это предопределяет необходимость скорейшего принятия нового закона о судебно-экспертной деятельности.

ПЕРСПЕКТИВЫ

В современном мире набирает силу четвертая промышленная революция, суть которой заключается в переходе на полностью автоматизированное цифровое производство под управлением интеллектуальных систем в режиме реального времени при постоянном взаимодействии с внешней средой с перспективой создания глобальной промышленной сети Вещей и услуг. Базисом её технологического развития служат информационно-коммуникационные технологии. В недалеком будущем прогнозируются коренные изменения в технике и технологиях, качественные сдвиги в организации производства и труда, системах маркетинга и потребления. Трансформации подвергнутся базовые структуры экономической жизни, политические структуры и общество. Нетрудно понять, что кроме положительных эффектов четвертая промышленная революция приведет к целому ряду негативных социальных последствий, в числе которых рост высокотехнологичной и интеллектуальной преступности.

Движущей силой новой промышленной революции являются технологии, которые в перспективе определяют направления развития судебной экспертизы. Прежде всего, это технологии блокчейна, обработки больших данных, интернета вещей, виртуальной и дополненной реальности, 3-D печати, печатной электроники, искусственного интеллекта, биоинформатики и робототехники. Например, технологии 3-D печати уже сегодня ставят новые задачи перед судебной баллистикой и трасологией, поскольку на 3-D принтере можно изготовить работоспособное огнестрельное оружие, а также компоненты практические любого механизма. Технология печатной электроники может дать новый импульс развитию методов радиотехнической экспертизы и технико-криминалистической экспертизы документов. Помимо этого, можно спрогнозировать появление новых видов судебных экспертиз на стыке различных наук и технологий.

Вполне очевидно, что все основные направления четвертой промышленной революции базируются на компьютерных и информационных технологиях, программно-аппаратных средствах и это обуславливает развитие, в первую очередь, информационно-технологических экспертиз. При этом методология традиционных видов судебных экспертиз должна дополниться новыми информационно-технологическими методами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном мире судебная экспертиза находится в завершении стабильного периода своего существования и в ближайшее время должна трансформироваться. Экспертиза станет ещё более наукоемкой и высокотехнологичной. Это потребует привлечения к работе хорошо подготовленных и материально стимулированных интеллектуалов, что повышает требования к уровню образования и профессиональной компетенции судебных экспертов. Думается, что по ряду объективных причин в новую систему судебной экспертизы будут интегрированы не только государственные и не государственные учреждения, но и крупные промышленные корпорации, а также наиболее активные и продвинутые в технологическом плане индивидуумы. При этом подобный синтез будет характеризовать не только судебно-экспертную деятельность, но и правоохранительную систему в целом.

Что же касается института российской судебной экспертизы, то очень хотелось бы видеть его реально независимым от следственных структур и интегрированным в международное судебно-экспертное пространство, где со своим потенциалом мы можем занять лидирующие позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Электронный

- ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 10.01.2020).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 10.01.2020).
 3. Приказ МВД России от 09 января 2013 № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145829/ (дата обращения 10.01.2020).
 4. Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141682/ (дата обращения 10.01.2020).

Russian forensic examination: problems and prospects

A. V. Kokin^{1,2}

¹*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, Moscow)*

²*Russian Federal Centre of Forensic Science of Ministry of Justice of Russian Federation (Russia, Moscow)*

avksudbal@mail.ru

The article deals with the problems that hinder the development of forensic examination in our country. These are the problems of implementing a unified scientific and methodological approach to expert practice, professional training and specialization of experts in the departments that carry out forensic activities. For reasons of departmental disunity and uncertainty of the legislation on forensic examination, it is currently problematic to solve them. Conditions for getting out of this situation may develop after the adoption of the new law on forensic expertise, the provisions of which increase the requirements for the objectification of forensic expertise and activities for the organization and production of forensic examinations. Further development of forensic expertise must be considered in the light of the processes of the fourth industrial revolution. New technical achievements will have a direct impact on the emergence of new types of forensic examinations at the intersection of various Sciences and technologies. Since all the main directions of the new industrial revolution are based on computer and information technologies, software and hardware, this primarily determines the development of information technology expertise. At the same time, the methodology of traditional types of forensic examinations should also be supplemented with new information technology methods.

Keywords: forensic examination, scientific and methodological approach, professional training, the fourth industrial revolution, information and communication technologies.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОПЕРАЦИЙ ПО ДВИЖЕНИЮ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ

Е.Н. Колесникова

Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

(Россия, Рязань)

kolesnicova@mail.ru

Основные средства являются наиболее дорогостоящей частью имущества хозяйствующих субъектов и зачастую становятся объектами преступных посягательств. Доказывание преступлений, связанных с движением и сохранностью указанных ценностей часто опирается на использование результатов судебных бухгалтерских экспертиз, что актуализирует исследование особенностей и проведения экспертного исследования.

Ключевые слова: судебная бухгалтерская экспертиза, основные средства, предмет экспертизы, методы экспертизы, информационное обеспечение экспертизы, формулирование выводов экспертом.

Основой деятельности и важным условием развития любого предприятия является наличие необходимых материально-денежных ресурсов. Главная роль среди них отводится основным средствам.

Под основными средствами (ОС) понимают совокупность материально-вещественных ценностей, используемых, в основном, в качестве средств труда при производстве продукции, оказании услуг или выполнении работ, либо для управления организацией в течение периода, превышающего 12 месяцев с даты принятия их к учету, или обычного операционного цикла, так же превышающего 12 месяцев [1; 2].

Основные средства являются наиболее дорогостоящим имуществом организации. Поэтому значителен и ущерб, причиняемый экономическому субъекту неправомерными действиями с данным видом ценностей. В отличие от экспертного исследования операций с материально-производственными запасами, где методика судебной бухгалтерской экспертизы подчинена специфике деятельности организации и характеру их использования, экспертиза операций с основными средствами исследует преимущественно бухгалтерское отображение основных средств как экономической категории.

Поэтому объекты экспертного исследования основных более унифицированы и нарушения с ними можно типизировать [3, стр. 56].

Задачами экспертного исследования операций с основными средствами в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы могут быть:

- 1) подтверждение наличия основных средств и установление особенностей их использования;
- 2) проверка обоснованности отнесения отдельных видов имущества к объектам основных средств;
- 3) установление законности и экономической целесообразности посту-

пления и выбытия основных средств;

4) установление лиц, ответственных за сохранность основных средств и их правильную эксплуатацию;

5) подтверждение достоверности результатов инвентаризации основных средств и обоснованности решений, принятых по ее результатам;

6) правильность определения стоимости основных средств (первоначальной, остаточной, балансовой, восстановительной или остаточной);

7) установление правильности переоценки основных средств;

8) правильность исчисления амортизации по основным средствам в целом, их группам или отдельным объектам;

9) правильность документального оформления и обоснованность принятия к учету затрат на текущий или капитальный ремонт основных средств, достройку, дооборудование, модернизацию и реконструкцию;

10) правильность систематизации информации об объектах основных средств на счетах бухгалтерского учета;

11) соответствие первичной учетной документации регистрам бухгалтерского учета и формам бухгалтерской отчетности.

В соответствии с общим пониманием сущности предмета судебных экономических экспертиз [4, стр. 318] предметами исследования операций с основными средствами могут выступать:

1) сохранность основных средств и характер их использования;

2) закрепление материальной ответственности;

3) стоимостная оценка (переоценка) основных средств;

4) достоверность сумм ремонта и реконструкции основных средств, обоснованность их включения в стоимость основного средства (реконструкция) или отнесения на финансовые результаты деятельности организации (текущий ремонт);

5) правильность исчисления амортизации;

6) соответствие используемых счетов требованиям законодательства по бухгалтерскому учету;

7) документальное оформление операций с основными средствами и раскрытие информации о них в бухгалтерской отчетности.

Методика экспертного исследования операций с основными средствами при проведении судебных бухгалтерских экспертиз использует всю совокупность как документальных, так и расчетно-аналитических приемов исследования. В частности данные методы предлагаются в трудах Э.Ф. Мусина, Е.Р. Росинской [5; 6].

Расчетно-аналитические методы получили наибольшее распространение при проверке правильности формирования стоимости и переоценки основных средств, обоснованности отнесения на затраты или включения в стоимость

основного средства затрат на текущий и капитальный ремонты; правильности определения амортизационных отчислений. При этом существенное значение могут иметь данные информационных систем хозяйствующего субъекта [7, стр. 8].

Методы формальной проверки используются для проверки всех видов операций с основными средствами, их наличия и закрепления материальной ответственности.

Методы нормативно-правовой проверки используются экспертом для установления законности принятия имущества в качестве объектов основных средств. Для установления этого эксперт, используя положения учетной политики организации и первичные документы, подтверждающие поступление имущества в организацию, проверяет, не числятся ли в составе основных средств объекты стоимостью ниже установленного лимита или объекты, срок службы которых менее 12 месяцев. Необоснованное включение активов в состав основных средств может вызвать необоснованное начисление амортизации, искажение расходов и финансовых результатов деятельности организации.

Стоимостной критерий отнесения имущества к объектам основных средств составляет 40000 руб. для целей бухгалтерского учета и 100000 руб. – для целей налогового учета. С учетом того, что данный критерий неоднократно изменялся, проверка соблюдения данного требования должна проводиться по требованиям законодательства, действующего на момент принятия объекта к учету. При этом на соответствие нормам законодательства должны быть проверены и положения самой учетной политики.

Материальная ответственность работников за сохранность основных средств определяется на основании договоров о материальной ответственности. При этом должность работника должна соответствовать Перечню должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров о полной материальной ответственности, а руководство организации обязано обеспечить надлежащие условия для хранения имущества и отсутствие возможности доступа к нему посторонних лиц. Однако работник несет материальную ответственность за вверенное ему имущество и без заключения договора, но если доказана его непосредственная вина в недостатке или порче объекта основных средств, что подтверждается внеучетными документами.

На разрешение эксперта могут выноситься вопросы, связанные с неправильным выделением инвентарного объекта основных средств. Данное нарушение преследует своей целью занижение прибыли отчетного периода за счет

включения в текущие затраты стоимости материально-производственных запасов, на которые расчленяется единый инвентарный объект. Возможно и иная ситуация, когда несвязанные друг с другом объекты с разными сроками эксплуатации включаются в состав одного инвентарного объекта.

Объектами исследования в данном случае будут являться первичные учетные документы организации на оприходование основных средств и введение их в эксплуатацию, техническая документация поставщика. Путем сопоставления данных документов эксперт получает возможность выявить случаи признания различными инвентарными объектами предметов, которые выполняют свои функции в составе комплекса, а не самостоятельно. Как правило, данные объекты закреплены за одним материально-ответственным лицом, находятся в одном помещении. Исследование документации, передаваемой поставщиком, изучение единого классификатора основных фондов дает эксперту возможность сделать однозначные выводы о сроках эксплуатации основных средств, в том числе и в целях формирования инвентарных объектов основных средств.

При проверке соответствия сохранности основных средств эксперт, на основании изучения инвентаризационных документов и документов по движению основных средств, получает возможность установить фактическое наличие основных средств. С использованием метода прослеживания эксперт может доказать как отсутствие в организации основных средств, отраженных в учете, так и не включение в состав основных средств объектов, фактически находящихся в организации и используемых в производственном или управленческом процессе.

Правильность первоначальной оценки основных средств устанавливается экспертом на основе исследования законности включения тех или иных расходов в стоимость путем нормативно-правовой проверки, экономической целесообразности включения расходов в стоимость основного средства (особенно расходов, связанных с информационными и консультационными услугами), устанавливаемых путем логической и встречной проверки, арифметического пересчета сформированной на счете 08 «Вложения во внеоборотные активы» стоимости приобретенного основного средства.

При разрешении вопросов, связанных с движением основных средств, эксперт проверяет реальность поступления основного средства в организацию и законность его списания по тем или иным основаниям. Сомнительные операции по поступлению и выбытию основных средств должны быть проверены как путем встречной сверки, так и при помощи прослеживания данной операции во взаимосвязанных документах.

При исследовании операций по выбытию основных средств эксперт должен убедиться в обоснованности списания основных средств. Обязательным документом, подлежащим исследованию, является акт специально созданной

комиссии, подтверждающий непригодность основного средства для дальнейшего использования. Для технически сложных изделий выводы о законности списания основного средства делаются на основании акта (заключения), выдаваемого сервисной организацией, аккредитованной на осуществление ремонтных работ и сервисного обслуживания данного вида техники. В этом же документе должна быть указана возможность дальнейшего использования узлов и деталей списываемого объекта основных средств, что является основанием для перерасчета экспертом ликвидационной стоимости списываемого имущества.

Сложным вопросом экспертного исследования операций с основными средствами является разграничение текущих затрат на ремонт основных средств и расходов на их реконструкцию и связанная с этим проверка правильности исчисления восстановительной стоимости основных средств.

Эксперт должен путем встречной сверки и изучения документов подрядчиков, сметы затрат на ремонт, выполняемой хозяйственным способом, установить текущий или капитальный характер ремонта. Для чего необходимо выявить связь между ремонтными работами и улучшением технологического или служебного назначения основных средств, совершенствованием производственной деятельности, повышением технико-экономические показателей. Для разрешения данных вопросов познаний эксперта-бухгалтера может быть недостаточно и требуется проведение инженерно-технических исследований, что придает экспертизе характер комплексной.

Неправильная оценка основных средств, доказанная экспертом, является основанием для перерасчета им величины амортизационных отчислений, даже если такой вопрос и не был поставлен на разрешение судебной бухгалтерской экспертизы.

Эксперту следует принимать во внимание то обстоятельство, что амортизационные отчисления должны иметь место, начиная с первого числа месяца, следующего за месяцем принятия основного средства к учету. Отчисления на амортизацию основных средств продолжают поступать вплоть до покрытия его стоимости или выбытия по различным основаниям. Эксперт должен проверить соответствие применяемого метода начисления амортизации требованиям учетной политики организации, последовательность применения этого метода, правильность арифметических расчетов и обоснованность включения в затраты организации (отнесения на соответствующие счета учета затрат). Неправильное исчисление амортизации оказывает прямое и непосредственное влияние на формирование финансового результата деятельности организации.

В заключение необходимо подчеркнуть, что вне зависимости от вопросов, поставленных перед экспертом, исследованию подвергается правильность оформления бухгалтерских документов и правильность ведения бухгалтерских

записей. Присутствие ошибок в первичном оформлении операций с основными средствами является критерием потенциальных ошибок в раскрытии информации об основных средствах в бухгалтерской отчетности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет основных средств (ПБУ 6/01)»: приказ Минфина России от 09.06.2001 № 44н (ред. от 16.05.2016) // Российская газета. 16.05.2001. №91-92.
2. Об утверждении Методических указаний по бухгалтерскому учету основных средств: приказ Минфина РФ от 13.10.2003 № 91н (ред. от 24.12.2010) // Российская газета. 10.12.2003. № 250.
3. Колесникова Е.Н. Курс лекций по судебной экономической экспертизе. Рязань, 2013. 149 с.
4. Колесникова Е.Н. Предмет судебно-экономических экспертиз // Судебная экспертиза в парадигме российской науки (к 85-летию Ю.Г. Корухова). Материалы 54-х криминалистических чтений. Академия управления МВД России. 2013. С. 318-322.
5. Мусин Э.Ф. Судебно-экономическая экспертиза. М., 2017. 176 с.
6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография М., 2020. 576 с.
7. Ивличев П.С., Ивличева Н.А. Моделирование экономических информационных систем. Рязань, 2018. 88 с.

Features of forensic accounting examination of operations on the movement of fixed assets

E.N. Kolesnikova

*Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikoty (Russia, Ryazan)
kolesnicova@mail.ru*

Fixed assets are the most expensive part of the property of economic entities and often become objects of criminal attacks. Proving crimes related to the movement and preservation of these values is often based on the use of the results of forensic accounting examinations, which actualizes the study of the features and conduct of expert research.

Keywords: forensic accounting examination, fixed assets, subject of examination, methods of examination, information support of examination, formulation of conclusions by an expert.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД ИЛИ КОМПЛЕКСИРОВАНИЕ МЕТОДОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА?

Я.В. Комиссарова

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
(МГЮА) (Россия, Москва)
a5143836@yandex.ru*

Применение в комплексе знаний из области психологии и полиграфологии в ряде случаев может повысить уровень обоснованности выводов экспертов-психологов и полиграфологов. Однако на практике комплексный подход нередко подменяется немотивированным использованием комплекса методов. Лица, не являющиеся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, активно пользуются так называемыми «авторскими» методами. Зачастую эти методы не имеют научного обоснования. Разработчики применяют их при производстве судебных экспертиз без предварительной апробации. Вызывает тревогу тот факт, что суды некритично относятся к выводам экспертов, выходящим за пределы современного уровня развития науки.

Ключевые слова: следы в криминалистике, уголовное судопроизводство, психологическая экспертиза, психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа, заключение эксперта.

Понятие «след» имеет особое значение в криминалистике. Анализ следовой картины позволяет получить информацию о личности и действиях преступника, жертвы, иных участников события и его обстоятельствах. Учеными разработано множество классификаций следов по различным основаниям. Исходя из условий получения информации о преступлении криминалисты выделяют три группы следов [1, стр. 44—51].

Материально-фиксированные следы (следы-предметы, следы-отображения, следы-вещества, особую группу в числе которых составляют запаховые следы) доступны для непосредственного восприятия и изучения независимо от волеизъявления кого-либо из субъектов судопроизводства.

Знаковые следы для непосредственного восприятия недоступны. Однако зафиксированная таким образом информация может быть получена, декодирована и использована в доказывании независимо от волеизъявления участников уголовного процесса.

Идеальные следы не только недоступны для непосредственного восприятия, но и не могут быть изучены без согласия и участия человека-«следоносителя», запомнившего имеющие значение для дела сведения. Понятие «идеальные следы» является собирательным и не учитывает принятое в психологии деление памяти на виды. Каждая наука имеет свой язык. Соответственно, в терминах одной науки нельзя описать всю сложность и многообразие процессов, изучаемых другими науками.

Независимо от того, о какой группе следов идет речь, получение криминалистически значимой информации всегда предполагает работу с ее материальным носителем. Сведения, сообщаемые людьми, исключением не являются. Однако ситуация межличностного общения весьма специфична, поскольку существует так называемая психофизиологическая проблема. В науке нет ответа на вопрос о соотношении психических и физиологических процессов, протекающих в организме человека в связи с получением, сохранением и воспроизведением какой-либо информации. При этом ложные воспоминания невозможно отличить от истинных, хранящихся в памяти. Они имеют те же свойства, что и любые другие, и ничем не отличаются от воспоминаний о событиях, которые происходили на самом деле [2, стр. 429—460].

Показания участника процесса, противоречащие установленным фактам, являются недостоверными, независимо от причин, по которым человек сообщил информацию, не соответствующую действительности. Лжет он умышленно или же добросовестно заблуждается, с точки зрения уголовно-процессуального права значения не имеет. Показания участника судопроизводства, содержащие недостоверную информацию, априори являются недопустимым доказательством. Поэтому во всех странах мира следствие и суд сталкиваются с необходимостью проверки достоверности показаний. Руководствуясь ст. 87 УПК РФ, дознаватель, следователь, прокурор, суд стремятся получить новые доказательства, подтверждающие или опровергающие проверяемое доказательство, чтобы таким образом оценить достоверность сведений, сообщаемых людьми.

Из криминалистики и юридической психологии известно, что человек может находиться в одном из четырех состояний:

- 1) обладает нужной следствию и суду информацией, желает и может достаточно объективно и полно изложить ее;
- 2) обладает нужной информацией, желает ее сообщить, но в силу разных причин неумышленно искажает в общении со следователем, дознавателем, прокурором, судом;
- 3) обладает информацией, может передать ее, но не желает этого делать;
- 4) информацией не обладает, однако следствие и суд ошибочно полагают обратное, рассчитывая получить развернутые показания.

В целях определения состояния, в котором находится участник судопроизводства, следователь может назначить ряд экспертиз — лингвистическую, психологическую, судебную психофизиологическую с применением полиграфа и др. Задачей эксперта в каждом случае будет выявление совокупности признаков, характерных для определенного информационного состояния субъекта (лингвистических, психологических, психофизиологических и пр. признаков).

Поясним изложенное на примере психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (далее — СПФЭ), которая в России по уголовным делам

проводится экспертными подразделениями: Федеральной службы безопасности — с 2002 г., Министерства обороны — с 2004 г., органов внутренних дел — с 2006 г., Следственного комитета — с 2009 г. В начале 2000-х гг. СПФЭ проводились в лабораториях судебной экспертизы Министерства юстиции РФ, в 2010-2016 гг. — в ФСКН России.

Сначала полиграфолог актуализирует образы, хранящиеся в памяти участника процесса, прежде всего (но не только) за счет предъявления стимулов, в определенном порядке подобранных и систематизированных. Тестирование на полиграфе позволяет «визуализировать» некоторые физиологические корреляты протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением человеком информации о каком-либо событии, интересующем следствие и суд. Затем изучаются выраженность, устойчивость, соотношение реакций на стимулы. Используя различные системы оценки зарегистрированных данных, полиграфолог может выделить совокупность стимулов, значимых для человека.

Таким образом, на основе анализа реакций на стимулы полиграфолог формулирует свою (экспертную) версию относительно информированности обследуемого лица о случившемся. Он также вправе высказать суждение о возможных обстоятельствах получения человеком информации о событии (вероятности ее получения непосредственно в момент события преступления).

Сообщая лицу, назначившему СПФЭ, сведения о том, является или нет человек носителем информации о конкретном событии (его деталях), полиграфологи должны учитывать то, что в их распоряжении имеется ограниченный арсенал средств для проведения экспертного исследования. Современный уровень развития науки не позволяет путем регистрации и анализа психофизиологических реакций человека в ответ на предъявляемые стимулы конкретизировать информацию, которой он обладает. Механизмы памяти пока до конца не изучены.

Указанный подход закреплен в Видовой экспертной методике производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа (2005), Единых требованиях к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа (2008), Методических рекомендациях по порядку назначения и производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России (2018), Межведомственной методике производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа (2018), Методических рекомендациях по порядку назначения и производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе Военной полиции Министерства обороны РФ (2019) [3, стр. 236—237].

Наличие качественного методического материала не является гарантией его

правильного использования. Производство судебной экспертизы может быть поручено любому субъекту, обладающему специальными знаниями. В связи с этим на практике при обращении следователя (суда) в негосударственные экспертные учреждения либо к частнопрактикующим специалистам иногда возникает проблема проверки компетентности лица, назначаемого экспертом, и оценки научной обоснованности предоставляемого им заключения.

В заключениях экспертов по уголовным делам, поступающих к автору статьи на рецензирование по запросам сторон (обвинения и защиты), чаще всего встречаются категорические выводы относительно того, что именно делал (не делал) в интересующее следствие и суд время участник процесса, в отношении которого проводилась экспертиза, например:

1. Б. в период времени с октября 2006 по январь 2007 года обнажался перед малолетней Х.

2. Н. скрывает тот факт, что он наносил удары П.

Фактически эксперты выходят за пределы своей компетенции и отвечают на правовые вопросы, хотя, в соответствии со статьей 74 УПК РФ, заключение эксперта — всего лишь источник сведений, на основе которых наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, устанавливает следователь, дознаватель, прокурор, суд.

Нередки и такого рода выводы:

1. В памяти К. имеются следы, что он видел, как Ш. получал удары ногами от Б.

2. В памяти Д. имеется информация, что он стрелял в П.

3. У Н. имеется идеальная следовая информация относительно совершения в его присутствии действий сексуального характера отцом и мачехой.

Обосновывая свои суждения, лица, назначаемые экспертами из числа тех, кто не работает в государственных судебно-экспертных учреждениях, зачастую используют не научно обоснованные и широко апробированные практикой методы, а технологии, разработанные ими лично. В заключениях экспертов, изученных автором статьи, были ссылки на «метод комплексной интегративной психолого-психофизиологической детекции идеальной следовой информации», «метод черепно-лицевого профилирования и оперативной психодиагностики личности», «интегральный метод психофизиологической диагностики (профайлинг)» и др.

ГОСТ Р 57344-2016 Национальный стандарт Российской Федерации «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения» не содержит понятий, которыми оперируют указанные лица, выступая в качестве экспертов по уголовным делам. Данный стандарт предназначен для применения лицами, проводящими судебно-психологические экспертизы. Требования стандарта распространяются как на государственных судебных экспертов, так и на не-

государственных судебных экспертов.

В Информационном письме «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» (утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол № 6 от 15 июня 2016 г.; утв. Ученым советом ФГБУ ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России, протокол № 7 от 20 июня 2016 г.) подчеркивалось, что диагностика содержания сознания никогда не составляет предмета судебно-психологического экспертного исследования либо исследования с применением полиграфа: экспертиза направлена исключительно на субъекта, а не на информацию, которой он владеет [4].

Соответственно, возникает и остается без ответа вопрос о научной состоятельности вышеуказанных и многих других так называемых «авторских» методов, их апробации на практике и допустимости использования при производстве судебных экспертиз в отношении живых лиц.

У следствия и суда однозначного мнения по данному вопросу нет. В пункте 5.2.1 Обзора кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 г. (утв. 3 апреля 2013 г. Президиумом ВС РФ) отмечалось, что заключения по результатам психофизиологических экспертиз не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, а психофизиологические исследования не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ.

Обзор не содержит указания на недопустимость использования в доказывании заключений экспертов-полиграфологов. Речь идет о не конкретизированном перечне «психофизиологических исследований», к числу которых, несомненно, относятся «комплексная интегративная психолого-психофизиологическая детекция идеальной следовой информации», «черепно-лицевое профилирование и оперативная психодиагностика личности», «профайлинг», а также многие др. Но почему-то противники производства экспертиз с применением полиграфа по уголовным делам ссылаются на вышеприведенное мнение Верховного Суда РФ, упуская из виду проблему использования «авторских» методов при проведении экспертиз частнопрактикующими специалистами.

По нашему глубокому убеждению, использование «авторских» методов в ходе экспертизы (прежде всего, психологической и психофизиологической с применением полиграфа) допустимо исключительно в целях апробации метода и только по окончании экспертного исследования. Предварительно этот вопрос следует согласовать с лицом, назначившим экспертизу. Когда судебная экспертиза проводится в добровольном порядке, в письменном согласии лица подвергнуться судебной экспертизе, на наш взгляд, также должна быть отражена его готовность принять участие в экспериментальной части исследования. Разумеется, полученные таким образом результаты эксперт не вправе

учитывать при формулировании выводов.

Очевидно, что сиюминутными запретительными мерами обозначенную нами проблему решить невозможно. Обзоры практики нормативными правовыми актами и даже актами толкования права не являются.

Думается, пришло время поднять на уровень масштабных научных дискуссий два вопроса:

- 1) об авторских методах при производстве судебных экспертиз;
- 2) о научном обосновании и внедрении в практику психофизиологических методов исследования личности.

Следующими шагами, которые не стоит откладывать, должны стать проведение и подготовка обзоров практики использования указанных методов при производстве судебных экспертиз по уголовным делам, а затем — принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ с разъяснением критериев оценки научной обоснованности заключений экспертов. Принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 УПК РФ, не должен служить «ширмой» для принятия волюнтаристских процессуальных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистика: учебник (уровень специалитета) / под ред. А.И. Бастрыкина, Е.П. Ищенко, Я.В. Комиссаровой. М.: Проспект, 2019. 616 с.
2. Баддли А. Память / А. Баддли, М. Айзенк, М. Андерсон ; пер. с англ. ; под ред. Т.Н. Резниковой. СПб.: Питер, 2011. 560 с.: ил. (Мастера психологии).
3. Актуальные проблемы расследования преступлений : лекции / под ред. А.И. Бастрыкина. Москва: Проспект, 2020. 256 с.
4. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С.А. Смирнова, Е.В. Макушин, А.Я. Аснис, Е.В. Васкэ, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов, С.Н. Шишков, С.С. Шипшин, Д.С. Ошевский, Д.В. Бердников, Т.Н. Секераж, А.Н. Калинина // Теория и практика судебной экспертизы: научно-практический журнал. 2016. № 3 (43). С. 64-73.

An integrated approach or integration of methods for conducting forensic psychological and forensic psychophysiological examinations using a polygraph?

Ya. V. Komissarova

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)
a5143836@yandex.ru*

The use of knowledge from the field of psychology and polygraphology in a number of cases can increase the level of validity of the conclusions of experts (psychologists and polygraphologists). However, in practice, the integrated approach is often replaced by the unmotivated use of a set of methods, including the so-called «author's» methods. Such methods often do not have proper

scientific justification and are used by developers in the production of forensic examinations without prior approval. At the same time, the courts are not critical of the conclusions of experts that go beyond the current level of development of science.

Keywords: traces in criminology, criminal proceedings, psychological examination, psychophysiological examination using a polygraph, expert opinion.

ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ЗАКЛЮЧЕНИЯХ И ВЫВОДАХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

С.В. Корнакова

*Байкальский государственный университет (Россия, Иркутск)
Svetlana-kornakova@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению вопроса о соответствии результатов судебных экспертиз логическому критерию. Обращается внимание на особую доказательственную ценность выводов экспертов для процесса расследования, обусловленную необходимостью привлечения специальных познаний, которыми не обладает субъект доказывания по уголовному делу. Вместе с тем нередко в экспертных заключениях имеются ошибки, обусловленные нарушениями требований логики к доказательственному рассуждению. На примере конкретного уголовного дела автором проанализированы в логическом аспекте результаты проведенных по данному делу экспертиз, ничтожность доказательственного значения которых в немалой степени обусловлена именно несоответствием выводов экспертов логическому критерию.

Ключевые слова: судебная экспертиза; логический критерий оценки заключения эксперта; доказательства по уголовному делу.

Российский уголовно-процессуальный закон содержит детальную регламентацию проведения судебных экспертиз. Отдельная глава посвящена процессуальным правилам их назначения и проведения (гл. 27 УПК РФ), служащим своего рода гарантией получения достоверного результата деятельности эксперта. При этом в системе доказательств результат проведения судебной экспертизы в виде заключение эксперта занимает особое место. Такая особая значимость выводов, содержащихся в экспертном заключении, обусловлена необходимостью в ряде случаев для установления обстоятельств дела в целях раскрытия преступления обращения к различным областям специальных знаний. Как утверждал в этой связи Б. Д. Сперанский, нет таких сведений, которые бы не были полезны для суда. Представители самых разнообразных научных и практических знаний: психиатры, физиологи, химики, физики, лингвисты, этнографы, бухгалтеры и политики, – являлись и являются сведущими лицами в современном процессе [1, стр. 111].

Между тем к особенностям специальных познаний относится, прежде всего, то, что это знания, не являющиеся общедоступными, и, следовательно, такими знаниями заведомо не обладает субъект, ведущий производство по уго-

ловному делу. Но в связи с этим возникает вполне естественный вопрос, каким же образом субъект доказывания по уголовному делу, а затем суд, не обладая такими познаниями, могут выполнить требования ст. 88 УПК РФ, в особенности, требование оценки достоверности данного вида доказательств?

Выборочный анализ судебных решений по уголовным делам, в основу которых, в числе прочих, положены и выводы экспертов показал, что в качестве оценки результатов судебных экспертиз выступает ставшая уже шаблонной формулировка о том, что «выводы экспертов понятны, непротиворечивы, компетентны, научно обоснованы, объективно подтверждены исследованными в судебном заседании доказательствами, а потому суд правильно признал заключения экспертов достоверными и положил их в основу приговора» [2; 3]. Исходя из приведенного высказывания, можно вывести критерии, на которые ориентируются суды в оценке достоверности выводов экспертов. Таковыми являются:

- 1) ясность изложения экспертного заключения;
- 2) логичность изложения экспертного заключения;
- 3) компетентность эксперта;
- 4) использование экспертом научно обоснованных методов исследования;
- 5) согласованность вывода эксперта с другими полученными по делу доказательствами.

Следует отметить, что только при условии соответствия экспертного заключения каждому из перечисленных критериев можно утверждать о его достоверности. Так, соответствие лишь четвертому критерию не должно влечь за собой принятие заключения эксперта в качестве достоверного доказательства. В частности, на наш взгляд, нельзя признать достаточной для признания факта, служащего предметом экспертизы, встречающуюся в судебных решениях ссылку лишь на то, что «оснований сомневаться в обоснованности заключения эксперта, не имеется, поскольку экспертиза проведена специалистами, имеющими специальные познания, достаточный стаж работы» [4].

В логике такая ошибка претендующего на доказательность рассуждения носит название «аргумент к авторитету», поскольку должно быть очевидным, что профессиональные качества специалиста сами по себе ничего не доказывают. Как справедливо в этой связи отмечает А.В. Гришин, при подходе к оценке заключения эксперта, основанном на вере в его профессиональную безупречность и полном доверии к нему, содержится большая вероятность ошибочного вынесения судьей итогового решения [5, стр. 63].

Представляется, что среди приведенных выше критериев решающим для надления заключения эксперта свойством достоверности должен являться последний критерий – его согласованность со всеми исследованными судом доказательствами, поскольку «сила улик не в их числе, а в их единстве» [6, стр. 90].

Вместе с тем, несмотря на указание в судебных решениях на значимость логического аспекта в заключениях и выводах судебных экспертов, нередко в таких заключениях имеются ошибки, обусловленные нарушениями требований логики к доказательственному рассуждению, знание которых позволило бы легко их избежать.

Справедливости ради стоит указать на определенную зависимость результата экспертных исследований от качества ставящихся на разрешение эксперта вопросов должностным лицом, принимающим решение о необходимости таких исследований. К сожалению, в судебно-следственной практике встречаются примеры ничтожности доказательственного значения результатов проведенных по уголовному делу судебных экспертиз именно в связи с необоснованным принятием решения лицами, ведущими производство по уголовному делу, о необходимости их назначения.

Продемонстрируем приведенное утверждение на примере лишь одного уголовного дела, в процессе расследования которого было назначено и проведено четыре судебных экспертизы, результаты которых были оценены судом как не имеющие никакого доказательственного значения [7]. При этом отметим, какие логические требования к процессу доказательства были нарушены.

Так, в 2014 году в Республике Хакасия рассматривалось громкое уголовное дело якобы врача-детоубийцы, которое на всем протяжении следствия и судебного разбирательства (полтора года) сопровождалось широким освещением в средствах массовой информации под заголовками типа: «Акушер-гинеколог из Хакасии утопил и сжег новорожденного, улучшая статистику отделения?», «В Хакасии врач утопил младенца в ведре и сжег», «Копьевский акушер Тышта о новорожденном: «Я утопил его в ведре и вынес в коробке ... он сдох», «Тайну убийства грудничка врач-акушер из Хакасии раскрыл коллеге» и т.п. Подобные заголовки заведомо имеют негативное воздействие на общественное мнение и, как следствие, большой общественный резонанс.

Органом предварительного следствия Тышта А.В. обвинялся в утоплении в ведре и сжигании в кочегарке тела новорожденного ребенка с целью снизить показатели младенческой смертности акушерско-гинекологического отделения, в котором он занимал должность заведующего отделением, т.е. в тяжком преступлении – умышленном причинении смерти другому человеку, заведомо для виновного находившемуся в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Верховный Суд Республики Хакасия 30.06.2014 г. вынес по данному уголовному делу оправдательный приговор. При этом содержание протокола судебного заседания свидетельствует о том, что в судебном заседании все доказательства, в том числе заключения экспертиз, назначенных органами предварительного расследования, тщательно исследованы и проанализированы, с учетом чего суд пришел к обоснованному выводу о наступлении гибели одного

из плодов М. по причинам, не связанным с действиями Тышты А.В., а потому об отсутствии в его действиях состава преступления.

Приведем выдержки из протокола судебного заседания, касающиеся проведенных по делу судебных экспертиз.

В частности, на этапе предварительного расследования в отношении М., признанной потерпевшей по делу, была проведена судебно-медицинская экспертиза, результат которой оценен судом следующим образом: «Заключение судебной медицинской экспертизы М., в соответствии с которым отмечено наличие у нее рубца, явившегося следствием заживления раны, давностью образования в 1-2 месяца, лишь подтверждает показания всех участников процесса о проведении потерпевшей операции «кесарево сечение».

Между тем, одно из основных логических требований к тезису, отвечающему на вопрос «что доказывается?», заключается в том, что он должен нуждаться в доказательстве, поскольку бессмысленно доказывать очевидные вещи. Факт проведения операции «кесарево сечение» отражен в материалах уголовного дела и стороной защиты не оспаривался. В связи с этим вообще отсутствовала необходимость как назначения органом предварительного расследования, так и проведения экспертом указанного исследования.

Кроме этого «стороной обвинения в качестве доказательств, подтверждающих совершение подсудимым рассматриваемого деяния, суду представлена аудиозапись телефонного разговора между свидетелем и подсудимым, а также заключение судебной лингвистической экспертизы. В частности, из осмотренной в судебном заседании аудиозаписи телефонного разговора, происшедшего между Тыштой А.В. и свидетелем, следует, что подсудимый сообщает последнему информацию о том, что им в этот день была проведена операция «кесарево сечение» у пациентки, беременной двойней. При этом подсудимый указывает, что по результатам ранее проведенного УЗИ были выявлены патологии развития одного из плодов. Далее Тышта А.В. сообщает, что при проведении операции им был извлечен один плод, имевший выраженные аномалии развития. В то же время подсудимый говорит о наличии у плода в момент его извлечения из утробы матери сердцебиения. После чего Тышта А.В. указывает, что он утопил этого ребенка в ведре с водой, а труп положил в коробку и сжег в кочегарке. Также подсудимый рассказывает свидетелю о том, каким образом он решил скрыть данный факт и официально его не фиксировать».

«В соответствии с заключением судебной лингвистической экспертизы, экспертом сделаны выводы о том, что в части разговора между подсудимым и свидетелем, касающейся сообщения подсудимым информации о проведении операции М., содержатся его утверждения о происшедших событиях.

Кроме того, эксперт пришла к выводу о том, что высказывания Тышты А.В. о сроке развития плода и его естественной гибели имеют своей целью сокрытие

истинного положения дел, связанного с произошедшим событием».

Между тем, суд учитывает, что «при проведении рассматриваемой экспертизы орган предварительного следствия ограничил предмет экспертного исследования только той частью беседы подсудимого и свидетеля, которая касается обсуждения хода и результатов операции М. Таким образом, экспертом не исследовалась и не оценивалась значительная часть рассматриваемого телефонного разговора. Суд приходит к выводу о том, что исследование экспертом всей беседы могло повлиять на ее выводы, изложенные в заключении».

«При рассмотрении достоверности представленного суду разговора между подсудимым и свидетелем, суд оценивает всю имеющуюся в нем информацию. В частности, суд учитывает, что в названном разговоре содержится информация, которая очевидно не может соответствовать действительности. Например, свидетель сообщает об употреблении ею ежедневно 5 литров спиртного».

Кроме этого, «из показаний участников телефонного разговора следует, что этот разговор носил несерьезный характер, а его целью являлось желание Тышты А.В. отвлечь свидетеля от возникших у нее личных проблем. Свидетель пояснила, что информация, сообщенная Тыштой А.В. в рассматриваемом разговоре, для нее очевидно являлась не соответствующей действительности, поскольку она, имея медицинское образование, поняла, что описанные Тыштой А.В. пороки развития плода несовместимы с жизнью, а потому он не мог быть живым и, следовательно, подсудимый не мог его убить».

Таким образом, ничтожность доказательственного значения проведенной судебно-лингвистической экспертизы обусловлена явным недостатком представленных стороной обвинения материалов для исследования. В логическом аспекте такая ошибка носит название «мнимое следование» и состоит в том, что для доказательства какого-либо положения недостаточно приводимых в его подтверждение оснований.

При этом следует подчеркнуть, что вину за подобное положение неправомерно возлагать исключительно на орган предварительного расследования, вынесшего постановление о назначении экспертизы, поскольку согласно ч. 5 ст. 199 УПК РФ «эксперт вправе возвратить без исполнения постановление, если представленных материалов недостаточно для производства судебной экспертизы», чего экспертом сделано не было.

В ходе предварительного следствия также была проведена судебная медицинская экспертиза, согласно выводам которой не были установлены ни причина смерти плода М., ни время ее наступления, а также не определена степень тяжести вреда, причиненного его здоровью.

В тоже время «экспертная комиссия указала, что достоверно высказаться о наличии у плода патологий и степени их выраженности, а также о наличии у него признаков мертворожденности (живорожденности) и жизнеспособности,

не представляется возможным по причине отсутствия в медицинских документах данных детального исследования плода и его последующей кремации.

Однако, оценив представленные в материалах дела показания свидетелей о проявлении данным плодом после извлечения из тела М. признаков жизни, комиссия экспертов в вероятностной форме позволила себе предположить, что указанный плод являлся новорожденным и живорожденным».

Кроме того, «в судебном заседании был допрошен судебный медицинский эксперт, принимавший участие в подготовке названного заключения в качестве председателя экспертной комиссии. Подтвердив изложенные в заключении выводы, эксперт показал, что одним из вариантов наступления смерти ребенка могло быть его утопление в воде. В тоже время эксперт однозначно заявил о том, что в материалах дела и медицинских документах отсутствуют сведения о наличии дыхания у плода, кремированного Тыштой А.В., а также указал, что утопить ребенка, у которого нет дыхания, невозможно».

Оценивая приведенное заключение судебной медицинской экспертизы, а также показания опрошенного эксперта, суд указал, что «выводы экспертного заключения содержат предположительные суждения комиссии экспертов относительно существования поставленных на их разрешение вопросов. Предположительными являются и показания эксперта относительно причины наступления смерти плода М. Помимо этого, показания эксперта о возможности наступления смерти плода потерпевшей при утоплении (то есть от механической асфиксии) противоречивы. К данному выводу суд приходит потому, что эксперт, однозначно заявив об отсутствии сведений о дыхании плода, исключил тем самым возможность его утопления».

Таким образом, содержание выводов проведенного экспертного исследования не только носит вероятностный характер, но и противоречит данным в суде показаниям участника экспертного исследования, что не соответствует логическому требованию непротиворечивости рассуждения. С учетом изложенного суд пришел к обоснованному выводу о том, что «рассматриваемые заключение судебной медицинской экспертизы и показания эксперта являются необъективными и недостоверными».

Четвертой экспертизой, проведенной на стадии предварительного расследования, была криминалистическая экспертиза по поводу внесения в протокол УЗИ потерпевшей М. исправлений, выводом которой явилось то, что «врачом-узистом фальсифицированы записи о сроке гестации плода». Однако, как указано судом, «предметом криминалистического экспертного исследования являлся не протокол УЗИ, а журнал учета проведения УЗИ. Напротив, протокол УЗИ ни в части срока гестации плода, ни описания имеющихся у него патологий развития, а равно в части выводов врача УЗИ не содержит никаких исправлений. Следовательно, комиссия экспертов, неверно оценив материалы

дела, пришла к необоснованным выводам».

Подобного рода ошибки в логике носят название «подмена тезиса». Чтобы не допускать этой логической ошибки, необходимо четко уяснить себе смысл поставленной на разрешение проблемы.

Таким образом, приходится констатировать, что бессмысленность проведения такого большого количества судебных экспертиз, надо сказать, весьма затратных как в ресурсном, так и во временном отношении, по одному уголовному делу можно объяснить единственной целью – созданием видимости объективно и всесторонне проведенного расследования по уголовному делу органом предварительного расследования. В логическом аспекте порочность большинства из вышеприведенных экспертных исследований заключается в нарушении требований, предъявляемых к такому элементу доказательственного рассуждения, как доказываемое положение – тезису.

В заключение хотелось бы отметить, что в юридической литературе уже обращалось внимание ученых на такой негативный момент, как недостаточное внимание судебных экспертов к вопросам логики, и на важность соответствия логическому критерию содержания экспертного заключения [8]. В частности, И.Г. Вермель в результате проведенного им изучения 450 актов судебно-медицинских экспертиз, показавшего, что более 10% заключений имеют существенные ошибки логического характера, пришел к выводу о необходимости для предотвращения подобных ошибок включения в программу подготовки судебно-медицинских экспертов изучение хотя бы минимального курса логики [9, стр. 26].

Следует также с сожалением отметить, что дисциплина «Логика» отсутствует в перечне обязательных для освоения дисциплин в ФГОС ВО по направлению подготовки «Юриспруденция», и ее включение в учебный план зависит от усмотрения образовательной организации. Такое положение, на наш взгляд, вряд ли можно признать правильным, поскольку правоприменительная практика, как и правотворчество, предъявляют высокие требования к умению юриста рационально мыслить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сперанский Б. Экспертиза в уголовном процессе // Сб. трудов проф. и преподавателей Государственного иркутского ун-та. Вып. X. Иркутск: Изд-во «Власть труда», 1926. С. 100–139.
2. Приговор Ленинского районного суда г. Владимира (Владимирская область) № 1-217/2017 от 13 октября 2017 г. по делу № 1-217/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sz6H795MuuLt/> (дата обращения 17.02.2020 г.).
3. Приговор Прилузского районного суда (Республика Коми) № 1-18/2019 от 3 июля 2019 г. по делу № 1-18/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Zmq0C0vTzjlq/> (дата обращения 17.02.2020 г.).

4. Приговор Козельского районного суда (Калужская область) № 1-10/2019 от 24 июля 2019 г. по делу № 1-10/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qGAd7B6cK9o5/> (дата обращения 17.02.2020 г.).
5. Гришин А.В. Как правильно оценивать заключения эксперта по уголовному делу // Уголовный процесс. 2011. № 11. С.60–66.
6. Шаламов М.П. Теория улик. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1960. 182 с.
7. Приговор Верховного Суда Республики Хакассия № 2-1/2014 2-36/2013 от 30 июня 2014 г. по делу № 2-1/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Npkf3WYqnhO/> (дата обращения 17.02.2020 г.).
8. Литвинов А.Н., Тагаев Н.Н., Лапта С.П. Логика в следственной и экспертной деятельности: проблемы применения и оценки. Учебное пособие. М.: ЮРКНИГА, 2005. 112 с.
9. Вермель И.Г. О логических ошибках в судебно-медицинских заключениях // Судебно-медицинская экспертиза. 1967. № 1. С. 26–30.

Logical aspect in the conclusions and conclusions of judicial experts

S. V. Kornakova

Baikal State University (Russia, Irkutsk)

Svetlana-kornakova@yandex.ru

The article is devoted to the issue of compliance of the results of forensic examinations with the logical criterion. Attention is drawn to the special evidential value of expert conclusions for the investigation process, due to the need to attract special knowledge that the subject of proof in a criminal case does not possess. At the same time, there are often errors in expert opinions due to violations of the requirements of logic for evidence-based reasoning. On the example of a specific criminal case, the author analyzes the results of the examinations conducted in this case in a logical aspect, the insignificance of the evidentiary value of which is largely due to the discrepancy between the conclusions of experts and the logical criterion.

Keywords: forensic examination; logical criterion for evaluating the expert's conclusion; evidence in a criminal case.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ

Д.А. Кудряшов, Д.С. Гольцев

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Россия, Москва)

dima.kudryashov.d@mail.ru, dragon8705@mail.ru

В настоящей статье рассмотрены современные возможности стандартизации судебно-экспертной деятельности, в частности определена необходимость общего методического подхода при производстве комплексных экспертиз и создание общей родовой (видовой) методики производства комплексных судебных экспертиз, а также создание типовых комплексных методик судебно-экспертных исследований, разработанных на межведомственном уровне.

Ключевые слова: комплексная судебная экспертиза, методическое обеспечение, общая родовая (видовая) методика, типовые (частные) комплексные экспертные методики, стандартизация методик судебно-экспертных исследований.

Актуальность развития судебной экспертизы в настоящее время характеризуется интеграцией и дифференциацией специальных знаний из различных научных областей, активным развитием экспертно-криминалистических технологий, совершенствованием различных методов и средств экспертных исследований, разработкой и внедрением в судебно-экспертную практику инновационных технико-криминалистических средств и экспертных методов, а также многими другими тенденциями развития современной техники и информационных технологий в целом.

В связи с вышесказанным существенно расширяются возможности производства судебных экспертиз, как типичных, так и нетипичных объектов исследования, создаются предпосылки к формированию новых видов и родов судебных экспертиз, что позволяет совершенствовать классификацию судебных экспертиз и обеспечивать единство теоретических и практических аспектов их организации и производства.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов развития судебной экспертизы является совершенствование методологических основ, в частности методической формы производства отдельных видов судебных экспертиз. Несмотря на наличие в настоящее время большого количества экспертных методик и методических рекомендаций по производству различных родов и видов судебных экспертиз, актуальной проблемой экспертной практики является отсутствие общего методического подхода к их производству. С нашей точки зрения такое положение справедливо для всех видов и родов судебных экспертиз без исключений.

Вследствие чего в последние годы наиболее актуальной проблемой судебно-экспертной деятельности в целом становится необходимость разработки научно-обоснованных единых стандартов экспертных методик для всех видов и родов судебных экспертиз без исключений. В данном контексте при разработке единых стандартов экспертных методик, на наш взгляд, необходимо учесть, в том числе и зарубежную практику решения обозначенной задачи.

В общем, стандартизацию в судебной экспертологии возможно рассматривать как процесс создания национальных стандартов в целях управления качеством проведения судебных экспертиз и экспертных исследований. Некоторые авторы, справедливо подчеркивают, что стандартизация представляет собой деятельность, направленную на достижение упорядоченности в определенной области путем установления стандартов (положений, рекомендованных для всеобщего применения) [1, стр. 219].

В процессе формирования единых стандартов экспертных методик ключе-

вую роль играет система сертификации экспертных методик. Она представляет собой совокупность правил проведения отдельных экспертных исследований и правил функционирования экспертных методик в целом. Таким образом, сертификация экспертных методик, как одно из направлений судебно-экспертной деятельности, проводится в целях реализации единого научно-методического подхода при проведении различных экспертных исследований.

Вышесказанное подчеркивает тот факт, что разработка единых стандартов экспертных методик, в том числе и на межведомственном уровне, является одним из приоритетных направлений судебно-экспертной деятельности. Общее методическое единообразие при организации и производстве судебных экспертиз существенным образом позволяет повысить эффективность и качество результатов проведения отдельных видов экспертиз и экспертных исследований.

Как представляется, основная проблема разработки единых стандартов экспертных методик заключается в том, что на сегодняшний день сертификация методического обеспечения судебной экспертизы носит добровольный характер. Так, в соответствии с правилами функционирования системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы, утвержденными ГУ РФЦСЭ при Минюсте России от 27.12.2004 [2], методическое обеспечение судебной экспертизы – это совокупность методических материалов по производству судебной экспертизы, методов и средств, а также компетентности экспертов, которая основывается на методологии общей теории судебной экспертизы и частных теорий соответствующих родов и видов судебной экспертизы, а также опыте решения конкретных практических экспертных задач. Следовательно, объектами стандартизации могут являться любые методические материалы по производству судебных экспертиз, методы и средства судебно-экспертных исследований, а также компетентность отдельных судебных экспертов.

На современном этапе развития института судебной экспертизы использование единых сертифицированных экспертных методик позволяет предъявлять общие квалификационные требования к судебным экспертам различных экспертных специальностей и специализаций независимо от их ведомственной принадлежности, что, в свою очередь, способствует получению с заданной точностью сопоставимых результатов при производстве судебных экспертиз.

С целью стандартизации судебно-экспертной деятельности в целом, и в частности установления единообразия в методическом обеспечении производства судебных экспертиз, были созданы, и в настоящее время функционируют, Технический комитет по стандартизации «Судебная экспертиза» [3] и Правительственная комиссия по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [4]. Одним из приоритетных направлений обозначен-

ных органов является разработка единых подходов к научно-методическому обеспечению различных родов и видов судебных экспертиз. В связи с этим, остается выразить надежду, что благодаря их деятельности работа по созданию и внедрению в судебно-экспертную практику единых сертифицированных экспертных методик приобретёт более активный характер.

Таким образом, в современных реалиях развития института судебной экспертизы реализация единообразия общего методического подхода к производству судебных экспертиз различных родов и видов осуществляется по следующим основным направлениям:

- разработка и формирование единых стандартов экспертных методик;
- сертификация методического обеспечения судебной экспертизы;
- внедрение и использование единых экспертных методик в судебно-экспертной практике.

Единообразие общего методического подхода может осуществляться по средствам совершенствования системы профессиональной подготовки и повышения квалификации судебных экспертов.

Также необходимо подчеркнуть, что, в настоящее время, нет единых требований к выдаче удостоверения на право самостоятельного производства судебных экспертиз, подтверждающего компетентность эксперта конкретной экспертной специальности, что приводит к противоречивой оценке результатов экспертных исследований различными процессуальными субъектами.

Обобщив все вышесказанное можно сделать вывод о том, что внедрение и использование единых экспертных методик в судебно-экспертной практике значительным образом влияет на эффективность производства судебных экспертиз и расширяет ее компетенции как средства доказывания при рассмотрении уголовных и иных дел в суде. Однако отсутствие единых стандартов экспертных методик отдельных родов и видов судебных экспертиз характеризует низкий уровень их методического обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майлис Н.П., Моисеева Т.Ф. Стандартизация судебно-экспертной деятельности – необходимый аспект ее развития. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. С. 219-224.
2. «Правила функционирования системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы», утв. ГУ РФЦСЭ при Минюсте России 27.12.2004. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.12.2018 № 1502 «О Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Приказ Росстандарта от 19.05.2017 № 1026 «Об организации деятельности технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Actual problems of standardization of forensic examination in Russia

D.A. Kudryashov, D.S. Goltsev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (Russia, Moscow)

dima.kudryashov.d@mail.ru, dragon8705@mail.ru

This article discusses the modern possibilities of standardization of forensic activities, in particular, the need for a common methodological approach in the production of complex examinations and the creation of a common generic (species) methodology for the production of complex forensic examinations, as well as the creation of standard complex methods of forensic research developed at the interdepartmental level.

Keywords: complex forensic examination, methodological support, General generic (species) methodology, standard (private) complex expert methods, standardization of methods of forensic research.

ПРЕДМЕТ И ТАКТИКА ДОПРОСА ЭКСПЕРТА

А.Ф. Лубин

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)*

ale-lubin@yandex.ru

В статье рассматриваются взаимосвязанные вопросы – предмет и тактика допроса эксперта на стадии досудебного производства и в суде. При этом формулируются конкретные вопросы эксперту в различных ситуациях, даются некоторые криминалистические рекомендации по тактике проверки обоснованности экспертных выводов.

Ключевые слова: судебная экспертиза, допрос эксперта, предмет допроса эксперта, тактика допроса эксперта.

В первом приближении кажется, что предмета допроса эксперта в досудебном производстве быть не должно, поскольку ответы на все вопросы допрашиваемого уже даны в заключении эксперта (ст. 204 УПК РФ). Без этого заключения допрос не допускается (ч. 1 ст. 205 УПК РФ). Действительно, в заключении указывается: экспертное учреждение и личностные данные об эксперте, кто и когда назначил экспертизу, какие вопросы были поставлены на ее разрешение, что исследовалось и с помощью каких методик, каков был порядок и содержание исследования, кто присутствовал при производстве экспертизы, какие выводы и каково их обоснование, а также какие выводы сделал эксперт по тем вопросам, которые не были сформулированы в постановлении. Кроме того, в заключении указываются все материалы, являющимися его составными частями.

ми – фотографии, схемы, графики, слайд-фильмы и т.д.

Тогда какие же ситуации могут быть, при которых следователь (далее имеется в виду и дознаватель) вызывает эксперта на допрос? Во-первых, когда следователь по тем или иным причинам не согласен с выводами экспертного заключения. Например, эти выводы противоречат всей системе уже собранных и проверенных доказательств. Возникают основания для повторной экспертизы, которую будет проводить другой эксперт (ч. 2 ст. 207 УПК РФ). По нашему мнению, тактическая и этическая необходимость такого допроса очевидна. Как пишет В.И. Громов, следует «порекомендовать следователю избегать... конфликтов с экспертом... эксперт по существу работы своей есть ближайший и необходимый помощник следователя по тому же делу...» [1, с. 149]. Надо полагать, предметом допроса в такой ситуации являются обстоятельства, требующие выяснения: 1) каковы причины возникших противоречий между выводами эксперта и собранными доказательствами (экспертные версии); 2) насколько категоричны и убедительны выводы эксперта; 3) существуют ли дополнительные основания для усиления экспертных выводов; 4) какие затруднения были у эксперта при производстве экспертизы – организационные, материально-технические, методические; 5) какова экспертная практика подобных исследований; 6) необходима ли повторная или дополнительная экспертиза.

Во-вторых, иной предмет допроса эксперта будет при его отказе от дачи заключения. Если он уже приступил, но не завершил исследование, а вернул все материалы следователю, то нужно выяснить какие возникли непреодолимые (с его точки зрения) препятствия. Например, эксперт узнал, что в уголовном деле имеются лица, находящиеся в родственных с ним отношениях. Или же поступили реальные угрозы жизни, здоровью ему или его близким со стороны субъектов противодействия расследованию преступлений. В любом случае, следователь по результатам допроса должен принять решение, продолжать ли экспертное исследование именно с этим экспертом или же назначить другого эксперта. Что же касается различных форм противодействия расследованию преступлений и их нейтрализации, то здесь особенный предмет допроса и иные решения [2].

На наш взгляд, если эксперт (по должности), не приступая к исследованию, решил отказаться от дачи заключения, то его целесообразно допросить как специалиста. Предмет допроса: 1) получил ли он фактически все материалы для производства экспертизы; 2) приступил ли он к самому исследованию; 3) на каком этапе (в какой момент исследования) он решил отказаться от производства экспертизы; 4) каковы обоснования такого отказа. В УПК РФ не содержится нормы, регламентирующей допрос специалиста. Да, «специалист не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя и в суд» (ч. 4 ст. 58 УПК РФ), но эта норма не указывает на его право давать показания на

допросе. По смыслу закона, специалист вправе давать показания по своему же заключению (п. 31 ч. 2. ст. 74). В нашем случае нет ни заключения эксперта, нет и заключения специалиста. Тем не менее, в протоколе допроса специалиста могут быть «разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). В то же время, следует разделить позицию Л.Г. Татьяниной и Е.И. Кузнецова о том, что необходимо внести дополнения в ч. 3 ст. 58 УПК РФ следующего содержания: «3. Специалист вправе: ... 5) давать показания по вопросам, требующих специальных познаний, входящих в его компетенцию» [3, с. 177].

В-третьих, вполне целесообразен допрос эксперта в случае вероятностного вывода [4, с. 138–143]. Довольно трудный вопрос следователя, но он тактически оправдан: как эксперт относится к тому, что в теории доказывания, в экспертной и судебной практике некоторых стран распространено мнение, что эксперт должен давать свое заключение только в вероятностной форме или отказаться от решения поставленных вопросов. Более того, в немецкой процессуальной науке доминирует позиция: допустимы лишь вероятностные выводы эксперта, а категорические – недопустимы. В США, например, считается, что экспертное исследование очень редко позволяет дать вывод с абсолютной достоверностью. Согласно установившейся практике, как правило, вероятностная форма заключения эксперта предпочтительна при судебном рассмотрении уголовных дел. Не менее трудный вопрос следователя: известный ученый И.В. Овсянников, твердый сторонник вероятностных выводов судебных экспертов [5, с. 29–30], рассуждая о логике идентификационного экспертного исследования, сделал неожиданное заключение: «Положительные идентификационные выводы по своей логической природе являются сугубо вероятными» [6, 401]. Разделяет ли эксперт это мнение? С точки зрения тактики, вряд ли необходимо задаваться следователю вопросом, какова степень вероятности (или невероятности) экспертного вывода.

Можно видеть, что вопросы следователя весьма специфичны. Но нет правовых и тактических препятствий для участия в допросе третьего лица – специалиста, который – с разрешения следователя – может задавать вопросы эксперту (п. 2 ч. 3. ст. 58 УПК РФ). Специалист, как правило, приглашается по инициативе стороны защиты и ему предлагается: 1) критически оценить используемые экспертами методы и методики исследования; 2) определить пригодность объектов для экспертного исследования; 3) обнаружить ошибки в собирании (обнаружении, изъятии и фиксации) объектов, могущих стать впоследствии вещественными доказательствами по делу; 4) определить правильность (или ошибочность) выбора эксперта (или экспертного учреждения); 5) установить факты выхода эксперта за пределы своей компетенции; 6) подсказать, какие необходимы дополнительные материалы для объективного экспертного ис-

следования; 7) обосновать выводы эксперта, взаимосвязь и взаимообусловленность выводов и исследовательской части экспертного заключения [7, с. 40; 8, с. 38–51].

Заметим, что при вынесении оправдательного приговора (п. 4 ч. 1 ст. 305 УПК РФ), так и при вынесении обвинительного приговора (п. 2 ст. 307 УПК РФ) для суда является проблемой – каким образом нужно мотивировать основания отвержения заключения эксперта. Отсюда – протокол допроса эксперта следователем на стадии досудебного производства, возможно, будет содержать необходимую аргументацию для суда. Представляется, что полномочия следователя шире полномочий суда, поскольку следователь может вызвать для получения объяснений эксперта, давшего заключение, не только в ходе предварительного расследования, но и до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Впрочем, это и необходимая «страховка» для самого следователя, обоснованности обвинительного заключения.

Можно считать тактической ошибкой, если эксперт и стороны судебного разбирательства не готовятся вообще к своему выступлению, допросу эксперта другой стороны процесса и допросу по своей экспертизе. Выводы эксперта не могут радовать одновременно стороны обвинения и защиты. Однако предмет допроса и его тактика во многом одинаковы как для эксперта со стороны обвинения, так и для эксперта со стороны защиты.

Так, в качестве тактических ресурсов информационного характера для допроса эксперта выступают сведения:

- 1) об участниках уголовного судопроизводства;
- 2) сведения о слабых звеньях системы доказательств обвинения и доказательственной базе стороны защиты;
- 3) о возможном поведении той или иной стороны;
- 4) о возможном успехе в состязательном процессе по аналогичным доказательственным базам обвинения (по аналогичным уголовным делам);
- 5) об устойчивости позиции потерпевшего (потерпевших), свидетелей, самого подсудимого (было ли на них оказано какое-либо давление психологического или иного характера);
- 6) о типичных тактических ошибках обвинителя и защитника в ходе судебного доказывания, которые повлияли на исход уголовного дела.
- 7) о некоторых особенностях судебного разбирательства в данном суде (об устойчивых манерах суда – председательствующего – вести судебное следствие и прения сторон).

Тактически целесообразно присутствие эксперта – в отличие от свидетелей – с самого начала судебного разбирательства. Он может задавать вопросы участникам процесса, связанные, например, с подготовкой материалов для экспертизы [9, с. 812]. Это же может облегчить эксперту отвечать на вопросы,

особенно при самом сложном – перекрестном допросе [10]. После оглашения заключения эксперта ему могут быть заданы вопросы сторонами. При этом первой вопросы задает сторона, по инициативе которой была назначена экспертиза (ч. 2 ст. 282 УПК РФ).

Общая схема вопросов и соответствующих ответов (предмета допроса) обычно сводится к следующим положениям: 1) были ли достаточны исходные данные; 2) каковы были подлежащие решению задачи; 3) какова характеристика объектов исследования с точки зрения пригодности, информативности; 4) каковы примененные методы исследования, их возможности; 5) каковы полученные результаты, их значимость для решения поставленной задачи; 6) какова надежность выводов.

Если у эксперта возникли дополнения к данному им заключению, и они существенны для рассмотрения дела, важно сообщить их суду. Поэтому обычно после выступления эксперта собственно допрос начинается с вопроса о том, нет ли у него дополнений к данному заключению, не испытывает ли он необходимости в даче пояснений и не возникли ли изменения в результатах исследований в связи с рассмотрением дела. Приведенная схема могла бы служить опорой для любого судебного эксперта, приглашенного в судебное заседание, а для суда и сторон – тактической основой для подготовки вопросов.

Нужно напомнить, что вопрос о профессиональной пригодности лица, привлекаемого в качестве судебного эксперта по данному делу, решался ранее, при назначении экспертизы, как правило, в период досудебного производства. Однако в суде могут быть заданы уточняющие вопросы относительно экспертной специализации, времени последнего подтверждения (сертификации) права производства экспертиз по данной специальности и опыте работы по ней.

Иногда экспертиза проводится профессионалом, не имеющим подготовки именно в области судебно-экспертной специализации. Например, производство судебно-лингвистического исследования поручается филологу общего профиля, не имеющему специальной подготовки в области судебной лингвистики. Из этого вовсе не следует, что данное таким лицом заключение недостоверно. Однако к его содержанию нужно отнестись особенно внимательно. Не будучи компетентным в области именно судебной лингвистики, такой эксперт при составлении заключения может прибегнуть к некорректным формулировкам: не зная принципиального различия в формулировании категорического и вероятного вывода, он может свое предположительное суждение сформулировать в категорической форме, чем ввести суд и стороны в заблуждение [8, с. 42].

Дополнительными и весьма «провокационными» вопросами, относящимися к предмету допроса эксперта в суде, могут быть следующие: 1) каков научный статус методики, примененной при производстве данной экспертизы (при этом может быть «подсказка» – эта методика общепринятая, сертифицирован-

ная либо авторская, использованная в качестве апробации; 2) где и когда данная методика была опубликована; 3) имеются ли другие методики для решения экспертных вопросов; 4) каковы возможности примененной методики и насколько она надежна и эффективна; 5) достаточны ли совокупность признаков и их соотношение для сделанного вывода.

При допросе экспертов, проводивших комплекс экспертиз, имеет тактическое значение последовательность допроса при условии, что в выводах экспертов имеется логическая зависимость. Например, были проведены две экспертизы – судебно-техническая экспертиза документов и судебно-почерковедческая, причем первая решала вопрос о способе выполнения записи (рукописный или факсимильный), а вторая – об исполнителе. В этом случае вывод второго эксперта находится в полной зависимости от вывода первого, т.к. если первый установит, что имеет место факсимильное изображение, а не рукописное выполнение записи, эксперт-почерковед вообще не должен проводить идентификационное исследование. В рассматриваемой ситуации первым допрашивается эксперт техник-документалист, а уже после него – почерковед [8, с. 48].

Особую сложность представляет предмет допроса экспертов в ситуации полного или частичного их расхождения в выводах по одним и тем же вопросам. Чаще всего это имеет место при производстве повторных, а иногда и дополнительных экспертиз. В этих ситуациях тактически верным будет последовательность допроса экспертов, которая соответствует последовательности их производства.

Иногда недовольная заключением судебного эксперта сторона или ее представитель приглашает в суд специалиста для помощи при допросе эксперта. В судебной практике имеют место случаи, когда адвокаты приводят в судебное заседание недостаточно квалифицированных ангажированных специалистов из частных экспертных структур, которые преследуют одну цель – за обещанный гонорар опорочить заключение эксперта [8, с. 51]. Впрочем, некоторые авторы полагают, что при допросе эксперта в суде «вероятность получения дополнительной информации, как показывает практика, невысока». «Эффективная тактика допроса эксперта становится порой единственным способом отстаивания позиции следователя» [11, с. 39].

Грубая тактическая ошибка суда – замена назначения и производства дополнительной экспертизы (ст. 283 УПК РФ) допросом эксперта [12, с. 39; 13].

К числу процедурных ресурсов тактики доказывания в суде, безусловно, относится перекрестный допрос эксперта – «грязная, человеческая возня» [14, с. 80]. Здесь тактические просчеты почти всегда непоправимы. В целом, можно сформулировать некоторые тактические приемы допроса эксперта в суде:

- 1) не спрашивай эксперта вовсе, если есть сомнение в вопросе;
- 2) экономь вопросы для установления доказательственных фактов – их

должно быть мало;

- 3) не допрашивай эксперта, если нет угрозы верности их показаниям;
- 4) если понял «что спросить» у эксперта, еще больше думай «как»;
- 5) не ускоряй допрос при хороших шансах выиграть дело;
- 6) не настаивай на вопросе, если эксперт от него уклоняется;
- 7) не задавай эксперту вопросов, ответы на которые могут быть нежелательны для твоей стороны;
- 8) не терять самообладания, если эксперт допускает «промахи» (раздражение и недовольство допрашивающего заразительно и чрезвычайно быстро передается суду и воспринимается как слабость доказательств);
- 9) не повторяй вопроса, на который от эксперта уже получен благоприятный ответ;
- 10) не задавай вопроса эксперту, если нет уже готового объяснения его целесообразности [14, с. 80–164].

Ответственность за экспертизу в смысле правильности, ясности и полноты заключения или выводов несет только эксперт. Пределы ответственности следователя и суда ограничиваются лишь требованием корректной постановки вопросов, собиранием и представлением эксперту необходимых материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления: (Сб. науч. тр.) / В.И. Громов. М: ЛекЭст, 2003. 544 с.
2. Лубин А. Ф. Рискологическая характеристика реализации государственной защиты участников уголовного процесса со стороны обвинения / Лубин А. Ф., Афанасьев А. Ю., Соколов Д. С.// Расследование экономических и иных преступлений: проблемы криминалистики, уголовного права и уголовного процесса : материалы межвузовского научного семинара в Нижегородской академии МВД России 25 апреля 2019 г. / [под ред. А. Ф. Лубина, М. А. Ершова]. – Казань : Бук, 2019. С. 60–67.
3. Татьяна Л.Г., Кузнецов Е.И. Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве / Е.И. Кузнецов, Л.Г. Татьяна. Вестник ЮУрГУ, № 13, 2006. С. 177–178.
4. Лубин А.Ф. О допустимости вероятностных выводов экспертного заключения в уголовном судопроизводстве / А.Ф. Лубин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД Росии. Т. 3. № 47. 2019. С. 138–143.
5. Овсянников И.В. О допустимости вероятностного заключения эксперта / И.В. Овсянников // Российская юстиция. 1998. № 6. С. 29–30.
6. Овсянников И.В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам / И.В. Овсянников: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М.,

2001. 511 с.
7. Веренич И. В. Допрос эксперта и специалиста при расследовании преступлений в сфере строительства / И.В. Веренич. Журнал: Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. С. 36–42.
 8. Жижина М.В. Допрос эксперта и специалиста в цивилизационном процессе (рекомендации для эксперта, суда, представителей сторон) / М.В. Жижина // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. №1 (41). С. 38–51.
 9. Блехер К. А. Процессуальные особенности допроса эксперта и специалиста на стадии судебного разбирательства / К.А. Блехер // Молодой ученый. 2014. №4. С. 811–814. URL <https://moluch.ru/archive/63/9676/> (дата обращения: 04.03.2020).
 10. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос / А.С. Александров, С.П. Гришин. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 296 с.
 11. Давлетов А. А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы / А.А. Давлетов. Российская юстиция, 2003. № 9. С. 38–42.
 12. Ахмедшин Р. Л. Актуальные аспекты тактики допроса эксперта:// cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-taktiki-doprosa-eksperta
 13. Панько Н.А. О предмете допроса эксперта в суде <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predmete-doprosa-eksperta-v-sude>
 14. Гаррис Р. Школа адвокатуры / Р. Гаррис. Пер. с англ. Тула: Автограф, 2001. 352 с.

Subject and tactics of interrogation of an expert

A.F. Lubin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN)

(Russia, Nizhny Novgorod)

ale-lubin@yandex.ru

The article discusses interrelated issues - the subject and tactics of interrogating an expert at the pre-trial stage and in court. At the same time, specific questions are formulated to the expert in various situations, some forensic recommendations are given on the tactics of verifying the validity of expert conclusions.

Keywords: forensic examination, interrogation of an expert, subject of interrogation of an expert, tactics of interrogation of an expert.

РЕЧЕВЕДЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ОСНОВА ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В. Д. Никишин

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
(МГЮА) (Россия, Москва)
vdnikishin@msal.ru*

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00190**

Статья посвящена вопросам комплексирования юридических и лингвистических знаний в целях противодействия информационным угрозам мировоззренческой безопасности интернет-коммуникации. Рассматриваются особенности распространения деструктивно-криминогенных речевых продуктов в сети Интернет, их виды (речевые тактики воздействия). Автором обосновывается тезис о том, что противодействие «вербальным» правонарушениям должно основываться на речеведческих компетенциях, интегрирующих юридико-лингвистические знания. В статье предлагается дефиниция речевого правонарушения на основе положений теории государства и права и теории судебного речеведения. Обосновывается необходимость юридических знаний у эксперта-речевода, предлагается рассматривать судебную лингвистическую экспертизу отчасти через призму концепции судебно-нормативных экспертиз. Проводится разграничение понятий «речевой след» и «цифровой след» при исследовании речевых продуктов криминогенной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: информационная безопасность, мировоззренческая безопасность, криминогенность, речевая агрессия, деструктивность, интернет-коммуникация, виральность, речевой след, цифровой след, речеведение, речевое преступление, речевое правонарушение.

Вирусоподобное, массированное распространение деструктивной информации в интернет-среде, для пользователей которой основным критерием истинности информации становится её виральность, создает реальную угрозу информационной (мировоззренческой) безопасности пользователей всемирной паутины. Информационные атаки в интернет-медиа преобразуют тоннель виртуальной реальности пользователя, «подсовывая» ему (на основе алгоритмизированного анализа его поведения в Сети, в том числе истории посещения веб-страниц) тот контент, который «зацепит» его внимание (в том числе на основе ключевых слов). Криминогенную опасность обуславливает тот факт, что подобные информационные атаки используются не только в маркетингово-рекламных целях, но и в криминогенных целях, посягающих на информационно-мировоззренческую безопасность пользователей. Здесь можно выделить такие криминогенно-деструктивные и вредоносные речевые тактики воздействия, как пропаганда радикально-религиозных, националистических, антиконституционных идей и иной экстремистско-террористической идеологии, а также вербовка в радикальные сообщества, пропаганда культуры

андеграунда, культура насилия и жестокости, фейкинг, диффамация, кибертроллинг, кибербуллинг, секстинг, популяризация и героизация суицида и т.д.

Особую общественную опасность криминогенные информационные атаки приобретают в связи с тем, что «модифицированный» тоннель реальности (представляющий собой узкий спектр представлений о реальной действительности (совокупность сведений, оценок и мнений) внутри алгоритмически сформированной виртуальной реальности) и дополненный такого рода мировоззренчески вредоносной информацией, «наделяет» свойством виральности данную криминогенную информацию, т. е. она начинает распространяться в Сети уже самостоятельно, силами пользователей-обывателей, вирусоподобно вовлекая новых «адептов». В условиях информационного «интернет-детерминизма», когда прошлые клики пользователя определяют его будущие клики, пользователь фактически ограничен представляемой ему на основе алгоритмов в рамках тоннеля реальности информацией, не видит альтернативного анализа ситуаций и мнений, что создает благоприятные условия для детерминации его картины мира и радикализации сознания.

Таким образом, интернет-коммуникация представляет собой благоприятную среду для активного распространения криминогенной речевой агрессии, под которой мы понимаем процесс и результат экспликации деструктивных эмоциональных и эмоционально-модальных состояний в продукты речевой деятельности с целью причинения другому лицу морального или физического вреда, в том числе путем угроз, коммуникативного давления на адресата, демонстрации превосходства адресанта и т.д. [1].

Перечисленные выше криминогенные речевые действия (речевые тактики) образуют объективную сторону ряда преступлений (правонарушений), что диктует необходимость выработки комплексного юридико-лингвистического подхода для противодействия таким «вербальным» преступлениям (правонарушениям), совершенным с использованием сети Интернет. Такой юридико-лингвистический подход должен быть основан, на наш взгляд, на речеведческих компетенциях по следующим причинам.

Во-первых, современное судебное речеведение представляет собой «интегративную область специальных синтетических научно-практических знаний о речевой деятельности и ее результатах (продуктах речевой деятельности), подвергаемых экспертному исследованию в целях содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [2, стр. 11]. Таким образом, судебное речеведение интегрирует специальные знания (прежде всего, из таких областей, как теоретическая и прикладная лингвистика, психолингвистика, теория речевых актов, психология, речевая акустика, компьютерные и информационные технологии [3, стр. 688-709]) исходя из по-

ложений теории судебной экспертологии, предметом которой выступают теоретические, методологические и организационно-правовые аспекты использования специальных знаний во всех видах судопроизводства.

Во-вторых, судебный эксперт-речевед является специалистом двойной компетенции: юридическое образование по специальности «Судебная экспертиза» (специализация №5 «Речеведческие экспертизы») предполагает комплексирование юридических и филологических дисциплин и выстраивание над ними надстройки – дисциплин экспертной специализации.

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, юридико-лингвистическое обеспечение информационно-мировоззренческой безопасности интернет-коммуникации должно основываться именно на речеведческих компетенциях, интегрирующих знания, умения и навыки исследования продуктов речевой деятельности в соответствии с нормами материального и процессуального права.

Кроме того, знание материального права крайне необходимо эксперту-речеведу в связи производством судебно-лингвистических исследований по делам, связанным с расследованием так называемых «вербальных» преступлений и правонарушений, а также рассмотрением споров, связанных с речевыми действиями сторон (например, диффамационные иски).

В данных случаях речевые действия (речевые акты) входят в объективную сторону правонарушения, и эксперт-лингвист исследует продукт речевой деятельности с целью установления специальных (лингвистических) признаков объективной стороны деяния. В этой связи он должен владеть знаниями материального права, во-первых, для правильной лингвистической квалификации речевого акта. Например, при ответе на вопрос «Имеются ли в представленном на исследование тексте специальные признаки призывов к осуществлению экстремистской деятельности / к совершению террористического акта и т.п.?» эксперт устанавливает специальные признаки побуждения (призыва) и при определении предмета речи («к чему призывают») не должен руководствоваться обыденным (субъективным, дилетантским) представлением о понятии экстремистской деятельности, террористического акта и т.п., а должен четко понимать, какое содержание (совершение каких действий) вкладывает в эти понятия законодатель. Данный тезис позволяет, на наш взгляд, рассматривать судебную лингвистическую экспертизу отчасти через призму концепции судебно-нормативных экспертиз, предложенную Е.Р. Россинской [4]. С другой стороны, знание материального права необходимо эксперту-лингвисту для четкого соблюдения пределов его компетенции, сводимой к установлению специальных признаков деяния, но не к установлению признаков состава преступления (правонарушения) как таковых. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой

деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место — убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается» [5]. Таким образом, эксперт не может делать вывод о наличии или отсутствии клеветы, призывов к осуществлению террористической деятельности, возбуждения ненависти или вражды и т.д., а может только установить специальные лингвистические признаки речевых актов, корреспондирующих данным преступлениям (правонарушениям).

Речевые правонарушения как речевые действия, сопряженные с криминогенной речевой агрессией, представляют угрозу широкому кругу общественных отношений и могут быть предметом разбирательства и в уголовном, и в гражданском, и в административном процессе. Речевые правонарушения можно разделить на речевые преступления (например, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти или вражды, оскорбление чувств верующих, клевета и т.д.), административные речевые правонарушения (например, оскорбление) и гражданско-правовые речевые деликты (например, распространение порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений) [1, стр. 110].

Опираясь на понятие и признаки правонарушения, разработанные в рамках общей теории государства и права (прежде всего, на труды Радько Т.Н. [6]), на подходы к феноменам речевых действий, разрабатываемые в рамках судебного речеведения (Галяшина Е.И. [2, стр. 99-130], Макашова В.В. [7], Никишин В.Д. [8, стр. 14-25]), предлагаем следующее определение речевого правонарушения: это представляющие собой юридические факты виновные противоправные речевые действия, возникшие в результате целенаправленной речемыслительной деятельности достигших установленного законом возраста и обладающих относительной свободой воли лиц и выраженные вовне в продуктах речевой деятельности, содержащих криминогенную агрессию или конфликтность.

Филологами, не имеющими юридической подготовки, продукты речевой деятельности изучаются только как языковые элементы. В то же время речевые следы как объекты судебной лингвистической экспертизы обладают определенной спецификой. Судебный эксперт-речевед рассматривает их всесторонне в трех аспектах: 1) с точки зрения правовых категорий, в которые они вовлечены как *corpus delicti*; 2) с точки зрения знаковой природы (как результат языковой и коммуникативной деятельности); 3) как источник криминалистически значимой информации (обладающий диагностическими или идентификационно значимыми свойствами, сопряженными с противоправным деянием) [9, стр. 134].

Кроме того, распространение криминогенно-агрессогенного контента в интернет-среде ставит вопрос об объеме специальных знаний, которыми должен

обладать эксперт-речевед для исследования продукта интернет-коммуникации. Что будет являться объектом судебно-речеведческого исследования: цифровые или речевые следы? Необходимо ли привлечение эксперта компьютерно-технической экспертизы и назначение комплексной экспертизы?

Напрашивающийся на первый взгляд тезис о том, что, когда исследование связано с распространением информации в цифровой среде, объектом речеведческих экспертиз всегда выступает цифровой след, на наш взгляд, обманчиво, влечет дезорганизацию понятийного аппарата судебной экспертологии, а как следствие, экспертные ошибки и ошибки правоприменителя при назначении экспертизы (прежде всего, в решении вопроса о квалификации привлекаемых сведущих лиц) и оценке ее результатов. На наш взгляд, речевые продукты, распространяемые в цифровой среде, могут охватываться понятием цифровых следов при использовании последнего в широкой трактовке, однако же для целей организационного и методологического обеспечения судебно-экспертной деятельности, представляется актуальным разграничить понятия «речевой след» и «цифровой след».

По мнению Е. И. Галяшиной, «с точки зрения теории слеодообразования речевой след – это информация, запечатленная при помощи языка и посредством речевой деятельности в слове» [10, стр. 189]. С точки зрения данной концепции слеодообразующим объектом будет выступать продукт речевой деятельности (речевой продукт) как результат речемыслительной деятельности человека, а следовопринимающим – материальный носитель, на котором зафиксировано данное речевое произведение [8, стр. 99]. «Речевой след будет являться следовым контактом, возникшим в результате соответствующего взаимодействия между носителем информации и речепорождающим субъектом, и отражающим признаки слеодообразующего объекта – вербализованного продукта речемыслительной деятельности человека» [10, стр. 189]. Иными словами, речевой продукт выступает диагностируемым (искомым) объектом, а речевой след – диагностирующим (проверяемым).

По мнению Е. Р. Россинской и И. А. Рядовского с точки зрения криминалистики «цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе возникновения данной информации, ее обработки, хранения и передачи» [11, стр. 35; 12, стр. 6-8; 13, стр. 179]. Как утверждает А. И. Семикаленова, «сегодня такими следами являются дампы оперативной памяти и дампы трафиков, файлы и их обрывки, создаваемая программными и аппаратными средствами их получения служебная информация об этих файлах, располагающиеся на материальных носителях информации в виде цифровых кодированных последовательностей» [14, стр. 116]. Как видим, понятие «цифровой след» охватывает и файлы, которые, в свою очередь, являются и объ-

ектами судебных речеведческих экспертиз, содержат речевые следы (тексты, изображения, аудио-/видеоматериалы).

Назначение комплексной компьютерно-технической и какой-либо из речеведческих экспертиз (или комплекса экспертиз) оправдано, на наш взгляд, только в случае, если доказательно-релевантная информация содержится в том числе и в пассивном цифровом следе (например, криминалистически значимая информация о местонахождении распространителя информационных материалов в Сети). В большинстве же случаев направляемый на судебно-лингвистическое или автороведческое исследование цифровой след представляет собой результат фиксации правоприменителем спорного продукта речевой деятельности (речевого следа) из цифровой среды, и правоприменителя интересует именно содержательная сторона носителя информации – содержание зафиксированного на нем речевого произведения, т.е. исследованию подлежит активный цифровой след деятельности правоприменителя (следователя / специалиста или другого лица, осуществившего фиксацию образа экрана (скриншота), аудио, видео или иного файла). В свою очередь, данный активный цифровой след деятельности правоприменителя как результат собирания доказательств визуализирует активные цифровые следы какого-либо лица – автора / распространителя спорных речевых продуктов в сети Интернет, мессенджерах и т.п. В таких случаях прямым результатом судебно-экспертного исследования является установление не пассивно-цифровой информации, а фактической информации о смысловой направленности речевого продукта / сведения об авторе речевого продукта и т.д., и привлечение к производству экспертизы сведущего в сфере компьютерных технологий лица представляется излишним [15].

Таким образом, дальнейшая разработка критериологии использования специальных знаний в целях обеспечения «золотого баланса» между правом человека свободно искать и получать информацию, правом на свободу слова и плюрализм мнений и правом на безопасность коммуникации в интернет-среде должна осуществляться на основе комплексного юридико-лингвистического подхода с опорой на речеведческие компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никишин В.Д. Криминогенная речевая агрессия в аспекте судебной экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2019. №3. С. 108-113.
2. Галяшина Е.И. Судебное речеведение: учебник. Москва: Норма : ИНФРА-М, 2020. 320 с.
3. Галяшина Е.И. Феномен судебного речеведения // Лингвистическая полифония: сб. ст. в честь юбилея Р.К. Потаповой. М., 2007. С. 688-709.
4. Россинская Е.Р. Специальные юридические знания и судебно-

- нормативные экспертизы // ARGUMENTUM AD JURIDICUM ВЮЗИ—МЮИ—МГЮА: Труды. Т. 2. М., 2006.
5. О судебной экспертизе по уголовным делам [Электронный ресурс] / пост-ние Пленума Верхов. Суда РФ от 21 дек. 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 6. Радько Т.Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2011. 752 с.
 7. Макашова В.В. Речевое действие как правонарушение : монография / В.В. Макашова. Москва : Ред.-изд. центр, 2014.
 8. Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография / под ред. Е.И. Галяшиной. Москва: Проспект, 2019.
 9. Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: квалификация и компетенции судебного эксперта-речевода // Актуальные проблемы российского права, 2018. №4 (89).
 10. Галяшина Е. И. Речевые следы как объекты судебных экспертиз (в свете идей Р. С. Белкина) // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22 – 23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс, 2018.
 11. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. №5 (57).
 12. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы : Қазақстан Республикасы ПМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗжРБЖҰБ, 2019.
 13. Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103).
 14. Семикаленова А.И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. №5 (57).
 15. Никишин В.Д. Соотношение понятий «речевой след» и «цифровой след» в судебном речеведении // Цифровой след как субъект судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Проспект. 2020.

Based on forensic speech science comprehensive legal and linguistic support of information (worldview) security of Internet communication

V.D. Nikishin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)

vdnikishin@msal.ru

Research grant No 20-011-00190 of Russian Foundation of Basic Research (RFBR)

The article is devoted to the issues of combining legal and linguistic knowledge in order to counter information threats to the worldview security of Internet communication. The features of the spread of destructive-criminogenic speech products on the Internet, their types (speech tactics of exposure) are considered. The author substantiates the thesis that counteraction to “verbal” offenses should be based on forensic speech science that integrates legal and linguistic knowledge. The article proposes a definition of a speech offense based on the provisions of the theory of state and law and the theory of forensic speech science. The need for legal knowledge from a forensic speech expert is substantiated, it is proposed to consider forensic linguistic examination partly through the prism of the concept of forensic normative examinations. A distinction is made between the concepts of “speech trace” and “digital trace” in the study of speech products of criminogenic Internet communication.

Key words: information security, ideological security, criminogenicity, speech aggression, destructiveness, Internet communication, virality, speech trace, digital trace, speech, speech crime, speech offense.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВА УЧАСТНИКАМИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Л.Б. Обидина

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

lobidina@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при вовлечении в уголовный процесс лиц, не владеющих языком судопроизводства, высказываются предложения по созданию единой информационной базы специалистов, в том числе, экспертов и переводчиков.

Ключевые слова: язык судопроизводства, участники уголовного процесса, экспертиза, заключение эксперта (специалиста).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Язык российского уголовного судопроизводства представляет собой особую разновидность юридической лексики, имеющий свои специальные термины, аббревиатуры, характерные кодовые или жаргонные слова, многие из которых заимствованы из иных языковых систем (латинской, немецкой, французской). Люди, не знакомые с уголовно-процессуальной деятельностью, не смогут правильно понять сказанное, даже если они владеют обычным разговорным языком как своим родным. Им требуется кто-то, кто объяснит значение какого-

либо юридического термина, даст понятное его толкование, разъяснит точный смысл юридического текста. Обычно этим «кто-то» является должностное лицо, возбуждающее и ведущее уголовное дело, – следователь, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, дознаватель, а также рассматривающий дело судья. Часто это делают адвокаты, защищающие интересы лица, привлекаемого в качестве подозреваемого (обвиняемого), а также адвокаты, представляющие интересы потерпевшего и иных лиц. Как правильно отметили авторы одной известной в лингвистике книге, «адвокаты могут использовать язык, как оружие в перекрестном допросе, применяя сложные структуры предложений, двойное отрицание или неоднозначные слова, чтобы озадачить, заманить в ловушку, смутить и иногда даже запугать свидетеля» [1].

По мнению профессора А.С. Александрова, уголовно-процессуальное доказывание – это «языковая игра», в которой «каждая из сторон пытается создать свое собственное «дело» (защиты или обвинения), сделать его сильным, и теми же средствами ослабляет или даже полностью расстраивает «дело» противоположной стороны» [2].

Владение юридическим языком отражает уровень профессионализма юриста, осваивать этот язык приходится не один год в процессе учебы в юридическом вузе, а затем на практике. В условиях состязательного судопроизводства по уголовным делам умение сторон вести перекрестный допрос показывает высокий уровень искусства судоговорения. К сожалению, современный российский уголовно-процессуальный закон не выделяет перекрестного допроса, как самостоятельного судебного действия, и не определяет его отличие от прямого допроса. Также следует с огорчением констатировать, что и студентов юридических вузов не обучают этому важному средству ведения состязательного судебного процесса... Что же говорить об обычном человеке, попадающем в сложный, непонятно для него функционирующий судебный механизм! Тем более, если этот человек – участник по уголовному делу – к тому же не владеет или недостаточно владеет языком судопроизводства.

О ЧЕМ ГОВОРIT ЗАКОН

Часть 2 ст. 18 УПК РФ предусматривает необходимость разъяснить и обеспечить участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на *родном* языке или *другом* языке, которым они *владеют*. Из приведенного текста, как и из всего текста указанной нормы закона, нет ясности по следующим вопросам.

Во-первых, кто именно должен разъяснить названным лицам указанное право? По характеру действий, которые могут совершать участники, следует,

что это, прежде всего, суд, судья («делать заявления», «приносить жалобы» и т.д.), и, конечно же, орган расследования («давать объяснения и показания», «знакомиться с материалами уголовного дела» и т.д.). Однако на этапе досудебного производства по преступлениям, особенно на стадии возбуждения уголовного дела, реализуют свои полномочия разные должностные лица, относящиеся к органам полиции, дознания, прокуратуры и другим. Например, они делают это, принимая заявления и сообщения о преступлениях, производя задержание правонарушителя, рассматривая жалобы и обращения о нарушении прав и свобод и так далее. Во всяком случае, уголовно-процессуальный закон не называет конкретных лиц, в обязанность которых входит определение степени «не владения» или «недостаточного владения» языком, на котором ведется производство по уголовному делу, а также обязанность разъяснения указанного выше права.

Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ в ст. 14, регламентирующей процедуру задержания, как меры государственного принуждения, предусматривает обязанность сотрудника полиции в каждом случае задержания разъяснить лицу, подвергнутому задержанию, его право на юридическую помощь, *право на услуги переводчика*, право на уведомление близких родственников или близких лиц о факте его задержания, право на отказ от дачи объяснения. К сожалению, в этой статье, как и в иных статьях данного Закона, ничего не сказано о гарантиях реализации этих прав, в частности, об обязанности сотрудника полиции вызвать переводчика.

В книге Джоан Колин и Рут Моррис «Переводчики и судебный процесс», о которой упомянуто выше, немало внимания уделено обязанностям полицейских, вступающих в контакт с лицами, страдающими нарушениями слуха, речи, либо не владеющими английским языком. Авторы приводят ссылки на «Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам» (Police and Criminal Evidence Act), содержащий соответствующие обязанности сотрудников полиции. Так, пункт 13.2 этого Закона предусматривает следующее: «Если человек страдает нарушениями слуха либо если вызывает сомнения его способность воспринимать на слух английский язык, говорить на английском языке или понимать английский язык, и если сотрудник, проводящий задержание, не может обеспечить результативное общение, этот сотрудник обязан в кратчайший срок вызвать устного переводчика» [1, стр. 36].

В цитируемом предложении целый ряд любопытных, с точки зрения российского юриста, моментов. Во-первых, названы лица, страдающие нарушениями слуха. Во-вторых, в законе, по нашему мнению, достаточно четко сформулированы виды владения или недостаточного владения английским языком: «*воспринимать на слух английский язык*», «*говорить на английском языке*», «*понимать английский язык*». В-третьих, английский закон допускает

возможность «результативного общения» сотрудника полиции с задержанным на ином, кроме английского, языке. И, в-четвертых, выделяется вид перевода – устный, в отличие от письменного. Каждый из этих моментов заслуживает отдельного комментария, однако применительно к нашей теме особый интерес представляет попытка английского законодателя определить виды владения или недостаточного владения английским языком, то есть второй момент.

Во-вторых, нигде в российском законодательстве не найдется объяснения терминам, содержащимся в ст. 18 УПК РФ: «не владеющий», «недостаточно владеющий» языком. Отсутствие разъяснения этих понятий создает условия для нарушения прав участников уголовного судопроизводства (как и участников судопроизводства об административных правонарушениях). Между тем, если использовать английский опыт, можно было бы предложить аналогичные формулировки для нашего законодательства: «способность участника (уголовного, административного судопроизводства) воспринимать на слух язык судопроизводства», «способность говорить на языке судопроизводства», «способность понимать устный язык судопроизводства» (добавив к этому уточнение *о степени понимания*), «способность читать и понимать письменный язык судопроизводства» (требуется уточнение термина «понимание» - *на бытовом уровне*). Ученые юристы пытаются по-своему объяснить значение этих терминов ст. 18 УПК РФ в комментариях к процессуальному законодательству и в учебниках, однако единого подхода и понимания здесь нет.

ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ ПРАКТИКА

Руководствуясь указаниями закона и рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ, российские правоприменители творят собственную практику, разработав способы определения степени владения языком судопроизводства лиц, в контакт с которыми им приходится вступать. Если заявитель о преступлении, задержанный или опрашиваемый (допрашиваемый) при первоначальном контакте проявляет непонимание русского языка (иного языка судопроизводства в республиках), следует выяснить степень этого непонимания:

- плохо понимает или совсем не понимает обычную разговорную речь;
- понимает разговорную речь, но не умеет свободно изъясняться;
- понимает и изъясняется на бытовом уровне, но не умеет писать (читать);
- владеет языком судопроизводства на бытовом уровне, но не может свободно изъясняться на нем *в понимании тех или иных терминов* или обстоятельств, связанных с производством по делу. Последнее обстоятельство, по моему мнению, имеет самостоятельное значение, поэтому о нем скажем отдельно.

Итак, установив невозможность языкового «результативного общения», соответствующий сотрудник следственных, правоохранительных или судебных органов далее должен определить вид языка, на котором контактер желает общаться. Очевидно, что это происходит на основании ознакомления с

документами о личности гражданина (паспорт, миграционные документы, справки и т.п.). Однако надо иметь в виду, что в таких документах нет указания на национальность гражданина, кроме того, он может лучше владеть не своим родным (национальным), а иным языком общения. Не надо забывать, что в условиях нашей многонациональной державы наличествуют не только языки, но и *диалекты* (достаточно упомянуть Республику Дагестан). Следовательно, в определенных ситуациях надлежит определить не только вид языка, но и вид диалекта. Это важное условие для принятия правильного решения о вызове компетентного переводчика. Проблемы, которые имеют место быть в данной ситуации, разноплановые: например, задержанный делает вид, что не понимает русского языка, затягивая тем самым процессуальное действие в своих интересах; в другом случае гражданин утверждает, что не нуждается в услугах переводчика, однако в дальнейшем процессе расследования или уже в стадии назначения судебного заседания заявляет о недостаточном владении языком судопроизводства, тем самым ставя под сомнение все собранные с его участием доказательства (показания на допросах и очных ставках и других). Если подобное заявление будет обоснованно сформулировано в апелляционной (кассационной, надзорной) жалобе осужденного, то приговору суда первой инстанции (или последующим судебным решениям) «грозит» отмена в связи с существенным нарушением закона. Понятно, что правоприменители опасаются подобного последствия и подчас стараются перестраховаться, то есть допустить к участию в деле переводчика. Но и тут они сталкиваются с проблемами поиска носителя именно данного языка (диалекта), редкого языка (например, монгольского у нас на территории Нижегородской области).

Для исключения ошибок при разрешении указанных проблем имеется универсальный способ – назначение и проведение *судебного лингвистического исследования*. Специалистам – филологам он хорошо знаком, но не освоен еще органами расследования и судами. Между тем, заключение специалиста (эксперта) по лингвистическому исследованию уровня и степени владения языком судопроизводства конкретного участника судопроизводства будет иметь бесспорное доказательственное значение, исключая тем самым всевозможные манипуляции недобросовестных участников своим правом на защиту.

Такого рода исследования основаны на разработанных лингвистикой методах и включают подробнейший анализ языковой, коммуникативной и когнитивной компетенции личности, то есть о степени и уровне владения ею неродным языком. Замечательным примером такого исследования может служить «Заключение специалиста по лингвистическому исследованию уровня и степени владения русским языком гражданина Киргизии С.», сделанное известным российским филологом профессором Радбилем Т.Б. Согласно обосновывающей части данного исследования, «степень и уровень владения языком вторичной

языковой личностью имеет качественные и количественные параметры, по которым ее можно объективно оценить. В частности, оценке подлежат речевые навыки вторичной языковой личности, которые распределяются по четырем видам владения речью: **говорение, аудирование** (слушание), **письмо и чтение**» [3]. Внимательное ознакомление с текстом заключения, включающего 18 страниц, убеждает в беспорности вывода специалиста, поскольку описанная им методика исследования, аналитическая и синтезирующая его части показывают высокопрофессиональный, качественный уровень его деятельности.

На мой взгляд, заключение профессора Радбиля Т.Б. является по существу экспертным, так как основано на проведенном им исследовании, однако это уже процессуальный вопрос, несущественный в данной ситуации.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Первое. Язык судопроизводства является особой разновидностью юридического языка, требует специального подхода к его освоению. Считаю обоснованным предложение профессора С.А. Александра о выделении отдельной отрасли знания – *юридической лингвистики*, как особого продукта правовой науки, находящегося на стыке *лингвистики, риторики, юриспруденции, психологии и ряда других наук*, предметом исследования которой является *судоговорение* [4]. В рамках изучения юридической лингвистики важное место должно занять освоение тактики и методики перекрестного допроса в суде.

Второе. На уровне Пленума Верховного Суда РФ дать разъяснение терминам, содержащимся в ст. 18 УПК РФ: «не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу», что могло бы иметь место в качестве дополнения в текст одного из действующих постановлений.

Третье. Создать единую всероссийскую информационную базу при Следственном Комитете или Министерстве юстиции, включающую сведения о специалистах-лингвистах, которая позволила бы быстро и эффективно решать вопросы поиска и вызова необходимого специалиста (эксперта) для проведения судебных лингвистических исследований. На мой взгляд, подобная информационная система должна включать в себя также переводчиков и специалистов (экспертов) иных отраслей знания (криминалистики, экономики, медицины и проч.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. J. Colin, R. Morris. *Interpreters and the Legal Process.*: Waterside Press. 1996. 21 P.
2. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1997. С. 104, 107.
3. Из личного архива доктора филологических наук профессора Т.Б. Радби-

ля.

- Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства. Монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. С. 5.

Expert assessment of the degree of proficiency in the language of legal proceedings by participants in a criminal case

L.B. Obidina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)

lobidina@mail.ru

The article deals with problems that arise when people who do not speak the language of legal proceedings are involved in the criminal process, the author suggests creation of a unified information database of specialists, including experts and translators.

Keywords: language of legal proceedings, participants in criminal proceedings, forensic analysis, expert (specialist) opinion.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.В. Полякова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

anastasia.poliakova811@yandex.ru

Данная статья посвящена перспективным направлениям использования специалистами методов трехмерного сканирования и моделирования в ходе фиксации осмотров мест происшествий. Проанализирован зарубежный опыт в данной области, приведены отечественные и иностранные разработки по использованию компьютерного моделирования, сканирования с помощью телефонных устройств, программные средства виртуального производства следственных действий, фиксации объектов судебной экспертизы.

Ключевые слова: трехмерная реконструкция, 3D-моделирование, компьютерная модель, лазерное сканирование, реконструкция места происшествия.

Традиционными способами фиксации хода и результатов следственных действий являются протоколирование, фото- и видеосъемка. От качественной фиксации обстановки зависит результативность последующего процесса расследования преступлений. На основании зафиксированных данных следователь выдвигает и в дальнейшем проверяет криминалистические версии. В силу того, что объективная обстановка события преступления имела место в прошлом и её непосредственное исследование недоступно, обнаружение и документирование криминалистической информации, зафиксированной в объективных отображениях, имеет принципиально важное значение. Кроме того, объект исследования может быть слишком сложен либо его протекание про-

исходит слишком быстро. В данном случае одним из методов познания выступает моделирование и такая его разновидность как реконструкция. Развитие компьютерных технологий открыло для деятельности по раскрытию и расследованию преступлений возможности надежной и эффективной автоматизации фиксации, обработки и предоставления информации, а также дальнейшего воссоздания механизма произошедшего события. Место реальных материальных объектов и экспериментальных образцов в большей степени занимают компьютерные модели и виртуальные объекты трехмерной графики.

Под трехмерной реконструкцией понимается процесс получения формы и облика реальных объектов. Еще в 2000 году в материалах Международного общества оптической инженерии имеется статья, посвященная трехмерной реконструкции места преступления, в которой авторами подчеркивается решающее значение 3D-реконструкции в фиксации с геометрической точностью вещной обстановки, которая позволит следователям и присяжным фактически «повторно» посетить место преступления [1].

Методы трехмерного моделирования обладают рядом преимуществ: дают возможность воссоздать реальные размеры и сложность моделей, нет ограничений на масштабирование, перемещение, доступность оценки с любого положения объектов с помощью систем виртуальных камер, возможность введения дополнительных моделей, схем и карт, возможность введения данных лазерного сканирования, наглядность, удобство воспроизведения и визуализации.

В зарубежной литературе указывается на применение в качестве подходящего средства фиксации и исследования поверхностей тела человека, нанесенных повреждений в целях установления орудия, оставившего следы, а также реконструкции хода события, системы оптической бесконтактной 3D-оцифровки (сканирования). Дополнением к поверхностной фиксации используются методы визуализации внутренних повреждений в поперечных сечениях, полученных с помощью многослойной компьютерной томографии (МСКТ) и магнитно-резонансной томографии (МРТ). Эти данные затем объединяются в 3D-модель тела потерпевшего/умершего. Само место происшествия также фиксируется трехмерным сканированием и фотограмметрической съемкой и включаются в 3D-реконструкцию.

Трехмерные лазерные сканеры позволяют генерировать миллионы 3D-точек. Лазерный 3D-сканер посылает лучи в среду исследования, вращаясь по горизонтали под углом до 360° и по вертикали под углом до 310° . Объекты сканирования отражают лучи лазера и сканер измеряет расстояния и углы и вычисляет 3D-координаты миллионов точек поверхности. В 3D возможно захватить до 500000 измерений в секунду. Дальность действия лазерных сканеров может составлять 300 м. С помощью фотограмметрии и лазерного сканирования создается 3D-модель геометрии места происшествия, с размещением

всех объектов, имеющих значение для дела [2]. В данную модель возможно импортировать модели внешних и внутренних повреждений на теле умершего, модель подозреваемого лица. При этом каждая модель может быть перемещена и двигаться в реконструкции. Перемещение и вращение трехмерных моделей позволяет сравнивать повреждения с предполагаемыми орудиями совершения преступления, устанавливая при этом возможные положения жертвы во время удара, выстрела. В результате будет установлено фактическое положение тела жертвы во время нанесения повреждений.

В трехмерном месте происшествия создается виртуальная камера, которая имеет точно такое же фокусное расстояние, положение и направление визирования как у реальной камеры. На реальную фотографию накладывается 3D-модель места происшествия. Теперь измерения можно произвести на фотографии, а также разместить на ней в соответствующих положениях 3D-модели лиц или участвующих объектов, что окажет содействие в проверке механизма совершения преступления.

Существует программное обеспечение для трехмерного моделирования, обладающее универсальным характером. Так могут быть использованы такие универсальные пакеты 3D-моделирования и анимации, как Maya, Autodesk 3DS Max. Данные программы представляют собой полнофункциональные профессиональные программные системы для создания и редактирования трёхмерной графики и анимации, разработанные компанией Autodesk. Они располагают обширными средствами для создания разнообразных по форме и сложности моделей с использованием разнообразных техник и механизмов: моделирование осуществляется с использованием встроенных библиотек стандартных параметрических объектов и модификаторов.

Сотрудники Следственного управления ВМС США совместно с фирмой FORident и отдела судебной экспертизы Окружной прокуратуры округа Беркс представили в своей научной статье SketchUp как относительно простой инструмент для моделирования мест преступлений в 3D-среде и привели пример, как данное программное обеспечение может быть применено [3].

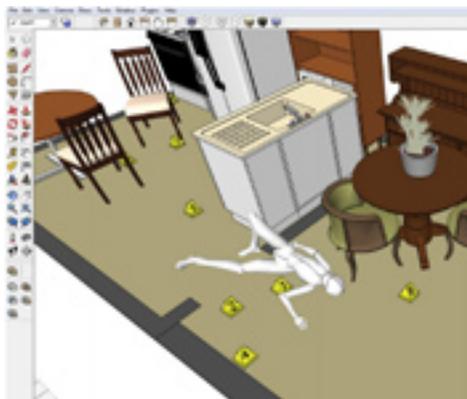

Рис. 1. Моделирование убийства с помощью программного обеспечения SketchUp.

Развитие технического прогресса и внедрение современных компьютерных технологий в судебно-экспертную деятельность приводит к тому, что существует объективная необходимость в повышении квалификации сотрудников, а также введении в рамках программ высшего образования дисциплин, связанных с изучением технологий получения трехмерной графики и анимации. В Университете Торонто имеется курс «Введение в 3D-проектирование и реконструкцию места происшествия», в рамках которого студенты знакомятся со стандартными и инновационными методами фиксации, анализа и визуализации для следственных целей и дальнейшей демонстрации результатов в зале суда. Ассоциация по реконструкции места преступления (ACSR), в которую входят сотрудники правоохранительных органов, судебные эксперты, преподаватели учебных заведений, ежегодно проводят конференции и мастер-классы по ознакомлению с возможностями и обучению технологии использования технологий 3D-сканирования, моделирования в целях проведения криминалистического анализа.

Безусловно, формирование данных компетенций не умаляет значимости применения судебной фотографии и видеозаписи, а также физического моделирования обстановки места происшествия в рамках обучения будущих следователей, дознавателей, экспертов и специалистов. Однако введение в рамках дополнения в образовательных программах по направлению подготовки 40.05.03 Судебная экспертиза дисциплин, направленных на формирование знаний, умений и навыков работы с трехмерными объектами и методами их получения, а также дальнейшего использования в рамках участия специалиста в следственных действиях и производстве судебных экспертиз, считаем отвечающим современным реалиям и целесообразным.

Компанией ООО «Фундаментальные системы анализа» (г. Астрахань, Российская Федерация) совместно с профессорско-преподавательским составом Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Респу-

блики Казахстан была разработана программа «Реконструкция места происшествия в условиях 3D моделирования виртуальной реальности» [4]. В распоряжении субъекта реконструкции имеется банк различных объектов и мест происшествий различных локаций. Данное программное обеспечение также функционирует как виртуальный криминалистический полигон, на котором обучающиеся отрабатывают навыки обнаружения, фиксации в различной форме следов преступлений.

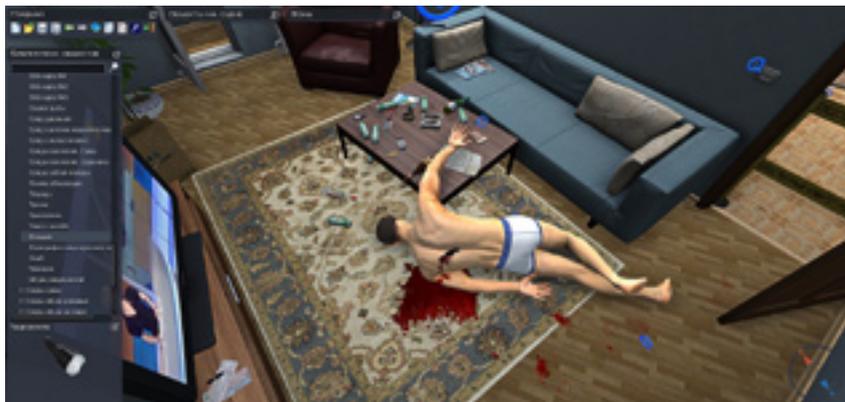

Рис. 2. Интерфейс программы Реконструкция места происшествия при воссоздании сцены убийства.

Все более широкое распространение приобретают программы, которые позволяют создавать трехмерные модели высокого качества на основе цифровой фотографии, кадров видеозаписи. Применение данных приложений для решения задач судебной медицины проходит свою апробацию. Данные приложения реализуют возможность осуществления обзорной и детальной фотосъемки места происшествия, которые в последующем автоматически обрабатываются в готовую трехмерную модель. Все предметы, расположенные на месте происшествия и зафиксированные в модели, будут полностью соответствовать оригиналу. Многие программные обеспечения оснащены функцией определения размеров, формы и положения объектов по изображениям.

Нами были проверены возможности производства 3D-сканирования объектов на смартфоны с помощью специального приложения SCANN3D. Принцип работы данного приложения следующий: оператор производит не менее 20 фотографий модели соблюдая одинаковое расстояние и захват соседних участков объекта при фотосъемке. Далее программа в течение нескольких минут осуществляет объединение данных снимков в трехмерную модель.

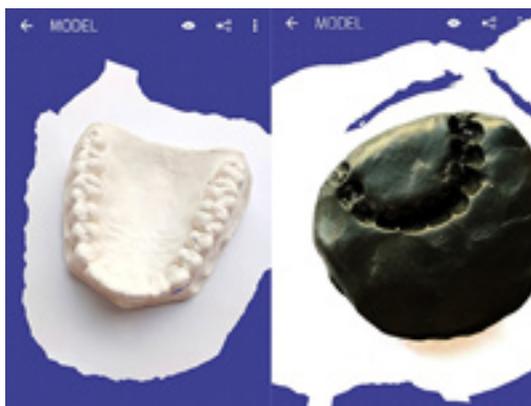

Рис. 3. Результаты сканирования гипсового слепка и следов зубов с помощью мобильного приложения SCANN3D.

Высокие темпы компьютеризации судебно-экспертной деятельности с учетом зарубежного и отечественного опыта в данной области предопределяют возможности использования потенциала технологий получения 3D-изображений различных объектов, следов-предметов (орудий взлома, огнестрельного оружия и его частей), следов-отображений (следов ног, обуви, зубов) на месте происшествия в целом и отдельных его элементах. Также актуально с достаточной простотой и скоростью произвести первоначальные исследования зафиксированных 3D-данных прямо на место происшествия. В дальнейшем полученные модели могут интегрироваться в процесс идентификационного и диагностического экспертного исследования, что требует также наличия у экспертов, специалистов знаний, умений и навыков работы с программным обеспечением и техническими средствами 3D-графики. Виртуальная трехмерная реконструкция выступает способом получения объективной новой информации о событии преступления, представлении результатов в судебном заседании перед лицами, не обладающими специальными знаниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Little Charles Q., Peters Ralph R., Rigdon J. Brian, Small Daniel E. Forensic 3D Scene Reconstruction. [Электронный ресурс] / United States: N. p., 1999. URL: https://www.researchgate.net/publication/252571393_Forensic_3D_scene_reconstruction (дата обращения 10.02.2020 г.).
2. Accident or homicide-virtual crime scene reconstruction using 3 D methods / Buck U., Naether S., Räss B., Jackowski C., Thali M.J. [Электронный ресурс] // Forensic science international. N.Y.,2013. Vol. 225, N 1/3. P. 75–84. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0379073812002587> (дата обращения 12.02.2020 г.).
3. Elissa St. Clair, Andy Maloney, and Albert Schade III An Introduction to Building 3D Crime Scene Models Using SketchUp [Электронный ресурс] /

The Association for Crime Scene Reconstruction (ACSR). URL: <https://www.acsr.org/journal-archives/an-introduction-to-building-3d-crime-scene-models-using-sketchup> (дата обращения 10.02.2020 г.).

4. Медиев Р.А., Лагуткин О.Ю. Реконструкция места происшествия (3D Свидетель) // Вестник Академии правоохранительных органов (Казахстан), 2018. № 8. С. 33-39.

On the issue of the prospects for the use of 3D-technologies in forensic science

A. V. Polyakova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)

anastasia.poliakova811@yandex.ru

This article is devoted to promising areas of use by specialists of three-dimensional scanning and modeling methods in the course of fixing crime scene. Foreign experience in this field is analyzed, as well as domestic and foreign developments on the use of computer modeling, scanning using telephone devices, software for virtual production of investigative actions, and fixing objects of forensic examination.

Keywords: three-dimensional reconstruction, 3D-modeling, computer model, laser scanning, reconstruction of the crime scene.

О ПРИМЕНЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕТОДОВ ФИКСАЦИИ ОСМОТРА МЕСТ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПРЕОДОЛЕНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛОМБИРОВОЧНЫХ УСТРОЙСТВ

Л.И. Потокينا

*Экспертно-криминалистический центр УВД
по Троицкому и Новомосковскому административному округу*

ГУ МВД России по г. Москве (Россия, Москва)

diomin.costia@yandex.ru

В статье изучены тактические приемы фиксации доказательственной информации в ходе осмотра мест происшествия, сопряженных с преодолением электронных пломбировочных устройств.

Ключевые слова: электронные пломбировочные устройства (ЭПУ), объекты трасологической экспертизы, пломбировочное устройство (ПУ), специальные познания, трасологическое исследование пломбировочных устройств.

Осмотр места происшествия (ОМП) является неотложным процессуальным действием, состоящем в «...в непосредственном наблюдении, обнаружении, восприятии, закреплении и анализе следователем различных объектов для установления их признаков, свойств, состояния, взаиморасположения и

определения их значимости в качестве доказательств по делу» [6], основным направлением которого является получение доказательственной информации в виде следов преступления, вещественных доказательств и иных обстоятельств, имеющих значение для расследования и раскрытия преступления. Как известно, местом происшествия (МП) служит участок местности или помещение, в пределах которых обнаружены следы, связанные с расследуемым событием. При этом МП не всегда совпадает с местом преступления, под которым необходимо считать район непосредственного совершения преступления или наступления преступного результата, так как само преступление может быть совершено и в ином месте. Это обстоятельство имеет особое значение при расследовании преступлений, связанных с хищениями грузов, из-за высокой динамичности работы транспорта. Следует отметить, что существует также целый ряд негативных обстоятельств, затрудняющих расследование хищений грузов при железнодорожных перевозках. В первую очередь, к ним относится огромная протяженность российских железных дорог, затрудняющая своевременное обнаружение преступлений и мест их совершения, а также потерпевших, свидетелей или очевидцев, сюда же следует отнести большой объем информационно-технологических операций по обработке перевозимых грузов.

Традиционно фиксация вещной обстановки на МП состоит в «...документальном отражении в протоколе всего обнаруженного во время осмотра, описании технических и технико-криминалистических приемов и средств, примененных при осмотре, запечатлении как общего вида осматриваемых объектов, так и их свойств, состояния и признаков, ...применяются также фотографирование, видеосъемка, моделирование, составление планов, схем и чертежей» [3, стр. 375]. Все эти виды фиксации применяются при осмотре электронных пломбировочных устройств (ЭПУ).

Перед фотографированием на месте происшествия специалист должен решить вопрос о целесообразности использования специальных методов фотосъемки для фиксации месторасположения взломанной ЭПУ, размещения ее частей и деталей, а также подобрать освещенность и масштаб съемки, обеспечивающие отображение формы, контуров, признаков и особенностей следообразующих предметов и возможность производства по фотоснимкам экспертного исследования. Фотографирование непосредственно ЭПУ на месте его обнаружения состоит в следующих ключевых моментах: установление расположения ЭПУ относительно окружающих предметов; фиксация общего вида ЭПУ с имеющимися на нем признаками, характеризующими использованный преступником того или иного способа взлома ЭПУ с детализацией размещения следов применяемого воздействия с учетом их взаимного расположения на теле устройства; в случае разобщенности корпуса и деталей ЭПУ фиксирова-

ние частей устройства относительно вещной обстановки МП.

При обнаружении на месте происшествия предметов, которыми предположительно воздействовали на корпус ЭПУ, в иллюстрационных таблицах помещают фотоснимки с их местонахождением относительно вещной обстановки на МП; далее на детальных снимках фиксируется форма и конструктивные признаки орудий; а также, при их наличии, фиксируется локализация следов контактного взаимодействия с корпусом ПУ (микронаслоения микрочастиц ЛКП, металлической и полимерной стружки, следы металлизации и т.п.). При фиксации ЭПУ, согласно письму ЭКЦ МВД РФ №37-23, рекомендуется соблюдать следующие минимальные условия и правила:

- «...фотографирование следа должно производиться только зеркальной фотокамерой с полукадровой матрицей (физический размер матрицы, около, 18х24 мм);

- диафрагмирование объектива 1:8 и более;
- необходимое фокусное расстояние объектива более или равно 75мм;
- при этом необходимо соблюдать следующие условия: фотокамера должна быть закреплена на штативе в положении – плоскость матрицы параллельна плоскости следа (оптическая ось объектива перпендикулярна плоскости следа);

- освещение объекта съемки – равномерно заполняющее объем, направленное боковое с проработкой элементов рельефа;

- обязательно наличие масштабной угловой линейки и глубинного масштаба» [5, стр. 12-14].

Факт фотографирования при ОМП обязательно отражается в протоколе с обязательным указанием вида применяемого криминалистического оборудования и методов судебной фотографии [4, стр. 49-68].

Еще одним методом фиксации, позволяющим еще более полно и наглядно отразить обстановку МП, является составление планов схем, схематические зарисовки ЭПУ, следов орудий взлома на них, а также предполагаемых орудий взлома. При этом на узловых схемах указываются расположение обнаруженного ЭПУ относительно окружающих объектов; место обнаружения оставленных преступниками орудий и инструментов. На детальных схемах зарисовывают отдельные следы; указывают их строение и характерные признаки, размерные характеристики; показывают их конфигурацию; фиксируют их взаимоположение относительно друг друга. При этом, как известно, узловые и детальные планы бывают схематическими или масштабными. Размеры следов, предметов и их расположение на схематических зарисовках обозначаются цифровыми и условными обозначениями. На масштабных планах следы, предметы и детали зарисовываются со строго определенным уменьшенным либо увеличенным масштабом.

Еще одним направлением деятельности специалиста-криминалиста на месте происшествия является изъятие следов и объектов с МП. Кроме этого при изъятии предметов со следами изымаются и сопутствующие следы (микрочастицы), а также образцы материалов и веществ (металла, лакокрасочного покрытия, загрязнения и т. д.), что имеет немалое значение. Изъятие предметов и их частей со следами происходит только после их осмотра, фотографирования и описания в протоколе. В случае нахождения ЭПУ в проушинах опломбированных грузов они отделяются путем перерезания охватывающего элемента таким образом, чтобы следы на них были представлены полностью, о чем в протоколе ОМП делаются соответствующие записи [2, стр. 50-55]. Изымаемые ЭПУ помещаются в конверт, коробку и т.д. таким образом, чтобы обеспечить сохранность следов при их транспортировке, на упаковке делаются пояснительные надписи: когда, где, кем и по какому делу данное ЭПУ изъято; надписи удостоверяются подписями специалиста, следователя и понятых. Необходимо отметить, что при происшествиях, где объектами являются ЭПУ, объектами изъятия должны являться также компьютеры (пульта управления), на которых имеется, поступающая по беспроводным связям информация с электронных пломб. Согласно подп. 3.1.9 ГОСТа 2.051-2013, под электронным носителем «...понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники» [1].

Предварительное исследование ЭПУ важно при раскрытии преступления «по горячим следам», для возбуждения уголовного дела и для предотвращения утраты некоторых свойств следов. В приказе МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» изложены основные требования к порядку проведения и оформления результатов предварительных исследований. Так исследование может провести только тот сотрудник, который имеет право, подтвержденное в установленном МВД России порядке по экспертной специальности, самостоятельно производить судебные экспертизы. Также регламентированы данным приказом сроки предварительного исследования, обычно это 5 суток, в исключительных случаях до 10 суток. На практике исследование проводится непосредственно на МП. В ином случае может произойти утрата весьма значимой информации, которая могла бы помочь в раскрытии преступления «по горячим следам». Применяемые методы в ходе предварительного исследования не должны изменять вид и свойства исследуемого объекта, так как должна остаться возможность для последующего производства судебной экспертизы. Результаты оформляются справкой об исследовании, которая подписывается специалистом, его проводившим, и руководителем экспертно-криминалистического подразделения, которая впо-

следствии подлежит включению в уголовное дело. В справке об исследовании указываются: перечень, представленных на исследование объектов и их описание; информация о разрешении на использование в ходе предварительного исследования методов видеоизменяющих частично и разрушающих полностью; вопросы, ставящиеся перед специалистом; ответы на эти вопросы; должность, звание, фамилия и инициалы специалиста, проводившего предварительное исследование. После проведения исследования, упаковка с пояснительными надписями, в которую объекты были упакованы первоначально, возвращается инициатору исследования вместе с объектами.

Предварительное исследование ЭПУ проводится в двух направлениях: получение информации с электронного носителя (элемента памяти); получение информации по следам, оставленным на деталях (корпусе) ЭПУ. Специалист, опираясь на собственные специальные знания и умения, может сделать предварительный вывод, например о том, чем оставлены следы, или получить информацию с электронного носителя памяти, в какое время, в каком месте и при каких условиях произошло воздействие на ЭПУ.

Таким образом, ЭПУ в криминалистическом понимании являются источниками следовой криминалистически значимой информации. Поиск, обнаружение и фиксация информации, содержащихся в них данных в процессе ОМП с последующим соответствующим процессуальным закреплением является необходимым требованием при расследовании преступлений. Кроме этого автор указывает на назревшую необходимость комплексного изучения МП, результатом которого был бы всесторонний анализ всех имеющихся следовой картины произошедшего события. Для чего, на наш взгляд, необходимо, по возможности, привлекать специалистов в различных областях знаний на самых ранних стадиях расследования преступлений, задачами которого было бы изучение ЭПУ. Только координированная деятельность специалистов различных областей знаний должна позволить наиболее полно реконструировать картину расследуемого события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГОСТ 2.051-2013 Единая конструкторская документация. Электронные документы.
2. Дёмин К.Е., Потокина Л.И. О некоторых проблемах и путях их решения механоскопической экспертизы запорно-пломбировочных устройств // Вестник академии экономической безопасности МВД России. — Московский университет МВД России, 2018 (1). С. 50-55
3. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. доктора юридических наук, профессора Е.П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006.
4. Криминалистическая техника: учебник для вузов / К.Е. Дёмин [и др.]; от-

- ветственный редактор К.Е. Дёмин. М.: Издательство Юрайт, 2019.
5. Результаты рецензирования заключений экспертов, выполненных слушателями в период прохождения преддипломной практики: аналитический обзор / [Н.П. Майлис и др.]. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.
 6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 № 174, (с посл. изм. и доп. от 30.08.2018 № 440-ФЗ), ст. 176-178.

On the use of additional methods for fixing inspection of places of transport accidents associated with overcoming electronic filling devices

L.I. Potokina

Forensic Expertise Center of the Internal Affairs Directorate in the Troitsk and Novomoskovsk Administrative District of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow (Russia, Moscow)
diomin.costia@yandex.ru

The article explores the tactics of fixing evidence-based information during the inspection of the accident sites associated with overcoming electronic filling devices.

Key words: electronic filling devices (EPU), objects of trasological examination, filling device (PU), special knowledge, trasological study of filling devices.

ПРАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА КОМПЛЕКСНЫХ СУДЕБНЫХ АВТОТЕХНИЧЕСКИХ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В ФБУ ПРИВОЛЖСКОМ РЦСЭ МИНЮСТА РОССИИ

В.Н. Пронин, С.М. Утенков

ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста РФ (Россия, Нижний Новгород)
prcsemurf@gmail.com

В качестве обмена опытом с начинающими и практикующими экспертами в статье отражены сложившиеся подходы к производству комплексных судебных автотехнических и судебно-медицинских экспертиз экспертами ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России и судебно-медицинскими экспертами Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы (ГБУЗ НО «НОБСМЭ»). Показаны организационные моменты выполнения данного рода экспертиз. Приведены конкретные примеры решения задач в соответствии с вопросами, ставящимися правоприменителями на разрешение экспертов при назначении комплексных судебных автотехнических и судебно-медицинских экспертиз.

Ключевые слова: комплексная судебная автотехническая и судебно-медицинская экспертиза, экспертиза, криминалистика, следы, трасология, автотехника, дорожно-транспортное происшествие (ДТП), автомобиль, водитель, пешеход, травма, гибель, телесные повреждения, механизм, медицина.

Многолетняя практика сложилось так, что в ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России правоприменителями регулярно назначаются комплексные

судебные автотехнические и судебно-медицинские экспертизы. И хотя количество таких экспертиз относительно невелико – порядка десятка в течение года, в производстве такие экспертизы имеются практически постоянно.

Экспертизы данного вида поступают в производство не только из Нижегородской области, но и из других субъектов Российской Федерации. По всей вероятности из-за специфики производства таких экспертиз они проводятся не во всех регионах.

Здесь сразу следует оговориться, что успешное производство подобного вида экспертиз во многом зависит от профессионально выстроенных взаимоотношений судебного эксперта-автотехника и судебно-медицинского эксперта в процессе организации и производства комплексной судебной автотехнической – судебно-медицинской экспертизы, в том числе и от возможности понимать друг друга при использовании специальных терминов из соответствующих областей знаний. Казалось бы, есть один для всех закон и личные взаимоотношения никак не должны сказываться на производстве экспертиз. Но в жизни же от этих отношений зависит очень многое.

У экспертов ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России исторически сложились очень хорошие, конструктивные отношения с судебно-медицинскими экспертами Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы (ГБУЗ НО «НОБСМЭ»). В настоящее время это уже является наследием наших предшественников, причём не только экспертов-автотехников, но и баллистов, трасологов, экспертов других специальностей, в чём их несомненная заслуга. Ныне же работающие как эксперты ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России, так и судебно-медицинские эксперты Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, эти отношения стараются всячески поддерживать и развивать.

На практике это сказывается следующим образом. Правоприменители Нижегородской области, назначая комплексные судебные автотехнические - судебно-медицинские экспертизы, заведомо поручают их производство именно экспертам Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы (отдел сложных экспертиз) и экспертам ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России (лаборатория судебных автотехнических экспертиз). Как правило, производство подобных экспертиз не поручается, например, экспертам Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы и экспертам ЭКЦ ГУВД по Нижегородской области. Наверное, потому, что между экспертами этих учреждений не имеется необходимого опыта взаимопонимания, как в организационном плане производства экспертизы, включая стадии изучения материалов дела, выезда на экспертный осмотр, совещаний экспертов, составления и оформления заключений, выдачи представленных материалов органу, назначившему экспертизу.

Однажды был случай поручения производства комплексной судебной автотехнической - судебно-медицинской экспертизы экспертам ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России и судебно-медицинскому эксперту одного из районных отделений судебно-медицинской экспертизы. В результате эта экспертиза была выполнена, но временные затраты на её производство оказались за рамками разумного. Это связано со спецификой производства данного вида экспертиз, на чём подробнее остановимся ниже.

Правоприменители не Нижегородской области, при необходимости назначения комплексной судебной автотехнической - судебно-медицинской экспертизы, как правило, предварительно консультируются о возможности производства такой экспертизы. И здесь личные профессиональные отношения экспертов ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России с судебно-медицинскими экспертами Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы сказываются ещё в большей степени. Дело в том, что Нижегородское областное бюро судебно-медицинской экспертизы по определению выполняет экспертизы только для правоохранительных органов и судов Нижегородской области. Принимают же они к производству экспертизы из других регионов исключительно в рамках, что называется, доброй воли и по согласованию с экспертами ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России. Ещё более проблемным оказывается приём экспертизы к производству, если она назначается из региона, не курируемого и ФБУ Приволжским РЦСЭ Минюста России. И тем не менее, такие экспертизы в производстве были и они были успешно выполнены.

Переходя к организационным моментам производства рассматриваемых экспертиз необходимо напомнить вопросы, ставящиеся на разрешение экспертов и решаемые ими.

Конечно же, основной и самый распространённый вопрос: «Кто находился за рулём?». На втором месте, вопросы о взаимном расположении транспортного средства и пешехода (пешеходов), велосипедиста, иногда мотоциклиста. Вариантами этого вопроса может быть установление факта движения велосипедиста на велосипеде или движения пешехода, ведущего велосипед. Имела место экспертиза, при производстве которой был установлен факт наезда автомобилем на двух человек, ведущих мотоцикл, хотя изначально ДТП рассматривалось как столкновение автомобиля с движущимся в попутном направлении мотоциклом, на котором находились водитель и пассажир. Одним из вариантов того же вопроса является установление факта получения пострадавшим именно транспортной травмы.

В качестве примера можно привести экспертизу, назначенную по уголовному делу после многочисленных жалоб матери погибшей в ночное время девушки от наезда автомобилем ВАЗ-21130. Дело в том, что установленными фактами по этому делу было ночное гуляние молодёжи и половой контакт погибшей

девушки незадолго перед смертью. Автомобиль же ВАЗ-21130, кстати, даже не скрывшийся, как это бывает в подобных случаях, с места происшествия, визуально имел очень значительные механические повреждения.

Вот выдержка из результатов экспертного осмотра. «Правая часть переднего бампера из полимерного материала отсутствует с областью отделения по правой стороне внутреннего усилителя бампера. Передний фонарь правого указателя поворота загнут вниз, его рассеиватель разрушен. Переднее правое крыло деформировано, в передней части с разрывом металла на длине около 6 см с загибом металла вверх и назад на высоте от опорной поверхности около 50-60 см, ориентировочно в области технологического отверстия крепления отсутствующей части бампера. Передняя часть полимерного брызговика колеса отделена». Визуально это выглядело как сильно «развороченная» область передней правой части автомобиля, на первый взгляд, действительно не свойственная наезду на пешехода.

Мать погибшей девушки, которую, конечно же, понять можно, настаивала на том, что её дочь была изнасилована, убита, затем брошена на обочину дороги, а с целью сокрытия такого преступления был пригнан автомобиль ВАЗ-21130, предварительно специально повреждённый наездом на препятствие типа столба, дерева, но никак не наездом на человека.

Исследуя совокупность механических повреждений автомобиля и телесных повреждений девушки, а также вещно-следовую обстановку, эксперты пришли к общему выводу, что они соответствуют наезду на девушку областью правой стороны переднего бампера автомобиля ВАЗ-21130. В момент наезда пешеход находилась в вертикальном положении и была обращена спиной и левым боком к области правого переднего угла автомобиля ВАЗ-21130.

Значительность же повреждений у автомобиля ВАЗ-21130 объяснялась особенностями механизма их образования. Приложенная спереди назад к правой стороне бампера нагрузка вызвала разрушение бампера в области правой стороны внутреннего усилителя бампера. Из-за конструктивных особенностей: соединение правой стороны бампера с передним правым крылом и с брызговиком – дальнейшее отделение правой стороны бампера сопровождалось отделением части брызговика впереди и значительным повреждением передней части переднего правого крыла.

В основном перечисленные выше вопросы исчерпывают перечень вопросов, ставящихся на разрешение экспертов и решаемых ими при производстве комплексных судебных автотехнических и судебно-медицинских экспертиз. Иногда на разрешение экспертов пытаются ставить заведомо не решаемые в настоящее время вопросы, как, например, определение скорости транспортного средства по совокупности его повреждений и телесных повреждений пострадавшего. Акцентировать внимание на известном результате «не представляется

возможным» в настоящей статье не имеет смысла. Также встречаются случаи назначения комплексных судебных автотехнических и судебно-медицинских экспертиз, в которых один или несколько вопросов относятся исключительно к компетенции судебно-медицинского эксперта, а другой (или другие) исключительно к компетенции эксперта-автотехника. Например, вопрос 1 – определить степень тяжести телесных повреждений пешехода, вопрос 2 – определить оставочный путь автомобиля. И хотя в современных тенденциях такую экспертизу можно итолковать как комплексную, для настоящей статьи она интереса не представляет.

Итак, если имеет место предварительная консультация правоприменителя о намерении назначить комплексную судебную автотехническую и судебно-медицинскую экспертизу, то в первую очередь разъясняется пожелание, чтобы она в силу указанных выше причин была поручена именно экспертам ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России и Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы. Но при этом выясняется, какие объекты и где именно будут предоставлены в распоряжение экспертов. Дело в том, что у сотрудников Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы не предусмотрены командировки даже в Нижегородской области, и, тем более, за её пределами. Поэтому консультируемый правоприменитель предупреждается о необходимости либо организовать экспертный осмотр с доставкой экспертов в течение дня к месту осмотра и обратно, либо об организации экспертного осмотра на территории, как правило, ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России. Кроме того, напоминает о необходимости направления постановления о назначении экспертизы в каждое учреждение, поскольку довольно часто постановление поступает только в одно из экспертных учреждений.

При поступлении в ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России постановления о назначении комплексной судебной автотехнической и судебно-медицинской экспертизы её производство поручается конкретному эксперту-автотехнику. На что, в первую очередь, обращается внимание эксперта. Каким экспертным учреждениям поручается производство экспертизы и какое из этих учреждений правоприменителем определяется как ведущее. По умолчанию права и обязанности ведущего экспертного учреждения принимает на себя, как правило, то, которое указано в постановлении первым.

Если ни Нижегородское областное бюро судебно-медицинской экспертизы, ни какое-либо другое медицинское учреждение (или судебно-медицинский эксперт), не указаны в постановлении в качестве учреждений, сотрудникам которого поручается производство экспертизы, это согласовывается, обязательно в письменном виде, с органом, назначившим экспертизу.

Если экспертиза, согласно постановлению, поручена экспертам ФБУ

Приволжского РЦСЭ Минюста России и Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, то в письменном виде путём направления запроса в Нижегородское областное бюро судебно-медицинской экспертизы выясняется, поступило ли им в производство данное постановление, если да, то кому из экспертов поручено производство экспертизы. Данный запрос является одновременно уведомлением, что в ФБУ Приволжском РЦСЭ Минюста России экспертиза поручена такому-то эксперту.

По сути дела эта переписка является формальностью, поскольку, как правило, эксперты между собой уже созвонились и всю необходимую информацию выяснили. Но данная переписка является официальным подтверждением создания межведомственной комиссии экспертов. Кроме того, в случае непоступления постановления в одно из учреждений официальный ответ об этом из данного учреждения является основанием сообщить органу, назначившему экспертизу, о невозможности её выполнения в связи с отсутствием её в производстве определённого учреждения.

После создания комиссии экспертами выясняется, какие материалы поступили в каждое из учреждений и какие материалы требуются дополнительно для решения поставленных вопросов. Практически всегда требуются участвовавшие в ДТП транспортные средства. В зависимости от решаемых вопросов могут потребоваться участок местности, на котором произошло ДТП (например, при опрокидываниях на участках с изменяющимся рельефом), дополнительная медицинская документация (медицинские карты вызовов на каждого из лиц, а также амбулаторные и стационарные карты), дополнительная информация о заведомо известном расположении кого-то из лиц, находившихся в автомобиле, были ли они пристёгнуты ремнями безопасности, о заведомо известном расположении людей непосредственно сразу после происшествия и тому подобное.

Часто, особенно при исследовании наездов на пешеходов, велосипедистов, для полноты исследования требуется натурная реконструкция, для чего необходимы статисты с телосложением близким к телосложению людей, участвовавших в ДТП.

Заявляется ходатайство о предоставлении соответствующих материалов и об организации экспертного осмотра при надлежащих условиях.

Уже на этом этапе у экспертов возникает необходимость встреч для обсуждений и принятия совместных решений. И упомянутые выше личные взаимоотношения начинают играть решающую роль. Работая в разных учреждениях и даже в разных ведомствах, эксперты не подчинены ни друг другу, ни общему руководству. Каждый из экспертов, помимо данной экспертизы, имеет целый пласт работы, в том числе связанной с необходимостью выездов на осмотры, в суды. У судебно-медицинских экспертов в этом отношении деятельность во-

обще специфична: то приём лиц по графику, то плановая работа в каких-то медицинских заведениях. При этом территориально эксперты-автотехники и судебно-медицинские эксперты расположены в разных частях города. Требуется использовать какой-то транспорт. Соответственно, для обеспечения встреч необходимо взаимопонимание, умение и желание скорректировать во времени планы своей работы. В конце концов, организацию поездки одного из экспертов в другое учреждение. Чисто же формальное исполнение каждым из экспертов своих обязанностей выполнение рассматриваемых экспертиз делает практически невозможным.

После заявления ходатайства между экспертами и с органом, назначившим экспертизу, согласовывается дата экспертного осмотра, место, уточняются особенности организации экспертного осмотра. По возможности и в большинстве случаев экспертный осмотр осуществляется всей комиссией экспертов. Но по указанным выше причинам, либо при отсутствии такой необходимости, экспертный осмотр может быть осуществлён и без судебно-медицинского эксперта. Действительно, для решения ряда вопросов экспертный осмотр необходим лишь с целью установления механизма столкновения, опрокидывания. А это задача эксперта-автотехника – транспортного трасолога.

В дальнейшем установленный механизм столкновения, опрокидывания, и, соответственно силы, действовавшие на транспортные средства, предметы и людей, находившихся в них во время ДТП, будут учтены в совокупности с телесными повреждениями, полученными людьми.

Собственно говоря, это и есть технология решения вопросов при производстве комплексных судебных автотехнических и судебно-медицинских экспертиз. То есть в первую очередь экспертом-автотехником устанавливается механизм дорожно-транспортного происшествия. Причём устанавливается он по возможности точно, насколько это позволяют зафиксированные на месте дорожно-транспортного происшествия следы и следы на транспортном средстве или транспортных средствах, с точки зрения определения сил, действовавших на транспортные средства, предметы и людей, находившихся в них в процессе развития всей дорожно-транспортной ситуации. Это позволяет определить направление перемещения предметов и людей в транспортном средстве, контакт людей с травмирующими объектами, возможный их выброс из транспортного средства, и, соответственно, получение ими определённых травм.

В качестве примера возможно привести экспертизу по следующему ДТП. На повороте дороги в левую сторону неустановленный водитель не справился с управлением автомобилем ИЖ-2126-030, автомобиль пересёк полосу встречного движения, съехал на встречную обочину, затем в кювет, где произошёл наезд правой стороной автомобиля на дерево; в салоне автомобиля находились Г., В. и С.; после наезда В. находился в багажнике автомобиля, С. – под правым

задним колесом автомобиля, Г. – в кювете, на расстоянии около 15 м от задней части автомобиля.

Зафиксированная на месте дорожно-транспортного происшествия вещно-следовая обстановка и механические повреждения, следы, на автомобиле ИЖ-2126-030, с учётом заданных в постановлении обстоятельств происшествия, соответствовали следующему механизму происшествия.

Автомобиль ИЖ-2126-030 после потери водителем контроля над управлением пересёк полосу встречного движения, левую обочину, и далее, двигаясь правой стороной вперёд областью правого порога позади средней стойки наехал на ствол дерева, ломая его. В результате наезда на дерево предметы и тела людей, находившихся в автомобиле, получили импульс движения, относительно салона автомобиля, в правую сторону, а также несколько назад и вверх. Под воздействием деформаций и нагрузки со стороны тела пассажира, находившегося на переднем пассажирском сиденье, запорное устройство замка двери было сломано, дверь открылась. Задняя правая дверь и правая сторона заднего сиденья стали деформироваться справа налево. Произошёл долом ствола дерева и автомобиль остановился в зафиксированном расположении.

Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что в совокупности с телесными повреждениями всех троих удалось установить, что во время происшествия Г. находился на переднем пассажирском сиденье автомобиля ИЖ-2126-030, В. – на заднем пассажирском сиденье, С. – на месте водителя.

Прямо противоположный, можно сказать, пример. Столкновение движущихся со встречных направлений транспортных средств произошло левой частью автомобиля МАЗ «от кабины до кузова» с передней частью автомобиля ГАЗ-2752 «СОБОЛЬ» «в направлении от правой фары к левой». Во время столкновения к передней правой части движущегося с боковым заносом и разворотом «против часовой стрелки» автомобиля ГАЗ-2752 «СОБОЛЬ» была приложена сила, направленная справа налево. Автомобиль ГАЗ-2752 «СОБОЛЬ» получил сопротивление движению вперёд, относительно своей передней части, и дополнительный импульс к развороту «против часовой стрелки». При этом к предметам, находившимся в салоне автомобиля ГАЗ-2752 «СОБОЛЬ», и телам людей оказалась приложенная сила, стремящаяся перемещать их в основном в правую сторону относительно автомобиля ГАЗ-2752 «СОБОЛЬ».

Согласно постановлению о назначении экспертизы в результате столкновения все три человека, находившиеся в автомобиле ГАЗ-2752 «СОБОЛЬ»: М., К. и И. «вылетели из автомобиля». К счастью для них все трое получили не столь значительные телесные повреждения и могли с чьей-то помощью или даже самостоятельно перемещаться, то есть их расположение непосредственно после происшествия установлено не было. Телесные повреждения всех троих были сопоставимы, к тому же, повторюсь, не столь значительны. Такие телесные по-

вреждения могли быть получены даже от удара о дорожную поверхность после выброса из автомобиля. К тому же из материалов дела следовало, что непосредственно перед ДТП данные лица заезжали в кафе, где в ходе распития спиртных напитков ввязались в драку с группой других лиц. То есть, по крайней мере, часть из имевшихся телесных повреждений невозможно было исключить при получении их в драке. Естественным результатом проведённого исследования был вывод о невозможности определить экспертным путём расположение указанных лиц в автомобиле ГАЗ-2752 «СОБОЛЬ».

Таким образом, полнота исходной информации и её криминалистическая информативность, являются определяющей составляющей, от которой зависит в какой форме будут даны выводы по поставленным вопросам.

В связи с этим в заключении следует отметить, что к производству комплексных судебных автотехнических - судебно-медицинских экспертиз могут быть привлечены и эксперты других экспертных специальностей: трасологи, биологи, материаловеды и другие. Хотя, как правило, при назначении комплексных судебных автотехнических - судебно-медицинских экспертиз заключения экспертов указанных специальностей с известными результатами уже имеются и предоставляются в распоряжение экспертов-автотехников и судебно-медицинских экспертов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебная автотехническая экспертиза. ч. 2. ВНИИСЭ. М., 1980. Теоретические основы и методики экспертного исследования при производстве автотехнической экспертизы (Пособие для экспертов-автотехников, следователей и судей).
2. Транспортно-трасологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях (Диагностические исследования). ВНИИСЭ. М., 1988.
3. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы. ЦНИИСЭ. М., 1971.
4. Словарь основных терминов судебной автотехнической экспертизы. ВНИИСЭ. М., 1988.
5. Фридман Л.М. Судебно-медицинская экспертиза при расследовании дорожно-транспортных происшествий, сопровождавшихся гибелью людей или причинением им телесных повреждений. Нижний Новгород, 2008.
6. Руководство по судебной медицине под редакцией В.В. Томилина, Г.А. Пашияна. Москва: «Медицина», 2001.
7. Диагностикум механизмов и морфологии переломов при тупой травме скелета. – Изд. 2-е, перераб.; под ред. засл. деятеля науки РСФСР, профессора В.Н. Крюкова. Новосибирск: Наука, 2011. С. 600.
8. Судебно-медицинская экспертиза в случаях автомобильной травмы. А.А.

Солохин. Библиотека практического врача. Издательство «Медицина». Москва, 1968.

9. Таблицы и схемы по судебной медицине. Повреждения от падения с высоты и воздействия частей транспорта. А.А.Солохин, Л.М. Бедрин. Москва-Ярославль, 1986.
10. Материалы к судебно-медицинскому установлению механизма автомобильной травмы. Л.М. Фридман. Горький, 1970.

Practice of production of complex Forensic auto-technical and forensic examinations in Privolgsky FSC (Russia, Nizhny Novgorod)

V.N. Pronin, S.M. Utenkov

*Privolgsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)
prcsemurf@gmail.com*

As an exchange of experience with beginning and practicing experts, the article reflects the established approaches to the production of complex forensic auto-technical and forensic medical examinations by experts of Privolgsky Forensic Science Centre and forensic medical experts of the Novgorod Regional of Forensic Medical Examination. Organizational moments of this type of expertise are shown. Specific examples of the solution of tasks in accordance with the questions put by law enforcement agencies to the permission of experts when appointing complex forensic auto-technical and forensic examinations are given.

Keywords: complex Forensic auto-technical and forensic examinations, expertise, forensics, traces, trasology, motor vehicles, accident, car, driver, pedestrian, injury, death, injuries, mechanism, medicine.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА И ЭКСПЕРТНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО РАЗНЫМ КАТЕГОРИЯМ ДЕЛ

Т.Б. Радбиль

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
timur@radbil.ru*

В работе обсуждаются проблемы внедрения новейших идей и методов современной русистики, связанных с принципами интертекстуальных исследований, в методологию и технологию производства лингвистических экспертиз по разным категориям дел. Цель исследования – осветить современные методы и подходы в области анализа и экспертной квалификации негативной затекстовой культурно-значимой информации в медийных, политических и рекламных текстах (в том числе в интернет-коммуникации) при производстве лингвистических экспертиз. Исследование базируется на «герменевтическом подходе», который предполагает комплексную методику на основе концептуального, лингвокультурологического и интертекстуального анализа. Материалом для исследования послужили экспертные заключения по негативной информации в медийных текстах

отечественных СМИ. Анализируется две типологические разновидности имплицитной культурно-значимой информации в спорных текстах: (1) закодированные в тексте средствами этнического языка национально обусловленные смыслы, принадлежащие к сфере русской языковой картины мира; (2) рефлексy современной культурной ситуации, отраженные в тексте в виде разного рода явлений интертекстуального взаимодействия и «прецедентных феноменов».

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, имплицитность, культурно-значимая информация, национально-обусловленная семантика, интертекст, прецедентные феномены, герменевтический подход, лингвокриминалистика.

ВВЕДЕНИЕ

В работе обсуждаются проблемы внедрения новейших идей и методов современной русистики, связанных с принципами интертекстуальных исследований, в методологию и технологию производства лингвистических экспертиз по разным категориям дел. В центре настоящего исследования находятся особенности выявления и экспертной квалификации имплицитной культурно-значимой информации как специфического средства выражения диагностических лингвистических признаков языковых правонарушений и преступлений в спорных медийных, политических и рекламных текстах.

Сегодня мир живет в условиях новых коммуникативных потребностей, когда на людей обрушивается массив разнообразной информации из различных источников. Информация эта может быть не только полезной, но и недобросовестной, конфликтогенной, манипулятивной, противоречащей общественным интересам и даже «запрещенной» (в том числе законодательно). При этом она подчас носит сложный и многоуровневый характер, потому что задействует апелляцию к фоновым знаниям адресата, к культурным кодам этноса и социума, и для ее адекватного восприятия необходим определенный кругозор и объем культурных знаний.

Проблема лингвоэкспертной квалификации информации подобного рода заключается в том, что она выражается в текстах не прямо, а в скрытом, имплицитном виде, и поэтому для ее адекватной интерпретации эксперту необходимы определенные компетенции. При этом в случаях непрямого, «игрового» или маскировочного, т.е. манипулятивного использования возможностей языка и речи в конфликтогенных высказываниях именно специальные знания лингвиста имеют решающее значение для выявления языковых признаков негативной информации в спорных текстах публичной направленности как доказательной базы в делах по унижению чести и достоинства, оскорблению, экстремизму или противоречащей общественным интересам рекламе [1, стр. 146–149; 2, стр. 18–21].

Для установления диагностических лингвистических признаков негативной вербальной информации в этих случаях недостаточно стандартных ме-

тодик анализа семантики слов по данным словарей, грамматических форм, синтаксических моделей и конструкций по данным авторитетных грамматик: необходим выход эксперта-лингвиста в сферу экстралингвистического (внеязыкового), культурно-ориентированного («фонового») содержания и ассоциативно-оценочной сферы указанных единиц. Как указывают Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский и И.В. Жарков, данный анализ предполагает максимальный учет: (а) культурно-исторического и социокультурного контекста эпохи (в целом и вплоть до частных деталей), «узких» идеологических смыслов, разного рода ассоциаций, аллюзий, актуальных для соответствующего исторического времени; (б) особенностей менталитета, фоновых знаний, актуальных для носителей языка (создателей изучаемого текста), этнокультурного своеобразия (или лингвистической картины мира) данного языка (прежде всего – его лексико-фразеологического состава) [3, стр. 160–189].

Таким образом, мы можем сформулировать цель исследования – осветить современные методы и подходы в области анализа и экспертной квалификации негативной затекстовой культурно-значимой информации медийных, политических и рекламных текстах (в том числе в интернет-коммуникации) при производстве лингвистических экспертиз.

Необходимость в экспертном лингвистическом исследовании подобной информации может возникнуть в современной правоприменительной практике по совершенно разнообразным категориям дел. Однако чаще всего такая экспертиза необходима в разрешении вопросов, требующих специальных лингвистических знаний эксперта, по гражданским делам об унижении чести и достоинства, деловой репутации, по уголовным делам об экстремизме, а также в арбитражных процессах по ненадлежащей или противоречащей общественным интересам рекламе. В более редких случаях экспертная интерпретация культурно-значимой информации может быть востребована в экспертном исследовании текстов художественной направленности на предмет выявления признаков пропаганды наркотического образа жизни или порнографии.

В настоящей работе мы затронем только один аспект в ряду указанных направлений. Материалом для исследования послужили только экспертные заключения по негативной информации в медийных текстах нижегородских СМИ.

Совокупность исследовательских техник, позволяющих извлекать и адекватно интерпретировать имплицитную культурно-значимую информацию, стоящую за словами и выражениями спорного текста, мы условно именуем «герменевтическим подходом», который предполагает комплексную методику на основе концептуального, лингвокультурологического и интертекстуального анализа [4, стр. 370–377].

В соответствии с современными представлениями о соотношении языка и культуры в лингвокультурологической парадигме гуманитарного знания, воз-

можны две типологические разновидности интересующей нас имплицитной культурно-значимой информации:

(1) закодированные в тексте средствами этнического языка национально обусловленные смыслы, принадлежащие к сфере того, что в современной науке о языке именуют «языковая картина мира» [5]; речь идет о семантических и коннотативно-оценочных компонентах, не отраженных в словарных значениях единиц языка, но укорененных в национальной концептосфере, в ключевых идеях русской ментальности, «русского мира» [6, стр. 33–39]: обычно эта разновидность имплицитной семантики отражена во вторичных метафорических употреблениях слов и выражений, во фразеологизмах, поговорках и поговорках [7] и является объектом лингвокультурологического анализа и анализа концептов национальной культуры [8];

(2) разнообразные рефлексии современной культурной ситуации, отраженные в тексте в виде разного рода примет интертекстуального взаимодействия [9] – «прецедентных феноменов» [10], идеологем, мифологем и других элементов «языка культуры» в современной речевой практике, которые используются журналистами для отрицательной образно-метафорической и экспрессивно-оценочной характеристики в спорном медиатексте: обычно эта разновидность имплицитной семантики входит в анализируемый текст в виде разных видов прямой и косвенной цитации, упоминания знаковых имен и иных собственных наименований [11], предназначенных для узнавания адресатом с опорой на его фоновые культурные знания [12, стр. 185–195] и является объектом дискурс-аналитических исследований интертекста и контекстуального анализа.

В соответствии с рассмотренными выше двумя разновидностями культурно-значимой информации в спорном и / или конфликтогенном тексте формируется логика предпринятого исследования.

1. ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННОЙ СЕМАНТИКИ КАК ОТРАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СПОРНЫХ ТЕКСТАХ

Имплицитная культурно-значимая информация национально-специфического характера, как правило, не отражается в словарях и справочниках по русскому языку, в грамматиках, учебных пособиях и других нормативных источниках. Как формулируется в одном из наших учебных пособий: «То, что стол, например, это не просто предмет мебели, а воплощение культурно-значимой для русских идеи гостеприимства, не содержится в словарном толковании лексемы стол. Все это надо реконструировать...» [13, стр. 14]. Интересующие нас сведения, как правило, в тексте выражаются в особенностях сочетаемости, в том числе – во вторичных, текстовых, значениях, отраженных, в частности, в моделях метафоризации, в устойчивых коллокациях, во фразеологизмах, поговорках, поговорках и пр.

В частности, негативный национально-обусловленный коннотативно-оценочный культурный фон может стоять за рядом слов и выражений русского языка, для которых в словаре не отмечается никакой негативной окрашенности. Однако в языковом сознании носителей языка негативные смысловые ассоциации все равно возникают, и это используют авторы медиатекстов. Так, например, для лексемы заделаться в значении «стать, сделаться» словари указывают только на стилистическое ограничение – просторечный характер [14], но не на отрицательную оценку. Но негативный оценочный фон данного слово очевидно проявляется в контекстах, например: «А теперь выходит, господин Л. еще и заделался нюсмейкером для желтой прессы, распространяя небылицы об известных людях». – В языковом сознании носителей русского языка нельзя заделаться кем-то или чем-то хорошим, достойным, нужным и пр. (нельзя *заделаться героем, матерью, чемпионом и пр. в нейтральном, не ироническом контексте).

Часто негативно-оценочная информация «черпается» авторами медиатекстов из богатого фразеологического или паремиологического (пословичного и поговорочного) фонда русского языка. Особо эффективным средством актуализации имплицитной культурно-значимой информации в клишированных формах, в том числе – фразеологизмах, по мнению М.А. Кронгауза, является их преобразование, трансформация [12, стр. 185–195]. В этом случае автор задействует культурный фон, стоящий за исходным фразеологизмом, для введения в оборот новой, нужной ему информации в запоминающейся, экспрессивной форме.

Особенную экспрессивность трансформированный фразеологизм приобретает в стилистическом приеме **амплификации** – нагнетании негативно-образных средств с целью формирования отрицательного имиджа героя. Так, в цикле статей, дискредитирующих директора градообразующего предприятия Л., используется национально-специфический культурный потенциал следующих фразеологизмов: **высотать из пальца, зайти с черного хода, распускать слухи, слон в посудной лавке** и др., например: *Но одно дело, когда слухи распускают недобросовестные журналисты, и совсем другое, когда это делает руководитель крупного оборонного предприятия.*

Эффект экспрессивно-сниженной отрицательно-оценочной окрашенности достигается как раз за счет смысловых и структурных преобразований фразеологизмов (вставка компонента, замена компонента, элиминация компонента, грамматическая трансформация компонента контаминация двух фразеологизмов и пр.: подзаголовок «Сенсация, **высосанная из пальца**» – негативно характеризует деятельность Л. как распускание слухов; «**зайти во власть с черного хода**» – о том, что Л., для того чтобы занять высокий политический пост, использовал разные закулисные махинации; всеми правдами и неправдами за-

нявшего, «поведение слона в посудной лавке» – о том, что герой статьи в целях карьерного успеха предпринял ряд мер, вызвавших кризисную ситуацию в политической и экономической жизни районного города.

2. ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ «ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ» КАК РЕФЛЕКСОВ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СПОРНЫХ ТЕКСТАХ

Имплицитная культурно-значимая информация интертекстуального характера в современных медийных текстах выступает одним из репрезентативных способов выражения авторской позиции в тексте, его выразительности и воздейственного эффекта [9]. В этой связи использование интертекста является, на наш взгляд, одним из самых действенных приемов формирования негативного имиджа физических и / или юридических лиц, о которых идет речь в медийных материалах, потому что задействует фоновые знания читателя, эксплуатирует его культурную компетенцию. При этом интертекстовая подача имплицитной информации, с трудом поддающейся однозначной экспертной квалификации, выступает как средство маскировки, вуалирования журналистом прямой негативной оценки, за что могли бы в дальнейшем последовать правовые санкции.

Интертекстуальные вхождения в медиатексты осуществляются посредством апелляции к «прецедентным феноменам»: прямые и скрытые цитаты, аллюзии, «прецедентные имена» или «прецедентные названия» художественных произведений, а также другие расхожие выражения («крылатые слова»).

Так, статья, посвященная дискредитации деятельности Ф. – директора одного из знаковых культурных учреждений города, обыгрывает в заголовке статьи фразу из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «*Антракт, негодяи!*» (фраза из сна Никанора Ивановича, которая звучит на фантазмагорическом театральном зрелище, посвященном сдаче незаконно нажитой валюты). Автор данного материала имел в виду экспрессивный призыв к директору и его коллегам прекратить выпады против газеты в затянувшемся конфликте. Данная фраза, вынесенная в сильную позицию заглавия, формирует общую негативную тональность всего материала.

Широко используются расхожие образы и цитаты из культовых произведений И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Например, для непрямой негативной характеристики представителя администрации Х. в тексте актуализуется аллюзия на систему образов из «Двенадцати стульев»: в подзаголовке в кавычках использовано словосочетание «*кипучий лентяй*» (характеристика бездельника и приживала Полесова из «Двенадцати стульев»). Автор статьи имел в виду, что его герой только имитирует деятельность на высоком посту, а на самом деле не исполняет своих обязанностей. В другой статье, критикующей Л., директора градообразующего предприятия

районного города А., который попал в Законодательное Собрание с помощью незаконных и нечестных, по мнению автора, средств, использовано выражение «Сбылась мечта идиота» (напомним, что эта фраза говорит в «Златом теленке» Остап Бендер, когда получает вожденный миллион).

Очень часто обыгрываются образы из известных всем детских сказок или кинофильмов. Так, негативно-оценочный культурный фон для создания негативного впечатления у читателей в статье об инициаторе незаконной застройки на одной из улиц города – чиновнике Г., эксплуатирует аллюзия на образы детского романа А.Н. Толстого про Буратино: «*Вся эта шатия и устроила в городе театр марионеток имени Карабаса Барабаса*», – которая, с опорой на фоновые культурные знания читательской аудитории, трактует указанные события как управляемые чьей-то недоброй волей, а самих участников представляет как безвольных «марионеток» в чужих руках.

В сферу «прецедентных феноменов» как элементов «языка современной культуры» давно и прочно входят рекламные слоганы и яркие запоминающиеся образы и символы рекламного дискурса. В медиатекстах они также могут стать источником актуализации имплицитной негативно-оценочной информации по отношению к лицу или группам лиц. Так, в статье, направленной против высшего звена крупной энергокомпании, неоправданно завышающей тарифы на электроэнергию, пародируется рекламный слоган «*сладкая парочка*», уже давно ставший «народным выражением»: «*Сладкая парочка. Повышение тарифов на электроэнергию*». – Данное выражение использует образ, основанный на прецедентном тексте из известной рекламы сладких шоколадных батончиков «Твикс», которые действительно представляют собой два компонента в одной упаковке. В данном случае автор статьи употребляет выражение сладкая парочка в переносном значении в ироническом плане с целью выразить негативное отношение к лицам, названным подобным образом. Его примерное иронически-сниженное значение, легко восстанавливаемое из предшествующего контекста: «два известных и богатых лица, занимающие высокие посты и находящиеся в сговоре с целью получения незаконного обогащения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы можем наметить примерную последовательность действий эксперта-лингвиста при обращении к затекстовой культурно-значимой информации, т.е. очертить контуры процедуры экспертного исследования. Сначала атрибутируется первоисточник выражения, его исходное (первоначальное, этимологическое) значение. Затем выявляется коммуникативная направленность использования данной культурной информации и актуализованный в контексте новый смысл, возникший как раз на фоне апелляции к культурному фонду адресата (способ взаимодействия семантики претекста и нового текста). Далее выявляются (если имеются) коннотативно-

оценочные приращения смысла. На заключительном этапе с максимальной достоверностью из обращения к макроконтексту устанавливается область референции спорного высказывания, т.е. определяется, имеются ли в виду конкретное лицо / лица (в практике производства речеведческих экспертиз это несколько нетерминологично называется «адресный характер высказывания»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
2. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №3–2. С. 18–21.
3. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сб. мат–в. М.: ИПК «Информкнига», 2010. 208 с.
4. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Герменевтический подход в судебной лингвистической экспертизе русскоязычных текстов // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. I. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 370–377.
5. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
6. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
7. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие. М.: Наследие, 1997. 207 с.
8. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
9. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Пред. С. Гардзوليو; Пред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
10. Радбиль Т.Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: Сб. науч. трудов. Нижний Новгород: НГПУ, 1999. С. 34–41.
11. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
12. Кронгауз М.А. Энергия клишированных форм // Лики языка: Сб. ст. к

45-летию научной деятельности Е.А. Земской; отв. ред. М.Я. Гловинская. М.: Наследие, 1998. С. 185–195.

13. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2016. 328 с.
14. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х томах. М.: Русский язык, 2000. Т. II. 1088 с.

The modern methods of analysis and expert qualification of background text culturally significant information in linguistic expertise on various categories of forensic cases

T.B. Radbil

*The Lobachevski State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
timur@radbil.ru*

The work deals with problems of implementation of the newest ideas and methods of modernistics connected with the principles of inter-textual researches in methodology and technology of linguistic expertise on various categories of forensic cases. The purpose is to describe modern ways and approaches to analysis and expert qualification of negative background text culturally significant information in media, political and advertising texts (including internet communication) in proceeding of linguistic expertise. The research is based upon “hermeneutic approach” which supposed complex methods containing conceptual, linguo-culturological and inter-textual analysis. The materials are expert judgments on negative information in media texts of Russian mass media. Two typological kinds of implicit culturally significant information in conflict texts are analyzed in the work: (1) encoded in a text by means of an ethnic language national-conditioned senses which belong to sphere of the Russian language picture or the world; (2) reflections of modern social-cultural situation presented in a text as various types of phenomena of inter-textual interaction and “precedent phenomena”.

Keywords: linguistic expertise, implicitness, culturally significant information, national-conditioned semantics, inter-text, precedent phenomena, hermeneutic approach, linguo-criminology.

ОБЪЕКТЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.Р. Россинская

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)
elena/rossinskaya@gmail.com*

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-29-16003**

Цифровизация породила новый вид объектов судебных экспертиз – криминалистически значимую информацию, содержащуюся в компьютерных средствах и системах, – цифровые следы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, цифровизация, цифровые следы, компьютерные средства и системы, судебная компьютерно-техническая экспертиза.

Цифровизацию судебно-экспертной деятельности законодатель определяет как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов, необходимых в данном случае для решения судебно-экспертных задач (ст. 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности»).

Технологии, основанные на использовании электронно-вычислительной техники, используются в судебно-экспертной деятельности с начала 80-х годов прошлого века еще до появления современных компьютерных средств и систем. Основными направлениями тогда были автоматизация решения некоторых простых задач судебной экспертизы, например, система «АВТОЭКС» для решения 8 стандартных задач автотехнической экспертизы [1, стр. 4-10], создание измерительно-вычислительных комплексов для автоматизации сбора и обработки экспериментальных данных, получаемых в ходе физико-химических, почвоведческих, биологических и других исследований методами хроматографии, масс-спектрометрии, ультрафиолетовой, инфракрасной спектроскопии, рентгеноспектрального, рентгеноструктурного, атомного спектрального и других видов анализа. Комплексы первоначально монтировались на базе приборов и отечественных МИКРОЭВМ [2, стр. 14-16], а с начала 90-х годов оборудование для анализов стало комплектоваться микропроцессорами, а затем и персональными компьютерами [3]. Для анализа использовались, так называемые, внутренние технологические банки данных, которые содержали либо наборы специфических физико-химических параметров, характеризующих вещества и материалы, либо спектрограммы объектов, записанные на магнитных носителях.

Вторым направлением внедрения компьютерных технологий в экспертную деятельность являлось информационное обеспечение экспертных исследований: создание банков данных и автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) по конкретным объектам экспертизы по накоплению, обработке и выдаче в соответствии с запросами больших массивов информации [4, стр. 28-30].

Третьим направлением было создание программ и программных комплексов выполнения расчетов по известным формулам и алгоритмам [5, стр. 14-19]. Большое количество вспомогательных расчетов необходимо производить в автотехнических, электротехнических, технологических экспертизах. Специализированные пакеты прикладных программ были созданы для расчетов при производстве экономических и бухгалтерских экспертиз, некоторых видов традиционных криминалистических экспертиз.

Четвертым направлением информатизации экспертиз и исследований являлась разработка программных комплексов автоматизированного решения

экспертных задач, включающих, помимо указанных выше позиций, еще и подготовку самого экспертного заключения [6; 7].

В настоящее время все эти направления получили дальнейшее развитие за счет лавинообразной цифровизации, результатом которой, в том числе, явилось широкое использование в судебно-экспертной деятельности универсальных аппаратных средств и универсального программного обеспечения, в том числе операционной системы Windows и стандартного программного обеспечения к ней: текстовых процессоров, электронных таблиц, универсальных программ управления базами данных; сканеров, программ распознавания текстов и обработки графической информации. Для обмена информацией используются как локальные компьютерные сети, например, при осуществлении криминалистической регистрации, так и интернет с использованием различных браузеров, стандартных почтовых программ.

Продолжается развитие компьютеризированных баз данных, когда информационные технологии позволяют заменить натурные коллекции и картотеки на бумажных носителях АИПС судебно-экспертного назначения по конкретным объектам экспертизы, которые используют возможности компьютерных средств и систем по накоплению, обработке и выдаче в соответствии с запросами больших массивов информации [8]. Причем эти базы стали неотъемлемой частью информационно-вычислительных комплексов.

Интеграция цифровых технологий и приборных комплексов в некую единую систему позволяет создавать автоматизированные (компьютеризированные) рабочие места (АРМ), включающие системы анализа изображений, которые позволяют проводить диагностические и идентификационные исследования, программные комплексы автоматизированного решения экспертных задач, включающие подготовку экспертного заключения. АРМ включает: блоки предварительного исследования для определения достаточности и пригодности объектов для экспертизы; ввода и обработки параметрических данных; интеграции с цифровыми измерительно-вычислительными комплексами; интеграции с рабочими и справочными базами данных, сравнительного анализа и принятия решения.

Но переход к цифровым технологиям – это не только развитие существующих направлений. Он породил новое направление цифровизации судебной экспертизы, которое связано с появлением качественно других объектов экспертного исследования, представляющих собой криминалистически значимую информацию, фиксируемую на специфических компьютерных носителях, когда во многих родах (видах) экспертиз на смену традиционным аналоговым способам отображения объектов пришли их электронные аналоги, представленные в цифровом виде. Информация о подобных объектах судебных экспертиз запечатлевается в компьютерных средствах и системах в неявном виде, и для

обеспечения возможности её восприятия и исследования необходимо использовать специальные технологии.

Это касается фоноскопических, фототехнических, портретных и многих других экспертиз. Использование информационных технологий в сфере экономики, банковской сфере, в документообороте вызывает необходимость исследовать не традиционные объекты судебно-бухгалтерской, финансово-экономической, почерковедческой экспертиз, судебно-технической экспертизы документов и других, а их трансформации, представленные в цифровом виде. Информация об объектах запечатлевается в компьютерных средствах и системах в неявном виде, и для обеспечения возможности её восприятия необходимо использовать специальные средства.

Очевидно, что новые способы отображения объектов экспертного исследования порождают необходимость введения дефиниции о новом виде следов, полученных с использованием компьютерных средств и систем.

В литературе высказывались предложения различных наименований этих следов. Наиболее распространенным является термин «виртуальные следы» [9; 10]. Причем указывалось, что эти следы занимают промежуточное положение между материальными и идеальными следами. Мы полагаем, что это неверно.

Термин «виртуальный» (от латинского *virtual* – возможный) по-разному понимается в разных сферах научного познания, например, в физике виртуальное означает вычисленное, ненаблюдаемое (принципиально ненаблюдаемое), в философии – возможное, которое может осуществиться, материализоваться, стать реальностью, но пребывает в неких эфемерных, короткоживущих формах.

Разрабатывая в рамках теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [11, стр. 193-202], учение о цифровых следах мы пришли к выводу, что что с позиций общей теории криминалистики виртуальных следов не может быть в принципе, и полагаем, что данные следы являются материальными, поскольку зафиксированы на материальных носителях путем изменения с помощью физических, биологических или химических методов свойств или состояния отдельных их элементов [12, стр. 6-8].

Отнесение данных следов к идеальным только на том основании, что они не доступны непосредственному наблюдению [13, стр. 4–12], не выдерживает никакой критики, поскольку в криминалистике описан целый ряд следов, недоступных непосредственному восприятию, например: невидимые следы рук, пахнущие следы человека или животного, следы биологических выделений человека и многие другие. Идеальные следы – это те, которые запечатлеваются в памяти человека, они существенным образом зависят от психоэмоциональных свойств личности, что не имеет никакого отношения к криминалистически значимой компьютерной информации.

При работе компьютерных средств и систем формирование следов связано с представлением информации в цифровой форме, поскольку в основе архитектуры компьютера находится цифровой логический уровень, который реализуется в виде набора объектов, называемых вентилями, предусматривающих выполнение ограниченного набора простых команд в машинном коде, которые выполняется непосредственно центральным процессором. С использованием вентиляей осуществляются простые логические операции с цифровыми сигналами в двоичной системе счисления (в виде символов 1 и 0 или да - нет, истина - ложь). Вентили построены из аналоговых компонентов, но смоделированы как цифровые устройства. В их основе лежат физические устройства (транзисторы). На расположенных выше уровнях архитектуры из различных элементов, содержащих огромное количество вентиляей, формируются локальная память и сам процессор, строится ядро вычислительной системы. Аппаратные средства оперируют данными, записанными в двухсимвольном алфавите, состоящем из 0 и 1, поэтому информация, хранящаяся и циркулирующая в компьютерных средствах и системах, представляет собой цифровые последовательности, что обуславливает материальную цифровую природу оставляемых следов.

Цифровой след как новый объект судебной экспертизы – это криминалистически значимая компьютерная информация о событиях или действиях, отраженная в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи. Однако изъять и приобщить к материалам дела непосредственно информацию нельзя. Она неотделима от носителя, на котором находится. Поэтому, рассматривая цифровые следы как объекты экспертного исследования следует учитывать двойственную природу этих объектов, включающую информационно-цифровую и материальную составляющие. Таким образом, наряду с цифровыми следами объектами судебно-экспертного исследования в различных родах судебных экспертиз будут являться и носители цифровых следов, от правильного обращения с которыми зависит сохранность и легитимность цифровых следов, а в конечном результате доказательственное значение выводов эксперта.

Носителями цифровых следов являются:

1. Устройства, предназначенные для записи и хранения информации: внутренние (оперативная память, кэш-память, BIOS), внешние (винчестеры, флеш-накопители, карта памяти, CD-диски), гибридные (облачные хранилища).

2. Устройства для ввода/вывода информации (например, клавиатуры, мыши, джойстики, сенсорные графические планшеты, сканеры, веб-камеры, звуковые карты с аудиовходом, считыватели смарт-карт, индикаторы, мониторы, принтеры, звуковые карты, и другие).

3. Устройства обработки информации (центральный процессор, видеокарты, звуковые карты, оперативная память, используемая для хранения обрабатываемых объемов информации (кэш, буфер) и пр.

4. Устройства передачи информации по каналам связи Wi-Fi роутеры, модемы, сетевые карты, GSM-модули, маршрутизаторы, bluetooth-модули, модули ИК-связи, коммутаторы и др.

Поскольку в настоящее время для передачи и хранения компьютерной информации широко используются мобильные телефоны сотовой связи, смартфоны, планшеты, эти устройства также являются источниками и носителями цифровых следов.

Любые современные компьютерные системы (серверы, ноутбуки, смартфоны, планшеты) – это единые информационные комплексы, управляемые программным обеспечением. Это программное обеспечение с одной стороны представляет собой цифровые следы, а с другой – продуцирует эти следы в ходе своей реализации.

Новые вызовы в судебно-экспертной деятельности, связанные с цифровизацией, выявлением, фиксацией, исследованием цифровых следов, обуславливают необходимость решения двух серьезных проблем.

Во-первых, для работы с цифровыми следами судебные эксперты должны владеть современными компьютерными технологиями, на которых уже базируются многие современные методики экспертного исследования, например в фоноскопической, портретной, дактилоскопической и других родах судебных экспертиз. Проблема овладения судебными экспертами профессиональными компетенциями по использованию современных информационно-компьютерных технологий для их использования в процессе реализации существующих методик экспертного исследования решается достаточно успешно в процессе получения обучающимися высшего образования по специальности ФГОС ВО 40.05.03 «судебная экспертиза». Однако лица, получающие статус судебного эксперта путем прохождения профессиональной переподготовки, к сожалению, как правило, не получают знаний в области информационно-компьютерных технологий в объеме, обеспечивающем овладение ими необходимыми профессиональными компетенциями.

Вторая более сложная проблема заключается в том, что, как уже отмечалось выше, объекты – цифровые следы – на экспертное исследование поступают не на отдельных носителях компьютерной информации, но содержатся в компьютерных средствах и системах (например, на серверах, в оперативной памяти и пр.). Для получения этих цифровых следов необходимо использовать специальные технологии, позволяющие обеспечить сохранность, неизменность и точность копирования. Необходимо при этом учитывать такие свойства цифровых следов как: высокая скорость трансформации; легкость уничтожения и модификации, возможность быстрой передачи в компьютерных сетях доступа в любой точке, где имеется подключение к сети Интернет.

Отсюда следует, что для собирания цифровых следов при производстве след-

ственных действий необходимо участие специалиста в области IT-технологий как это предписывается законодателем (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ). Но в настоящее время институт этих специалистов пока не сформирован, их выбор следователем носит, как правило, случайный характер. Следователи не имеют представления о необходимых компетенциях специалиста для данного конкретного случая, а также о технических средствах, которые должны быть предоставлены в его распоряжение, поскольку практически не обладают знаниями в области информационных компьютерных технологий.

Наилучшим вариантом является в настоящее время назначение судебной компьютерно-технической экспертизы, в ходе которой могли бы быть собраны необходимые цифровые следы.

Судебная компьютерно-техническая экспертиза включает следующие роды:

- судебная аппаратно-компьютерная экспертиза – исследование технических (аппаратных) средств компьютерной системы;
- судебная программно-компьютерная экспертиза;
- судебная информационно-компьютерная экспертиза (данных);
- судебная компьютерно-сетевая экспертиза в отличие от предыдущих основывается, прежде всего, на функциональном предназначении компьютерных средств, реализующих какую-либо сетевую информационную технологию.

Экспертное исследование цифровых следов в этом случае может представлять собой комплекс последовательных судебных экспертиз, когда сначала производится судебная информационно-компьютерная экспертиза, целью которой является выявление цифровых следов, исследование их происхождения, механизма возникновения, получение легитимной копии, например, документов бухгалтерской отчетности в цифровом виде на удаленном сервере. Может также быть назначена и сетевая компьютерно-техническая экспертиза для выявления по цифровым следам механизма несанкционированного доступа на сервер и внесения изменений в содержащиеся на нем данные – цифровые следы.

Затем производится иная судебная экспертиза по анализу данных объектов в цифровом виде, например, судебно-бухгалтерская экспертиза документов бухгалтерской отчетности, представленных в цифровом виде в программе «1С-бухгалтерия».

В ряде случаев, когда необходимо совместное участие экспертов различных родов судебных экспертиз и совместный анализ ими выявленных признаков может быть назначена комплексная компьютерно-техническая и иная экспертиза, например, судебная компьютерно-техническая и видеотехническая или фоноскопическая экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шляхов А.Р. Состояние и перспективы разработок автоматизированного решения задач и создания информационных систем в области судебной экспертизы // Проблемы информационного и математического обеспечения экспертных исследований в целях решения задач судебной экспертизы. Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научно- практической конференции (Москва, ноябрь 1983 г.). М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1983. С.4-10.
2. Россинская Е.Р. Автоматизация рентгенофазового анализа минерального состава бумаги на основе пакета прикладных программ «РЕНТГЕН-ЭКС» // Экспертная практика и новые методы исследования. № 2. М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1991. С.14–16.
3. Россинская Е.Р. Рентгеноструктурный анализ в криминалистике и судебной экспертизе. Киев: УМК ВО,1992. 220 с.
4. Эджубов Л. Г. Основные направления использования компьютерных технологий // Автоматизация правоохранительных систем. Материалы международной конф. М., 1993. С. 28-30.
5. Ростовцев А. В., Зернов С. И. Система «РАДИАНТ» // Пожарное дело, 1993, № 11-12. С. 14-19.
6. Россинская Е.Р. Оптимизация формы и содержания заключения эксперта на основе базового программного модуля «АТЭКС» (методические рекомендации). М.: ВНКЦ МВД СССР, 1990. 40 с.
7. Rossinskaya E.R., Belkin A.R. KBS for criminology and forensic expertise // Kennistechnologie' 93, Amsterdam, 1993. P. 147-149.
8. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 4 изд. перераб. и доп. М., Норма, ИНФРА-М, 2019. 586 с.
9. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.
10. Мещеряков В.А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов, 2009, № 1 (4), с. 28-33.
11. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, № 2 (99), 2019, с. 193-202.
12. Россинская Е.Р. Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алма-Ата, Академия МВД Казахстана, 2019. С. 6-8.
13. Волеводз А.Г. Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Российский следователь, № 1, 2002. С. 4–12.

The objects of forensic examination in the era of digitalization

E.R. Rossinskaya

Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)

elena/rossinskaya@gmail.com

Digitalization has created a new type of forensic examination objects - digital traces as the forensic information that is contained in computer tools and systems.

Key words: forensic examination, digitalization, digital traces, computer tools and systems, forensic computer-technical examination.

СЛОЖНОСТИ В ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ф.П. Румянцев

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

odo-328@mail.ru

Правоприменительная практика характеризуется случаями выявления в ходе освоения арендуемого лесного участка несоответствия фактических объемов заготавливаемой древесины сведениям, содержащимся в прошедшем государственную экспертизу проекте освоения лесов. В большинстве случаев факты несоответствия выражаются в меньшем фактическом объеме заготовленной древесины заявленным в лесном лоте количественным и качественным характеристикам выставленного на аукцион лесного участка. Предлагается дополнить редакцию ст. 69.1 Лесного кодекса РФ о таксации лесов, что позволит исключить возникновение многочисленных судебных споров данной категории и усилит защиту имущественных интересов арендаторов лесных участков.

Ключевые слова: проект освоения лесов, таксация, лесоустройство, экспертиза, договор аренды лесного участка.

Лесные правоотношения характеризуются комплексностью применения смежных отраслевых норм и положений как частного, так и публичного законодательства, что обусловлено, с одной стороны, принадлежностью непосредственно самого объекта регулирования – лесных ресурсов к публичной форме собственности и преимущественно частно-правовым субъектным составом лесопользователей - с другой. Договорные отношения между государством-собственником лесного ресурса и лесопользователями основывается на применении как норм гражданского законодательства о договоре аренды и купли-продаже, так и публичного экологического законодательства, учитывающего специфику лесного ресурса, обладающего не только имущественно-стоимостными характеристиками как товарно-материальная ценность, но и природными свойствами как часть средообразующей экологической системы, регулируемой публичным природоресурсным законодательством.

Коммерческое использование лесных ресурсов в предпринимательских це-

лях основывается на применении норм Лесного кодекса РФ [1] (далее по тексту – ЛК РФ) о договоре лесной аренды, регулированию которого посвящены две специальных главы (шестая и восьмая) ЛК РФ. основополагающая законодательная обязанность в нормативном регулировании передачи лесного участка в предпринимательское использование заключается в обеспечении баланса как публичных, в первую очередь, финансовых интересов по извлечению экономически обоснованного дохода в государственный бюджет страны от продажи национального природного лесного ресурса через процедуру выкупа права на заключение договора аренды лесного участка либо договора купли-продажи лесных ресурсов, с совпадающими по цели частными интересами арендатора, состоящими также в получении максимально возможной прибыли от осуществляемой предпринимательской деятельности лесопользователя. Следует отметить, что сфера лесного бизнеса, выражающегося, в преобладающем большинстве случаев, в заготовке деловой древесины, всегда была достаточно рентабельной в силу заложенного действующим нормативным регулированием кратным превышением цены от реализации заготовленной лесного ресурса над его себестоимостью. В среднем по стране уровень рентабельности предпринимательской деятельности лесного арендатора гарантированно составляет порядка 200-300 процентов. По регионам это показатель, безусловно, достаточно сильно колеблется (различия в первую очередь обусловлены разной удаленностью, а значит транспортными затратами на вывоз древесины от мест заготовки до эстакад хранения и пунктов переработки и реализации); уровнем покупательной способности населения; предпринимательской активностью и реально сформировавшейся конкуренцией в пределах одного и смежных муниципальных образований; действенности контроля со стороны региональных департаментов лесного хозяйства по обеспечению соблюдения антикоррупционного законодательства, выражающегося в первую очередь в соблюдении нормативного требования, установленного по отношению к государственным и муниципальным служащим по недопущению конфликта интересов (данный фактор типичен для данной сферы экономики и выражается в типовой схеме его проявления: участковый лесничий как распорядитель лесным ресурсом, организует проведение аукционов по продаже права аренды лесного участка или аукциона по купле-продаже лесных насаждений, среди победителей-претендентов которых оказываются родственники лесничего; выкупная аукционная цена незначительно превышает, как правило, начальную минимальную цену кадастровую стоимость выставленного на аукцион права на заключение договора аренды лесного участка или договора купли-продажи лесных насаждений, шаг аукциона также устанавливается не выше минимального размера, предусмотренного пп. 3, п. 6, ст. 79 ЛК РФ); глубиной лесопереработки заготовленного «леса-кругляка» и другими факторами. Госу-

дарство устанавливает арендатору относительно невысокую арендную плату. Следует отметить, что уровень рентабельности от реализации выкупленной у государства лесной древесины либо по договору аренды лесных участков, либо по договору купли-продажи лесных насаждений достаточно высок: стоимостная разница выкупа арендатором древесины, подлежащей заготовке согласно проекту освоения лесов, или выкупной аукционной цены по договору купли-продажи лесных насаждений гарантированно обеспечивает высокий уровень рентабельности лесного бизнеса.

Одной из обязанностей арендатора является получение положительного заключения государственной экспертизы проекта освоения лесов, который победитель аукциона разрабатывает либо самостоятельно, либо заказывает его подготовку в специализированной коммерческой организации и предоставляет в уполномоченный на проведение экспертизы государственный орган исполнительной власти в области лесных отношений субъекта Федерации. Без наличия положительного заключения государственной экспертизы проекта освоения лесов арендатор не вправе приступать к использованию лесного участка [2]. Нарушение данного требования лесного законодательства является основанием расторжения заключенного с победителем аукциона договора аренды лесного участка [3].

Основная цель проведения государственной экспертизы, предусмотренная Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 26.09.2016 N496 «Об утверждении порядка государственной или муниципальной экспертизы проекта освоения лесов» [4], заключается в выявлении возможным несоответствий предъявленного арендатором проекта освоения лесов требованиям, установленных действующим лесным законодательством, в частности виду заявленного условиями аукциона освоения лесов, а также положениям лесохозяйственного регламента лесничества, в границах которого располагается арендуемый лесной участок. Согласно ст. 87 ЛК РФ в лесохозяйственном регламенте, утверждаемом исполнительным органом государственной власти субъекта Федерации, разрабатывается сроком на десять лет, определяются такие обязательные характеристики лесного участка, как разрешенные виды лесопользования с установленными по каждому из них максимальными и минимальными сроками пользования. Десятилетний срок, на который утверждается лесохозяйственный регламент, обусловлен указанной периодичностью проведения лесоустройства как обязательного элемента государственного управления лесным хозяйством [5]. Проведение лесоустройства направлено на обеспечение рационального использования лесов и включает в себя целый комплекс мероприятий, среди которых наряду с проектированием эксплуатационных, защитных, резервных лесов (п. 2. ст. 68 ЛК РФ) уточняются на местности местоположения границ лесничеств, участковых лесничеств, лесных участков

и земель, на которых расположены особо защитные участки лесов, выявляются очаги распространения опасных вредителей и болезней, что позволяет разрабатывать комплекс защитных мер по своевременной локализации и дальнейшему фитопатологическому мониторингу пораженных лесных участков, проектируются мероприятия по охране, защите, воспроизводству лесов (п. 4. ст. 68 ЛК РФ). Практическое значение лесоустройства усиливается необходимостью обеспечения защиты лесов не только от болезней и вредителей [6, стр. 8-10], но и от пожаров, в результате которых лесохозяйственному комплексу причиняются многомиллионные убытки, возникают серьезные угрозы пожарной безопасности населенных пунктов.

Указанная функция государственного управления базируется на данных, получаемых в результате выполнения таксации лесов как одной из составляющих лесоустроительных работ (п. 5.ст. 68 ЛК РФ). Согласно ст. 69.1. ЛК РФ выполнение таксации лесов направлено на выявление, учет и оценку количественных и качественных характеристик лесных ресурсов. В процессе проведения в границах лесных участков и лесничеств таксационных работ производится установление границ лесотаксационных выделов, определяются преобладающие и сопутствующие породы лесных древесных насаждений, замеряются диаметры, высоты, рассчитываются объемы плотного древостоя, фиксируются характеристика условий для произрастания и развития лесной растительности, делается оценка потенциала естественного возобновления древесных пород и подлеска, а также дается описание иных характеристик лесных ресурсов. Именно получение посредством проведения таксации первичных количественных и качественных данных позволяет осуществлять все последующие процессы планирования использования лесных ресурсов, произрастающих в границах лесных участков, прошедших процедуру лесоустройства. Данные таксации служат информационной основой для подготовки проведения лесного аукциона по продаже права на заключение договора аренды лесных участков или договора купли-продажи лесных насаждений. Степень точности данных проведенных таксационных работ достаточно часто становится причиной судебных споров [7], вытекающих из требований арендаторов о пересмотре условий заключенного по результатам аукциона договора аренды, поскольку в процессе фактического освоения лесного участка посредством заготовки древесины арендатор выясняет несоответствие данных, содержащихся в выставленных на аукционе сведениях о лесном участке, фактическим объемам используемого лесного ресурса. Поскольку проект освоения лесов утверждался на основании положительного заключения государственной экспертизы, ответчик в лице регионального Департамента лесного хозяйства отстаивает свою позицию о необоснованности исковых требований со стороны арендатора, ссылаясь на приведенный довод о положительности экспертных

заклучений проектов освоения лесов.

Указанная проблема возникновения судебных споров объясняется следующими причинами:

- во-первых, при проведении в полевых условиях таких масштабных таксационных работ на площадях, измеряемых сотнями тысяч гектаров лесных угодий, расположенных в границах субъекта Федерации, территория которого подлежит проведению планового лесоустройства, в работе инженеров-таксаторов Рослесинфорга могут объективно возникнуть исполнительские погрешности, особенно если нет возможности использовать электронные измерительные приборы;

- во-вторых, установленная десятилетняя периодичность повторения проведения лесоустройства в каждом субъекте Федерации зачастую не соблюдается по причине проблем финансирования их проведения и как следствие степень полноты и достоверности таксационной информации о фактическом состоянии лесов существенно снижается;

- в третьих действующим нормативным регулированием выполнение таксационных работ допускается, согласно п. 75 Лесоустроительной инструкции, утвержденной Приказом Рослесхоза от 12 декабря 2011 года №516 [8], любым из четырех способов выполнения таксационных измерений: от глазомерного до дешифровочного, расчеты по каждому из которых безусловно будут существенно отличаться. Хотя указанная Лесоустроительная инструкция и предусматривает использование в целях усреднения результатов переводные коэффициенты относительно различных примененных способов расчетов, тем не менее полностью исключить погрешности расчетов в количественных характеристиках лесных ресурсов в границах обследуемого лесного участка на практике достаточно сложно. Следует дополнить, что немаловажен в этом вопросе профессионализм и практический опыт специалиста-таксатора.

Существующую проблему по актуализации количественных и качественных характеристик выставляемого на аукцион лесного участка законодатель попытался разрешить посредством введения с 2015 года требования об обязательной постановке арендуемого земельного участка на государственный кадастровый учет. Однако при проведении государственного кадастрового учета лесного участка проводится лишь установление его границ на местности с определением координат поворотных точек, т.е. изготавливается межевой план, на основании которого оформляется кадастровый паспорт лесного участка. Информация же о количественных и качественных характеристиках заносится в кадастровый паспорт из таксационных сведений, полученных по результатам предшествующего лесоустройства. При таком состоянии регулирования судебному эксперту в случае возникновения судебного спора воспроизвести количественные и качественные характеристики первичного со-

стояния лесного участка, присутствующее к началу проведения таксационных работ (10 лет назад) в ходе предшествующего лесоустройства, будет крайне затруднительно, особенно если была проведена сплошная вырубка древесины на арендуемом лесном участке. Главная сложность для работы эксперта в этом случае будет состоять в отсутствии непосредственно самого лесного ресурса, количественные и качественные характеристики по которому будет необходимо воспроизвести.

Как оценить добросовестность работы инженера-таксатора при выборе им лесотаксационного выдела при проведении лесоустройства лесного массива, из которого спустя 10 лет выделяется лесной участок для передачи в аренду? При этом сам лес уже спилен и вывезен. Прибегнуть в этом случае к способу актуализации зачастую не представляется возможным. Таксация лесов способом актуализации основана на использовании материалов предыдущего лесоустройства. Актуализация таксационных показателей производится путем внесения изменений, отражающих естественный рост лесных насаждений, а также изменений, произошедших в результате хозяйственной деятельности и стихийных факторов. Для актуализации таксационных описаний предыдущего лесоустройства составляются, подбираются из имеющихся (без корректировки или с последующей корректировкой) прогнозные модели актуализации. Собираются данные о составе изменений, произошедших в лесах со времени последнего лесоустройства или последней актуализации. По моделям актуализации осуществляется автоматическая актуализация таксационных характеристик лесотаксационных выделов, не пройденных хозяйственными и стихийными воздействиями и относящихся к покрытым и не покрытым лесной растительностью землям.

По данным о составе изменений, произошедших в лесах, производится отбор лесотаксационных выделов, пройденных хозяйственными и стихийными воздействиями, и актуализация их таксационных характеристик путем натурной или дешифровочной таксации по космическим снимкам. С помощью моделей в автоматическом режиме актуализируются средние высоты, средние диаметры ствола деревьев и средние возрасты составляющих древесных пород. На основании полученных данных также в автоматическом режиме актуализируются: средняя высота яруса древостоя, класс возраста и группа возраста преобладающей древесной породы, средний запас древесины лесного насаждения на 1 гектар, общий запас древесины лесного насаждения и запасы древесины составляющих древесных пород на лесотаксационном выделе. Не актуализируются: состав лесного насаждения, класс бонитета, полнота, тип леса, тип лесорастительных условий, характеристика подроста и подлеска. Проверка актуализированных показателей производится путем осуществления логического и (или) натурального контроля. Логический контроль производится путем

анализа актуализированных таксационных описаний, при котором проверяется полнота и правильность описания таксационных характеристик лесотаксационных выделов, соответствие значений актуализированных таксационных показателей лесных насаждений друг другу. Натурный контроль производится путем глазомерно-измерительной таксации 20-30 лесотаксационных выделов каждой из основных лесообразующих древесных пород, отбираемых из актуализированных таксационных описаний методами случайной или систематической выборки, и сравнения полученных результатов с данными актуализации.

Вышеизложенное позволяет отметить существенные проблемы, возникающие у судебных экспертов при проведении лесотаксационной экспертизы при разрешении судебных споров, связанных с несоответствием сведений о количественных и качественных характеристиках передаваемого в аренду через аукцион лесного участка с фактическим породным составом. В связи с обозначенной проблемой реализации указанных норм лесного законодательства считаю возможным внести в редакцию п. ст. 69.1 ЛК РФ дополнение о проведении таксации при выполнении лесоустройства и постановке на государственный кадастровый учет лесного участка в целях проведения аукциона по продаже права на заключение договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.12.2017 N Ф07-11844/2017 по делу N A05-3038/2017; Постановление Самарского областного суда от 07.06.2017 N 4а-576/2017; Решение Пермского краевого суда от 26.04.2017 по делу N 7-729-2017(21-459/2017).
3. Апелляционное определение Самарского областного суда от 24.10.2018 по делу N 33-13048/2018; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.05.2018 N Ф04-1889/2018 по делу N A45-29184/2017; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.01.2018 N Ф08-9398/2017 по делу N A22-3910/2016
4. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 26.09.2016 N496 «Об утверждении порядка государственной или муниципальной экспертизы проекта освоения лесов».
5. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 06.07.2017 по делу N 11а-8038/2017; Постановление Пермского краевого суда от 13.06.2017 по делу N 44а-711/2017.
6. Быковский В.К. Правовое регулирование защиты лесов//Lex Russia,-2018,-№3.- С.8-10.
7. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.04.2019

№ Ф01-1203/2019 по делу № А28-7492/2018; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.12.2017 № Ф07-11844/2017 по делу № А05-3038/2017.

8. Приказ Рослесхоза от 12 декабря 2011 года №516 «Об утверждении Лесо-строительной инструкции».

Difficulties in conducting expertise in resolving disputes related to violations of forest legislation

F.P. Rumyantsev

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod) odo-328@mail.ru

Law enforcement practice is characterized by cases of detection during the development of a leased forest plot of non-compliance of the actual volumes of harvested wood with the information contained in the state-reviewed forest development project. In most cases, the facts of discrepancy are expressed in a smaller actual volume of harvested wood declared in the forest lot quantitative and qualitative characteristics of the forest area put up for auction. It is proposed to Supplement the wording of article 69. 1 of the Forest code of the Russian Federation on forest taxation, which will eliminate the occurrence of numerous legal disputes in this category and strengthen the protection of property interests of tenants of forest plots.

Keywords: forest development project, taxation, forest management, expertise, forest lease agreement.

СУДЕБНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Ю.Н. Руф¹, Е.А. Шурганова²

¹ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)

²Филиал АО «Газпром энергосбыт Тюмень» (Россия, Тюмень)
ruf2077@yandex.ru, 79222677398@yandex.ru

Современная экономика диктует условия для появления тех или иных специалистов. ВУЗы предлагают рынку труда новые специальности. Так, судебная экспертиза стала одной из них. Экспертиза как объект познания перешла из разряда прикладных в разряд научных, особенно актуальным это становится в условиях цифровой трансформации всех общественных процессов. Невозможно внедрить цифровые технологии одновременно во все сферы деятельности. Всеобщая цифровизация позволит осуществить своего рода контроль над общественными процессами. Пока этого не произошло, лица, физические и юридические, позволяют себе нарушать правила «честной экономики». Выявить серьезность этих нарушений и разрешить конфликт на уровне закона призван суд. Часто исход судопроизводства зависит от результатов судебной экономической экспертизы. Деятельность экспертов и судов взаимосвязана, но пока ни та, ни другая не вошли в процесс всеобщей цифровизации на должном уровне. ВУЗы готовят специалистов, судебные эксперты проводят экспертизу, суды, следователи, дознаватели пользуются её результатами. Однако

четкой системы их взаимоотношений на уровне цифровых технологий нет и до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, цифровизация, судебный эксперт, экономическая безопасность.

Часто, говоря слово «возможности», вспоминают о безграничности возможностей человека. Представляя возможности судебной экономической экспертизы необходимо вспомнить, что за ней стоит человек - судебный эксперт, обладающий специальными знаниями в области экономики. Не все способны быть учителями и спортсменами, так и быть экспертом – это призвание. Эксперт должен четко понимать цель и задачи экспертизы, для того чтобы правильно подобрать методы ее проведения и грамотно сформулировать выводы для заключения.

С момента принятия Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» многие ВУЗы страны начали готовить судебных экспертов не только для правоохранительных органов, но и для негосударственных экспертных учреждений [1]. На сегодняшний день действует Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2016 г. N 1342), специализация № 4 «Экономические экспертизы» [2]. Экспертная деятельность предусмотрена также Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по специальности 38.05.01 Экономическая безопасность (уровень специалитета) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 16 января 2017 г. N 20). Получить высшее образование по указанной специальности с 2013 г. предлагает ФГАОУ Тюменский государственный университет. В соответствии с указанным стандартом профессиональной деятельностью выпускника может стать судебно-экспертная деятельность в области экономики [3]. Кафедра экономической безопасности, системного анализа и контроля ТюмГУ выбрала из предложенных стандартом специализаций специализацию №1 «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности». В учебном плане специальности Экономическая безопасность в Базовой части одной из дисциплин является Судебная-экономическая экспертиза. Современные образовательные стандарты предполагают ряд присущих выпускнику компетенций. После изучения дисциплины Судебная-экономическая экспертиза в ТюмГУ к таким компетенциям относятся способность собрать данные, необходимые для решения поставленных задач, анализировать их, систематизировать, оценивать и интерпретировать; студенты способны выбрать средства для обработки экономической информации и обосновать свой выбор.

Те из выпускников ТюмГУ, которые на практике занялись экспертной дея-

тельностью, зарекомендовали себя как высококвалифицированные специалисты и доказали, что обладают указанными выше компетенциями. Ребята не понаслышке столкнулись с проблемами проведения судебной-экономической экспертизы. Они начинаются уже с определения судом, следователем, дознавателем перечня рассматриваемых вопросов и документов. На этом этапе возникает проблема достаточности объектов исследования и одновременной избыточности предоставленных, но ненужных для ответа на вопросы предметов и документов. Возвращаясь к вопросу всеобщей цифровизации стоит отметить проблемы, связанные с экспертизой документов, предоставленных в электронном виде. Зачастую организации готовы предоставить выгрузки из различных бухгалтерских программ для проведения экспертного исследования. Так, для установления суммы задолженности по заработной плате перед каждым сотрудником (ст. 145.1 УК РФ) эксперт мог бы исследовать данные бухгалтерского учета организации, представленные на электронном носителе. Предоставление документов в электронном виде облегчает и ускоряет процесс производства экспертизы, так как все необходимые числовые значения уже внесены в программу. В таком случае эксперту нет необходимости вручную вносить данные в свой компьютер, достаточно лишь скопировать и проверить необходимую информацию. Однако на практике сотрудники правоохранительных органов либо не принимают во внимание документы, предоставленные в электронном виде, либо по завершению экспертизы использованные в программах документы распечатываются и прикладываются к заключению эксперта с целью недопущения утраты или внесения изменений, которые можно сделать в электронном файле на любом из этапов дальнейшей передачи материалов от эксперта следователю или суду. Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной степени цифровизации процесса производства экономической экспертизы.

Кроме того, в процессе своей деятельности в области производства судебной экономической экспертизы выпускники сталкиваются с проблемами отсутствия единых подходов к определению значений (формулам расчета) тех или иных показателей. Так, в рамках уголовного судопроизводства существуют показатели, на основании значений которых решается вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности. Эта проблема выступает фактором, снижающим объективность процесса производства экспертизы и, как следствие, процессов расследования преступления и правосудия. Авторами ранее проведен сравнительный анализ значений показателя доли неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов в сумме подлежащих уплате налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199 УК РФ), полученных в результате применения различных способов расчета, образовавшихся из-за неоднозначности трактовки терминов, прописанных в УК РФ, и отсутствия документов, разрешающих возникшие разногласия. Полученные в результате анализа данные позволяют

сделать вывод о необходимости внесения поправок в УК РФ в части конкретизации неоднозначных формулировок и недопустимости применения профессионального суждения в рамках уголовного судопроизводства. Отсутствие единых методических рекомендаций приводит к субъективности заключений, выносимых экспертами по итогам проведения такого рода экспертиз, что противоречит принципам объективности уголовного судопроизводства и равенства всех перед законом. Данное обстоятельство также может выступать одним из факторов коррупционной направленности, что актуализирует вопрос разработки и унификации подходов к определению различных показателей. При этом необходимо обеспечить единство применяемого подхода не только в рамках деятельности отдельных экспертов, но и всех правоохранительных органов и государственных судебно-экспертных учреждений.

Помимо экспертной деятельности выпускники специальности Экономическая безопасность отлично зарекомендовали себя в качестве сотрудников различных подразделений коммерческих организаций, которые занимаются проведением внутренних проверок, аудита и экспертизы документов, операций и бизнес-процессов. Так, во многих организациях созданы службы, в обязанности которых входит проверка готовящихся к реализации инвестиционных проектов и экономическая экспертиза их документации. Цель любой коммерческой организации – извлечение прибыли. Поэтому если инвестиционный проект не сможет обеспечить как минимум возмещения в определённый срок затраченных средств или его рентабельность будет находиться на более низком уровне, чем ожидает организация, проект не должен быть реализован. В этом случае экономическая экспертиза проекта становится очень важным инструментом и помогает избежать экономически неэффективных затрат. Например, в процессе исследования может быть выявлено, что при расчете стоимости проекта не учтены существенные риски и в ходе практического внедрения инвестиционного проекта возможно возникновение ситуаций, при которых затраты на реализацию проекта значительно возрастут. Очевидно, что в этом случае реализация инвестиционного проекта может затянуться на неопределённый срок. Следовательно, с большой долей вероятности можно утверждать, что организация не получит ожидаемых доходов в установленный срок. Качественно проведенная экономическая экспертиза позволит инвесторам избежать подобных проблем. И именно в этой области деятельности специалисты по экономической безопасности проявляют себя с лучшей стороны, так как по сравнению с выпускниками других специальностей в области экономики, обладают глубокими познаниями в области судебной экономической экспертизы и знакомы с основами ее проведения.

На практике работники подобных служб в коммерческих организациях могут столкнуться не только с необходимостью проведения экономической

экспертизы инвестиционных проектов, но и с необходимостью оценки реальной рыночной стоимости каких-либо объектов. Основные различия судебно-экспертной и оценочной деятельности заключаются в нормативном регулировании: деятельность судебного эксперта регулируется соответствующим процессуальным законодательством и Федеральным законом от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а деятельность оценщика – Федеральным законом от 29 июля 1998 г. N 135-ФЗ от «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Кроме того, в процессе осуществления своей деятельности оценщики обязаны руководствоваться положениями федеральных стандартов оценки, в то время как эксперты чаще прибегают к профессиональному суждению. Однако в рамках оценки стоимости какого-либо объекта для организации специалистом по экономической безопасности отсутствуют какие-либо существенные различия между этими двумя видами деятельности. Проведение полноценного анализа стоимости требует знаний в обеих областях. К сожалению, в учебном плане по специальности 38.05.01 Экономическая безопасность (уровень специалитета) не предусмотрены дисциплины, связанные с оценочной деятельностью. Будучи профессионалами в области экономики, выпускники рассматриваемой специальности вынуждены самостоятельно осваивать основы оценочной деятельности, изучать нормативно-правовую базу, подходы к оценке и ее методы. В связи с тем, что в перечне требований организаций-работодателей к специалистам служб экономической безопасности в том числе заявлена оценочная деятельность, авторы считают необходимым ввести в учебный план по специальности Экономическая безопасность предмет «Оценочная деятельность». В этом случае выпускники данного направления станут по-настоящему незаменимыми специалистами в коммерческих организациях и государственных учреждениях. Они будут способны проводить любые процедуры от ревизии и аудита до экспертизы и оценки. Универсальность полученных знаний обеспечит должный уровень конкурентоспособности специалистов на рынке труда и позволит организациям выйти на новый уровень обеспечения экономической безопасности бизнеса.

Быстро изменяющиеся запросы работодателей требуют от университетов и выпускников различных универсальных умений в области сбора и анализа информации. Вполне естественно, что в настоящее время выпускники максимально используют достижения человечества в информационной сфере для повышения эффективности своей работы. На сегодняшний день известен национальный проект Правительства РФ «Цифровая экономика». Однако в перечне национальных проектов Правительства РФ на период 2019-2024 гг. официально не заявлено о каких-либо трансформациях, и уж тем более цифровых, в сфере судопроизводства. К сожалению, эта ветвь власти, хоть и является го-

сударственной, но пока представлена в цифровом формате только на уровне сайтов судов различных уровней и информацией о судебной задолженности лиц на Официальном интернет-портале государственных услуг. В связи с этим усиливается актуальность вопроса цифрового развития судебной экономической экспертизы. При этом необходимо учитывать, что судебная экономическая экспертиза уже по названию своему находится на стыке двух сфер: судебной и экономической. Следовательно, речь идет о глобальной трансформации сразу двух сфер жизни общества. Это процесс займет длительный период времени и потребует существенных финансовых и трудовых затрат. Поэтому говорить о внедрении информационных технологий на уровне взаимоотношений суда, следователя, дознавателя и судебного эксперта сегодня можно, на наш взгляд, только как о перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 11.02.2020).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2016 г. N 1342). – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/news/1/2110> (дата обращения: 11.02.2020).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 38.05.01 Экономическая безопасность (уровень специалитета) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 16 января 2017 г. N 20. – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/news/5/2218> (дата обращения: 11.02.2020).

Judicial economic expertise: opportunities and reality

Y.N. Ruf¹, E.A. Shurganova²

¹Tyumen state University (Russia, Tyumen)

*² Branch of JSC Gazprom Energosbyt Tyumen (Russia, Tyumen)
ruf2077@yandex.ru, 79222677398@yandex.ru*

The modern economy dictates the conditions for the appearance of certain specialists. Universities offer new specialties to the labor market. So, forensic examination has become one of them. Expertise as an object of knowledge has passed from the category of applied to the category of scientific, this is especially relevant in the conditions of digital transformation of all social processes. It is not possible to implement digital technologies simultaneously in all areas of activity. Universal digitalization will allow for a kind of control over social processes. Until this happens, individuals and legal entities allow themselves to violate the rules of the «fair economy». The court is called upon to identify the seriousness of these violations and resolve the conflict at the level of the law. Often, the outcome of legal proceedings depends on the results of judicial economic

expertise. The activities of experts and courts are interrelated, but neither of them has yet entered the process of universal digitalization at the proper level. Universities train specialists, forensic experts conduct expertise, courts, investigators, and investigators use its results. However, there is no clear system of their relationship at the level of digital technologies to this day.

Keywords: judicial economic expertise, digitalization, judicial expert, economic security.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НАЛОГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

М.Ф. Сафонова

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т.
Трубилина» (Россия, Краснодар)
safsf@yandex.ru*

В статье рассматриваются проблемы проведения налоговой экспертизы в условиях функционирования компьютерных систем. Значимость налогов для экономической безопасности страны, своевременность их поступления не вызывает сомнения, поэтому остро стоит вопрос организации и проведения налоговой экспертизы с учетом сложностей процессуального характера. Проведен краткий анализ тех задач, которые должен решить эксперт, проводящий исследования в области налогообложения, сформулированы дополнительные задачи, учитывающие специфику объекта исследования. Установлено, что применение риск-ориентированного подхода в процессе налоговой экспертизы позволяет, минимизируя административную нагрузку на бизнес-сообщество, обеспечить оперативное установление и устранение налоговых правонарушений, а также их профилактику и предупреждение. Растущее влияние информатизации и цифровизации на все сферы деятельности общества также отразилось и на развитии экспертной практики, которая стала нуждаться в более передовых формах и методах исследования, соответствующих или опережающих те компьютерные технологии, которые применяются лицами совершающими мошеннические действия в процессе подготовки и осуществления преступления. В заключение автором сделан вывод о перспективах дальнейшего развития налоговой экспертизы в теоретическом и практическом аспектах.

Ключевые слова: налоговая экспертиза, налоговые правонарушения, компьютерные технологии, процессуальные действия, методика проверки.

Главенствующую роль при производстве судебно-экономических экспертиз, которые реализуются в уголовном судопроизводстве по преступлениям экономической направленности, отводится налоговым экспертизам, что обусловлено значимостью объекта исследования как для отдельно взятого региона, так и для государства в целом.

В первую очередь следует отметить, что формирование налогооблагаемой базы для различных налогов, если это не связано с натуральными показателями, отражено в налоговом учете, который невозможен без бухгалтерского учета, и поэтому, в большей или меньшей степени, эксперт вынужден рассматривать именно учетно-аналитические процессы, отраженные при помощи

средств автоматизации. Но прежде, чем переходить к рассмотрению теоретических и методических аспектов бухгалтерской экспертизы налоговых обязательств, определимся, что подразумевается под термином «налоговая экспертиза» [1, стр. 223-226].

Обратившись к приказу Министерства внутренних дел РФ №551, в приложении к данному инструктивному документу представлен список видов экспертиз, проводимых в рамках уголовного судопроизводства, в состав которых входит и налоговая экспертиза, включающая исследования исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов.

Следует также обратить внимание и на информацию, представленную на портале РФЦСЭ (Российский федеральный центр судебных экспертиз при Министерстве юстиции РФ), в соответствии с которой экспертам финансово-экономической направленности необходимо обладать компетенциями и знаниями в сфере налогов и налогообложения.

Если не останавливаться детально на рассмотрении мнения различных ученых-экономистов, изучающих методику и методологию экономических экспертиз, в том числе и налоговых, то можно сказать, что ключевым объектом исследования при производстве налоговой экспертизы являются налогооблагаемые базы по исчислению налогов, правильность их формирования, применение налоговых ставок, льгот, своевременность начисления и перечисления налогов.

Исходя из этого, перед экспертами, проводящими налоговую экспертизу, ставятся следующие основные задачи, в частности:

1) сопоставление отраженных фактов хозяйственной жизни правилам ведения налогового учета, а также анализ порядка составления налоговой отчетности действующему налоговому законодательству;

2) анализ асимметричной информации, выявляемой в бухгалтерском и налоговом учете в части формирования налогооблагаемых баз по различным налогам, и установление степени ее влияния на конечную сумму налога;

3) применение аналитических процедур в процессе сопоставления неофициальных данных (черновых записей) с данными, отраженными в учетных регистрах экономического субъекта, приобщенных к делу;

4) моделирование налоговой отчетности с учетом правильности отражения фактов хозяйственной жизни в соответствии с действующим законодательством, формирование экспертного расчета налогооблагаемой базы и суммы налога, подлежащей начислению и уплате налогоплательщиком.

Раскрывая важность и значимость налоговой экспертизы нельзя не остановиться на вопросе эффективности налогового контроля в России. Развитие и совершенствование механизмов налогового контроля направлено на повышение качества и эффективности выявления сокрытой налоговой базы и недо-

стоверной информации при расчете налогов, сборов и страховых взносов при неукоснительном соблюдении законных прав и интересов налогоплательщиков и плательщиков страховых взносов.

Применение риск-ориентированного подхода позволяет, минимизируя административную нагрузку на бизнес-сообщество, обеспечить оперативное установление и устранение налоговых правонарушений, а также их профилактику и предупреждение.

Последовательная реализация стратегии приоритетного применения аналитической составляющей контрольной работы налоговых органов посредством использования современных автоматизированных аналитических инструментов приносит ощутимые результаты, в том числе в стабильном росте поступлений по контрольно-аналитической работе, величина которых за январь-сентябрь 2019 года составила 255,2 млрд рублей, что на 37,1 млрд рублей больше, чем в аналогичном периоде 2018 года.

По результатам проведенных выездных налоговых проверок за период с января по сентябрь 2019 года в бюджет дополнительно поступило почти 150 млрд руб. По результатам аналитической работы посредством добровольной уплаты за этот же период дополнительно поступило 90 млрд руб., что составляет 35% в общем объеме поступлений в бюджет по результатам контрольно-аналитической работы [2].

Повышение эффективности выездных налоговых проверок связано с утверждением приказа Федеральной налоговой службы [3]. Данный нормативный акт позволяет экономическому субъекту, в соответствии с установленными критериями, самостоятельно определить риск назначения выездной налоговой проверки.

В связи с выше изложенным, перед экспертом, который проводит налоговые экспертизы, следует сформулировать дополнительные задачи с учетом их налоговой направленности:

- 1) сопоставление информации об эффективности деятельности проверяемого экономического субъекта с официальными данными, которые публикуются по отраслям, согласно Концепции системы планирования выездных налоговых проверок;

- 2) аналитический обзор документации экономического субъекта, в том числе и на электронных носителях информации, приобщенной к делу и полученной в результате проведения оперативных мероприятий, с целью установления ее относимости к предмету экспертизы;

- 3) проведение взаимоувязки показателей в коррелируемых документах, например, суммы начисленной заработной платы, при сдельной форме оплаты труда, и отраженной в расчетно-платежной ведомости, с количеством выполненной работы, зафиксированной в наряде на сдельную работу. Указанные

аналитические процедуры позволят выявить отклонения, которые влияют на формирование суммы затрат и, как следствие на налогооблагаемую базу по налогу на прибыль.

В последние годы автоматизация, которая осуществляется в ФНС РФ, направлена на решение важных задач, начиная от повышения уровня удовлетворенности граждан качеством предоставляемых государственных услуг и заканчивая повышением результативности контрольных мероприятий, осуществляемых работниками налоговых органов. В частности с октября 2017 года на территории России внедрена система АСК НДС-3, которая дает возможность увидеть всю траекторию движения товара. Эта база коррелирует с базой таможенной службы РФ. Кроме того, функционирует еще не менее 100 программ распространенных между различными органами и государственными структурами (ГИБДД, Банк России, таможня и др.) между которым происходит взаимообмен данными. В частности:

- база для анализа информации о юридическом лице и его владельцах (FIRA PRO);

- программно-информационные комплексы, дающие возможность проверить контрагентов на их благонадежность «Контур-фокус», «Коммерсант картотека», «Дельта безопасность» и др.;

- программно-информационные комплексы ПИК «ВНП-отбор», ПИК «Досье рисков», ПИК «Одnodневка», ПИК «Схемы» и др. позволяют установить необходимость проведения выездных налоговых проверок.

Говоря о незаконной оптимизации налоговых платежей, следует сформулировать ключевые признаки, которые указывают на факт уклонения от начисления и уплаты налогов. В первую очередь, это сокрытие выручки от продажи путем не отражения операций в бухгалтерской документации либо искажении объемов реализации, продажи за наличный расчет без использования онлайн-техники [4, стр. 2-6]. Далее, это искусственное увеличение суммы расходов с применением подложных записей. И еще одним из распространенных способов минимизации налоговых платежей является осуществление мнимых сделок.

Техническая оснащенность как экономических субъектов, так и контролирующих органов сдвигает лиц, совершающих налоговые преступления, постоянно совершенствоваться, и этот факт выдвигает особые требования к качеству изъятой экономической информации, способам и методам ее исследования.

Для изъятия компьютерной техники и иных средств, позволяющих вести учет оперативной информации (камеры видеонаблюдения на складе, в производственных помещениях, онлайн-кассы и др.), в процессе обыска, выемки требуется присутствие не только оперативных работников, но и технических

специалистов, которые в полном объеме позволят изъять, собрать и сохранить информацию, находящуюся на выше указанных носителях. По разным причинам не всегда возможно изъять сам носитель информации из-за особенностей функционирования компьютерных систем [5].

Следует отметить, что в процессе осуществления налоговой экспертизы также потребуются технические специалисты, которые помогут «снять» всю необходимую информацию с изъятых носителей с учетом установленных специализированных программ, которые могут уничтожить эту информацию. Таким образом, в процессе получения значимой компьютерной информации для расследования налоговых правонарушений наиболее рациональными будут такие манипуляции, при которых с наименьшей долей вероятности могут быть внесены корректировки в изымаемую информацию, обеспечивая ее целостность.

Осуществив первоначальное знакомство и изучив варианты хранения бухгалтерской информации в помещении бухгалтерии, изымается не только бумажная документация, но и компьютерная техника, которая может быть объединена в сеть. Далее, при помощи различных экспертных процедур изучается и анализируется различная экономическая, юридическая и иная информация, предоставленная на экспертизу.

Изучив судебную практику, научную литературу, можно констатировать, что правонарушения в сфере налогового законодательства с применением различных компьютерных систем можно подразделить на несколько групп.

В частности, к первой группе относятся налоговые правонарушения, связанные с занижением выручки путем неприменения контрольно-кассовой техники, что влечет за собой недоначисление налогов, расчет которых производится от выручки. Это для организаций, находящихся на общем режиме налогообложения, - налог на прибыль, НДС, для экономических субъектов, применяющих УСНО, - единый налог по упрощенной системе налогообложения.

Ко второй группе налоговых правонарушений с применением компьютерных технологий можно отнести противоправные деяния, связанные с фальсификацией отчетности.

Третья группа правонарушений связана с применением компьютерных технологий по контролю физических показателей проверяемого экономического субъекта, от учета которых зависит сумма выручки, например, фиксация отпущенного объема топлива на автозаправочных станциях, весовое оборудование и др.

В настоящее время, получение экспертом для производства налоговой экспертизы дополнительной информации, зафиксированной при помощи различных компьютерных систем, но не приобщенной к материалам дела, с процессуальной точки зрения невозможно.

В свою очередь, работники налоговых органов вправе получать эту информацию в соответствии с законодательством. В процессе анализа налоговые инспекторы запрашивают в банках сведения о счетах самого субъекта и его сомнительных контрагентов. В особенности, если это индивидуальные предприниматели. Например, экономический субъект периодически осуществляет платежи в адрес индивидуального предпринимателя, а выписка свидетельствует о том, что эти средства далее переводятся на личный счет, что будет свидетельствовать о том, что операции носят транзитный характер и свидетельствуют о выводе средств из компании.

Для проверки данного предположения аналитик запросит в банках, обслуживающих счета компании и предпринимателя, информацию по IP и MAC адресам. Нередко выясняется, что соответствующие адреса совпадают. Это говорит о том, что управление счетами организации и индивидуального предпринимателя осуществляется с одного компьютера, то есть эти бизнес-структуры подконтрольны одному лицу. А значит, есть шанс исключить платежи в адрес ИП из состава расходов компании. Соответственно, можно будет доначислить налог на прибыль.

Учитывая вышеизложенное, рационально разработать совместные экспертные методики, позволяющие в короткие сроки решить те экспертные задачи, которые позволяют установить реальные суммы неуплаченных налогов в бюджет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юматов В.А., Козменкова С.В. Экономические экспертизы: виды и классификация // в сборнике: Профессия бухгалтера - важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством. Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.П. Петрова. 2018. С. 223-226.
2. Эффективность работы ФНС России. URL: https://www.nalog.ru/rn23/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/#t5.
3. Приказ ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012) «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок».
4. Козменкова С.В., Артамонова М.А. Онлайн кассы как мера противодействия теневой экономике: проблемы внедрения и особенности бухгалтерского учета // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. №6 (438). С.2-6.
5. Бухгалтерская экспертиза: учебник / М.Ф. Сафонова, И.Н. Калинина, О.И. Швырева. Ростов н/Д : Феникс, 2017. 413с.

Theoretical and methodological aspects of accounting expertise of tax liabilities in the context of computer technologies

M.F. Safonova

*«Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin» (Russia, Krasnodar)
safsf@yandex.ru*

The article deals with the problems of tax expertise in the conditions of computer systems functioning. The importance of taxes for the economic security of the country, the timeliness of their receipt is not in doubt, so there is an urgent question of organizing and conducting a tax examination, taking into account the complexities of the procedural nature. A brief analysis of the tasks to be solved by an expert conducting research in the field of taxation is carried out, and additional tasks are formulated that take into account the specifics of the object of research. It is established that the use of a risk-based approach in the process of tax examination allows minimizing the administrative burden on the business community to ensure the prompt identification and elimination of tax offenses, as well as their prevention and prevention. The growing influence of Informatization and digitalization on all spheres of society's activity has also affected the development of expert practice, which has become in need of more advanced forms and methods of research that correspond to or outstrip those computer technologies that are used by persons who commit fraudulent actions in the process of preparing and implementing a crime. In conclusion, the author makes a conclusion about the prospects for further development of tax expertise in theoretical and practical aspects.

Keywords: tax expertise, tax offenses, computer technologies, procedural actions, verification methods.

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНФОРМИРОВАННОСТИ ЛИЧНОСТИ О РАССЛЕДУЕМОМ СОБЫТИИ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Ф.К. Свободный

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
(Россия, Москва)
sfk_felix@mail.ru*

Особенности осведомленности лица о конкретных обстоятельствах преступления возможно определить методами психологической диагностики в процессе производства судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, информированность личности о расследуемом событии, психологическая диагностика.

В связи с наличием многих классифицирующих критериев, в настоящее время, не существует единой классификации в области судебных психологических экспертиз (СПЭ). Однако многие ученые признают в качестве общего предмета СПЭ психику (психическую деятельность) человека, понимая ее сложный, системный и целостный характер [1].

При этом заказчиков СПЭ интересует не сами по себе особенности психи-

ки (психической деятельности) человека, а влияние указанных составляющих психики на «способность лица совершать те или иные юридически значимые действия в конкретных условиях» [2].

При этом структурные составляющие психики и ее феномены (психические процессы, состояния, свойства и т.д.) часто выделяются авторами в качестве частных предметов СПЭ, в соответствии с целями и задачами конкретного вида СПЭ.

Классификация СПЭ, базирующаяся на выделении частных предметов экспертизы, не только является наиболее конкретной, подробной и многообразной, но и, по мнению автора данной статьи, содержит потенциальные основания для развития новых видов СПЭ.

На сегодняшнем этапе развития института судебных экспертиз, по критерию частного предмета экспертизы, выделяются следующие виды СПЭ: СПЭ состояний личности (эмоциональных, функциональных и т.д.), СПЭ способностей личности (коммуникативных, когнитивных, регуляторных), СПЭ мотивационной сферы личности, СПЭ особенностей личности (индивидуальных, психологических, характерологических и т.д.), СПЭ воздействия на личность (психологического, правомерного, манипулятивного и т.д.), СПЭ взаимодействия в малой группе, СПЭ взаимосвязи ситуации и личности и др. [3].

ПОНЯТИЕ ИНФОРМИРОВАННОСТИ ЛИЧНОСТИ О РАССЛЕДУЕМОМ СОБЫТИИ

По нашему мнению, одним из частных предметов СПЭ могут выступать особенности информированности личности о расследуемом событии, такие, например, как: содержание информированности (о различных обстоятельствах события), полнота информированности, основные источники получения первой информации о событии, обстоятельства получения первой информации о событии и т. д.

Понятие «информированность личности о расследуемом событии» можно определить как феномен индивидуального опыта личности, выражающийся в наличии у нее относительно устойчивой системы объективных знаний и субъективных представлений о конкретном событии ее жизни, обстоятельства которого сейчас расследуются правоохранительными органами [4].

Выделение в качестве частного предмета СПЭ феномена «информированности личности о событии» дает основания ввести в классификацию СПЭ новый вид - СПЭ информированности личности о расследуемом событии.

В процессе расследования преступлений дознаватели, следователи, судьи (основные заказчики судебной экспертизы) часто решают вопрос: «Что, на самом деле, знает о преступлении допрашиваемый?»

Общеизвестно, что обладание информацией (сведениями, знаниями) о чем-либо называется осведомленностью, а под «информированностью» понимается «хорошая осведомленность» - т.е. владение большим объемом качественной

(истинной, правдивой) информации [5].

В отечественной юридической практике уже давно разрабатываются вопросы определения осведомленности допрашиваемого лица о преступлении [6]. В свое время был введен термин «виновная осведомленность» - обладание преступником многочисленными сведениями о деталях преступления, неизвестных широкому кругу лиц [7].

Но если термин «виновная осведомленность» больше подходит преступнику, то относительно других участников расследуемого события (свидетель, потерпевший) более корректным будет говорить просто об их осведомленности или информированности о конкретных деталях преступления.

Опыт человека – это психологический феномен, это «знание, приобретенное человеком в процессе непосредственных переживаний, впечатлений, наблюдений, практических действий» [8]. Поэтому для изучения опыта и его составляющих (знаний, представлений, осведомленности, информированности и т.д.) необходимо применять методы психологической диагностики.

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ИНФОРМИРОВАННОСТИ Личности о расследуемом событии

По нашему мнению, для психологической диагностики информированности личности о расследуемом событии можно использовать следующие методы:

- 1) Биографический метод;
- 2) Метод наблюдения за поведением;
- 3) Метод психологического эксперимента, проводимый в таких формах, как:
 - Психодиагностическая беседа (в т.ч. свободный рассказ; структурированное интервью и т.д.);
 - Психологическое тестирование (например: тест общей осведомленности);
 - Ассоциативный эксперимент [9], сопряженная моторная методика [10] и т.д.;
 - Аппаратурные методы (эксперимент с использованием электроэнцефалографа, полиграфа, тепловизора, голосового анализатора стресса, устройства отслеживания направления взгляда (eye tracker), а также с использованием иных приборов, регистрирующих моторные, физиологические, нейрофизиологические и прочие реакции подэкспертного на предъявляемые ему стимулы.

При этом аппаратурные методы психологического эксперимента (в том числе исследование с использованием полиграфа) должны проводиться в строгом соответствии с методологией психологического эксперимента [11], в частности: адекватного подбора независимых переменных, серийного предъявления независимых переменных, качественной фиксации зависимых переменных,

контроля и учета дополнительных переменных и т.д.

Для качественной, надежной и валидной диагностики информированности личности о расследуемом событии указанные методы необходимо применять системно и комплексно.

Исследование различных психологических феноменов входит в компетенцию психолога, а разрешение вопросов, возникающих перед следствием и судом при необходимости квалифицированной оценки психических явлений, требует проведения, именно судебной психологической экспертизы.

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНФОРМИРОВАННОСТИ ЛИЧНОСТИ О РАССЛЕДУЕМОМ СОБЫТИИ (ДАЛЕЕ – СПЭИЛ)

СПЭИЛ – это назначаемое с соблюдением закона процессуальное действие, состоящее в специально организованном психодиагностическом исследовании особенностей информированности подэкспертного о конкретном событии его жизни, обстоятельства которого сейчас расследуются правоохранительными органами.

Общим объектом СПЭИЛ является человек во всех его взаимосвязях со средой, как носитель психики (сознания, памяти, информации о расследуемом событии), подлежащей исследованию в процессе экспертизы.

Частными объектами СПЭИЛ являются все иные материальные носители информации о личности и ее деятельности, исследуя которые эксперт может получить сведения об особенностях информированности личности о расследуемом событии: материалы дела; аудиозаписи речи подэкспертного; видеозаписи поведения подэкспертного (в том числе полученные в ходе следственных действий и экспертиз); записи различных (моторных, физиологических, вегетативных, нейрофизиологических и др.) реакций подэкспертного, полученные аппаратурными методами (электроэнцефалограммы, полиграммы) и т.д.

Предмет СПЭИЛ – исследование качественных и количественных характеристик информированности человека о расследуемом событии, а именно установление фактические данных о наличии или отсутствии у лица информации о деталях расследуемого события; о степени информированности лица о расследуемом событии (об объеме и конкретном содержании информации о расследуемом событии, которой располагает лицо); о месте, времени и источниках получения лицом первой информации о расследуемом событии.

Задачами СПЭИЛ являются: дифференциально-поисковая, корреляционно-диагностическая, интерпретационно-герменевтическая и аналитическая.

Дифференциально-поисковая задача СПЭИЛ – обнаружить в психической деятельности подэкспертного признаки (поведение, речь, реакции и т.д.), которые могут быть связаны с расследуемым событием. Решение корреляционно-диагностической задачи СПЭИЛ позволяет точно установить наличие связи между указанными признаками и расследуемым событием.

Интерпретационно–герменевтическая задача СПЭИЛ направлена на объяснение детерминации проявления вышеуказанных признаков таким фактором, как наличие у подэкспертного информации о расследуемом событии. Аналитическая задача СПЭИЛ позволяет сделать общий вывод относительно особенностей информированности человека о расследуемом событии: о степени информированности лица о расследуемом событии (об объеме и конкретном содержании информации о расследуемом событии, которой располагает лицо), а также о месте, времени и источниках получения лицом первой информации о расследуемом событии.

Методы СПЭИЛ были описаны выше как методы психологической диагностики информированности личности о расследуемом событии.

В компетенцию СПЭИЛ не входит решение правовых вопросов: о наличии/отсутствии расследуемого события; о действиях подэкспертного или иных участников события, о правдивости/ложности показаний подэкспертного. Возможности СПЭИЛ ограничиваются решением следующих вопросов (к эксперту):

1. Обладает ли подэкспертный информацией об обстоятельствах (деталях) расследуемого события?

2. О каких, конкретно, обстоятельствах расследуемого события обладает информацией обследуемый?

3. Когда и из каких источников обследуемым была получена первая информация об обстоятельствах расследуемого события?

Производство СПЭИЛ с высокой вероятностью позволяет определить: 1) особенности информированности обследуемого лица об обстоятельствах получения им самой первой информации о расследуемом событии (факте), таких как: дата, время и место получения указанной информации; источник получения указанной информации и т.д.); 2) особенности информированности обследуемого лица об общих обстоятельствах расследуемого события, таких как: характер события, общее количество участников данного события; действия участников события; роль (вклад) обследуемого лица в указанном событии; дата, время, место происхождения события и т.д.); 3) особенности информированности обследуемого лица о частных обстоятельствах расследуемого события, например, таких как: реакции участников события на действия других участников события; характеристики внешности участников события; одежда участников события и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сахнова Т.В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. Учеб. пособие. М., 1977.
2. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Науч.-практич. пособие. М., 1998. С. 22-25.
3. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2006.

4. Свободный Ф.К. Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: учебное пособие. Барнаул, 2015. 180 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
6. Чегодаева С.С. Криминалистическое исследование улик поведения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
7. Мозяков В.В. Руководство для следователей. М., 2005.
8. Российский энциклопедический словарь // Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 1673.
9. Тойм К. Ассоциативный эксперимент в психодиагностике в XIX веке // Ученые записки Тартуского университета. 1978. №. 465. С. 106-121.
10. Лурия А.Р. Сопряженная моторная методика и её применение в исследовании аффективных реакций // Проблемы современной психологии. Т. 3. М., 1928. С. 46.
11. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: учебник для вузов. СПб., 2008. 320 с.

Forensic psychological examination of the individual's awareness of the event under investigation: the essence and basic concepts

F.K. Svobodniy

*Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
(Moscow, Russia) sfk_felix@mail.ru*

It is possible to determine the peculiarities of a person's awareness of specific circumstances of a crime by means of psychological diagnostics in the process of conducting a forensic psychological examination of the person's awareness of the event under investigation.

Keywords: forensic psychological examination, personal awareness of the event under investigation, psychological diagnostics.

К ВОПРОСУ О ДОКУМЕНТАХ, ВЫПОЛНЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ МОНТАЖА

Е.А. Севастьянова

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) (Россия, Нижний Новгород)
katsewa@mail.ru*

В статье рассмотрено понятие монтажа и приведено его отличие от понятия изменения первоначального состояния документа. Рассмотрены основные способы монтажа и разобраны их признаки. Сделан вывод о том, что решение вопроса о выполнении документа путем монтажа, относится к эвристической задаче, а также приведено понятие компетенции эксперта, необходимой для решения такого вопроса.

Ключевые слова: монтаж документов, изменение первоначального состояния, технический монтаж, компьютерно-технический монтаж компетенция эксперта.

В настоящее время в официальном документообороте находятся документы – оригиналы и их копии, в основном изготавливаемые с помощью современных копировально-множительных устройств и компьютеров с периферийной техникой.

С развитием законодательства, которое ужесточает наказания за использование поддельных документов, развивается и преступный мир. Научно-технический прогресс стимулирует применение усовершенствованных технических средств и технологий с целью изменения первоначального содержания документов, в частности путем использования монтажа, в преступных целях. Для решения этих проблем правоохранительные органы прибегают к технико-криминалистической экспертизе документов.

Согласно толковому словарю, монтаж означает создание целого, соединенного из различных частей чего-либо. Основопологающим является процесс подбора и соединения единиц с целью придания им композиционного и смыслового единства, представляя собой сложный творческий и технический процесс.

У данного процесса имеется так же и общеметодическое понятие, где под монтажом понимают «подбор, исполнение каким-либо образом отдельных реквизитов документа (оттисков печатных форм, рукописных текстов, фотоснимков и т.д.) и соединение последних непосредственно или их изображений в единое целое» [1, стр. 382-387]. Но данная формулировка не позволяет раскрыть сути монтажа, как способа подделки документа, так как мы можем включить сюда различные способы изготовления документов.

В настоящее время в судебно-технической экспертизе документов принято следующее понятие монтажа – изготовление документа путем подбора и соединения частей существующих документов друг с другом или с вновь создаваемыми реквизитами и придания им вида единого документа [2, стр. 57]. В данном определении мы можем увидеть, что монтажными единицами выступают фрагменты существующих документов, их отдельные реквизиты, которые соединяются друг с другом или вновь созданными реквизитами. Результатом такого процесса является фальсифицированный документ, который оформлен в соответствии с правилами делового оборота и будет выдан за существующий.

Выполнение документа путем монтажа необходимо отличать от изменения первоначального состояния, под которым понимают изменение его содержания, текста, оттисков печатей и штампов, замену листов путем подчистки, дописки, с помощью химических препаратов и др., то есть сохраняется его материальная основа (совокупность реквизитов на бумажном носителе), официальное существование в определенном информационном поле (наименование, назначение), в отличие от монтажа, в результате которого будет создан новый документ, ранее не существовавший.

Рассмотрим основные способы монтажа, как копий несуществующих документов. Первый – технический, заключается в том, что разные части существующих документов соединяют при помощи копирования, как правило, неоднократного, с целью придания вида цельного документа. Второй – компьютерно-технический, состоит в следующем: оригиналы документов или их части с необходимыми реквизитами сканируют, затем обрабатывают и соединяют при помощи программ на персональном компьютере и распечатывают (в некоторых случаях после этого документ может быть откопирован) [2, стр. 59].

Разберем признаки, которые будут свидетельствовать об изготовлении документов с помощью технического монтажа. Как выше было сказано, данный способ состоит в компановке документа при помощи копирования (неоднократного) отдельных реквизитов и их частей, в связи с этим могут появиться следующие признаки:

- признаки многократного копирования: элементы знаков отображаются нечетко (разная конфигурация и размер знаков), точки-марашки;
- появление границ листов, как следов совмещения разных документов;
- присутствие посторонних штрихов, не входящих в содержание исследуемого документа;
- разная четкость отображения фрагментов текста;
- отсутствие морфологических признаков инструмента письма в рукописных записях;
- непараллельность отдельных строк остальному печатному тексту или фрагментов текста друг другу, отклонение слов в строке от ее линии;
- одинаковое расположение одноименных реквизитов друг относительно друга в копиях разных документов;
- разное форматирование фрагментов (различная длина строк, межстрочные интервалы, размеры полей, разные способы акцентирования).

Рассмотрим признаки, которые будут свидетельствовать об изготовлении документов с помощью компьютерно-технического монтажа. При данном способе документ будет получен путем соединения различных частей других документов и реквизитов при помощи ПК и специальных программ редактирования изображений, в связи с этим могут появиться следующие признаки:

- фон в виде упорядоченных точек растра на ограниченном поле в месте расположения отдельных фрагментов или реквизитов;
- ступенчатость штрихов;
- признаки цифровой обработки изображений [2, стр. 63-64].

Экспертные задачи могут быть классифицированы по разным основаниям, мы рассмотрим такое основание, как условия задачи. Здесь выделяют стандартные и нестандартные задачи. Для решения стандартной задачи характерно: ис-

ходные данные достаточны для ее решения, они представлены в явном виде и их необходимо только преобразовать и заполнить пробелы в соответствии с разработанным алгоритмом. Для нестандартной задачи, которую также называют эвристической, характерно то, что условия являются нестандартными и нельзя применить известный алгоритм, эксперту необходимо самостоятельно найти решение. В структуре условий данной задачи также заложены некоторые данные, но информация ограничена, поэтому известного предела нет, а дальше требуется самостоятельный поиск решения.

Установление факта выполнения документа путем монтажа является эвристической задачей, для решения которой эксперт должен применить творческий подход при анализе исходных и получаемых данных. В связи с этим можно дать лишь общую схему экспертного исследования, на основе которой эксперт сам определит алгоритм действий, выберет необходимые методы, обеспечит логическое следование своих суждений, что позволит прийти к определенному умозаключению. И тут встает вопрос о компетенции эксперта, которая необходима для решения данных вопросов.

Под компетенцией принято понимать «знания и опыт в той или иной области». Р.С. Белкин дает такое определение: «компетенция эксперта – комплекс знаний в области теории, методики и практики экспертизы определенного рода, вида» [3, стр. 260]. Думаем, что данное определение необходимо дополнить также знаниями уголовно-процессуального законодательства в области вообще института судебной экспертизы, а в частности правами и обязанностями эксперта. В настоящее время в связи с развитием науки, интеграцией и дифференциацией научных знаний происходит разделение экспертов по специализациям, что обеспечивает качественное проведение исследований. Поэтому в литературе можно встретить следующее определение: «компетентность – степень владения экспертом определенным объемом знаний», так называемая субъективная компетенция. При этом существует и объективная компетенция, как уровень знаний, которым должен владеть эксперт [4, стр. 35].

Решение вопроса о выполнении документа при помощи монтажа относится к нестандартной задаче экспертного исследования, поэтому эксперт должен обладать широким кругом знаний в области технико-криминалистической экспертизы документов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дятлов О.М. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств / под общ. ред. О.М. Дятлова. Минск. Амалфея, 2003. С.382-387.
2. Торопова М. Л. Криминалистическая экспертиза установления относительной давности выполнения реквизитов документов: Дис. ...к.ю.н. М., 2014.
3. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. С. 260.

4. Замараева Н. А. Правовые и организационно-методические проблемы использования компьютерных технологий при производстве судебных экспертиз: Дис. ...к.ю.н. М., 2001. С. 35.

To the question of documents made with the help of installation

E.A. Sevastyanova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)
katsewa@mail.ru

The article considers the concept of editing and shows its difference from the concept of changing the original state of the document. The main methods of installation are considered and their features are analyzed. It is concluded that the solution of the issue of document execution by editing belongs to the heuristic problem, and the concept of expert competence necessary to solve such a question is given.

Keywords: document editing, changing the initial state, technical montage, computer-technical montage expert's competence.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПОДПИСЕЙ И РУКОПИСНЫХ ЗАПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Т.Е. Сергеева, П.Г. Лесникова

*ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)
tanu.sergeeva@yandex.ru*

В статье рассматривается возможность проведения почерковедческих экспертиз по подписям и рукописным записям, выполненным на иностранном языке, а также проблемы, возникающие в ходе производства экспертиз, и пути их преодоления.

Ключевые слова: иностранный язык, почерковедческое исследование, латинский алфавит, проблемы производства экспертиз.

С каждым годом процент контрактов, заключённых Российской Федерацией с иностранными государствами, повышается. Связано это с экспортом или импортом различных товаров, а также оказанием услуг. Россия активно сотрудничает со странами Европы, Южной и Северной Америки, Азии; количество стран, которые предпочитают видеть нашу страну в качестве партнера возрастает. Говоря о России, мы подразумеваем не только страну в целом, но и различные фирмы и организации, которые составляют внутренний рынок государства и ищут дальнейшие пути развития своего бизнеса.

Международный договор может быть составлен либо на языках договаривающихся сторон, либо на одном или нескольких языках, которые согласовы-

ваются при заключении договора, либо может оформляться на языках организаций. Соответственно, если договор заключается между организацией из России и организации из, к примеру, Англии, то подписывается договор на русском языке с Российской стороны и на английском языке с другой стороны. Заключенные договоры заключаются в нескольких экземплярах и остаются у каждой стороны, участвующей в подписании.

В нашей огромной многонациональной и мультикультурной Стране используется различное количество языков, отличных от русского как в написании, так и в произношении.

Также в различных сферах деятельности возможно использование языка, принятого в той или иной науке как основного – например, использование латинского языка в работе врачей, фармацевтов и т.д. В экспертной практике поступают на исследование записи врачей, в которых лекарственные средства указываются на латинском языке.

В настоящее время существует множество алфавитов, которые являются действующими, то есть их используют при составлении и подписании договоров. Научные источники приводят следующую квалификацию алфавитов: Греческий алфавит, Грузинский алфавит, Армянский алфавит, Еврейский алфавит, Кириллица (Азербайджанский алфавит, Абазинский алфавит, Башкирский алфавит, Белорусский алфавит, Болгарский алфавит, Ингушский алфавит, Кабардино-черкесский алфавит, Казахский алфавит, Карачаево-балкарский алфавит, Киргизский алфавит, Македонский алфавит, Молдавский алфавит, Монгольский алфавит, Ногайский алфавит, Осетинский алфавит, Русский алфавит, Сербский алфавит, Таджикский алфавит, Татарский алфавит, Украинский алфавит, Черногорский алфавит, Чеченский алфавит, Чувашский алфавит), Латинский алфавит (Английский алфавит, Латышский алфавит, Польский алфавит, Румынский алфавит, Словацкий алфавит, Словенский алфавит, Таджикская письменность, Татарский алфавит, Турецкий алфавит, Черногорский алфавит, Чеченский алфавит, Чешский алфавит, Алфавит эсперанто), Арабский алфавит, Бенгальский алфавит, Этрусский алфавит [9].

Графические системы каждого языка могут существенно отличаться друг от друга. Так, письменный знак может быть привязан к определенному объекту (пиктографическое письмо – рис. 1), письменный знак может обозначать определенное слово (логографическое письмо – рис. 2) и т.д. В русском и английском языках к определенному звучанию привязан письменный знак (фонетическое письмо – рис. 3).

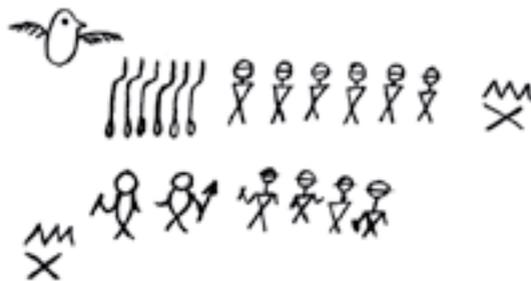

Рис. 1. Пиктографическое письмо.

愿得一人心，
白首不相离

Рис. 2. Логографическое письмо.

I really love my country!
[ai 'ri:əli lʌv maɪ 'kʌntri]

Я очень люблю свою страну!
[j'a 'oʧ'in' l'ubl'u swaj'u stran'u]

Рис. 3. Фонетическое письмо.

В нашей стране за основу письменности принято использовать кириллицу. Все почерковедческие методики, созданные и апробированные, за основу берут буквы русского алфавита, который состоит из 33 букв. Для данного алфавита характерна установка норм выполнения каждого элемента: печатный или прописной вид буквы, определение строчных, подстрочных и надстрочных элементов, в какой последовательности выполняются элементы, их форма и направление движений, форма соединения, размещение в пространстве элементов относительно друг друга.

Большинство поступающих на экспертизу рукописных записей выполнены с использованием букв русского алфавита, другие разновидности кириллицы могут подчиняться правилам исследования, которые установлены действующими методиками. Однако в настоящее время появились объекты, которые ис-

пользуют латинский алфавит (его разновидности).

Для латинского алфавита характерны свои особенности строения букв. Так, алфавит английского языка состоит из 26 букв, которые так же имеют печатный вид и скорописный. В нашей стране в большинстве учебных заведений изучают английский язык, поэтому в настоящее время у жителей нашей страны имеется представление о строении букв и письменной речи английского языка. Будем исходить из того, что эксперт-почерковед имеет базовые знания в английском языке.

Постараемся разобраться в возможности исследования букв английского языка - латиницы. Среди них есть некоторые знаки, которые полностью по внешнему виду и строению повторяют буквы русского алфавита. Большинство букв похоже только в заглавном виде, строчные варианты сильно отличаются от своих аналогов.

*Таблица 1.
Сопоставление схожих по строению букв алфавитов*

Кириллица (буквы русского алфавита)	Латиница (буквы английского алфавита)	Кириллица (буквы русского алфавита)	Латиница (буквы английского алфавита)
Аа	Aa	Мм	Mm
Вв	Bb	Оо	Oo
Ее	Ee	Тт	Tt
Кк	Kk	Сс	Cc

При исследовании схожих букв с кириллицей, следует изучать общие и частные признаки последовательно: от строения по конструкции и формы выполнения до размещений точек пересечения движений. В их восприятии, думается, не возникнет сложностей. Но в латинском алфавите имеются знаки, которые не имеют аналогов в русском алфавите. Здесь могут возникнуть сложности. Прежде всего эксперту-почерковеду необходимо понять, что перед нами - скоропись или печатный вариант. Затем вспомнить прописи (наше условие – базовые знания языка), которые соответствуют установленным нормам и уже от них исходить, что выполнено с отклонением, а что с их соблюдением. Конечно, почерковедческое исследование основано на изучение букв кириллицы, а для изучения букв латинского алфавита методики не предусмотрены. Сходство латинского алфавита с кириллицей, на наш взгляд, делает возможным применение уже существующих методик с небольшим дополнением. Эксперт-почерковед изучает почерк конкретного исполнителя путем исследования отображенных в рукописях свойств почерка – признаков. Процесс изучения почерка сложный и неоднозначный, поскольку признак может отражать не одно свойство почерка, и одно свойство может быть отражено в нескольких признаках.

Проведение сравнительного почерковедческого исследования предполагает

оценку как общесистемных признаков, отражающих степень и характер сформированности письменно-двигательного навыка; признаков, отражающих структурно-геометрические и динамические характеристики; признаков, отражающих пространственную ориентацию рукописных записей, а также частных признаков почерка – свойствах, проявляющихся в отдельных письменных знаках. Что, в свою очередь, требует разбиения букв на отдельные элементы. В отношении букв латинского алфавита, которые сходны с буквами кириллицы, не возникнет проблем в их разбиении на отдельные элементы. Для тех же букв, которые имеют существенное различие с буквами кириллицы, требуется применить правила разбиения. При выполнении данной операции необходимо руководствоваться общими правилами деления букв на элементы: по принципу расставления граничных точек элементов 1-го и 2-го родов – рис. 4 [4].

Буква латинского	1-ый вариант написания	2-ой вариант написания
A	a o l	A J I -
M	m 9 n n	M J V L
F	F J C -	F J C
W	w y v	w 9 I I I

Рис. 4. Принцип расставления граничных точек и разбиения букв латинского алфавита на элементы (выборочно).

Для установления вариантов написания отдельных букв и элементов букв необходимо более тщательно изучить представленные образцы, составить разработки почерка с указанием количества вариантов. Только тщательный подход к исследованию и базовые знания английского языка позволят справиться с задачей.

При производстве экспертиз по документам, содержащим рукописные за-

писи, выполненные с использованием латиницы, в частности на английском языке, эксперт-почерковед сталкивается с рядом трудностей:

1. Отсутствие достаточного количества образцов почерка проверяемого лица;

2. Неудовлетворительное владение экспертом-почерковедом иностранным языком.

Рассмотрим первую проблему, которая существенно затрудняет производство судебно-почерковедческой экспертизы. При поступлении материалов чаще всего отсутствуют сопоставимые образцы, либо их количество недостаточно для какого-либо вывода. Под сопоставимостью в данном случае понимается наличие тех же слов, букв или сочетание этих букв в сравнительном материале. В сравниваемом материале может отсутствовать весь вышеперечисленный перечень; зачастую поступают документы, в которых присутствуют абсолютно другие буквы. В данном случае, эксперту необходимо запрашивать образцы, содержащие слова или буквы из исследуемого текста.

Целесообразно в ходатайстве прописать необходимый текст или приложить электрофотографическое изображение исследуемого объекта, поскольку инициатор экспертного задания может не владеть знаниями языка, который подлежит исследованию. Недостаточное количество предоставляемого сравнительного материала может быть связано со сложностями получения образцов у проверяемого лица вследствие его нахождения за пределами границ Российской Федерации. Инициатору экспертного задания придётся приложить немало сил для выяснения возможных контактов проверяемого субъекта для нахождения возможного местоположения рукописных записей, выполненных данным лицом. Такие следственные действия необходимо проводить заранее, до назначения почерковедческой экспертизы. Решение проблем видится в более глубокой и всесторонней работе инициатора экспертного задания, их обучении по сбору образцов почерка проверяемых лиц, особенно свободных, так как они несут самые информативные данные о почерке субъекта. Возникает необходимость во взаимодействии инициаторов экспертного задания и экспертной организации; необходимо консультироваться с экспертами в целях полного и всестороннего сбора необходимой информации и сокращения сроков производства экспертизы.

При исследовании рукописных записей врачей, выполненных с использованием латинского алфавита, получение образцов для сравнительного исследования не вызывает таких сложностей. В подобной ситуации эксперту-почерковеду необходимо запросить достаточное количество образцов выполнения аналогичных записей, как свободных, так и экспериментальных, выполненных в различных условиях. Как правило, подобные запросы не вызывают сложностей при их выполнении со стороны инициаторов экспертного

задания, поскольку работающий врач заполняет достаточное количество документов, в которых содержатся аналогичные записи (свободные образцы). Также не вызывает затруднений получение экспериментальных образцов в достаточном количестве.

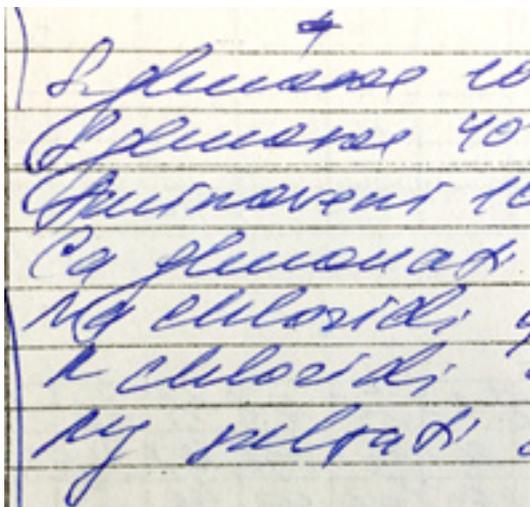

Рис. 5. Рукописные записи, выполненные скорописью с использованием букв латинского алфавита.

В подобной ситуации, при наличии достаточного количества сравнительного материала, для эксперта-почерковеда, имеющего базовые знания английского языка, не составит сложностей решение вопросов по идентификации исполнителя рукописных записей, выполненных с использованием букв латинского алфавита.

Рассмотрим вторую выделенную проблему. Многие эксперты не владеют достаточными знаниями в исследуемом почерке, так как или изучали другой язык, или имеют низкий уровень знания иностранного языка. Эксперту-почерковеду, для решения задачи, необходимо понимать письменные знаки – это минимальные знания. Без владения правилами письма невозможно отличить буквы друг от друга, разбить их на элементы и провести полноценное сравнительное исследование. Кроме того, без этих знаний эксперт-почерковед не сможет запросить образцы: необходимо будет указать, какие именно слова, буквы необходимо предоставить. В таком случае, эксперту-почерковеду следует отказаться от производства данной экспертизы по причине отсутствия достаточных знаний об исследуемом объекте.

Авторы статьи считают, что производство судебно-почерковедческих экспертиз по рукописным записям, выполненным на английском языке с использованием букв латинского алфавита, возможно на современном этапе. Конечно, нужно доработать и модифицировать существующую методику почерковедче-

ского исследования под данную задачу. Еще раз отметим важное условие – знание экспертом-почерковедом английского языка на базовом уровне. Отдельного рассмотрения требует вопрос о привлечении к производству судебной почерковедческой экспертизы переводчика, но это тема следующей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 17.04.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. / Компания «Консультант Плюс».
2. Приказ Минюста РФ от 20.12.2002 N 346 «Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. / Компания «Консультант Плюс».
3. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы / под науч. ред. В.Ф. Орловой; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2006. 544 с.
4. Деление букв прописей русского алфавита на элементы и их части // Альбом (в помощь экспертам). М., 1987.
5. Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование рукописных текстов: 2-е изд., перераб. и доп.; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М.: Наука, 2007. 341 с.
6. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов (издание второе переработанное и дополненное) – под ред. В.Ф. Орловой; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М.: 2011. 538 с.
7. Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР : справочник следователя и эксперта / под ред. Б.И. Пинхасова. – ВНИИСЭ МЮ СССР. М.: Юридическая литература, 1973. 280 с.
8. Дубовик Е.С. Современное состояние криминалистического исследования рукописных текстов, выполненных на иностранных языках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-kriminalisticheskogo-issledovaniya-rukopisnyh-tekstov-vypolnennyh-na-inostrannyh-yazykah> (дата обращения 31.01.2020)
9. Потудинский В.П. Проблемы исследования рукописей, выполненных на языках народов республик Северо-Кавказского федерального округа, письменность которых основана на кириллице [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-issledovaniya-rukopisey-vypolnennyh-na-yazykah-narodov-respublik-severo-kavkazskogo>

- federalnogo-okruga-pismennost-kotoryh/viewer (дата обращения: 01.02.2020).
10. Алфавит // Статья Википедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/Алфавит> (дата обращения 08.02.2020).

Modern opportunities for the production of forensic handwriting examinations of signatures and handwritten notes made in a foreign language

T.E. Sergeeva, P.G. Lesnikova

*Privolzhsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)
tanu.sergeeva@yandex.ru*

The article considers the possibility of conducting handwriting examinations on signatures and handwritten notes made in a foreign language, as well as problems that arise during the examination process, and ways to overcome them.

Keywords: foreign language, handwriting research, Latin alphabet, problems of examination production.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ «НЕПРИЛИЧНАЯ ФОРМА»

Т.А. Сидорова

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
(Россия, Архангельск)
t.sidorova@narfu.ru*

Основной целью статьи является попытка пересмотреть статус понятия «неприличная форма» с учётом инновационных технологий лингвоэкспертной деятельности. В работе обобщается опыт использования данного понятия в практике лингвистов-экспертов. Описывается категория неприличности, детерминирующая статус понятия «неприличная форма» как юридизированного. На основании собственной экспертной деятельности автор определяет понятие «неприличность» как дискурсивную категорию, имеющую структуру функционально-семантического поля. Термин «неприличная форма» осмысливается с позиции когнитивно-дискурсивного подхода, учитывающего коммуникативный и прагматический аспекты высказывания, текста. Описывается функционально-семантическое поле неприличности как совокупность разнородных языковых, речевых и дискурсивных средств. Предложено заменить понятие «неприличная форма» на понятие «неприличный формат». Выделены классификационные признаки неприличного формата конфликтного дискурса. Определены коммуникативные, когнитивные, прагматические и социокультурные маркеры неприличного формата.

Ключевые слова: неприличная форма, словесное оскорбление, конфликтный дискурс, стратегия дискредитации, категоризация, концептуализация, неприличный формат, система и среда.

В настоящее время понятие «неприличная форма» является, пожалуй, самым обсуждаемым и одновременно противоречивым, что затрудняет его использование в правоприменительной практике. Под неприличной формой

понимается «наличие высказываний в адрес гражданина, содержащих оскорбительную, непристойную лексику и фразеологию, которая оскорбляет общественную мораль, нарушает нормы общественных приличий. Эта лексика в момент опубликования текста воспринимается большинством как недопустимая в печатном тексте» [1, стр. 196]. Термин «неприличная форма» характеризуется и как «отрицательная оценка личности, выраженная в такой форме, которая резко противоречит принятому общению между людьми» [2, стр. 280]. Согласно данным дефинициям, неприличная форма выражается только посредством лексических и фразеологических средств, а содержанием понятия является идея нарушения нравственных принципов, норм общественной морали [3, стр. 328-339]. И.А. Стернин, например, использует сочетание «неприличная языковая форма» (выражения мысли): «это наличие высказываний в адрес истца, содержащих непристойную лексику и фразеологию, то есть нецензурные слова и выражения, которые грубо оскорбляют общественную мораль, грубо нарушают нормы общественных приличий» [4, стр. 19]. Учёный различает приличную лексику и фразеологию (нормативная), неуместную в общественном месте (бранная, вульгарная, сниженная) и неприличную (нецензурная) [там же, стр. 17]. Однако в указанной работе утверждается, что правовому регулированию подлежат слова и выражения, характеризующие потерпевшего как нарушившего нормы морали или законов (учитывается целеустановка адресанта) [там же, стр. 34]. Профессор К.И. Бринёв не считает понятие «неприличная форма» лингвистическим и предлагает идею метаязыковых конвенций [5, стр. 143-145]. Вопрос об отнесении «неприличной формы» к нравственным или собственно лингвистическим понятиям является дискуссионным. Хотя вполне очевидно, что понятие принадлежит двум концептуальным сферам: нравственной и лингвистической. Правовая практика показывает наличие множества оценочных юридических терминов, включающих в свою семантику и нравственный аспект. Оценочная концептуализация осуществляется наряду с логической и носит интерпретационный характер. Заметим, что термин «неприличная форма» является лишь частично интерпретируемым в праве. Лингвистические способы юридической диагностики неприличности не систематизированы. Этико-стилистические значения слов описываются в терминах «приличное» / «неприличное» / «непристойное» / «нецензурное» / «ненормативное» / «циничное» / «бранное», которые до сих пор не получили однозначного толкования. Понятие «нецензурная брань» тоже не определено. Такая социальная помета, как «оскорбительное», отсутствует в словарях, поскольку это свойство актуализируется в контексте. Отсюда и актуальность определения статуса категории неприличности, а также понятия «неприличная форма».

Неприличная форма, как оценочно-правовое понятие, нуждается в корректировке. До сих пор к неприличной форме относятся разные группы слов.

Одни учёные включают в неприличную форму только матизмы, непристойную и циничную лексику [4; 6]. Другие расширяют содержание понятия, включая в него всю бранную лексику, жаргонную, грубо-просторечную, просторечную и литературную [3; 7; 8]. На основе своей лингвоэкспертной практики в процессе определения языкового или дискурсивного средства как неприличного в конкретном дискурсе мы посчитали необходимым расширить границы «неприличной формы», что стало возможным только при когнитивно-дискурсивном подходе. Ранее мы обращались к проблеме статуса категории неприличности в одной из своих работ [9, стр. 294-301]. Но назрела необходимость уточнить это понятие.

В настоящее время учёные используют два способа решения проблемы неприличной формы - ортологический и релятивный [10, стр. 81-84].

Ортологический путь решения проблемы не всегда приводит к объективным результатам. Слова изменяют свои значения, переходят из одной функциональной сферы в другую. Меняется и степень неприличности в зависимости от времени, ситуации, мировидения коммуникантов. Релятивный путь решения проблемы детерминируется коммуникативной ситуацией. Действительно, многие средства воздействия требуют выхода за пределы текста. Поэтому М.А. Осадчий предлагает сочетать оба пути исследования. Однако собственно дискурсивные средства при этом не рассматриваются.

Тем не менее, многие учёные указывают на важность привлечения контекста для осмысления коммуникативной функции слова / выражения. Но при этом коммуникативные, когнитивные, прагматические средства не становятся объектом анализа и не осмысливаются с позиции их отнесённости к категории неприличности. Хотя Н.Д. Голев, например, подчёркивает, что «главный источник конфликтности – возможность разной интерпретации исходной пресуппозиции (коммуникативное намерение). Без реконструкции пресуппозиции полноценная интерпретация любого высказывания в естественных коммуникативных ситуациях по существу невозможна» [11, стр. 301-302]. Мы считаем, что необходимо учитывать взаимозависимость языковых средств и структур знаний, актуализируемых ими. Анализ когнитивного содержания (пресуппозиции, пропозиции, сценарии, концептуальные признаки, идеи) наряду с выявлением особенностей функционирования языковых средств позволяет определить глубинные процессы, в которых раскрываются существенные закономерности, обусловленные природой языка как средства общения и познания.

Полагаем, что сложное понятие неприличная форма представляет собой интеграцию двух других – неприличный и форма - и является результатом работы когнитивного механизма концептуальной интеграции.

Значение слова «неприличный» в контексте правоприменительной прак-

тики базируется на семантической доминанте «оскорбительный потенциал». Само по себе слово не может быть неприличным – таковым оно становится только в контексте. Под контекстом мы понимаем не только собственно лингвистический, но и экстралингвистический: социальный, когнитивный, психологический, культурный, прагматический, коммуникативный. Именно на основе выделенной семантической доминанты «оскорбительный потенциал» происходит категоризация слов и выражений как неприличных в контексте. Контекст становится средой, в которой проявляет свойство неприличности та или иная языковая и /или дискурсивная единица. Поэтому мы опираемся на концепцию взаимодействия системы и среды, исследованную в работах А.В. Бондарко, В.Г. Гака, В.Г. Касевича, Л.Г. Яцкевич. См. например, работы [12, стр. 13; 13, стр. 4]. Метаязыковой аспект концепта СЛОВЕСНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ состоит в том, что в системе отношений между людьми особую роль играет модальный компонент концептуальной сущности слов, объективирующих оскорбление, а именно точка зрения говорящего на объект наименования. В конфликтном публицистическом дискурсе, например, с базовым концептом ОСКОРБЛЕНИЕ актуализируется намерение адресанта унизить честь, умалить достоинство адресата-референта, изменить представление о нём адресата-читателя. Референтные ситуации, объективируемые адресантом, связаны с отрицательными социальными явлениями (коррупция, моральный облик, некомпетенция чиновников, нарушение ими моральных или правовых норм и т.п.). Цель референции – модификация когнитивных структур адресата-читателя (установок, представлений, позиций) или нарушение психического состояния адресата-референта, причинение ему морального вреда. Модусная характеристика такого дискурса – негативно-оценочная (ирония, сарказм, издёвка, высмеивание, развенчание, обвинение и т.п.). Отсюда и негативная аксиология адресанта по отношению к адресату-референту. Установка адресанта на негативное восприятие образа адресата-референта детерминирует использование неприличной формы. Таким образом, неприличность – это приобретённое дискурсивное свойство языкового и / или дискурсивного средства с потенциалом оскорбительности (реализация этого потенциала).

Функциональный подход к исследованию категории неприличности предполагает учёт таких аспектов среды (высказывания / текста / дискурса), как коммуникативный, когнитивный и прагматический. Следует заметить, что не только среда влияет на функционирование того или иного средства, но и это средство изменяет среду. Так, языковые средства могут объективировать коммуникативные, когнитивные и прагматические средства, направленные на реализацию определённой цели. В процессе исследования дискурсивных признаков концепта СЛОВЕСНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ нами была отмечена особая значимость таких когнитивных параметров, как направленность действия

оскорбление на нравственную сферу человека (честь, достоинство, репутация, доброе имя, социальный облик и т.п.), результат воздействия на адресата-референта (нарушение психического состояния, ощущение стыда, унижения, подавленности и т.п.), результат воздействия на адресата-читателя (искажение представлений об адресате-референте, понижение его социального статуса, формирование негативного образа, недоверия к адресату-референту и т.п.), целеустановка субъекта воздействующего (оскорбить адресата-референта, причинить ему моральный вред, изменить позитивное отношение к нему и т.п.). Способом нанесения вреда адресату-референту становятся языковые и / или дискурсивные средства, нарушающие табу, а также коммуникативные нормы, коррелирующие с морально-этическим критерием допустимости этих средств в СМИ, в общественном месте (например, манипулятивные приёмы, речевые стратегии конфронтации, тактики осмеяния, разоблачения, издёвки и т.п. [14]. Выделенные нами когнитивные параметры концепта ОСКОРБЛЕНИЕ коррелируют с понятием «неприличная форма», поскольку неприличная форма становится способом реализации признаков выделенных параметров концепта. Неприличными мы считаем языковые и дискурсивные средства, реализовавшие свой содержательный потенциал оскорбительности, т.е. направленные на унижение чести, умаление достоинства и деловой репутации личности. В креолизованном тексте унижить честь и умалить достоинство, например, может рисунок, коллаж, фотография. Среди дискурсивных категорий особое место занимает способ воздействия. В конфликтном газетном дискурсе – это публичная передача негативной информации об адресате языковыми и дискурсивными средствами со свойством неприличности, т.е. нарушающими нормы конструктивной коммуникации и характеризующие адресата-референта как нарушителя моральных или правовых норм.

Неприличность – это оценочно-правовая категория, которая включает нравственную (в том числе и этическую) и правовую сферы. Из концептуальной сферы НРАВСТВЕННОСТЬ профилируется компонент «нарушение» (несоответствие речевого поведения адресанта этическим нормам). Для концептуальной сферы ПРАВО важен способ нанесения вреда общественным отношениям (приличный или неприличный). Понятие ФОРМА в сочетании с прилагательным «неприличный» актуализирует компонент «способ воздействия». В результате реализуется новый смысл сочетания – «способ ведения коммуникации с целью воздействия». Этот способ может быть вербальным и невербальным, открытым и завуалированным, направленным на сознание или на эмоциональную сферу человека. Поэтому слово «форма» в рассматриваемом контексте становится синонимичным понятию «формат». Термин «формат» является многозначным и полифункциональным, используется в разных тематических областях. В нашей работе термин осмысливается как способ ор-

ганизации и ведения коммуникации. В таком значении он вполне коррелирует с его функцией как инструмента воздействия (В.Е. Чернявская). Неприличный или приличный формат коммуникации становится инструментом достижения коммуникативной цели. Приличный формат характерен для дискурсивной деятельности, осуществляемой в рамках конвенциональных дискурсивных практик, без нарушения правил коммуникации. Неприличный формат характерен для дискурсивной деятельности, протекающей вне конвенциональных дискурсивных практик, с нарушением правил коммуникации. Использовать в дискурсе неприличный формат – это не только и не столько употребить бранное или нецензурное слово, сколько реализовать стратегию дискредитации личности путём различных речевых тактик насмешки, высмеивания, развенчания, оскорбления, обвинения и т.п. Средства воздействия в неприличном формате могут быть языковыми, когнитивными, психолингвистическими, коммуникативными, прагматическими, психологическими. Объектом воздействия при этом становятся честь, достоинство, репутация, доброе имя. Неприличный формат осуществляет воздействующую функцию на рациональную или эмоциональную сферу личности с целью унижения чести и умаления достоинства, репутации. Таким образом, классификационными признаками понятия «неприличный формат» являются следующие:

- средства воздействия - языковые и дискурсивные, не соответствующие принятым коммуникативным нормам общения, соотносимым с этическими установками общества (нарушающие порог стилистической оправданности; отступающие от норм жанрового поведения, норм ролевого поведения, норм национально-культурного речевого поведения);

- предмет оценки - характеристики адресата (в том числе и референта текста / дискурса) как нарушившего морально-этические или правовые нормы; нравственная сфера и моральный облик адресата-референта;

- отношение говорящего / автора текста / дискурса к адресату: установка на агрессивность как разновидность тональности дискурса; выражение негативной оценки адресата-референта текста / дискурса становится главной целью автора; акцент общения смещается с предмета разговора на саму личность; актуализация антипатии к адресату-референту текста / дискурса;

- направленность средств воздействия на унижение чести, умаление достоинства, деловой репутации адресата, понижение его социального статуса, искажение или изменение положительного образа адресата, модификация представлений об адресате-референте тексте / дискурса; навязывание негативного отношения к адресату-референту текста / дискурса;

- результат воздействия: изменение представлений об адресате-референте текста / дискурса, искажение положительного образа, формирование негативного образа адресата-референта текста / дискурса, нанесение вреда обществен-

ным отношениям, негативное психологическое состояние адресата-референта текста / дискурса.

Как видим, классификационные признаки неприличного формата так или иначе коррелируют с когнитивными параметрами концепта СЛОВЕСНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ, так как неприличный формат объективирует концепт. В целом неприличный формат – это совокупность языковых и / или дискурсивных средств, маркирующих нарушение социокультурных норм речевого поведения личности, нацеленной на причинение вреда социальной привлекательности другой личности.

К коммуникативным средствам, маркирующим неприличный формат, следует отнести направленность дискурса (коммуникативную цель) на деструктивную коммуникацию, ухудшение и разрыв отношений между коммуникантами, формирование негативного образа адресата, искажение положительного образа, изменение позитивного представления об адресате и т.п.

Прагматическими маркерами неприличного формата являются стратегии и тактики агрессии, конфронтации, коммуникативной перверсии; интенции, направленные на унижение чести, умаление достоинства, репутации, понижение социального статуса личности.

Когнитивные маркеры неприличного формата – это речевые сценарии насмешки, издевки, обвинения, развенчания, разоблачения, высмеивания и т.п., а также пресуппозиции и пропозиции, реализующие стратегии конфронтации.

Социокультурные маркеры – нарушение этикетности коммуникативного поведения, несоблюдение норм речевых конвенций социума, игнорирование его ценностных ориентиров или их использование для реализации вышеназванных целей, актуализация такой антиценности, как враждебность, соотносимой с этической категорией зла.

Поскольку событийные феномены онтологически первичны по отношению к языковым, неприличный формат задаётся именно коммуникативным событием, а затем происходит его концептуализация в языковом сознании, что находит отражение в дискурсе. Таким образом, формат, как способ организации процесса коммуникации, является той характеристикой дискурса (среды), которая формируется адресантом для реализации коммуникативной цели. Следует отметить заданность и контролируемость газетного конфликтного текста / дискурса. Поэтому адресант сознательно нарушает конвенциональные нормы общения.

Следовательно, формирование неприличного формата дискурса предполагает нарушение правил легитимности в коммуникативном взаимодействии, несоблюдение норм речевых конвенций социума, несоответствие порогу стилистической оправданности языковых и дискурсивных средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. 200 с.
2. Юридический энциклопедический словарь. М., 1987. 280 с.
3. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. Проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. 424 с.
4. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2013. 35 с.
5. Бринёв К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Кемерово, 2010. 363 с.
6. Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста [http://conference.siberiaexpert.com/publ/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/sternin_i_a_neprilichnaja_forma_vyskazyvanija_v_lingvokriminalisticheskom_analize_teksta/2-1-0-23].
7. Голев Н.Д. Обыгрывание русских табуизмов в фольклорных метатекстах // «Злая лая матерная...»: сб. статей под ред. В.И. Жельвиса. М., 2005. С. 305 – 333.
8. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Естественное и юридическое бытие языка / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000. С. 84–96.
9. Сидорова Т.А., Егорова Е.Н. Неприличность как ведущий фактор инвективизации речи // Юрислингвистика – 11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринёва; Кемеровский госуниверситет. Кемерово, 2011. 600 с.
10. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2013. 256 с.
11. Голев Н.Д. Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений (на материале русских игровых текстов) // Бытие в языке: сборник научных трудов к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 299-312.
12. Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 13-23.
13. Яцкевич Л.Г. Функциональная морфология русского языка: учебное пособие. Минск: Минский государственный университет, 1989. 70 с.

14. Сидорова Т.А. Функционально-коммуникативные особенности концепта СЛОВЕСНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ в конфликтном политическом дискурсе // Русский язык в поликультурном мире: 1X Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2015) / отв. ред. Е.Я.Титаренко: Сб. научных статей. В 2-х ч. 1 ч. Симферополь: ООО «Антиква», 2015. С. 475-482.

The problem of a legal definition “indecent form”

T.A. Sidorova

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)
t.sidorova@narfu.ru*

The main objective of the article is to make an effort of revising the status of notion ‘indecent form’ taking into account innovation methods of linguistic expert activity. The experience of using this notion in practice by linguists-experts is being summed up. We describe the category of indecency determining the status of notion ‘indecent form’ as being related to law. With reference to her own activity as a linguist-expert, the author determines this notion as a discourse category, having the structure of a functional semantic field. The term ‘obscene form’ is being conceptualized from the perspective of cognitive-discourse approach considering communicative and pragmatic aspects of an utterance or a text. The functional semantic field of indecency is being described as a whole of heterogeneous language, speech and discourse means. We propose replacing the notion ‘indecent form’ with the notion of ‘indecent format’. The classification signs of the obscene format of conflict discourse have been highlighted. The communicative, cognitive, pragmatic and socio-cultural markers of the obscene format have been determined.

Key words: indecent form, verbal insult, conflict discourse, defamation strategy, categorization, indecent discourse format, functional semantic field of indecency, system and environment.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА И ТАКТИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕГО ВЫВОДОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А.В. Смолин

*Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
avsmolin1@gmail.com*

Динамично развивающиеся процессы интеграции технологий во все сферы жизни общества неминуемо затрагивают и преступную деятельность. С развитием ее качественной составляющей субъектам расследования для установления обстоятельств совершенного преступления необходимо не только понимание юридической составляющей уголовного судопроизводства, но и знания в других областях науки, техники или ремесла. Понимая, что суду, субъектам доказывания и иным участникам уголовного судопроизводства самостоятельно не познать некоторые отражения преступной деятельности, законодатель наделил субъекта расследования возможностью прибегать в процессе расследования к помощи лиц, обладающих специальными знаниями. Самой распространенной формой

их применения является производство судебной экспертизы. В настоящей статье рассматриваются вопросы ее рождения как доказательства по уголовному делу, и раскрываются особенности представления ее результатов в суде.

Ключевые слова: судебная экспертиза, специальные знания, доказательство, доказывание, представление доказательств.

Исторически сложилось, что в дореволюционной России заключение эксперта не считалось ни самостоятельным процессуальным действием, ни самостоятельным доказательством. Так, по мнению В.Д. Спасовича, судебная экспертиза была лишь дополнением к осмотру [1, стр. 195]. Но, несмотря на то, что возможность самостоятельного использования заключения эксперта в доказывании ставилась под сомнение, роль использования специальных знаний при расследовании преступлений всегда высоко ценилась. Ганс Гросс подчеркивал «решающее влияние на дело» заключений сведущих лиц. И далее: «Я позволю себе даже утверждать, что нередко для дела далеко не так важно, кто (из сведущих лиц – А.С.) именно был спрошен, а гораздо важнее, как сформулированы были вопросы, о чем именно и в какой момент предварительного следствия» [2, стр. 184].

Действующий УПК РФ закрепляет заключение эксперта как одно из средств доказывания, которое рассматривается наравне с другими доказательствами по уголовному делу. Но при этом указанное процессуальное действие обладает рядом особенностей:

- заключение эксперта представляет собой результат использования специальных знаний;
- заключение эксперта – это новое знание, выведенное в результате производства исследования;
- заключение эксперта предоставляет процессуальное лицо, чье положение строго регламентировано (ст. 57 УПК РФ) – судебный эксперт;
- заключение эксперта, как процессуальный документ, должно соответствовать требованиям к форме и содержанию (ст. 204 УПК РФ);
- заключение эксперта – результат производства судебной экспертизы [3, стр. 28-30].

Ключевым признаком является необходимость применения для получения доказательственной информации специальных знаний. Так как их понятие отсутствует в нормативно-правовых актах, раскрытию сущности и содержанию специальных знаний было посвящено большое количество исследований различных авторов. В большинстве случаев позиции ученых сводились к тому, что эти знания должны иметь локальный характер, то есть их обладателями является узкий круг лиц [4, стр. 9], [5, стр. 115], [6, стр. 91].

Проанализировав различные подходы, представляется наиболее целесообразным определить специальные знания как систему сведений, умений, на-

выков и опыта, полученных лицами в результате профессионального образования, профессиональной деятельности и саморазвития, применяемых в целях оказания содействия сотрудникам органа дознания, следователю, дознавателю, прокурору, судье и другим участникам уголовного процесса в установлении обстоятельств совершенного преступления по уголовному делу путем предоставлению информации по вопросам, выходящим за рамки общедоступного понимания [7, стр. 150].

Как справедливо отметил А.Р. Белкин, целью экспертного исследования является: «извлечение и перекодировка в доступную для субъекта доказывания и участников процесса доказательственной информации, создание новых доказательств» [8, стр. 208]. Производство судебной экспертизы призвано извлечь и преобразовать доказательственную информацию из отражений преступной деятельности в тех случаях, когда субъект расследования не обладает достаточными для этого знаниями и не может ее осмыслить без придания ей общепонятной формы. Это извлечение и преобразование сопровождается не только применением специальных знаний, но и владением методикой ее извлечения и инструментарием [9, стр. 97].

Данный процесс осуществляется экспертом опосредованно, поскольку он получает объект исследования и необходимую для этого информацию о совершенном деянии от инициатора производства экспертизы. В связи с этим, экспертиза представляет из себя единство двух взаимосвязанных процессов. Первый – это деятельность субъекта расследования по расшифровке выявленного им отображения преступной деятельности в виде назначения и получения заключения эксперта, а также определения его значения для доказывания. Второй – это деятельность судебного эксперта по раскрытию содержания этого отображения и придания ему общедоступного понимания в виде производства исследования и дачи заключения. Несмотря на тесную взаимосвязь этих процессов и закономерное взаимодействие субъекта расследования с экспертом, важным гарантом объективности полученного экспертного вывода является то, что эксперт независим и любое вмешательство со стороны любых участников уголовного судопроизводства в его деятельность, в целях влияния на его выводы, недопустимо (ст. 7 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Заключение эксперта связано с ситуацией, когда субъект расследования обнаруживает отражение преступной деятельности, из которого самостоятельно не способен извлечь информацию о совершенном преступлении или не способен ее осознать. Так, следователь априори должен обладать основными навыками криминалистической подготовки. Обнаруживая совместно со специалистом на месте происшествия след обуви, изымая его и проводя предварительное исследование, следователь может решить вопрос о его пригодности

для использования в процессе доказывания. В дальнейшем, при установлении подозреваемого лица и изъятии у него обуви, появляется необходимость решения идентификационной задачи. Встает вопрос – может ли следователь самостоятельно процессуально и мотивированно оформить данный вывод? В.В. Бычков на данный вопрос отвечает утвердительно, полагая, что субъект расследования в некоторых случаях должен самостоятельно делать вывод об относимости предмета к преступлению [10, стр. 163]. Как представляется, единственный способ для этого – провести сравнительный анализ отобразившегося в следе рисунка протектора обуви и рисунка протектора обуви, изъятый у подозреваемого в ходе проведения их следственного осмотра. Из этого встает следующий вопрос – можно ли доверять в данном случае выводам следователя и как проверить их объективность? С одной стороны, проводя исследование, следователь самостоятельно осуществляет деятельность, содержание и цели которой, по сути, не отличаются от производства любого иного следственного действия, а именно получения вывода из обнаруженного отражения преступной деятельности. Единственное что необходимо проверить – наличие у него соответствующей криминалистической подготовки. Хотя мы и отмечаем, что следователь обязан обладать основными навыками работы со следами преступления, этот уровень навыков должен обеспечивать, в первую очередь, возможность оценки им действий специалистов и экспертов, а не самостоятельность производства исследований. В некоторых случаях можно допустить, что если обнаруженный след явно не обладает идентификационными свойствами, то в целях экономии процессуальных сроков следователь может сделать данный вывод самостоятельно. Если же ситуация более сложная и нужен подробный анализ при производстве исследования с использованием различных криминалистических методик, то в данном случае необходимо обращаться за помощью компетентного лица – эксперта.

Эксперт, проводя исследование и извлекая из представленного ему объекта доказательственную информацию, становится ее носителем. Но при этом он не становится субъектом пассивного отражения, поскольку он получает информацию в результате производства определенных действий, то есть до этого момента она не существует. Ее появление – результат целенаправленного исследования [11, стр. 70]. Особенностью данного преобразования доказательственной информации является то, что эксперт не осознает ее значимость для доказывания, поскольку не владеет всей картиной обстоятельств совершенного преступления, а только лишь ее небольшим фрагментом. Это связано с тем, что задачей эксперта не является оценка его выводов и решение связанных с ним вопросов доказательственного характера. Эксперт излагает только «сухие» факты по поставленным перед ним вопросам.

Говоря о вопросе недопустимости решения экспертом юридических вопро-

сов, связанных с оценкой доказательств, необходимо отметить, что некоторыми авторами высказывались мнения о том, что когда эксперт при производстве судебной экспертизы проводит исследование не только предоставленных ему объектов, но и материалов уголовного дела, он вмешивается в процессуальную деятельность субъекта расследования, занимаясь в этот момент оценкой доказательств. Данную позицию, к примеру, разделял М.С. Строгович [12, стр. 441]. Данная позиция в настоящий момент представляется несостоятельной, поскольку получили распространение экспертизы, где исследованию необходимо подвергать именно материалы уголовного дела, в первую очередь это касается ситуационных экспертиз. Так, например, при производстве ситуационной медицинской экспертизы, определяющей возможность причинения потерпевшему лицу повреждений при определенных обстоятельствах, эксперт, помимо медицинской документации, изучает и показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого (обвиняемого). Решить данную задачу, основываясь исключительно только на характере причиненных ему повреждений, невозможно. При этом, эксперт оценивает показания лиц не с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ), а соответствия (или не соответствия) установленным по делу обстоятельствам (в данном случае степени вреда здоровью и характере повреждений), и излагает свою позицию в заключении. Непосредственно в вопрос оценки доказательств он не вторгается, поскольку и не имеет такой возможности, так как исследованию подвергаются лишь предоставленные следователем документы. Итоговое решение о соответствии заключения эксперта требованиям УПК РФ принимает субъект расследования.

Из этого вытекает одна из серьезнейших проблем, с которой сталкиваются участники уголовного судопроизводства – оценка заключения эксперта. Проблема критичного отношения к выводам эксперта, выражающаяся в отсутствии у участников уголовного процесса необходимых специальных знаний в области исследования, по мнению Л.Е. Владимирова, приводила к тому, что судье приходилось следовать за экспертом, как «слепому за поводырем» [13, стр. 197]. Проверка соответствия процедуры назначения экспертизы и ее производства нормам процессуального закона, а также соотношение выводов эксперта с другими, имеющимися по делу доказательствами, не вызывает сложностей. Однако, по справедливому утверждению Р.С. Белкина, только лишь оценка заключения эксперта с указанных позиций не может являться гарантией его достоверности [14, стр. 62]. Ее показателем является убежденность в достоверности хода проведенного исследования, правильности выбора методики и логичности полученных выводов, что осложняется отсутствием у участников уголовного судопроизводства специальных знаний. Для устранения данного препятствия, по справедливому мнению Т.В. Аверьяновой, эксперт при со-

ставлении заключения, описывая производство исследования и формулируя выводы, должен придерживаться общедоступного литературного языка, делать акцент на выявленных в ходе изучения объекта исследования свойствах и признаках, детально и обоснованно описывая их, при этом применяя при исследовании проверенные методики [15, стр. 470].

Следующая проблема оценки заключения эксперта, как доказательства по уголовному делу, во многом состоит в том, что непосредственно проведение экспертного исследования регламентируется не нормами УПК РФ, а преимущественно ведомственными нормативно-правовыми актами. В связи с этим некоторыми учеными высказывалась точка зрения, что судебная экспертиза не является процессуальным действием, поскольку непосредственные вопросы ее производства не регламентируются уголовно-процессуальным законодательством [16, стр. 10]. В.А. Лазарева, придерживаясь данной позиции, отмечала, что процессуальными действиями можно считать назначение судебной экспертизы, а также ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и ее заключением заинтересованных лиц, но не саму судебную экспертизу [17, стр. 280]. Данные позиции представляются не обоснованными, поскольку УПК РФ содержит самостоятельную главу (гл. 27 УПК РФ), посвященную производству судебной экспертизы, тем самым законодатель закрепил статус судебной экспертизы как процессуального действия. Несомненно, наибольшее число положений УПК РФ посвящено назначению экспертизы и ознакомлению с ней, но в данном случае необходимо согласиться с П.В. Козловским, который полагал, что это должно обеспечить объективность проведенного исследования, реализацию принципа состязательности, что в свою очередь должно обеспечить достоверность проведенного исследования [18, стр. 109].

При рассмотрении заключения эксперта как доказательства, актуальным является вопрос использования вероятностного вывода эксперта для доказывания. Традиционно, противники вероятностных выводов ссылаются на положения ч. 4 ст. 302 УПК РФ, закрепляющее, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Однако в данной статье говорится о том, что виновность лица должна подтверждаться совокупностью доказательств. Сложно представить, что если по уголовному делу будет единственным доказательством, подтверждающим позицию обвинения, – категоричный вывод эксперта, то по данному уголовному делу будет вынесен обвинительный приговор. Или же, если по уголовному делу будет иметься вероятностный вывод эксперта, подтверждающийся иными доказательствами по делу, будет вынесен оправдательный приговор. Любое доказательство должно рассматриваться исключительно в системе доказательств. Представляется противоречащим требованию ст. 17 УПК РФ позиция ученых, которые говорят о «преимущественной» доказательственной силе категоричных выводов эксперта. Вероятностный вывод

эксперта не говорит об установлении конкретного факта по уголовному делу, но и не опровергает его. Он предоставляет субъекту расследования своеобразный «импульс», который в дальнейшем направит его расследование для проверки сведений, отраженных в исследовании. Об этом же говорили и авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе», пришедшие к выводу, что вероятностный вывод не должен отрицаться, в связи с тем, что он находится не изолировано от других средств доказывания, и должен устанавливаться иными доказательствами [19, стр. 714]. Здесь в очередной раз подчеркивается равновесие доказательств и необходимости их оценки лишь в совокупности. Развивая данную идею, можно согласиться с А.Ф. Лубиным, отметившим, что: «любой вывод судебного эксперта – это вероятное знание, требование абсолютной достоверности к нему не применимо. Любой такой вывод, как и любое доказательство, имеет нулевое доказательственное значение вне доказательственной системы» [20, стр. 140].

Таким образом, любое заключение эксперта может выступать в качестве доказательства. Но для того, чтобы оно могло быть должным образом познано всеми участниками уголовного судопроизводства, необходимо осуществить его правильное представление в суде. Под представлением доказательств традиционно понимается процесс передачи информации о каких-либо обстоятельствах, подлежащих выяснению. Важное требование к данной процедуре – уполномоченный на это субъект. Ввести в дело доказательственную информацию, облеченную в форму доказательства, может только субъект доказывания, осуществляющий соби́рание доказательств (следователь, дознаватель, суд) [21, стр. 80]. Поэтому данный этап доказывания целесообразно разделить на две стадии: предварительное расследование и судебное разбирательство. На стадии предварительного расследования инициатива появления доказательственной информации через призму производства экспертного исследования принадлежит следователю или дознавателю. После получения заключения эксперта задача субъекта расследования состоит в его оценке и соотнесении с другими имеющимися по уголовному делу доказательствами в целях решения вопроса о возможности его использования для подтверждения выдвинутой версии. В ходе судебного разбирательства вопрос о появлении в деле заключения эксперта принимает судья. После его получения суд осуществляет исследование заключения эксперта, которое, по мнению М.К. Треушникова, состоит в извлечении из него фактов судом и доведения их до других участников уголовного процесса [22, стр. 205]. В соответствии с ч. 1 ст. 240 УПК РФ, данная процедура проходит путем оглашения в суде заключения эксперта и его исследования в совокупности с другими доказательствами по делу. В случаях проведения экспертного исследования в суде могут быть получены два типа выводов:

- подтверждающие позицию обвинения;

- противоречащие содержанию обвинения и иным доказательствам по делу.

Во втором случае, если заключение эксперта содержит положения, противоречащие иным доказательствам по уголовному делу, или сведения, изложенные в нем, сложны для понимания участниками судебного заседания, целесообразно провести в суде допрос эксперта с целью получения разъяснения по вопросам исследования.

Важной особенностью представления заключения эксперта в суде считается необходимость его доведения до участников процесса в совокупности с другими доказательствами, подтверждающими сведения, отраженные в исследовании. При этом традиционной считается последовательность демонстрации доказательств в порядке подтверждения ими обстоятельств, закрепленных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Подводя итоги исследования, отметим, что заключение эксперта как доказательство имеет важную особенность – необходимость применения специальных знаний для получения доказательственной информации из отображений преступной деятельности. Данное преобразование производится экспертом опосредованно, на основании тех материалов, которые ему были предоставлены инициатором назначения экспертизы. В связи с тем, что эксперт не вправе заниматься оценкой доказательств, установленные им обстоятельства выступают для субъекта расследования как сведения об этих обстоятельствах, которые последнему необходимо познать, оценить и решить вопрос о помещении их в систему доказательств по делу. Важным условием, обеспечивающим принцип свободы оценки доказательств является то, что заключение эксперта не имеет никакого приоритета над иными доказательствами по делу, категоричные и вероятностные выводы равнозначны и должны рассматриваться исключительно в системе доказательств. Тем самым ключевым вопросом становится представление заключения эксперта в ходе судебного разбирательства, в результате которого суд и иные участники уголовного процесса должны удостовериться в его объективности и обоснованности полученных выводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спасович В.Д. Сочинения / В.Д. Спасович. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1913. 544 с.
2. Гросс Г. Руководство судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛэксЭст, 2002.
3. Петрухина А.Н. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 226 с.
4. Денисов А.Э. Специалист, как участник уголовного судопроизводства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.
5. Смолин А.В., Зайцев А.А. Взаимодействие следователя и специалиста при

- производстве обыска // Особенности производства предварительного расследования на современном этапе развития уголовного процесса России: сборник статей. Уфа, 2019. С.113-118.
6. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М.: Юрид. лит., 1967. 152 с.
 7. Смолин А.В. Специальные знания, используемые при раскрытии и расследовании незаконного получения кредита // Расследование экономических и иных преступлений: проблемы криминалистики, уголовного права и уголовного процесса: сборник статей. Казань: Бук, 2019. С. 148-152.
 8. Белкин А.Р. Теория доказывания. Монография. М.: Норма, 1999. 429 с.
 9. Рамазанов Т.Б. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник ДГУ, 2012. № 4. С. 96-101.
 10. Бычков В.В. Некоторые аспекты назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 157-164.
 11. Петрухина А.Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 185 с.
 12. Строгович М.С. Курс Советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1.
 13. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части общая и особенная. 3-е изд., изм. и законч. СПб., 1910.
 14. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. 295 с.
 15. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2009. 480 с.
 16. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание. И.: ИПКРФЦСЭ, 2005. 264 с.
 17. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. 344 с.
 18. Козловский П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 200 с.
 19. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Белкин Р.С., Винберг А.И., Дорохов В.Я., Карнеева Л.М. и др.; под ред. Жогина Н.В. М.: Юридическая литература, 1979. 736 с.
 20. Лубин А.Ф. О допустимости вероятностных выводов экспертного заключения в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2019. № 3 (47). С.138-142.

21. Пономаренков В.А. Проблемы представления доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 186 с.
22. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2004. 272 с.

The criminal procedural form of converting information into an expert opinion and the tactics of presenting its findings in criminal proceedings

A. V. Smolin

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Internal Affairs of Russia (Russia,
Nizhny Novgorod)
avsmolin1@gmail.com*

Dynamically developing processes of technology integration in all spheres of society, inevitably affect criminal activity. With the development of its qualitative component, the subjects of investigation to establish the circumstances of the crime require not only an understanding of the legal component of criminal proceedings, but also knowledge in other areas of science, technology or craft. Understanding that the court, the subjects of evidence and other participants in criminal proceedings cannot independently recognize some reflections of criminal activity, the legislator gave the subject of the investigation the opportunity to resort to the help of persons with special knowledge in the investigation process. The most common form of their application is the production of forensics. This article considers the issues of her birth as evidence in a criminal case, and reveals the features of the presentation of her results in court.

Keywords: forensic examination, special knowledge, evidence, proof, presentation of evidence.

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «СУДЕБНАЯ АВТОРОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

Т.П. Соколова

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
(МГЮА) (Россия, Москва)
tsokolova58@mail.ru*

Интеграция электронного курса «Судебная автороведческая экспертиза» в цифровую образовательную среду Университета имени О.Е. Кутафина и использование электронных модулей в рамках смешанного обучения позволяет осуществить компетентностный и личностно ориентированный подход к обучению и повысить качество подготовки специалистов в области речеведческих экспертиз. Особое внимание в статье уделено компетентностно-ориентированному тестированию. Показаны возможности платформы Moodle для анализа и оценки результатов тестирования, рецензирования тестовых заданий и их коррекции, а также для анализа эффективности тестового метода контроля качества обучения.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, судебная автороведческая экспертиза, компетентностно-ориентированное тестирование.

Необходимость применения в преподавании современных технологий,

то есть технологий, основанных на микроэлектронике и управляемых с помощью компьютера, обусловлена процессами цифровизации во всех сферах деятельности общества. Цифровые технологии интегрируются в педагогические, появилась новая научная отрасль – цифровая дидактика, цель которой оптимизировать учебный процесс в условиях цифровизации, активировать новые возможности и нивелировать риски [1]. В высшем профессиональном образовании необходимо создать модели организации обучения студентов по индивидуальным образовательным маршрутам в цифровой среде, разработать адаптивные модели обучения, создать сетевую модель образовательного процесса на основе распределенно-командной технологии обучения, изменить роль преподавателя, освободив его от рутинных операций и открыв новые возможности в формировании креативных способностей обучающихся в условиях непрерывной диагностики образовательных результатов [2]. Преподаватель становится не только организатором и мотиватором учения, но и разработчиком образовательных траекторий (групповых и индивидуальных), аналитиком и корректором цифрового следа каждого обучающегося.

**ЭЛЕКТРОННЫЙ КУРС «СУДЕБНАЯ АВТОРОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА»
В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА**

Модель цифровой образовательной среды получает все большее распространение в образовательных организациях в рамках реализации Федерального проекта «Цифровая образовательная среда». Специфика юридического университета состоит в постоянной модификации образовательной деятельности в соответствии с запросами работодателей Российской Федерации в сфере юриспруденции, в частности Палаты судебных экспертов, и активное использование цифровой образовательной среды – это важный фактор не только повышения качества экспертного образования, но и повышения конкурентоспособности российского юридического образования.

Цифровая образовательная среда Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) сформирована на кросс-платформе Moodle – модульной объектно-ориентированной динамической обучающей среды, в структуре которой активно развивается и совершенствуется система дистанционного обучения, включающая, в соответствии с задачами профессионального образования экспертов по специализации № 5 «Речеведческие экспертизы», электронные курсы базовых и дисциплин специализации. Разработанный электронный курс «Судебная автороведческая экспертиза» [3] интегрирован в цифровую образовательную среду университета, постоянно обновляется и совершенствуется.

В связи с тем, что образовательный стандарт по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» не позволяет использовать исключительно дистанционные

образовательные технологии, разработанный учебно-методический комплекс «Судебная автороведческая экспертиза» реализует образовательную модель смешанного обучения (blended learning) на методологической основе компетентностного, лично ориентированного и практико-ориентированного подхода к профессиональному образованию. «Судебная автороведческая экспертиза» – это учебная дисциплина, объем которой 7 зачетных единиц, 252 часа, в том числе на самостоятельную работу обучающихся отведено 96 часов [4], что позволило не просто подключить к традиционному очному формату занятий отдельные электронные ресурсы, как это было сделано нами ранее [5; 6], а существенно переработать содержательное и методическое наполнение дисциплины, создав новый электронный образовательный продукт. Результаты мониторинга освоения дисциплины показали, что модульная структура, понятный и удобный интерфейс, возможность визуального редактирования текстов с форматированием и изображением (в том числе в режиме синхронной онлайн связи с преподавателем), а также технологии визуализации учебной информации активизируют восприятие материала, повышают мотивацию обращения к цифровым ресурсам (кросс-платформенная модель СДО позволяет не только оперативно и легко получить методическую информацию, но и перейти на сайт конкретного источника, обратиться к тексту конкретного документа), дают возможность повысить качество составляемых обучающимися экспертных заключений.

Рамки данной статьи не позволяют осветить весь арсенал новых технологий цифровой образовательной среды, в которой средством оценки сформированности компетенций становятся деловая игра, решение кейс-заданий, проекты и презентации, учебные экспертные заключения и пр. Остановимся на компетентностно-ориентированном тестировании как одном из важных оценочных средств.

КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ

Тесты по дисциплине «Судебная автороведческая экспертиза» разработаны преподавателями кафедры судебных экспертиз МГЮА в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (далее – ФГОС ВО) по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета), Приказа Минобрнауки России от 05.04.2017 № 301 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры», Положения об организации образовательного процесса в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Цифровая образовательная среда открывает возможности анализа и оценки результатов тестирования, рецензирования тестовых заданий и их коррекции.

Апробация тестов проходит на большой выборке, что позволяет исследовать их надежность и валидность. Если ранее анализировать и интерпретировать результаты тестирования, проверять его эффективность и качество мог только специалист, владеющей определенным научно-методическим инструментарием (умеющий измерять показатель дельта Фергюсона, показатель крайних групп, коэффициент внутренней согласованности и др.) [7; 8], то на современном этапе развития цифровых технологий эти функции заложены в структуре цифровой образовательной среды и доступны преподавателю речеведческих дисциплин.

После тестовых испытаний программа кросс-платформы Moodle автоматически рассчитывает статистику и в наглядной форме (таблицы, гистограммы, маркированный список и пр.) предоставляет преподавателю возможность проанализировать результаты и степень сформированности определенных компетенций. Так, для оцениваемых заданий выявляются такие задания, трудность которых близка к 1 или к 0, чтобы впоследствии исключить подобные вопросы. Например, из пула заданий компетенции ОПК-1 (способность применять в своей профессиональной деятельности познания в области материального и процессуального права) на основе результатов автоматического мониторинга были исключены следующие вопросы:

1) Судебный эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями, назначенное судом в порядке, установленном процессуальным законодательством для

- a) исследования речевых продуктов.
- b) производства экспертизы.
- c) производства судебной экспертизы и дачи заключения.
- d) сбора образцов для экспертизы и дачи заключения.

Статистика по позиции вопроса показала, что его «индекс легкости» составляет 90% (0,9).

2) Судебная автороведческая экспертиза может дополнять исследование почерка, а также может иметь самостоятельное значение (выберите один или несколько ответов):

- a. в случаях исполнения рукописи на печатающих устройствах.
- b. когда автор и исполнитель рукописи являются разными лицами и требуется установить личность автора текста.
- c. в случае подделки подписи.
- d. когда исполнитель не известен.

Статистика по позиции вопроса показала, что его «индекс легкости» составляет 13% (0,13).

После анализа предоставленных программой данных преподавателем в тесте были оставлены задания с уровнем трудности от 50 до 70%, так как именно

такие вопросы максимизируют дисперсию по тесту.

Раздел аналитики цифровой системы «Статистика по позиции вопроса» выводит на экран и график «Эффективности дискриминации», то есть различительной способности задания, что позволяет отличать испытуемых с высокими итоговыми баллами от испытуемых с низкими итоговыми баллами. Следует учитывать, что вопросы с дискриминативностью, близкой к нулю, не позволяют различать испытуемых с высокими и низкими баллами по тесту в целом, а с отрицательной дискриминативностью работают против теста как целого. Например, второй из вышеприведенных вопросов имеет низкий индекс дискриминации – 1,16, что ещё раз подтверждает необходимость исключения его из теста по указанной компетенции.

Следующий этап анализа результатов тестирования – анализ работы дистракторов (неправильных ответов в тестовых заданиях с множественным выбором): если процент выбора одного или нескольких дистракторов низкий или близкий к нулю, значит, они не работают, и такие дистракторы необходимо заменить или переформулировать. Например, в тестовом задании (по компетенции ПСК-5.2 – способность при участии в процессуальных и непроцессуальных действиях применять методы и средства речеведческих экспертиз в целях обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования объектов – речевых произведений – для установления фактических данных (обстоятельств дела) в гражданском, административном, уголовном судопроизводстве, производстве по делам об административных правонарушениях):

Частные признаки навыков дискурсивного мышления отображают различные свойства последних, которые проявляются в использовании определенных когнитивных элементов, структур и форм связи между ними, в логических нарушениях изложения (выберите два ответа):

- a) количество и характер исправлений орфографических ошибок
- b) количество и характер исправлений (смыслового характера)
- c) использование того или иного вида эмотем
- d) использование того или иного вида силлогизма –

дистрактор a) не выбрал ни один из испытуемых, следовательно, он не работает и требует замены.

Ещё раз подчеркнем, что цифровая образовательная среда позволяет вывести на экран детальный анализ ответов на каждое задание теста, но роль преподавателя-аналитика и корректора остается важнейшей в организации образовательного процесса и его оптимизации.

Составление тестов для проверки сформированности профессиональных специализированных компетенций вызывает наибольшую сложность. Анализ результатов тестирования по ПСК-5.1 (способность в профессиональной деятельности применять методики экспертиз и исследований речи, зафиксиро-

ванной на любом материальном носителе в любой форме (рукописной, машинописной, электронной, звучащей) показал, что наибольшую сложность для испытуемых представляют задания, связанные с исследованием конкретных речевых произведений, например:

«Типа, как тьма, пришедшая со средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Какая-то мозговая морь одолела Украину, как сибирская язва. Вернее, как умственный сифилис. Ее деятели культуры вдрг решили обратиться к нам с горячим посланием «Не надо воевать!». А мы, собственно, и не воюем. Мы двадцать лет наблюдаем за вами, сначала с недоумением, потом с недоверием своим глазам. Вы второй раз за последние десять лет устраиваете у себя перевороты, прогоняете своих старых жуликов и весело, с чувством, с толком, с расстановкой и криками «Осторожно, Юрик!» приводите к власти жуликов новых. А в промежутках между переворотами вы проводите их законные выборы, - надо полагать, разнообразия ради. Ну ладно, мы живем в свободном мире и каждый народ имеет право на хобби, каким бы экзотическим оно не казалось его соседям...»

На основе вышеприведенного текста сформулирован ряд тестовых заданий, проверяющих умение применять методику лингвистического анализа контента. Чтобы найти в вышеприведенном тексте частные признаки лексико-фразеологических навыков автора или частные признаки грамматических навыков автора, испытуемому требуется затратить больше времени, чем для ответа на краткий тестовый вопрос. Индекс сложности такого задания высокий, поэтому значительная часть обучающихся предпочитает его пропустить или выбрать случайные ответы, чтобы не выйти за временные рамки тестирования. Чтобы преодолеть эту проблему, преподавателю необходимо включить подобные задания не сразу в проверочные тесты, а сначала в тренировочные, после освоения определенной темы, а также увеличить время, отводимое на выполнение теста, и существенно повысить «балльный вес» ответа на такое задание, чтобы стимулировать обучающихся.

На современном этапе развития цифровой образовательной среды Университета имени О.Е. Кутафина (из-за отсутствия технологии прокторинга) для обеспечения достоверности результатов тестирования проводится в очном режиме в рамках смешанного обучения. Анализ эффективности тестового метода контроля качества обучения позволил выявить следующие показатели: высокий уровень сформированности общепрофессиональных и специализированных профессиональных компетенций, обеспечение оптимальной траектории взаимодействия обучающегося с информационной системой в соответствии с уровнем его подготовленности, текущими образовательными целями и задачами, что позволяет осуществить личносно ориентированный подход к обучению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинов В.И. Цифровая дидактика профессионального образования. URL: file:///E:/конференции%202020/cifrovaya_didaktica_blinov.pdf (дата обращения: 10.02.2020).
2. Соколова Т.П., Гордиенко О.В., Попова М.Т. Информационно-образовательная среда университета в развитии креативных способностей студентов // В сб. Образовательное пространство в информационную эпоху – 2019 / Под ред. С.В. Ивановой. М.: Институт стратегии образования Российской академии образования, 2019. С. 646–660.
3. Sokolova T. E-Learning Course «Forensic Authorship Examination» in the Law University Educational Environment // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. P. 723–732. URL: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.09.02.85>.
4. Галяшина Е.И., Соколова Т.П. Судебная автороведческая экспертиза: рабочая программа. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2019. 44 с.
5. Remchukova E., Sokolova T. Formation of New Linguistic Competences in Educational Space: Naming Examination // 2016 International Conference “Education Environment for the Information Age” (EEIA-2016). Moscow, Russia, June 6-7, 2016. S.V. Ivanova and E.V. Nikulchev (Eds.). SHS Web Conf. Volume 29, 2016. doi.org/10.1051/shsconf/20162901057.
6. Remchukova E., Sokolova T., Zamaletdinova L. Creative Naming in the Aspect of Teaching in the Informational Era // 2017 International Conference “Education Environment for the Information Age” (EEIA-2017), Moscow, Russia, June 7-8, 2017. P. 502-511. doi:dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.59.
7. Векслер В.А. Сандартизация и интерпретация результатов тестирования // Педагогические науки. № 40-2, 26.01.2016. URL:<https://novainfo.ru/article/4246> (дата обращения: 10.02.2020).
8. Буланова И.Н. Особенности тестирования как средства контроля и оценивания учебных достижений студентов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки, 2016. № 4 (32). С. 5-12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-testirovaniya-kak-sredstva-kontrolya-i-otsenivaniya-uchebnyh-dostizheniy-studentov> (дата обращения: 10.02.2020).

Application of modern technologies in the teaching of the discipline «Forensic Authorship Examination»

T.P. Sokolova

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)
sokolova58@mail.ru*

The integration of the e-learning course «Forensic Authorship Examination» into the digital educational environment of the Kutafin Moscow State Law University and the use of electronic modules in the framework of blended learning allows for a competency-based and personality-oriented approach to learning and improve the quality of the training of specialists in the field of speech research. Special attention is paid to competence-based testing. The possibilities of the Moodle platform for analyzing and evaluating test results, reviewing test tasks and correcting them, as well as analyzing the effectiveness of the test method for monitoring the quality of training are shown.

Keywords: digital educational environment, forensic authorship examination, competence-based testing.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ СВЕТЛЫХ НЕФТЕПРОДУКТОВ

О.Д. Соловьев

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
solod-nn@rambler.ru*

Одним из проблемных моментов, возникающих при выявлении и раскрытии преступлений экономической направленности в сфере ТЭК, является вопрос, касающийся особенностей использования специальных знаний в сфере оборота нефтепродуктов при выявлении незаконного оборота, фальсифицированного и контрафактного топлива, при назначении и подготовке соответствующих экспертных исследований и экспертиз.

Ключевые слова: нефтепродукты, требования к качеству, документы, подтверждающие легальность оборота, специальные знания, выявление несоответствий, подготовка объектов для экспертизы.

Одним из приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности является деятельность по выявлению и раскрытию преступлений в сфере топливо-энергетического комплекса, в том числе преступлений, связанных как с незаконным производством, так и с распространением некачественных, фальсифицированных и контрафактных топлива и горюче-смазочных материалов.

Технология переработки нефти подразумевает очистку и получение различных видов нефтепродуктов, среди которых наиболее распространены следующие: бензин, дизельное топливо, керосин, горюче-смазочные материалы и др.

Существует множество классификаций углеводородов, учитывающих различные признаки, но чаще всего применяется деление продукции нефтехимических предприятий на светлые и темные нефтепродукты.

К темным нефтепродуктам относятся все типы дистиллятных масел и мазатов, гудрон, битум, топливо для газовых турбин, - эти продукты являются «тёмными», так как они непрозрачны ввиду присутствия в их составе тяжёлых компонентов нефтепереработки, которые и придают соответствующий цвет.

Также к категории тёмных нефтепродуктов принято относить: битумы (смесь углеводородов из нефтепродуктов – материал, используемый в строительстве, при проведении кровельных работ, для создания гидроизоляционных систем); гудроны (остаток от отгонки всех фракций нефти посредством определенного давления - используется в получении моторного топлива, смазок, битума); вакуумный газойль, используемый впоследствии в качестве компонента дизтоплива либо в качестве сырья для крекинга; моторное топливо, которое применяется в работе транспорта и газо-турбинных аппаратов.

Светлые нефтепродукты отличаются от темных отсутствием в их составе тяжёлых фракций, именно это придает им прозрачность. К категории светлых нефтепродуктов относятся такие продукты нефтепереработки, как бензин, керосин, дизтопливо. При этом содержание примесей в итоговом продукте зависит от качества переработки сырья, а также от глубины переработки.

Бензин – это горючая углеводородная смесь, получаемая путём переработки нефти, используется в двигателях внутреннего сгорания, воспламенение в которых происходит от искры. В зависимости от сфер применения бензины делятся на автомобильные и авиационные виды, которые должны по своим качественным параметрам и показателям безопасности соответствовать требованиям технических регламентов и стандартов.

Керосин является также продуктом переработки нефти и представляет собой прозрачную жидкость с оттенком желтизны, используется как топливо, для реактивных двигателей, в качестве растворителей, а также в некоторых промышленных технологиях.

Дизельное топливо - продукт нефтепереработки, применяемый в качестве топлива для обеспечения работы газодизельных установок и дизельных двигателей с воспламенением от сжатия. Получается посредством прямой перегонки керосиногазойлевых фракций, дизтопливо должно обладать определенными характеристиками, предусмотренными нормативными документами в сфере ТЭК.

В настоящее время требования к топливу установлены техническим регламентом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) ТР ТС 013/2011 [1] - они обязательны для применения к выпускаемому в обращение топливу на единой таможенной территории ЕАЭС.

В целях выявления противоправной деятельности в сфере обращения топлива на рынке стран ЕАЭС на некоторые важные моменты хотелось бы обратить особое внимание.

Так, пункт 4.13. ТР ТС 013/2011 определяет, что каждая партия топлива, т.е. определенное количество топлива одной марки, сопровождаемое одним документом о качестве (паспортом), находящегося в обращении, должна иметь документ, подтверждающий качество (паспорт качества). В этом документе должны быть отражены следующие данные:

- наименование и марка топлива;
- наименование изготовителя (импортера, продавца), их местонахождение;
- обозначение нормативного документа, определяющего требования к топливу конкретного вида (марки) (при его наличии, например, отдельные виды межгосударственных и национальных стандартов) [2];
- нормативные значения параметров топлива и фактически полученные по результатам испытаний данные, которые должны подтверждать соответствие конкретного топлива требованиям ТР ТС 013/2011;
- дату выдачи паспорта и его номер;
- подпись лица, которое оформляло данный паспорт;
- данные о декларации соответствия на топливо;
- сведения о присутствии присадок в конкретном виде топлива.

Подтверждение соответствия топлива требованиям Технического регламента проводится в форме декларирования соответствия. Следует иметь в виду, что испытательная лаборатория, которая проводила необходимые работы по определению соответствия топлива, должна быть аккредитована и присутствовать в Едином реестре ЕАЭС, в котором учтены органы по сертификации и испытательные центры (лаборатории) ЕАЭС.

Декларация о соответствии также должна быть зарегистрирована в электронной базе данных Единого реестра, размещенного на официальном сайте Федеральной службы по аккредитации, причем срок действия декларации начинается с момента и даты ее регистрации.

В соответствии с требованиями ТР ТС 013/2011) обозначение топлива включает в себя группы знаков, находящихся в определенной последовательности через дефис:

1. Для автомобильного бензина:

- буквы АИ - обозначают «автомобильный бензин»;
- цифры, обозначающие октановое число (80, 92, 93, 95, 96, 98 и др.);
- символы К2, К3, К4, К5 - обозначают экологический класс;

2. Для дизельного топлива:

- буквы ДТ – обозначают «дизельное топливо»;
- буквы, обозначающие климатические особенности применения (Л - лет-

нее; З - зимнее; А - арктическое, Е - межсезонное);

- символы К2, К3, К4, К5 - обозначают экологический класс.

Также марка топлива может включать и торговую марку (товарный знак) производителя топлива. Более подробные требования ко всем видам топлива (автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту) детализированы в рассматриваемом Техническом регламенте ТР ТС 013/2011.

Физико-химические показатели качества, нормы и требования к топливу (по видам) устанавливаются в соответствующих стандартах [2].

Оборот продукции нефтепереработки на рынке зачастую сопряжен с различными нарушениями. Так, часто выявляются нарушения Техрегламента в части показателей качества (физико-химические нормы) топлива. В основном это несоответствия бензина и дизтоплива по таким показателям, как: содержание серы; температура вспышки; октановое число.

С момента введения в 2016 году акциза на средние дистилляты, которые объединили различные виды топлива, которые реализовывались на рынке под различными наименованиями и не подлежали акцизному обложению, либо слишком велика была разница в акцизах (печное бытовое, судовое маловязкое и др.) – эти экономические меры дали определенный эффект, а на период с 01.01.2020 года по 31.12.2022 года установлены следующие ставки акциза на бензин и нефтепродукты (см. таблицу):

Отдельные виды подакцизных нефтепродуктов	Налоговая ставка (в рублях за тонну)		
	с 01.01 по 31.12 2020 года	с 01.01 по 31.12 2021 года	с 01.01 по 31.12 2022 года
Автомобильный бензин:			
не соотв. 5 классу	13 100	13 624	14 169
соотв. 5 классу	12 752	13 262	13 793
Дизельное топливо	8 835	9 188	9 556
Авиационный керосин	2 800	2 800	2800

Тем не менее, в процессах оборота топлива на рынке остается множество проблем, связанных и с фальсификацией, в том числе на этапах хранения и перевозок, и с подделками сопроводительных документов.

Одним из распространенных нарушений является несоблюдение порядка обращения топлива – например, отсутствие или неправильное оформление паспорта топлива (его копии). То есть документа, который подтверждает качество топлива, что является нарушением требований Техрегламента (ст. 3 ТР ТС).

На многие вопросы, в том числе на соответствие топливной продукции требованиям Технического регламента, имеющим обязательную силу, может ответить исследование (экспертиза) продукции нефтепереработки.

Экспертиза – это всеобъемлющее, комплексное профессиональное исследование продукции нефтепереработки, при котором определяется его вид, марка, химический состав, содержание и количество разнообразных примесей, которые своим наличием и концентрацией существенно влияют на качество топлива.

Перечень показателей, которые может определить экспертиза, достаточно объемный, - например, внешний вид; цвет; содержание таких элементов, которые регламентированы нормами (аромаутлеводороды, водорастворимые кислоты, бензол, сера, цинк, свинец, марганец, смолы, различные соли и др.); вязкость топлива; кислотность; индексы вязкости и испаряемости; содержание механических примесей; октановое число; температуры застывания и помутнения и др.

По итогам лабораторных исследований могут быть выявлены следующие нарушения:

- несоответствие октанового числа (Данный показатель характеризует стойкость бензина к процессу воспламенению при сжатии: чем выше октановое число, тем большее давление возможно на топливо без риска возникновения детонации. Так, в стандарте на бензин, например, для бензина АИ-92 октановое число регламентировано - не менее 83 и 92 по моторному и исследовательскому методу соответственно);

- превышенная концентрация оксигенатов (кислородсодержащих соединений, применяющихся для увеличения ресурсов используемого топлива);

- повышенное содержание кислорода (Завышение норм кислорода приводит к усиленному окислению деталей. Так, по нормативу Техрегламента, доля кислорода не должна быть более 2,7% для бензинов экологических классов К3-К5);

- повышенное содержание серы (Этот компонент в повышенных дозах снижает срок службы топливных форсунок, негативно влияет на экологию. Так, в зависимости от экологического топливного класса, доля серы не должна превышать 500 мг/кг.);

- видоизменение фракционного состава топлива (Фракционный состав определяет степень испаряемости топлива при различных температурах, фракции должны быть в пределах установленных температур перегонки);

- превышение давления насыщенных паров (Давление определяет степень испаряемости бензина и его пусковые качества. Техрегламент устанавливает этот показатель для летнего и зимнего периодов, а также для межсезонья);

- отсутствие химической стабильности (Способность топлива сохранять неизменными свои свойства и показатели, а также противостоять разнообразным химическим процессам и реакциям в процессах транспортировки, хранения и реализации);

Могут не соответствовать нормативам, установленным Техрегламентом и стандартами, и другие показатели, например, такие, как присутствие в бензине тетраэтилсвинца, марганца, железа. Превышение норм по указанным элементам, а также несоответствие нормативным документам по объемному содержанию монометиланилина, олефиновых и ароматических и олефиновых углеводородов, бензола, - все это оказывает воздействие на экологию окружающей среды.

Для получения результатов по параметрам топлива необходимо проведение экспертных исследований и получение заключения экспертов. Для полного, точного и достоверного результата необходимо знание особенностей регламентации процессов, связанных с производством, перевозкой, хранением и реализацией нефтепродуктов, строгое соблюдение требований нормативных документов, регламентирующих процессы отбора и подготовки образцов (проб) топлива для проведения экспертиз.

Следует учитывать, что существуют единые требования к выполнению работ, связанных с обеспечением качества нефтепродукции при ее транспортировке, хранении, реализации в компаниях, реализующих технологические операции нефтепродуктообеспечения. Детально все эти процедуры описывает соответствующая Инструкция [3].

В части соблюдения процессуального порядка отбора проб и подготовки их для проведения экспертизы необходимо руководствоваться требованиями ГОСТ 2517-2012 [4], который устанавливает методы отбора проб нефтепродуктов из различных резервуаров, хранилищ, цистерн (ж\д и автомобильных), трубопроводов, бочек и других различных средств хранения и транспортирования нефтепродуктов.

Пробы всегда отбираются от партии продукции. Партия – это количество нефтепродукции, изготовленное по одной технологической документации, однородное по компонентам и качественным показателям, оформленное одним документом о качестве, которым является паспорт на продукцию.

Общий объем объединенной пробы определяется нормативно-техническими документами на конкретные виды топлива. Так, для бензина использовать необходимо ГОСТ технических условий 32513-2013, в котором указано, что пробы бензина отбираются по ГОСТ 2517, при этом объединенная проба в итоге должна составить не менее 2 дм³ (2 литра). Либо, в соответствии с вышеуказанной Инструкцией Минэнерго, минимальный объем, необходимый для проведения экспертного исследования, должен соответствовать количеству, прописанному в Приложении 13 к Инструкции (не менее 1,5 л). Расхождение норм ГОСТ и Инструкции и, соответственно, позиция судов будет пояснена ниже.

Необходимо обращать внимание на правильную выбор и подготовку тары

(посуды) и пробоотборников.

Используются как стационарные, так и переносные пробоотборники, которые позволяют совершить герметичный отбор проб, при этом обеспечивают сохранность качественных параметров пробы.

Отбор проб из резервуаров хранения должен обеспечить получение продукта из всех слоев резервуара – из верхнего, среднего и нижнего.

В случаях, когда резервуар хранения топлива не позволяет применить стандартный пробоотборник, т.е. если на резервуаре нет специального люка для отбора топлива, либо отсутствует специальный стационарный пробоотборник, - пробы нефтепродукта отбираются с уровня, на котором расположено заборное устройство.

При необходимости отбора пробы топлива из раздаточного устройства топливно-раздаточной колонки (ТРК), предварительно задается объем 2 л (оператором, обслуживающим колонку), а затем этот объем заливается в заранее подготовленную чистую емкость. В случае, если ТРК не находилась в активном использовании до процедуры отбора проб, то предварительно в мерник сливается двойной объем топлива, равный техническому объему соединительного трубопровода и рукава раздаточного крана топливной колонки, а уже только после этого производится отбор пробы в объеме 2 литра.

Если пробы нефтепродуктов необходимо отбирать из бочек, канистр, бидонов и иной транспортной тары, объединенная проба должна состояться из точечных проб, отобранных от каждой единицы тары, при этом количество тары определяется в соответствии с ГОСТ 2517-2012 и составляет соответственно:

- если в партии от 1 до 3 ед. тары – пробы отбираются с каждой единицы;
- в партии от 4 до 64 ед. тары – пробы отбираются от 4 единиц транспортной тары в партии;
- в партии от 65 до 125 ед. тары – пробы отбираются от 5 единиц транспортной тары в партии;
- в партии от 126 до 216 ед. тары – пробы отбираются от 6 единиц транспортной тары в партии и т.д., в соответствии с таблицей 2 пункта 4.14.1 стандарта.

Отобранные точечные пробы перемешивают, затем разливают в подготовленные (чистые и сухие) стеклянные бутылки вместимостью не более 1 литра. При этом бутылки необходимо заполнять по объему не более чем на 90% вместимости.

Полученная общая проба нефтепродукта делится на две части, - одна направляется в экспертное учреждение для проведения анализа, другая хранится опечатанной на случай возникновения каких-либо разногласий в полученных результатах анализа и оценки качества нефтепродукта.

Бутылки с пробями нефтепродукта должны быть герметично закупорены пробками (либо винтовыми крышками с прокладками, которые не подвергаются растворению в нефтепродукте). (Для мазеобразных нефтепродуктов используются стеклянные, жестяные или полиэтиленовые банки, твердые нефтепродукты упаковывают в целлофан, пленку, плотную бумагу или в ведро с бумажным пакетом).

Горловину укупоренной тары необходимо обернуть полиэтиленовой пленкой и завязать бечевкой, концы которой впоследствии необходимо продеть в отверстие этикетки, оформляемой на образец нефтепродукта. Концы бечевки необходимо опечатать или опломбировать.

Этикетку допускается приклеивать к таре, в которой находятся пробы нефтепродукта. Этикетка должна содержать следующие сведения: наименование или марка нефтепродукта; наименование предприятия-изготовителя (поставщика); номер партии, единицы транспортной тары, цистерны (номер резервуара хранения и высота налива); дата и время отбора пробы; обозначение нормативного документа (стандарта или технических условий) в случае идентификации нефтепродукта; должности и фамилии лиц, которые отобрали и опечатали пробу.

Отбор проб оформляется актом, который составляется в двух экземплярах, с указанием сведений о наименовании и поставщике продукции, месте проведенного отбора пробы, объеме и количестве отобранных проб, перечне физико-химических показателей, которые необходимо определить, также указывают - какой печатью пробы опечатаны и наименование экспертного учреждения, куда направляется на исследование проба.

Перечень вопросов, ставящихся на разрешение эксперту, может быть достаточно широк, в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Вопросы должны формулироваться конкретно, при необходимости уточняются у экспертов. Например:

- Является ли представленное на экспертное исследование вещество автомобильным бензином, если да, то к какой марке относится?
- Имеются ли в топливе посторонние примеси, если да, то какие?
- Является ли представленное на экспертизу вещество продукцией нефтепереработки? К какой группе относится, какова его марка, назначение и область применения?
- Содержатся ли в образце бензина, предоставленного на экспертизу, примеси других нефтепродуктов или иных жидкостей?

Отбор проб нефтепродуктов в соответствии с ГОСТ весьма сложен процедурно, однако основные моменты выше мы рассмотрели.

Сотрудникам правоохранительных органов необходимо учитывать следующий момент - в случае возможных протестов по поводу нарушения процес-

суального порядка отбора проб нефтепродуктов, надо принимать во внимание позицию судов по данным вопросам.

Так, например, решение суда [5] по поводу доводов ответчика о том, что пробы отобраны с нарушением ГОСТ 2517-2012 (с несоблюдением принципа трехуровневого отбора образцов) было следующим: претензии отклонены по причине того, что суд учитывает не только требования, прописанные в стандарте, но и требования Инструкции Минэнерго РФ № 231. Положения инструкции коррелируются с положениями ГОСТа, устанавливают порядок отбора проб, подготовку тары для проб, их укупорку, упаковку и документальное оформление всей этой процедуры. Судом доводы ответчика были отклонены, так как факт опломбирования тары с пробами подтвержден соответствующим актом, с указанием процедур упаковки и опечатывания в соответствии с требованиями нормативных документов, и соответствующим документальным оформлением процесса, при этом возражений от представителей ответчика относительно всех процессуальных процедур в ходе проверочных мероприятий не было, доказательств того, что метод отбора проб мог повлиять на результат экспертизы – также не поступало. Аналогичная правовая позиция также определена и в некоторых других судебных решениях (например, в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.01.2014 №15АП-21138/2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О принятии технического регламента Таможенного союза «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту» (вместе с «ТР ТС 013/2011. Технический регламент Таможенного союза. О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту» : решение Комиссии Таможенного союза от 18.10.2011 № 826 (ред. от 30.06.2017) // официальный сайт Евразийского экономического союза - <http://www.eaeunion.org> (дата обращения 23.01.2020).
2. ГОСТ 305-2013. Межгосударственный стандарт. Топливо дизельное. Технические условия. Diesel fuel. Specifications. : приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 22.11.2013 № 1871-ст). М.: Стандартинформ, 2014; ГОСТ 1012-2013. Межгосударственный стандарт. Бензины авиационные. Технические условия. Aviation petrols. Specifications : приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 22.11.2013 № 1861-ст). М.: Стандартинформ, 2014; ГОСТ 10585-2013. Межгосударственный стандарт. Топливо нефтяное. Мазут. Технические условия. Petroleum fuel. Mazut. Specifications : приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 22.11.2013 № 1868-ст) (ред.

- от 31.01.2017). М.: Стандартиформ, 2014; ГОСТ 32510-2013. Межгосударственный стандарт. Топлива судовые. Технические условия : приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 22.11.2013 № 1867-ст). М.: Стандартиформ, 2014; ГОСТ 32513-2013. Межгосударственный стандарт. Топлива моторные. Бензин неэтилированный. Технические условия. Automotive fuels. Unleaded petrol. Specifications. приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 22.11.2013 № 1864-ст). М.: Стандартиформ, 2014; и др.
3. Об утверждении Инструкции по контролю и обеспечению сохранения качества нефтепродуктов в организациях нефтепродуктообеспечения: Приказ Минэнерго РФ от 19 июня 2003 г. №231 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 41, 13.10.2003.
 4. ГОСТ 2517-2012. Межгосударственный стандарт. Нефть и нефтепродукты. Методы отбора проб. Petroleum and petroleum products. Methods of sampling. : приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 29.11.2012 № 1448-ст. (в ред. Изменения № 1, введенного в действие Приказом Росстандарта от 13.04.2018 № 193-ст). М.: Стандартиформ, 2014.
 5. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» : Решение от 7 сентября 2015 г. по делу № А53-18004/2015 [Электронный ресурс]: URL <http://sudact.ru/arbitral/doc/hUw3g5lprnpNl/> (дата обращения: 23.01.2020).

The use of special knowledge in identifying illegal activities in the sale of light petroleum products

O.D. Soloviev

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN)

(Russia, Nizhniy Novgorod)

solod-nn@rambler.ru

One of the problematic issues that arise in the identification and disclosure of economic crimes in the fuel and energy sector is the issue regarding the features of using special knowledge in the field of oil product trafficking in detecting illegal trafficking, falsified and counterfeit fuel, in the appointment and preparation of relevant expert studies and examinations.

Key words: oil products, quality requirements, documents confirming the legality of the turnover, special knowledge, identification of discrepancies, preparation of facilities for examination.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е.А. Старцева

Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)

Starceva-EA@yandex.ru

В статье рассматривается и формулируются криминалистические рекомендации по тактике назначения судебной строительно-технической экспертизе. Рекомендации направлены на усиление и фиксацию доказательственной базы, которая является существенной частью для подготовки и принятия законных, справедливых и обоснованных уголовно-процессуальных решений.

Ключевые слова: судебная строительно-техническая экспертиза, тактика назначения.

Строительство с давних времен является несколько прибыльной, настолько и криминогенной сферой деятельности. Время не изменило существенно образом субъектов – мошенников, коррупционеров и расхитителей, но изменились основные способы совершения их действий. Причина – изменилась среда функционирования преступной деятельности: технология строительного дела, документооборот, законодательство. Отсюда, как следствие, усложнились экономико-криминальные схемы преступных действий, а также условия следообразования и преобразования следов в доказательства. Отсюда – актуальность рассматриваемой проблемы. Она связана с возможностью производства судебной строительно-технической экспертизы до возбуждения уголовного дела [1], совершенствованием экспертных методов ее проведения, специализацией экспертов и активизацией их взаимодействия с органами дознания и предварительного следствия.

Решение о необходимости производства судебной строительно-технической экспертизы формируется в момент выдвижения, разработки и планирования проверки версий о создании материальных или финансовых резервов для хищений и коррупционных преступлений. В противном случае могут быть негативные последствия, выраженные в утрате признаков материальных объектов, снижения их доказательственного значения, уменьшение разрешающих способностей экспертных исследований, затягивание сроков предварительного следствия, преждевременное возбуждение уголовных дел и последующее их прекращение.

Так, например, по материалу проверки по факту мошеннических действий со стороны руководства ИП «XXX» при выполнении работ по текущему ремонту мягкой кровли корпусов промышленного здания ПАО «XXX», для проверки соответствия выполненных работ работам, указанным в сметной и исполнительной документации, была назначена судебная строительно-техническая экспертиза. По результатам которой эксперт пришел к следующим выводам:

«1. Виды и объемы работ по текущему ремонту мягкой кровли корпусов промышленного здания ПАО «XXX», выполненные ИП «XXX» на 05.07.2018 в период с 27.05.2018 года по 05.07.2018, соответствуют видам и объемам работ, отраженным в локальном ресурсном сметном расчете и акте о приемке выполненных работ по форме КС-2 по указанному объекту.

2. Среди выполненных работ по текущему ремонту мягкой кровли корпусов промышленного здания ПАО «XXX», работы, отраженные в акте о приемке выполненных работ по форме КС-2, однако не выполненные ИП «XXX» в рамках договора подряда №0098 от 27.05.2018, на 05.07.2018 не выявлены.

3. Стоимость работ по текущему ремонту мягкой кровли корпусов промышленного здания ПАО «XXX», отраженных в акте о приемке выполненных работ по форме КС-2, однако не выполненных ИП «XXX» за период с 27.05.2018 года по 05.07.2018, на 05.07.2018 составляет 0 рублей 00 копеек».

Таким образом, учитывая результаты проведенной экспертизы, удалось избежать необоснованного возбуждения уголовного дела и последующего его прекращения.

Существенным элементом тактики подготовки и назначения экспертизы является определение объектов исследования. В отличие от ряда судебных экспертиз, в которых объектами являются, как правило, материальные предметы, в качестве объектов судебной строительно-технической экспертизы могут выступать явления, процессы и события, связанные с проектированием, возведением, эксплуатацией, реконструкцией, разрушением и утилизацией зданий и сооружений.

Определение объекта экспертизы является прерогативой субъекта доказывания, в чьем производстве находятся проверочные материалы или материалы уголовного дела. Тактически правильно направлять эксперту не все материалы дела, а только лишь содержащие значимую информацию, необходимую для производства экспертизы. Не следует перекладывать работу по анализу материалов дела и выдвижению версий на эксперта. В это время вполне уместна консультация со специалистом – возможно, с будущим экспертом. По сути, решаются вопросы: 1) правильно ли выбран вид экспертизы; 2) корректно ли сформулирован предмет экспертизы; 3) достаточно ли материалов для экспертного исследования; 4) при каких условиях возможно расширить предмет экспертизы (п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ); 5) необходимы ли будут выезды эксперта на место происшествия; 6) каковы разумные сроки проведения экспертизы; 7) полезны ли приложения к экспертному заключению в виде слайд-фильма, компьютерных графиков и пр.

По уголовному делу по факту незаконной продажи руководителем строительной фирмы гр-ном Р. принадлежащего строительной фирме нежилого помещения своей родственнице по заниженной цене полученные от незаконной

реализации денежные средства гр-ном Р. в кассу строительной фирмы внесены не были. С целью определения рыночной стоимости объекта недвижимости (незаконно проданного нежилого помещения) следователем была назначена судебная строительно-техническая экспертиза, в распоряжение эксперта следователем были представлены: «материалы уголовного дела №12538». Экспертом отдела строительно-технических экспертиз, имеющего квалификацию «инженер-строитель-технолог», было направлено ходатайство следователю о предоставлении необходимых для производства экспертизы материалов:

- технического инвентаризационного паспорта на исследуемое помещение;
- сведений о величине среднемесячных (среднегодовых) затрат на содержание объекта (коммунальные расходы, тепло, электроэнергия и прочее), техобслуживание, охрана, управление объектом, аккумулируемые средства на ремонт ...);
- сведений о величине ставок коммерческой аренды (если таковая осуществлялась или осуществляется).

Однако следователем запрос эксперта был проигнорирован, в связи с чем экспертом было дано мотивированное заключение о том, что определить рыночную стоимость объекта недвижимости не представилось возможным [2]. На наш взгляд, целесообразно запрос эксперта о необходимости дополнительных материалов направлять в адрес начальника следственного органа. При этом не имеет значения, были ли даны рекомендации следователю об объеме материалов до назначения экспертизы. Запрос от эксперта может быть неоднократным. Основания для запроса эксперта могут возникать по ходу исследования.

Следующий пример.

«По материалу доследственной проверки по факту того, что в 2013 году МБОУ «*** СОШ» вступила в программу по капитальному ремонту образовательных учреждений. Заказчиком выступило ГКУ «***», подрядчиком ООО «***». В сентябре 2014 года составлен акт приемки законченного капитальным ремонтом объекта. В ходе проводимого ремонта на расчетный счет субподрядной организации ООО «***» поступили средства согласно справок о стоимости выполненных работ по форме КС-3. В ходе осмотра МБОУ «*** СОШ» было выявлено, что капитальный ремонт произведен не в полном объеме, денежные средства израсходованы согласно представленным подложным КС-2, КС-3».

Была назначена судебная строительно-техническая экспертиза с целью установления стоимости выполненных ООО «XXX» с 03.02.2014 по 17.12.2014 работ по капитальному ремонту МБОУ «XXX СОШ» на 17.12.2014 в рамках исполнения положений государственного контракта №4/14 от 03.02.2014 в соответствии с показателями стоимости, содержащимися в актах о приемке выполненных работ по форме КС-2.

В распоряжение эксперта предоставлено:

– копия государственного контракта №4/14 от 03.02.2014 на строительномонтажные работы по капитальному ремонту МБОУ «XXX СОШ» на сумму 11 591 750,00 рублей. Заказчик – ГКУ «XXX», Подрядчик – ООО «XXX»;

– копии локальных сметных расчетов по капитальному ремонту МБОУ «XXX СОШ» на сумму ...;

– копии справок о стоимости выполненных работ и затрат №*** от «__» _____ 2014 по форме КС-3 на сумму ...;

– копии товарных накладных №____ от «__» _____ 2014 на сумму ...;

– техническая спецификация по окнам на 58 листах;

– копия акта приемки законченного капитальным ремонтом объекта приемочной комиссии по капитальному ремонту МБОУ «XXX СОШ»;

– протоколы объяснения гр. В. и гр. С.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ экспертом заявлены следующие ходатайства:

1. О предоставлении ему дополнительных материалов:

– актов выполненных работ по форме КС-2 на капитальный ремонт МБОУ «XXX СОШ»;

– актов освидетельствования скрытых работ по капитальному ремонту МБОУ «XXX СОШ».

2. Об обеспечении:

– доступа на объект экспертизы, с целью проведения натурного осмотра и выполнения контрольных замеров в период с 20 по 22 XXXX 2019 года;

– присутствия лиц, непосредственно участвовавших в производстве работ по капитальному ремонту МБОУ «XXX СОШ»;

– возможности применения разрушающих методов исследования конструкции кровли спортзала МБОУ «XXX СОШ», с целью диагностики скрытых работ, изделий и конструкций.

Однако вышеуказанные ходатайства были удовлетворены не в полном объеме. В распоряжение эксперта представлены лишь копии актов о приемке выполненных работ №*** от 22.04.2014 по форме КС-2 на сумму ***. В предоставлении исполнительной документации в виде актов освидетельствования скрытых работ по капитальному ремонту МБОУ «XXX СОШ» было отказано. В разрешении на применение при проведении экспертизы разрушающих методов исследования конструкции кровли спортзала отказано в связи с погодными условиями.

На данном примере мы вновь видим, что тактика взаимодействия субъекта расследования с экспертом ниже всякой критики. В результате возможности экспертных выводов для установления доказательственных фактов не были реализованы. Это повлияло не только на сроки проведения судебной экспер-

тизы, не только на сроки принятия решения по материалу проверки, но и на само содержание уголовно-процессуального решения. Возможна версия о том, что за счет умышленного сокращения предмета строительно-технической экспертизы реализуются коррупционные схемы.

По уголовному делу, возбужденному в отношении руководителя строительной фирмы за мошеннические действия, выразившееся в невыполнении договорных обязательств, следователем была назначена судебная строительно-техническая экспертиза. На разрешение эксперта-строителя следователем были поставлены следующие вопросы:

1. Использовала ли строительная фирма при выполнении строительно-монтажных работ на вышеуказанных объектах собственные материалы помимо давальческого сырья? Если да, то на какую сумму?

2. Имело ли место занижение (завышение) стоимости работ между документальными и фактическими затратами на строительство в конкретный период времени?

3. В какой части и каким образом была произведена оплата строительной фирмой за выполнение работы на исследуемых строительных объектах?

4. Определить сумму возврата строительной фирмой денежных средств дольщикам при расторжении договоров на строительство исследуемых строительных объектов в конкретный период времени [3].

Все поставленные следователем вопросы эксперту-строителю выходят за рамки его компетенции. Это – предмет судебной бухгалтерско-экономической экспертизы.

Тактически оправданно следователю сообщить эксперту обстоятельства обнаружения, фиксации, изъятия, хранения, транспортировки объектов исследования, влияние внешней среды на указанные объекты и другие обстоятельства дела. Как показывает практика, эксперт зачастую сам пытается их выяснить у следователя. Помимо этого, эксперт вправе инициировать:

- производство повторного следственного осмотра;
- перенос производства экспертизы на место нахождения исследуемого объекта;
- непосредственное ознакомление с производственными процессами, объектами незавершенного строительства – «долгостроями»;
- выезд на исследуемый объект с целью проведения натурного осмотра, фотофиксации, контрольных замеров и применения разрушающих методов исследования на основании наименований работ, указанных, например, в актах о приемке выполненных работ по форме КС-2.

Полагаем, что весьма сомнителен подход следователя к механическому, «бездумному» переносу вопросов, указанных в пособиях и рекомендациях, в выносимые ими постановления, не учитывая обстоятельств конкретного дела [4].

«Неумение многих следователей правильно формулировать вопросы, выдвигаемые на разрешение экспертизы, влечет нередко совершенно бесполезную работу экспертов, поскольку последние принуждены давать заключение по вопросам, не имеющим никакого значения, чем лишь загромождается дело. Основные вопросы иногда формулируются непродуманно, вследствие чего заключения, данные по этим вопросам, как правило, страдают расплывчатостью, неопределенностью и оно теряет свою ценность как доказательство по делу. Надо иметь в виду, что, прежде чем сформулировать вопросы, следователь иногда должен проконсультироваться по ряду специальных вопросов у соответствующего специалиста или познакомиться с данными вопросами по специальной литературе» [5].

При постановке вопросов необходимо учитывать, что эксперт вправе указать в заключении на обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых не были заданы вопросы, однако он не обязан делать это. Поэтому вопросы должны быть конкретными, четкими и ясными, не допускающими двоякого толкования. Если вопросы взаимосвязаны, они должны задаваться в логической последовательности. Ранжировать вопросы следует от общего к частному. Задаваемые вопросы должны относиться к компетенции эксперта. Нельзя ставить на разрешение эксперта вопросы правового характера, которые являются прерогативой следователя, в том числе вопросы, связанные с правовой оценкой действий лиц, в частности о наличии признаков состава преступления; виновности или невиновности определенного лица и формы его вины и т. д.

Анализ изучения уголовных дел показал, что при отсутствии взаимодействия эксперта (специалиста) со следователем, последним нередко формулируются не корректные и неверные вопросы. Так, следователем была назначена судебная строительно-техническая экспертиза, на разрешение которой были поставлены следующие (некорректные) вопросы:

Формулировка следователя. «1. Определить соответствие объемов выполненных работ на 30.11.2018, проведенных ООО «XXX» в период с 24.06.2018 по 30.11.2018, актам КС-2 по договору №53-18/МКД?

2. Определить соответствие видов выполненных работ на 30.11.2018, проведенных ООО «XXX» в период с 24.06.2018 по 30.11.2018, актам КС-2 по договору №53-18/МКД?

3. Определить стоимость фактически выполненных работ в период с 24.06.2018 по 30.11.2018 на 30.11.2018 согласно актам КС-2 по договору №53-18/МКД?».

В соответствии с п. 30 приказа №511 от 29.06.2005 МВД РФ, в целях обеспечения наиболее целесообразного порядка проведения экспертизы, экспертом поставленные вопросы должны быть изложены в следующей редакции:

«1. Соответствуют ли виды и объемы работ по капитальному ремонту многоквартирного дома по адресу: г. ХХХ, ул. ХХХ, д.132, выполненные ООО «ХХХ» на 30.11.2018 в период с 24.06.2018 по 30.11.2018, видам и объемам работ, отраженным в актах о приемке выполненных работ по форме КС-2 по указанному объекту в рамках исполнения договора №53-18/МКД от 24.06.2018?

2. Какова стоимость выполненных ООО «ХХХ» с 24.06.2018 по 30.11.2018 работ по капитальному ремонту многоквартирного дома по адресу: г. ХХХ, ул. ХХХ, д.132 на 30.11.2018 в рамках исполнения положений договора №53-18/МКД от 24.06.2018 в соответствии с показателями стоимости, содержащимися в актах о приемке выполненных работ по форме КС-2?

Для достижения большего доказательственного эффекта при производстве судебной строительно-технической экспертизы правильная тактика взаимодействия следователя с экспертом обеспечивает:

- а) своевременное назначение судебной экспертизы;
- б) всесторонность, комплексность изучения объекта исследования;
- в) количество и последовательность назначения судебных экспертиз;
- г) правильный выбор эксперта и учреждения;
- д) точное определение видов назначаемых судебных экспертиз;
- е) верное формулирование задания экспертам.

Признав необходимым производство по делу судебной экспертизы (определив объекты исследования, вид исследования, экспертное учреждение, сформулировав вопросы, безусловно, в тесном сотрудничестве с экспертом (специалистом)) следователь выносит мотивированное постановление, которое является процессуальным основанием для ее проведения.

В качестве обобщения нужно сформулировать несколько положений.

1. По преступлениям в сфере строительства возникает острая необходимость в помощи экспертов (специалистов) при назначении, оценке и анализе судебной строительно-технической экспертизы не только для решения диагностических задач, но и для задач прогностического характера.

2. На этапе назначения судебной строительно-технической экспертизы, взаимодействие следователя с экспертом обеспечивает: своевременное назначение судебной экспертизы; всесторонность, комплексность изучения объекта исследования; количество и последовательность назначения судебных экспертиз; правильный выбор эксперта и учреждения; точное определение видов назначаемых судебных экспертиз; верное формулирование задания экспертам.

3. При существующей системе показателей работы экспертов не создается заинтересованности в получении той или иной формы и типа заключения. Такая «уравниловка» приводит к «ножницам» между потенциальными возможностями экспертных методов и реальными результатами их применения (точнее – неприменения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уместно отметить, что законодатель внес изменения в УПК РФ в части, касающейся назначения и проведения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела. См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9, ст. 875.
2. Архив Советского районного суда г. Нижнего Новгорода, 2010, № 12538.
3. Архив Советского районного суда г. Нижнего Новгорода, 2009, № 60061.
4. Нередки случаи, когда следователями включаются на разрешение эксперта вопросы, не имеющие отношение к делу и задаваемые «на всякий случай» или «дань времени». Это увеличивает сроки производства экспертизы, а информативность и доказательственное значение заключения не меняются.
5. Тарасов П.И., Шавер Б.М. Руководство по расследованию преступлений: пособие для прокуроров, следователей и работников милиции / под ред. Г.Н. Сафонова. М., 1941. С. 74.

Tactical features of appointment of judicial construction and technical expertise

E.A. Starceva

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)
Starceva-EA@yandex.ru*

The article considers and formulates forensic recommendations on the tactics of assigning forensic construction and technical expertise. The recommendations are aimed at strengthening and fixing the evidence base, which is an essential part for the preparation and adoption of legal, fair and justified criminal procedure decisions.

Keywords: judicial construction and technical expertise, assignment tactics.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЕАНОНИМИЗАЦИИ КРИПТОВАЛЮТ

С.Н. Сухов

*Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
amlawdd@yandex.ru*

В условиях повсеместного развития IT-технологий представляется актуальным и востребованным развитие направления по криминалистическому анализу блокчейна. Для анализа (и последующей деанонимизации) возможно использование как коммерческих продуктов, так и программного обеспечения с открытым исходным кодом.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, деанонимизация, анализ, программное обеспечение.

За последние несколько лет все большую популярность приобретает термин «Блокчейн» (Blockchain). Причем данный термин используется в самых различных отраслях человеческой деятельности: финансовая, инвестиционная, банковская, административная, правоохранительная и другие сферы. Тема блокчейна на сегодняшний день является предметом многочисленных публикаций, докладов и выступлений на конференциях, однако научное осмысление этой технологии значительно отстает от быстро меняющейся реальности.

Блокчейн (цепочка блоков) — это распределённая база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу. Эта база данных хранит постоянно растущий список упорядоченных записей, называемых блоками. Каждый блок содержит метку времени и ссылку на предыдущий блок.

Применение шифрования гарантирует, что пользователи могут изменять только те части цепочки блоков, которыми они «владеют» в том смысле, что у них есть закрытые ключи, без которых запись в файл невозможна. Кроме того, шифрование обеспечивает синхронизацию копий распределённой цепочки блоков у всех пользователей.

В технологию блокчейн изначально заложена безопасность на уровне базы данных. Концепцию цепочек блоков предложил в 2008 году Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto). Впервые реализована она была в 2009 году как компонент цифровой валюты — биткойна, где блокчейн играет роль главного общего реестра для всех операций. Благодаря технологии блокчейн биткойн стал первой цифровой валютой, которая решает проблему двойных расходов (в отличие от физических монет или жетонов, электронные файлы могут дублироваться и тратиться дважды без использования какого-либо центрального сервера).

Отношение государств к данной технологии вообще и к криптовалютам в частности, на сегодняшний день является неоднозначным. Отдельные страны легализуют криптовалюты. Например, Япония, которая в 2017 года на законодательном уровне приравнивала криптовалюты к денежным средствам, признав их платежным средством. Другие страны, например, Китай, фактически запретили операции с криптовалютой. Большинство стран, в настоящий момент, придерживаются неких средних позиций, не запрещают в однозначной форме операции, связанные с криптовалютой, но высказывают опасения о необходимости законодательного регулирования данной сферы. Однозначно одно, на сегодняшний день назрела необходимость законодательного регулирования криптовалют, признать ее биржевым товаром, средством платежа, цифровым активом либо как-то иначе интегрировать в существующее законодательство.

Активно обсуждается использование блокчейна в качестве технологической базы для платежных систем, и нельзя исключать, что центральные банки могут использовать эту технологию и для национальной валюты. Однако Банк

России в официальной информации [3] отмечает, что большинство операций с криптовалютами совершается вне правового регулирования как Российской Федерации, так и большинства других государств. Криптовалюты не гарантируются и не обеспечиваются Банком России.

Учитывая высокие риски обращения и использования криптовалют, Банк России считает преждевременным допуск криптовалют, а также любых финансовых инструментов, номинированных или связанных с криптовалютами, к обращению и использованию на организованных торгах и в расчетно-клиринговой инфраструктуре на территории Российской Федерации для обслуживания сделок с криптовалютами и производными финансовыми инструментами на них.

С нашей точки зрения необходимо последовательно регламентировать данную сферу деятельности, законодательно закрепить статус криптовалюты, провести регулирование операционной деятельности криптобирж. Блокчейн уже вошел в нашу жизнь, активно обсуждается на всех уровнях власти, в обществе, СМИ, однако большая часть населения не знакома с данной технологией.

В 2018-2019 гг. Государственная дума приняла в первом и втором чтении законопроект о цифровых финансовых активах. Законопроект [4] направлен на законодательное регулирование таких понятий как «криптовалюта», «майнинг», «токен» и другие. Отмечается, что цифровые финансовые активы нельзя рассматривать как законные средства платежа на территории нашей страны. Данный законопроект, безусловно, требует дальнейшего обсуждения и доработки, но на сегодняшний день является необходимым элементом законодательного регулирования данной сферы.

Сейчас многие эксперты уверены, что у блокчейн-технологии есть потенциал, чтобы существенно изменить расчеты по платежам и сделкам с ценными бумагами как у банков, так и у других участников финансовой индустрии, обеспечив прозрачность, проверяемость, скорость и в целом большую эффективность.

Согласно недавнему обзору Всемирного экономического форума (WEF), большинство экспертов и руководителей в секторе информационно-коммуникационных технологий ожидали, что к 2025 году по крайней мере 10 % мирового ВВП будут храниться на блокчейн-платформах. Консультанты Deloitte, напротив, считают, что принятие технологии произойдет намного быстрее, поскольку заявления о потребности в ней звучат из различных секторов [1, стр. 2-4].

По мнению Мелани Свон [2, стр. 3-5], блокчейн-технология может рассматриваться как пятая парадигма вычислений после универсальной ЭВМ, персонального компьютера, интернета, мобильной революции и революции социальных сетей. С данной точкой зрения согласны многие эксперты. В сегод-

ных условиях и при существующей скорости развития технологий в бизнесе блокчейн как самостоятельная единица научно-технического прогресса постепенно выходит за рамки финансового рынка и сферы криптовалют [5, стр. 8-10].

Как видно из приведенного выше краткого анализа современного состояния криптовалют и блокчейна, данное направление активно развивается в последнее время. Правоохранительные органы не должны оставаться в стороне, необходимо не только иметь информацию о происходящих изменениях IT-индустрии, но и своевременно готовить специалистов правоохранительной системы для мониторинга и контроля процессов, происходящих в данной сфере.

К сожалению, в правоохранительных органах крайне мало специалистов по криптовалютам и связанными с ними технологиями, что приводит к невозможности качественного мониторинга исследуемой сферы деятельности. Оперативные и следственные органы, зачастую, надеются на квалифицированную помощь эксперта (специалиста), однако экспертов в данной сфере, проходящих службу в правоохранительных органах так же единицы. Поэтому необходимы качественные изменения в системе подготовки не только экспертных работников, но и сотрудников следственных и оперативных подразделений по данному направлению.

Тезисно, возможности по анализу и деанонимизации блокчейна, можно разграничить по следующим направлениям:

- «Следуем за деньгами»;
- OSINT (сбор оперативных данных из открытых источников);
- Кластеризация транзакций и адресов.

Методы деанонимизации криптовалют можно условно разделить на следующие:

- связывание (два или более адресов создают транзакцию);
- учитывать адрес «сдачи»;
- кластеризация (группировка входных адресов и адресов «сдачи»);
- атрибуция (теги);
- определение точек входа и выхода (например, фиат/BTC);
- запросы на получение информации с бирж и других финансовых институтов (например, «обменники»);
- исследование небрежности и ошибок пользователей.

Например, на рис. 1 показан пример кластеризации с учетом тегов. Проведено две транзакции (Tx1 и Tx2). Если нам известно, что адрес «С» принадлежит WikiLeaks, то можно утверждать, что использованные адреса «В» и «А» также имеет отношение к данной организации. То, что адрес «С» принадлежит WikiLeaks, мы можем узнать, используя OSINT (на официальной странице указан адрес для пожертвований).

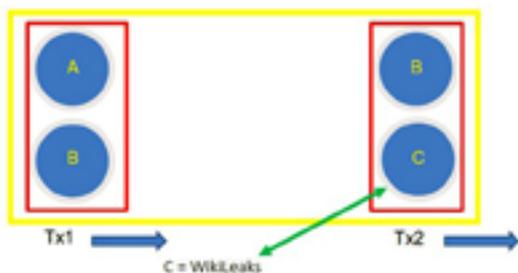

Рис. 1. Кластеризация адресов и атрибуция.

Как результат анализа блокчейна – информация о транзакциях в финансовые учреждения (биржи, обменники, магазины и т.д.), у которых имеется информация о регистрации, аутентификации, лог файлы доступа к личному кабинету или ресурсу пользователей (принцип «Знай своего клиента» (KYC) и которые отвечают на запросы правоохранительных органов. Таким образом, возможна деанонимизация отдельных кошельков и транзакций в криптовалютах.

Одним из ключевых моментов, который позволяет проводить криминалистический анализ блокчейнов является принцип «Знай своего клиента» (KYC), термин и стандарт, который используется для регулирования, в том числе и криптовалютных операций. Использование KYC подразумевает идентификацию личности контрагента при проведении финансовых операций участниками криптовалютных платежей.

Сейчас, на рынке анализа блокчейна, представлено несколько достаточно серьезных участников. Одним из мировых лидеров, обрабатывающих блокчейн, является компания Chainalysis [6], которая предоставляет множество интересных данных о транзакциях, схемах размещения и многом другом. Ее услуги включают в себя: составление отчетов о действиях клиентов, связанных с криптовалютой, выявление «подозрительной активности и возникающих угроз из даркнета» и многое другое. Как и все подобные компании, Chainalysis активно сотрудничает с правоохранительными органами. Еще одним из лидеров анализа блокчейна выступает компания Crystal [6]. У правоохранительных органов нашей страны (МВД России) имеется положительный опыт взаимодействия с данной компанией. Среди других представителей коммерческих компаний можно отметить Elliptic [8] и Scorechain [9]. Однако, несмотря на значительный функционал коммерческих продуктов (много идентифицированных кластеров, хорошие возможности визуализации, интеграция с информацией, полученной из открытых источников и т.д.), основным фактором, сдерживающим использование данных продуктов в деятельности правоохранительных органов, является их существенная стоимость. Лицензия с годовым доступом к их аналитическим платформам, в среднем, стоит несколько десятков тысяч

долларов (доступ к Crystal, например, на начало 2020 года около 80.000 евро). Однако помимо высокой стоимости есть еще один существенный недостаток. При проведении аналитических мероприятий у оперативных и следственных подразделений может возникнуть необходимость вносить свои коррективы в базу данных используемого продукта (метатеги, идентификация кластеров, кошельков и т.д.), а так как доступ ко всем коммерческим платформам предоставляется в режиме online, то все метки, например, следователя окажутся в общей базе аналитической платформы, что может крайне негативно повлиять на процесс расследования, привести к утечке оперативной информации.

Как альтернатива коммерческим продуктам предлагается использование для анализа блокчейна программных продуктов с открытым исходным кодом. Одним из продуктов, с хорошим уровнем визуализации, является бесплатное решение с открытым исходным кодом GraphSense [10], которое представляет собой онлайн-сервис по анализу блокчейна нескольких криптовалют, с возможностью визуализации (построение «деревьев связей»), идентификации кластеров и добавлением тегов (см. рис. 2).

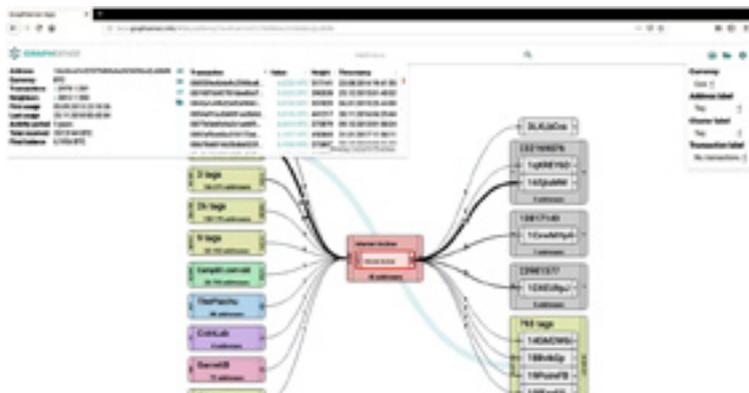

Рис. 2. Рабочее окно GraphSense.

Учитывая, что данное программное обеспечение бесплатное и с открытым исходным кодом, заинтересованные в развитии данного направления правоохранительные органы могут использовать данную платформу для своей деятельности по анализу блокчейна. У сотрудников Нижегородской академии МВД России установлены рабочие отношения сотрудничества с разработчиками данной платформы (Австрия). В настоящее время обсуждается вопрос русификации программной оболочки. Для запуска данной платформы необходимо иметь незначительные серверные мощности (например, уже имеющиеся в правоохранительных органах), которые необходимы для доступа к онлайн-оболочке и постоянному анализу блокчейна интересующей криптовалюты. Самым главным плюсом использования программ с открытым кодом является

то, что все изменения, дополнения и анализ, выполненные следователем или оперативным работником – останутся локально на том сервере, который использован для запуска данной оболочки, т.е. на серверах правоохранительных органов. Целесообразно запустить такие серверные мощности на базе какого-либо учреждения правоохранительного органа (например, в МВД подобное можно было бы реализовать на базе научных учреждений, или как отдельную лабораторию по исследованию криптовалют и дарквеба на базе образовательных организаций). Образовательные организации правоохранительных органов могут проводить занятия, реализовывать программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации с использованием действующей системы анализа блокчейна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Blockchain. Enigma, Paradox, Opportunity // London, Deloitte LLP, 2016. 25 с.
2. Свон М. Блокчейн: Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 240 с. [С 3 по 10 – ссылки на публикации в интернете]
3. Информация от 4 сентября 2017 года. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/press/PR/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm (дата обращения 15.03.2020).
4. Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах», Официальный сайт Минфина России. Дата публикации 25.01.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810-proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovyykh_finansovykh_aktivakh (дата обращения 15.03.2020).
5. Мачихин Д. Блокчейн изменит правовой мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cointelegraph.com/blockchain-legal> (дата обращения 15.03.2020).
6. <https://www.chainalysis.com/> (дата обращения 15.03.2020).
7. <https://crystalblockchain.com/> (дата обращения 15.03.2020).
8. <https://www.elliptic.co/> (дата обращения 15.03.2020).
9. <https://scorechain.com/> (дата обращения 15.03.2020).
10. <https://graphsense.info/> (дата обращения 15.03.2020).

Tools for deanonymizing cryptocurrencies

S. N. Sukhov

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)
amlawdd@yandex.ru*

In the context of the widespread development of IT technologies, it seems relevant and in demand to develop the direction of forensic analysis of the blockchain. Both commercial products and open source software can be used for analysis (and subsequent deanonymization).

Keywords: cryptocurrency, blockchain, deanonymization, analysis, software.

УЧЕНИЕ О ЗАДАЧАХ РЕШАЕМЫХ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗОЙ

В.А. Тимченко

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
forensacc@mail.ru*

В статье, с позиций общей теории судебной экспертизы, рассматриваются задачи, решаемые при производстве судебно-экспертных исследований. Адаптируя общетеоретические положения, предпринята попытка определить круг задач для класса судебно-экономических экспертиз. На основе критического анализа различных точек зрения российских ученых по исследуемому вопросу, и с учетом общетеоретических положений, автором предложено собственное видение задач решаемых в классе судебной экономической экспертизы.

Ключевые слова: идентификационные задачи, диагностические задачи, судебно-экономическая экспертиза, частная теория криминалистической диагностики.

Перечень задач, решаемых судебно-экономической экспертизой, весьма широк и может быть классифицирован в зависимости от конкретного рода судебной экспертизы, входящего в класс судебно-экономических экспертиз.

Определение круга типовых задач, решаемых судебно-экономической экспертизой, имеет существенную теоретическую и практическую значимость. В этой связи мы разделяем точку зрения профессора Е.Р. Россинской о том, что род или вид судебной экспертизы, можно считать сформировавшимся, когда наряду с другими условиями определены основные решаемые данным родом судебной экспертизы задачи [1, стр. 117].

Кроме того, она совершенно справедливо отмечает, что учение о задачах судебной экспертизы должно входить составной частью в предмет судебной экспертологии [2, стр. 100]. Полагаем, что и теория судебно-экономической экспертизы не может считаться завершенной без учения о задачах судебно-экономической экспертизы, поэтому мы ставим в данной работе одной из важных целей разработку основ такого учения на базе общей теории судебной экспертизы.

Как известно, задачи, решаемые судебной экономической экспертизой, принято делить на идентификационные и диагностические. В ряде родов судебной экспертизы, прежде всего, в криминалистических экспертизах, одними из наиболее распространенных являются идентификационные задачи.

Могут ли возникать и решаться идентификационные задачи в судебно-экономической экспертизе? Для ответа на этот вопрос, прежде всего, необходимо определить, возникает ли потребность при проведении судебно-экономической экспертизы в отождествлении объектов. Как показывает экспертная практика, такая потребность может возникнуть при производстве экспертиз отдельных родов, входящих в класс судебно-экономической экспертизы. В частности, при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы, если имеются подлоги в одном из экземпляров бухгалтерского документа, составляемого в нескольких экземплярах, то путем сопоставления содержания разных экземпляров, можно выявить различия в их содержании, т.е. они не будут по своему содержанию тождественными. Идентифицируемым объектом в данном случае выступает экземпляр документа, в котором содержится подлог, а идентифицирующим – экземпляр документа, в котором отсутствует подлог.

Отдельными учеными высказывается точка зрения, согласно которой идентификационные задачи в судебно-экономической экспертизе решаются путем сопоставления показателей взаимосвязанных документов. Так, по мнению М.М. Виноградовой: «Сопоставление любых показателей взаимосвязанных документов (например, бухгалтерского баланса и главной книги, документов синтетического и аналитического учета) носит идентификационный характер» [3, стр. 18]. Действительно, суммовые значения отдельных показателей различных формы бухгалтерской и статистической отчетности должны быть тождественны. Например, величина нераспределенной прибыли в бухгалтерском балансе и Отчете о прибылях и убытках должна быть одинаковой. Также должны быть одинаковыми итоги оборотов в аналитическом учете и сумма оборота по этому же счету в синтетическом учете. В различных взаимосвязанных носителях экономической информации одни и те же показатели также должны быть тождественны. Например, объем изготовленных изделий в нарядах на оплату труда должен соответствовать количеству этих изделий в накладных на передачу из цеха на склад готовой продукции.

Следовательно, идентификационные задачи в судебно-экономической экспертизе решаться могут. Однако их специфика, по сравнению с такими задачами, решаемыми другими классами и родами судебных экспертиз, состоит в том, что отождествление объекта производится не по его отображениям (следам), а путем выявления несоответствий в содержании носителей экономической информации (например, в документах), которые должны быть по своему содержанию тождественными.

В этой связи мы не можем согласиться с мнением В.В. Голиковой, которая полагает, что: «Судебная налоговая экспертиза решает только диагностические задачи, которые состоят в выявлении механизма событий, способа и последовательности действий, а также качественных и количественных характеристик данных учета финансово-хозяйственных операций при применении различных систем налогообложения» [4, с. 9]. Полагаем, что при проведении судебной налоговой экспертизы также решаются идентификационные задачи, связанные с установлением тождества содержания различных носителей экономической информации.

К распространенным задачам, решаемым судебной экономической экспертизой относятся диагностические задачи.

Как считает профессор Е.Р. Россинская, решение диагностических задач заключается: «в выявлении: механизма события; времени, способа и последовательности действий, событий, явлений, причинных связей между ними; природы, качественных и количественных характеристик объектов, их свойств и признаков, не поддающихся непосредственному восприятию» [5, стр. 28].

Как правило, вопросы, выносимые на решение того или иного рода из класса судебно-экономических экспертиз, предполагают решение именно диагностических задач.

В этой связи мы разделяем точку зрения Л.П. Климович, по мнению которой: «Система экспертных задач судебно-экономических экспертиз, ... состоит из следующих блоков, которые направлены на решение задач расследования: 1) установление (исследование) состояния объектов учета; 2) установление (исследование) обстоятельств и механизма события, 3) установление наличия (или отсутствия) фактов или объектов, 4) выделение фактов и объектов, 5) исследование причинной связи, 6) обоснование правильности (неправильности) выводов и решений, относящихся к предмету судебно-экономической экспертизы» [6, стр. 8].

Диагностические задачи, решаемые в классе судебно-экономических экспертиз, могут быть весьма разнообразными. Например, на разрешение судебно-бухгалтерской экспертизы может быть поставлен такой вопрос: «полностью ли и правильно ли отражены в бухгалтерском учете операции по поступлению и расходованию наличных денег в кассе организации?»; на разрешение судебной налоговой экспертизы может быть поставлен такой вопрос: «какая сумма налога на прибыль должна быть исчислена и уплачена в бюджет организацией за период с ... по ..., и какая сумма налога на прибыль фактически исчислена и уплачена в бюджет этой организацией за указанный период?»; на разрешение судебной финансово-аналитической экспертизы может быть поставлен такой вопрос: «как изменились показатели, характеризующие финансовое состояние организации за период с ... по Назвать финансовые и хозяйственные опера-

ции, в результате которых изменилось финансовое состояние организации».

Решение экспертных диагностических задач основано на частной криминалистической теории – теории криминалистической диагностики. Существенный вклад в развитие этой теории внес профессор Ю.Г. Корухов. Наряду с профессором Ю.Г. Коруховым, определенный вклад в создание и развитие теории криминалистической диагностики внесли А.И. Винберг, Р.С. Белкин, С.В. Дубровин, Г.А. Зорин, Н.Т. Малаховская, Н.П. Майлис, В.А. Снетков.

Как известно, диагностика подразумевает ряд действий, а именно: распознавание, различение и определение.

Применительно к диагностическим задачам, решаемым судебной экономической экспертизой, распознавание, различение и определение как диагностические действия, можно определить следующим образом.

Распознать – обнаружить несоответствия, имеющиеся в исследованных носителях экономической информации между взаимосвязанными показателями или другими сведениями.

Такие несоответствия могут быть следствием различных причин. Следовательно, при диагностике могут быть выдвинуты несколько гипотез, объясняющих причины несоответствий в экономической информации. Таким образом, для одного следствия (несоответствий в содержании экономической информации) может быть гипотетически принято несколько причин (оснований). Чем выше достоверность таких гипотез, тем выше будет и достоверность результатов диагностики. Главной задачей является переход от вероятностного диагноза к достоверному.

Различить – найти отличие между выявленными при распознавании несоответствиями в содержании носителей взаимосвязанной экономической информации и сходными несоответствиями, представленными в классификации несоответствий, для целей решения экспертных диагностических задач при проведении судебной экономической экспертизы.

На этом этапе успех во многом зависит от качества разрабатываемых судебно-экспертной наукой классификаций несоответствий в содержании взаимосвязанной экономической информации для целей экспертной диагностики и, в первую очередь, от обоснованности связей между несоответствиями (следствие) и их причинами. Однако одной только классификации недостаточно. С помощью классификации можно сделать лишь вероятностный диагноз. Это объясняется тем, что в классификации невозможно заранее предусмотреть все возможные несоответствия и причины их вызывающие.

В процессе различения необходимо установить, чем отличаются конкретные несоответствия в экономической информации от тех, которые приведены в классификации. Причем, может иметь место не одна причина, вызывающая один и тот же вид несоответствий, а несколько. Следовательно,

эксперт-экономист может встретиться с ситуацией, когда один вид несоответствий указывает на различные причины их возникновения.

Определить – установить конкретные причины несоответствий и механизм действий, их вызвавших.

Исследуя, исходя из конкретных ситуаций, действия, послужившие причинами возникновения несоответствий во взаимосвязанной экономической информации, методом исключения оставляются наиболее вероятные действия. Эта работа продолжается до тех пор, пока не будут исключены все действия, кроме одного или нескольких, которые и явились причиной возникновения несоответствий. Таким образом, различие завершается определением конкретных действий, вызвавших эти несоответствия, а также условий, в которых они совершены. На данном этапе вероятный диагноз переходит в достоверный.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что решение диагностических задач при производстве судебной экономической экспертизы основано на познании различных связей между явлениями. Профессор Ю.Г. Корухов называет пять форм таких связей: генетическая, функциональная, объемная, субстанциональная и связь преобразования [7, стр. 17].

Наибольший интерес для экспертной диагностики при производстве судебной экономической экспертизы представляют, по нашему мнению, генетическая связь и функциональная связь. Под генетической связью профессор Ю.Г. Корухов понимает связь между причиной и следствием. Функциональную связь он характеризует как связь между взаимозависимыми процессами. При этом, по его мнению, функциональная связь производна от генетической и представляет ее количественную характеристику [7, стр. 17].

Исследование закономерностей генетических и функциональных связей между отдельными действиями, которые вызывают те или иные виды несоответствий в содержании взаимосвязанной экономической информации, позволяет разработать научно обоснованные методики экспертной диагностики для выявления несоответствий и установления их причин. Это объясняется тем, что несоответствия, возникающие в содержании взаимосвязанной экономической информации, по сути своей являются следствием, а действия, закономерно отражающиеся в окружающей среде, являются причиной образования этих несоответствий. Профессор Ю.Г. Корухов в этой связи отмечал: «Всякое действие есть результат какой-то причины или суммы причин. Поэтому одной из первых задач всякого неидентификационного исследования является установление причинной связи между наблюдаемым результатом и возможными причинами его наступления» [7, стр. 23].

Применительно к диагностическим задачам, решаемым судебной экономической экспертизой, можно привести такой пример, иллюстрирующий данное положение: начисление заработной платы рабочим за фактически не выпол-

ненные объемы строительных работ совершается с целью необоснованного завышения суммы выплачиваемой заработной платы. Следствием таких действий является необоснованное увеличение суммы затрат на производство строительных работ. В этом примере, начисление заработной платы рабочим за фактически не выполненные объемы строительных работ является причиной такого следствия, как увеличение себестоимости строительных работ.

Для совершения любых действий, в том числе и вызывающих несоответствия в содержании взаимосвязанной экономической информации, необходимы соответствующие условия. Поэтому познание закономерностей влияния тех или иных условий на способ совершения действий, вызывающих несоответствия в содержании взаимосвязанной экономической информации, является необходимым условием для разработки экспертных методик решения диагностических задач при производстве судебно-экономической экспертизы. Например, не проведение контрольных мероприятий в форме плановых и внеплановых инвентаризаций в местах хранения материальных ценностей и денежных средств создает благоприятные условия для совершения неправомерных действий, так как способствует отсутствию контроля за работой материально ответственных лиц.

Как отмечает профессор Е.Р. Россинская: «Частным случаем диагностических задач являются классификационные задачи. Эти задачи направлены на установление соответствия объекта определенным заранее заданным характеристикам и отнесение его на этом основании к определенному классу, роду, виду» [5, стр. 29]. По мнению некоторых ученых, судебно-экономическая экспертиза также решает классификационные задачи. В частности, как считает М.М. Виноградова: «Решение вопроса: являются ли исследуемые записи банковскими операциями, а если являются, то какими именно, является классификационной задачей» [3, стр. 18].

По нашему мнению, судебно-экономическая экспертиза действительно может решать классификационные задачи. Однако с примером, приведенным М.М. Виноградовой, мы не можем согласиться. Полагаем, что отнесение тех или иных операций к банковским или каким-либо другим, не входит в круг задач, решаемых экспертизой. Это скорее вопрос для специалиста, а не задача для эксперта. Примером классификационных задач, решаемых отдельными родами судебных экспертиз, входящих в класс судебно-экономической экспертизы, могут быть следующие:

1) для судебно-бухгалтерской экспертизы, – на каких счетах бухгалтерского учета должна отражаться выручка от продажи товаров, и на каких счетах бухгалтерского учета она была фактически записана;

2) для судебной налоговой экспертизы, – на какие виды налогов, уплачиваемые организацией, повлияло неотражение в бухгалтерском и налоговом учете

выручки от продажи товаров;

3) для судебной финансово-экономической экспертизы, – какие экономические показатели деятельности организации изменились под влияние хозяйственных операций по выбытию активов организации за период с ... по

Профессор Е.Р. Россинская одним из оснований классификации диагностических задач считает их деление на простые и сложные, а также на прямые и обратные. Полагаем, что задачи, решаемые в классе судебно-экономических экспертиз, также можно классифицировать по этим основаниям. В этой связи, мы разделяем точку зрения Э.С. Сарыгиной, которая полагает, что: «Типичные задачи судебной финансово-экономической экспертизы – это сложные прямые и обратные диагностические задачи:

- определение финансового состояния (активы, структуры обязательств и капитала), в том числе платежеспособности, ликвидности, финансовой устойчивости, рентабельности, кредитоспособности и т.п. в статике либо в динамике;

- анализ структуры и динамики доходов и расходов организации (предприятия) в целях определения в них диспропорций, повлиявших на величину балансовой прибыли и связанных с ней показателей» [8, стр. 9].

Таким образом, обобщая изложенное, можно сделать вывод, что задачи, решаемые в различных родах класса судебно-экономических экспертиз, относятся как к идентификационным, так и к диагностическим. При этом диагностические задачи, решаемые в классе судебно-экономических экспертиз, могут относиться к простым и сложным, а также классифицироваться на прямые и обратные. Также в ряде случаев задачи, решаемые в классе судебно-экономических экспертиз, можно отнести к классификационным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская Е.Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 3. С. 114-121.
2. Россинская Е.Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Право и государство. 2014. № 2. С. 96-100.
3. Виноградова М.М. Теоретические и методологические основы экспертного исследования финансового состояния хозяйствующего субъекта при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности. Автореферат дис. ... к-та юрид. наук. М.: РФЦСЭ, 2006. 27 с.
4. Голикова В.В. Судебная налоговая экспертиза. Правовые и методологические аспекты. Автореферат дис. ... к-та юрид. наук. М.: МГЮА, 2012. 23 с.
5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е.Р. Россинская. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 576 с.

6. Климович Л.П. Судебно-экономические экспертизы: теоретические и методические основы, значение при расследовании преступлений. Автореферат д-ра юридических наук. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2004. 38 с.
7. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. Научно-практическое пособие. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. 288 с.
8. Сарыгина Э.С. Судебная финансово-экономическая экспертиза: теоретические и организационно-методические аспекты. Автореферат дис... к-та юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, 2017. 30 с.

The doctrine of the tasks solved by forensic examination

V.A. Timchenko

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) (Russia, Nizhny Novgorod)

forensacc@mail.ru

The article, from the standpoint of the general theory of forensic examination, examines the problems solved in the production of forensic research. Adapting the general theoretical provisions, an attempt was made to determine the range of tasks for the class of forensic-economic examinations. Based on a critical analysis of various points of view of Russian scientists on the issue under study, and taking into account general theoretical provisions, the author offers his own vision of the problems solved in the class of forensic economic examination.

Key words: identification tasks, diagnostic tasks, forensic-economic examination, private theory of forensic diagnostics.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ТАКТИЧЕСКИХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ АСПЕКТОВ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Т.В. Толстухина, А.А. Светличный, Д.В. Панарина

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (Россия, Тула)

alexandrsvetl@rambler.ru

Статья посвящена комплексному анализу тактических и организационных вопросов судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве. Обозначены терминологические проблемы использования специальных знаний эксперта при раскрытии и расследовании преступлений, в том числе проблемы понятийного аппарата участия эксперта при возбуждении уголовного дела, а также проведении следственных действий.

Ключевые слова: эксперт, специальные знания, доказательства, доказывание, терминология, возбуждение уголовного дела, следственные действия.

Как показывает практика, в настоящее время, при развитии и совершенствовании уголовного судопроизводства все большее значение в процессе доказывания приобретают результаты судебно-экспертной деятельности, имеющие доказательственное значение. Мы полагаем, что данное обстоятельство связано не столько с возможной ненадежностью свидетельских показаний, сколько со значительным расширением возможностей исследования новых видов источников доказательств, что, в свою очередь, вызывает необходимость в более объективных источниках получения доказательственной информации.

Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ заключения и показания эксперта допускаются в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств. Как следует из материалов изученных нами уголовных дел, назначение и производство судебной экспертизы по уголовному делу является одним из основных способов собирания доказательств.

В соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства заключение эксперта является источником доказательств наравне с иными источниками доказательств. Тем не менее, на наш взгляд, такое доказательство является особенным. Специфика его заключается в том, что при помощи судебной экспертизы устанавливаются фактические данные по уголовному делу, требующие специальных знаний. Таким образом, отличительная черта этого источника доказательств состоит в том, что органы расследования, не обладающие специальными знаниями, прибегают к помощи сведущих лиц. При этом именно органы расследования решают вопрос о необходимости назначения той или иной экспертизы, о возможности с помощью использования специальных знаний установить соответствующий факт, грамотно сформулировать вопросы перед экспертом, а затем оценить достоверность полученных в результате проведенного исследования выводов. Соответственно и участники процесса должны владеть актуальной информацией о возможностях тех или иных экспертных учреждений, родов и видов экспертиз, о вопросах, на которые может ответить эксперт в соответствии с современными уровнем разработки судебно-экспертных методик и методов исследования. Обозначенные проблемы неизменно, но вполне справедливо требуют своего совершенствования и развития.

Как показывает комплексный анализ современной система законодательства о судебно-экспертной деятельности, она, к сожалению, далеко не совершенна, не полна и зачастую весьма противоречива. Действующие нормативно-правовые акты не всегда направлены на наиболее рациональное и эффективное использование специальных знаний в уголовном процессе, а иногда и вовсе противоречат функциям государства и принципам процессуального права. В уголовно-процессуальном законодательстве, несмотря на его постоянное совершенствование в регламентации судебно-экспертной деятель-

ности, не удалось полностью преодолеть недостатки, имевшиеся в предшествующих кодексах. Сохранились неполнота и противоречивость в освещении отдельных норм, уязвимые места которых сразу обнаружила правоприменительная практика.

Мы полагаем, что стоит согласиться с позицией Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который указал на необходимость разработки законодательных актов в соответствии с требованиями гласности, системности, согласованности между различными законодательными актами и другие негативные моменты, влияющие на правоприменительную практику. Им отмечено, что разработка многих законодательных актов осуществляется в условиях келейности, откуда вытекают нестыковки в различных нормативных актах. Как негативное положение работы законодателя В.Д. Зорькиным отмечен тот факт, что за три года УПК РФ изменился практически на треть [1, стр. 3].

Следует подчеркнуть и указания В.Д. Зорькина на необходимость преодоления излишней «засекреченности» отдельных правовых норм. Так, например, он отметил, что «в результате того, ... понятие тех или иных оперативно-разыскных мероприятий в законе отсутствуют, постоянно возникает неразбериха в использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Как следствие – не снижается количество обращений граждан в Конституционный Суд РФ по поводу конституционности тех или иных норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» [1, стр. 7].

Как показывает анализ судебно-следственной и экспертной практики, большое количество вопросов возникает при назначении, организации и производстве судебных экспертиз, а также при оценке заключений экспертов.

Комплексное исследование положений действующего законодательства, регламентирующего судебно-экспертную деятельность, позволило выявить некоторые коллизии, пробелы, а также нелегитимные нормы. Так, например, весьма сложным является обеспечение достоверности исходных данных, в частности, сравнительного материала, направляемого на судебную экспертизу, что входит в обязанности суда; трудно реализуемыми оказываются нормы о праве участников уголовного процесса присутствовать при производстве экспертизы; не определен статус несудебных экспертиз, до сих пор не совсем ясен и понятен статус заключения специалиста и многое другое. Безусловно, все эти обозначенные вопросы требуют дальнейшего изучения и совершенствования, так как практически в каждом процессе расследования уголовного дела возникает потребность в их использовании.

Мы полагаем, что благодаря этим и многим другим обстоятельствам на сегодняшний день остро стоит вопрос о необходимости разработки системного подхода к правовому регулированию тактических и организационных аспектов судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Одной из наиболее острых и дискуссионных проблем длительное время являлся вопрос о допустимости производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела. К данной проблеме в своих работах обращались Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Е.А. Зайцева, Ю.А. Калинин, И.Н. Кожевников, Б.М. Комаринец, Ю.Г. Корухов, П.А. Лупинская, Д.Я. Мирский, А.Р. Михайленко, Е.Р. Россинская, Т.В. Толстухина, С.А. Шейфер, Н.П. Яблоков и многие другие.

В современной редакции статьи 144 УПК РФ законодатель учел пожелания и рекомендации ученых и практиков и закрепил участие эксперта на стадии возбуждения уголовного дела.

Очевидна не только правовая, но и экономическая целесообразность принятого законодателем решения, так как проведение предварительных исследований объектов на стадии возбуждения уголовного дела, а затем проведение экспертиз всегда влекли за собой неоправданные экономические затраты, а зачастую – частичное или полное уничтожение вещественных доказательств, временные потери. Важным аспектом данной проблемы следует считать и факты представления на экспертизу вещественных доказательств без указания сведений о том, что они уже были предметом предварительного экспертного исследования. Эти обстоятельства весьма негативно сказывались на последующем рассмотрении уголовного дела в суде, например, в ситуациях, когда боеприпасы отстреливаются (взрываются) еще до возбуждения уголовного дела, а после его возбуждения признаются вещественными доказательствами.

В связи с этим А.Р. Белкин справедливо считал, что производство экспертизы до возбуждения уголовного дела не затрагивает ничьих интересов, т.к. на этой стадии еще нет ни подозреваемого, ни обвиняемого, а потерпевший, еще не получив своего процессуального статуса, как правило, является заинтересованным лицом в проведении экспертизы [2, стр. 183].

Целесообразность принятого решения подтверждается и опытом зарубежных стран. Так, ч. 2 ст. 242 УПК Республики Казахстан еще в 1998 г. закрепила положение, согласно которому в случаях, когда принятие решения о возбуждении уголовного дела невозможно без производства экспертизы, она может быть назначена до возбуждения уголовного дела [3, стр. 338]. УПК Узбекистана (1994 г.) также допускает проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Следует отметить, что эксперт вправе знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы, но не имеет права собирать доказательства. Не предоставляя эксперту права собирать доказательства, действующий уголовно-процессуальный закон в то же время допускает отступления от этого правила.

Типичной, например, является ситуация, когда субъект, назначающий экспертизу, представляет в экспертное учреждение не следы рук а объекты-

носители этих следов, например, осколки стекла, бутылки, стаканы, транспортные средства и т.п. При этом следователь обоснованно предполагает, что на тех или иных предметах имеются микрообъекты, следы пальцев рук и, прежде всего, задает вопрос: имеются ли на представленных для исследования объектах следы рук, волокна, микрочастицы лакокрасочного покрытия, металла, текстильные волокна и проч. Эксперт в ходе экспертного осмотра представленных объектов фиксирует этот факт в своем заключении. Обнаруженные следы, приобретающие значение вещественных доказательств, подвергаются дальнейшему экспертному исследованию для решения других вопросов экспертного задания. Данная проблема была предметом исследования различных ученых [4, стр. 79-86; 5, стр. 176-185; 6, стр. 67-69; 7, стр. 38-40; 8, стр. 71, 73].

По данному вопросу в науке имеется множество различных точек зрения. Так, например, одни ученые считают недопустимым собирание доказательств экспертом, другие – возможным осуществление экспертом такой деятельности. Проведенный нами опрос следователей и экспертов свидетельствует о следующем: следователи полагают, что изымать объекты должны эксперты (69,1 %), специалисты (20,9%), сами следователи (10%). При опросе экспертов установлено, что в 100% случаев данную процедуру должны осуществлять следователи. Судьи полагают, что следователи не должны изымать подобные объекты, 23,8 % судей полагают, что этим должны заниматься специалисты и на долю экспертов отведены 76,2%. (При проведении исследования нами было проведено анкетирование 110 следователей, дознавателей, 50 судебных экспертов и 42 судей Московской, Тульской, Орловской и Рязанской областей.)

Мы считаем, что право собирать доказательства в ходе экспертизы должно быть предоставлено эксперту. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 202 УПК РФ, если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. В других кодексах и ФЗ о ГСЭД такое право отсутствует. Да и процедура получения образцов в ГПК РФ прописана явно недостаточно, а в АПК РФ вообще отсутствует.

Процессуальное закрепление указанных положений, на наш взгляд, существенно оптимизирует процесс предварительного расследования и, соответственно, снимет множество сложных правоприменительных вопросов, разрешение которых следователем в процессе доказывания значительно осложняет достижение целей уголовного судопроизводства.

Необходимость понятийной унификации законодательства о судебной экспертизе, единого терминологического подхода к проблемам судебной экспертизы в разных видах процесса обусловлена теми обстоятельствами, что решаемые экспертные задачи, объекты экспертизы, методы и методики экспертного исследования не зависят от процессуальной процедуры, а определяются родом и видом судебных экспертиз и изучаются общей теорией судебной экспертизы.

Мы полагаем, что в этой связи должны быть едиными и критерии оценки выводов эксперта следователем, судами общей юрисдикции, арбитражными судами, должностными лицами, рассматривающими дела об административных правонарушениях. Во многих случаях результаты экспертизы, выполненной в процессе уголовного судопроизводства или производства по делу об административном правонарушении, используются при рассмотрении затем гражданского дела и наоборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин В.Д. Законный брак // Российская газета. 7 июля 2006. № 146 (4112). С. 3.
2. Белкин А.Р. Актуальные проблемы экспертного исследования доказательств // Общество и право в новом тысячелетии: материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 200-летию МВД России и 10-летию Тульского филиала ЮН МВД РФ (4-5 октября 2001 г.). Москва-Тула, 2001.
3. Гинзбург А.Я., Белкин А.Р. Криминалистическая тактика. Алматы, 1998.
4. Толстухина Т.В., Устинова И.В. Проблемы использования специальных знаний специалиста в стадии возбуждения уголовного дела // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2.
5. Светличный А.А. Эффективность использования специальных знаний сведущих лиц при расследовании убийств по найму // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2.
6. Вдовина О.П. Теория и практика использования микрообъектов в расследовании дорожно-транспортных преступлений: Дисс. ...канд. юрид. наук. Тула, 2016.
7. Александрова В.Ю., Белых Ю.П. Использование микрообъектов в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
8. Гамаюнова Ю.Г. Комплексная трасолого-волоконведческая экспертиза: Диссертация ... к.ю.н. Москва, 2005.

On the need for a systematic approach to the legal regulation of tactical and organizational aspects of forensic activities in criminal proceedings

T.V. Tolstukhina, A.A. Svetlichny, D.V. Panarina

Tula State University (Russia, Tula)

alexandrsvetl@rambler.ru

The article is devoted to a comprehensive analysis of tactical and organizational issues of forensic activities in criminal proceedings. The terminological problems of using the expert's special knowledge in the detection and investigation of crimes, including the problems of the conceptual apparatus of the expert's participation in initiating a criminal case, as well as conducting investigative actions, are identified.

Keywords: expert, special knowledge, evidence, proof, terminology, criminal case, investigative actions.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В КОНТРОЛЕ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Д.А. Чирков

Управление экономической безопасности и противодействия коррупции

УМВД России по Рязанской области (Россия, Рязань)

strelok_rzn@mail.ru

Статья раскрывает особенности производства финансово-кредитных экспертиз как средства выявления противоправной деятельности, связанной с нарушением принципов кредитования. Обосновывается значимость экспертного исследования в системе средств контроля за деятельностью кредитных учреждений.

Ключевые слова: финансово-кредитная экспертиза, банковская деятельность, кредитные учреждения, принципы кредитования, предмет экспертного исследования, методы экспертного исследования.

Предмет судебной финансово-кредитной экспертизы – установление фактов и фактических данных, связанных с соблюдением субъектами требований законодательства в области кредитования, путем применения специальных познаний в области бухгалтерского учета, финансового анализа и статистики, а также других экономических и смежных им наук.

Предметом финансово-кредитной экспертизы, исходя из общего понимания сущности предмета судебных экономических экспертиз, даваемого Е.Н. Колесниковой [1, стр. 48] выступают:

- а) оценка выполнения сторонами условий кредитного договора, в том числе целевого характера использования полученных средств;
- б) обоснованность обеспечения кредита;
- в) соответствие формирования кредитными учреждениями системы по-

казателей, характеризующих кредитоспособность экономического субъекта, требованиям законодательства;

г) динамика показателей уровня кредитоспособности экономического субъекта.

Э.Ф. Мусин отмечает, что производство финансово-кредитных экспертиз осуществляется преимущественно в рамках расследования преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования» и 176 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2, стр. 113].

Исходя из положений ст. 159.1 УК РФ мошенничество в сфере кредитования рассматривается как хищение денег на основании представления кредитному учреждению (займодателю) заведомо ложных, недостоверных и не соответствующих реальному положению дел заемщика данных [3].

Вышеуказанные данные могут затрагивать самые разнообразные сферы деятельности заемщика – характер деятельности, наличие (отсутствие) имущества и обязательств, особенности формирования капитала, данные финансовой отчетности и результаты оценки кредитоспособности. Объединяет указанную информацию, то обстоятельство, что ее искажение путем совершения материального или интеллектуального подлога позволяет заемщику получить ссудные средства даже при отрицательной оценке его реальной кредитоспособности.

Исходя из положений ст. 176 УК РФ уголовная ответственность наступает за совершение следующих противоправных деяний:

1) получение заемщиком ссуды, представление ему выгодных условий кредитования на основании использования ложных сведений о его финансово-хозяйственной деятельности и недостоверной оценке его финансового состояния, если это деяние причинило крупный ущерб кредитному учреждению (займодателю) (более 2250 тыс. руб.);

2) противоправное получение государственного кредита, а также его направление на цели, отличные от целей получения, если указанное противоправное деяние привело к крупному ущербу для займодателя, государственных органов.

Заведомо ложные сведения представляют собой недостоверную информацию обо всех существенных аспектах деятельности заемщика, которая прямо или косвенно связана с предоставлением ему ссудных средств. Данная информация может содержаться в формах финансовой отчетности, учетных регистрах и первичных документах, правоустанавливающих документах и иных документах и сведениях, представляемых заемщиком в кредитную организацию или займодателю. На уровне предварительного контроля указанные сведения могут выявляться с использованием методологии комплаенс-контроля самим

кредитным учреждением (займодателем) [4, стр. 3].

Фактические сведения заемщика искажаются с использованием материального или интеллектуального подлога, при этом искажаемые документы редко содержат признаки грубых видимых искажений, в виде подчисток, травления, затирания исходных данных, что достаточно легко выявляется на основании первичного осмотра документов и использования формальных методов исследования. Как правило, преступные искажения затрагивают порядок формирования отдельных показателей финансово-хозяйственной деятельности заемщика, представления его финансового состояния более благополучным, чем на самом деле, за счет заведомого искажения методологии расчета данных и оперирования заведомо недостоверными сведениями о наличии имущества и обязательств. А это требует взвешенного подхода к оценке достоверности информации заемщика и использования, преимущественно, методов исследования документов и информации, по существу.

Для привлечения должностных лиц заемщика к уголовной ответственности не имеет значения, использовался ли материальный (составление полностью подложного документа, при этом подделывается весь документ как по форме, так и по содержанию) или интеллектуальный (документ подлинный, но вносимая в него информация ложная) подлог при внесении ложных сведений в документы. Также не имеет значения полностью или частично искажен (фальсификация) документ. Значение имеет лишь то обстоятельство, что ложные сведения имели решающее значение при принятии решения о выдаче кредита.

В перечень сведений о хозяйственном положении, которые могут использоваться в качестве ложных, входят:

- искаженные сведения о собственниках, лицах, имеющих право действовать от имени заемщика без доверенности, руководителях его исполнительных органов;

- подложные поручительства и гарантии от других физических и юридических лиц; искаженные сведения об аффилированных лицах, контрагентах и партнерах;

- подложные договора, расчетные и платежные документы; иные документы, создающие ложное представление о финансово-хозяйственной деятельности заемщика;

- документы первичного, аналитического и синтетического учета, создающие ложное представление об обеспеченности заемщика имуществом и состоянии его дебиторской и кредиторской задолженности (наличии и динамике изменения) и др.

В свою очередь, к заведомо ложным сведениям о финансовом состоянии относятся:

- сфальсифицированные бухгалтерские документы о регистрации в нало-

говой инспекции, в которых финансовое состояние показано в более лучшем положении (балансы, отчеты);

- ложные справки о дебиторской и кредиторской задолженности, о наличии-отсутствии кредитов по другим банкам и кредиторам;
- выписки из лицевого банковского счета на расчетном и ссудном счетах;
- сфальсифицированные формы бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах;
- поддельные документы о кассовых поступлениях;
- поддельные разрешительные документы (лицензии) и др.

Преступными такие действия признаются лишь в том случае, если установлена причинная связь между выдачей кредита, его несвоевременным возвращением и причинением кредитору в результате этого крупного ущерба.

Из трудов И.А. Бушкова, М.Г. Нересян и Н.И. Рудичева можно сделать вывод, что суть финансово-кредитной экспертизы не заключается в установлении фактов искажения финансовой информации о заемщике с целью получения кредита [5; 6; 7].

Это задача лица, назначающего экспертизу – следователя, дознавателя и т.д. Именно инициатор назначения экспертизы устанавливает, какие данные, свидетельствующие о финансовом положении, были искажены (например, данные об обязательствах лица (какие-то из них лицо укрыло и не показало в отчетности)). Задача эксперта сводится к тому, что на основании всех имеющихся объектов исследования, включающих, в том числе, методики оценки кредитоспособности, которые применяет кредитор, заключения, данные сотрудниками банка по данному заемщику перед выдачей кредита, и, используя информацию об искажениях, предоставленную следователем, определить, повлияли ли искажения на принятие решения о выдаче кредита банком, и если повлияли, то насколько.

Состав незаконного получения кредита необходимо отграничивать от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ). В последнем случае ущерб причиняется в результате незаконного использования денежных средств или иного имущества, которое еще не поступило в фонды собственника или иного законного владельца (например, прокручивание денежных средств клиента банка без зачисления на его расчетный счет).

Назначаются финансово-кредитные экспертизы и при расследовании незаконной банковской деятельности.

Незаконная банковская деятельность, уголовная ответственность за которую предусмотрена ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации, это осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разре-

ние (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Незаконную банковскую деятельность могут осуществлять и зарегистрированные на законных основаниях юридические лица, которые не имеют прав на банковскую деятельность, и юридические/физические лица, не имеющие регистрации и прав на банковскую деятельность.

Методика расследования незаконной банковской деятельности практически всегда содержит рекомендацию о назначении финансово-кредитной экспертизы с целью установления размера причиненного гражданам, организациям или государству ущерба, извлеченного дохода в результате осуществления незаконной банковской деятельности (банковских операций).

Для достижения целей финансово-кредитных экспертиз используются преимущественно расчетно-аналитические методы. Это методы комплексного экономического анализа, анализа бухгалтерской отчетности и статистики, которые позволяют провести анализ финансовых коэффициентов, оценить их динамику и сделать выводы о влиянии хозяйственных операций на изменение финансового состояния организации.

Для целей судебных финансово-кредитных экспертиз могут использоваться такие методы финансового анализа, как чтение отчетности, вертикальный и горизонтальный анализ, трендовый анализ, анализ с помощью коэффициентов, сравнительный анализ, факторный анализ. Весьма востребованным является метод коэффициентов, который дает возможность рассчитать как отдельные показатели, так и интегральный показатель кредитоспособности заемщика.

Методика производства финансово-кредитной экспертизы предусматривает выполнение экспертом анализа кредитоспособности организации заемщика и выяснение ее динамики. При необходимости эксперт может изучить соответствие формирования того или иного показателя бухгалтерской отчетности требованиям законодательства.

Такая необходимость возникает и для установления правильности оценки объекта залога (который, например, может отражаться в бухгалтерском балансе в первоначальной оценке – для завышения его стоимости, что противоречит принципам ведения бухгалтерского учета) или проверки направления использования заемных средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова Е.Н. Курс лекций по судебной экономической экспертизе. Рязань, 2013. 149 с.
2. Мусин Э.Ф. Судебно-экономическая экспертиза. М, 2017. 176 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
4. Колесникова Е.Н. Комплаенс-контроль – новый уровень обеспечения эко-

- номической безопасности предприятия // Экономика и финансы организаций и государства. 2012. № 4 (6). С. 3-6.
5. Бушков И.А. Особенности назначения и производства экспертиз по делам о мошенничестве в кредитной сфере // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А. С. 202-209.
 6. Рудичева Н.И. О принципах банковского кредитования // Российская юстиция. 2016. №4. С. 17-19.
 7. Нерсисян М.Г. Возможности судебной финансово-кредитной экспертизы при расследовании незаконной банковской деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 4. С. 65-70.

Using the results of financial and credit examinations in monitoring the activities of credit institutions

D.A. Chirkov

*Economic Security and Anti-Corruption Department of the Ministry of Internal
Affairs of Russia in the Ryazan Region (Russia, Ryazan)
strelok_rzn@mail.ru*

The article reveals the specifics of the production of financial and credit examinations as a means of identifying illegal activities related to the violation of credit principles. The author substantiates the importance of expert research in the system of controls over the activities of credit institutions.

Keywords: financial and credit expertise, banking activities, credit institutions, lending principles, subject of expertise, methods of expertise.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОЙ И ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.А. Юматов¹, Э.Г. Юматова²

¹ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

²ННГАСУ (Россия, Нижний Новгород)

yumatovva@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы комплексного подхода в судебной экспертизе, её современное состояние, дискуссионные вопросы и перспективы развития. Анализируются точки зрения различных авторов по дефинициям «комплексная экспертиза», «комплекс экспертиз», «комплексное исследование», «комплексный подход».

Ключевые слова: судебная экспертиза, комплексная экспертиза, комплекс экспертиз.

Эффективность правосудия напрямую зависит от того, насколько полно, всесторонне и объективно в рамках судебного следствия установлены обстоятельства рассматриваемого дела; насколько то или иное решение суда обосновано совокупностью доказательств, исследованных в судебном заседании и

положенных в основу внутреннего убеждения суда в подтверждение достоверности итогового вывода. Именно поэтому при разработке методологии процессуального доказывания предметом исследования должны стать закономерности деятельности субъекта доказывания, среди которых определяющими являются действия по собиранию, исследованию и оценке доказательств. Наше исследование будет осуществлено применительно к деятельности эксперта. Задача судебной экспертизы состоит в выявлении доказательственной информации, а выводы по ней, в соответствии с законом, являются источником доказательств по делу в системе других доказательств.

В связи с возникновением и широким распространением сложных задач, которые практика ставит перед экспертными учреждениями, возникает потребность и в разработке более сложных методов исследования вещественных доказательств, одним из которых является комплексирование знаний представителей разных экспертных специальностей. Комплексность, как правило, связывается с проведением комплексной судебной экспертизы, при которой несколько экспертов, имеющих разную предметную специализацию, проводят исследование одного сложного объекта и дают общее заключение. В судебно-экспертной литературе основное внимание до последнего времени уделялось трём важнейшим аспектам анализа комплексных экспертиз, а именно: методическому, процессуальному и психологическому.

Комплексная экспертиза впервые получила процессуальную регламентацию в ст. 23 Закона от 31.05.2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также в ст. 201 УПК РФ 2001 г. [1] как самостоятельного вида, определила особый статус экспертов – представителей разных специальностей, реализующих знания в пределах своей компетенции.

Мнения ученых о правовой природе комплексной экспертизы разделились. Ряд учёных полагают, что «комплексная экспертиза – это понятие правовое, процессуальное, поскольку важным является закрепление в законе оснований, порядка проведения комплексной экспертизы, а также оформление и использование её результатов – заключения эксперта» [2]. Подобная диалектика понимания концепции комплексной экспертизы позволяет классифицировать такое исследование, как проводимое двумя (или более) экспертами, имеющими разные специализации (разные роды/виды судебных экспертиз).

Другие рассматривают её «с позиций диалектического единства процессуальной формы и методологического содержания, тем самым подчёркивают не только процессуальный, но и гносеологический, и организационный аспекты» [3]. С гносеологических позиций «процесс познания в принципе не связан с числом познающих субъектов, он детерминирован качеством субъекта познания и разрешающими возможностями средств познания. В процессуальном аспекте для подобного решения вопроса также не возникает никаких препят-

ствий, поскольку любое заключение эксперта (экспертов) подлежит обязательной оценке следователем и судом и только они решают вопрос о его использовании по делу. Однако именно с точки зрения оценки заключения обычно и высказываются возражения против проведения комплексной экспертизы одним экспертом» [4].

Следует согласиться с теми учеными, которые полагают, что специфической особенностью рассматриваемой экспертизы является «комплексирование результатов исследования, проведенных на основе разных экспертных специальностей ... Это свойство является основным потому, что именно оно позволяет отделить комплексную экспертизу от её антипода – моноэкспертизы и определить её место в общей системе судебных экспертиз» [5]. Возможность в рамках данной экспертизы проведения её одним экспертом, обладающим специальными знаниями в нескольких областях, допускается многими авторами. Здесь процессуально важным моментом будет только назначение вида – комплексная экспертиза и соответствующая подготовка материалов для неё.

Очевидно, что комиссионность – типичное, но не обязательное свойство комплексной экспертизы, а с гносеологических позиций отсутствие комиссионности не лишает её самостоятельности – она может выполняться и единолично, если эксперт владеет знаниями в пограничных областях. Об этом говорится и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [6].

Отметим характерные особенности комплексной экспертизы:

- решение задачи, затрагивающей две или более области знаний, при котором исследование одного объекта (однородной группы) целесообразно с использованием разных экспертных специальностей (родов или видов экспертиз) и без проведения такого рода исследования нельзя получить ответы на указанные вопросы;

- решение смежных (пограничных) задач, взаимосвязанных и цельных по характеру исследования. Включает в себя исследование результатов отдельных исследований специалистов с последующей совместной их оценкой;

- интегрирование выводов, то есть комплексирование усилий экспертов при решении экспертной задачи с применением всех знаний из разных областей наук, при этом синтезирование результатов и их оценка лежат за пределами методик комплекслируемых экспертных специальностей;

- дача совместного вывода, где отражаются обобщенные результаты исследования, даются ответы на общие вопросы.

Представляется очевидным, что комплексные экспертизы расширяют возможности судебной экспертизы за счёт процесса интеграции научного знания и, как следствие этого, позволяют более глубоко исследовать информацию, содержащуюся в вещественных доказательствах. Предметом экспертного ис-

следования являются обычно наиболее критические звенья причинной связи по делу. Поэтому звенья причинности, установленные и исследованные экспертами, сопоставляются, «состыковываются» с другими достоверно установленными звеньями причинной связи по делу с целью восстановления механизма расследуемого события в целом.

Соответственно, методика комплексной экспертизы должна включать методики составляющих её специальностей, но не исчерпывается ими. В таком процессе значительную роль играет творческий характер деятельности, при котором сказывается умение организовать и рационально использовать особенности мышления эксперта. Мыслительная деятельность протекает по категориям и законам диалектической (философской) логики и формально-логических методов познания, которые выражают внутренние существенные и необходимые связи между мыслями (закон тождества, закон противоречия, закон исключения третьего и закон достаточного основания; логические приемы и методы – анализ-синтез, индукция-дедукция, абстрагирование, обобщение, формализация, умозаключение по аналогии). Приёмы и методы формальной логики обеспечивают правильность мышления, правильность сочетания мыслей и мысленных операций. Отсюда важность их использования как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне, поскольку при условии истинности посылок формальная логика позволяет получить знание не только правильное по форме, но и новое, по существу.

Следует отметить, что при экспертном исследовании положения логики как науки о законах мышления выражают общие методологические принципы познания, являются элементами всеобщего метода познания, однако логические методы не обращены непосредственно к отдельным фактам и явлениям материальной действительности. Иными словами, законы логического мышления не могут реализовываться сами по себе. Они определяют лишь подходы к их реализации, которые осуществляются с помощью приёмов и методов логического мышления. Рассматривая познавательную-практическую деятельность судебного эксперта следует указать, что на первоначальном этапе такое исследование начинается с конкретной предметной практики и в последующем, в своих выводах и рекомендациях, возвращается к ней. Здесь реализуется метод обобщения – осуществляется интеграция добытых в процессе экспертного исследования сведений, которые выступают в виде экспертных выводов.

Сущность исследования вещи составляет переход от её признаков к свойствам. Переход от признака к свойству требует изучения механизма формирования признаков, их сопоставления и оценки на основе установленных закономерностей отражения свойств. Центральными вопросами общей методики являются: выделение стадий исследований; определение задач каждой из них; разработка конкретных приёмов исследования применительно к указанным

стадиям. Переход от изучения идентификационных признаков к познанию свойств отождествляемых объектов определяется как сущность, цель и основное содержание стадии раздельного исследования.

Системное представление об объекте предполагает переход или восхождение от абстрактного к конкретному, а в практической деятельности осуществляется переработка материала чувственного познания в содержание понятий. На каждом промежуточном этапе познания должно осуществляться постижение истины, так как только в этом случае можно рассчитывать на достижение истины в конце процесса познания. Каждый акт познания фиксируется в знаковой форме, то есть особым образом операционализирован.

Схема развертывания информационно-познавательной структуры процесса исследования имеет многоступенчатое строение предмета изучения, на которой первая система (исследуемый объект как системное целое) изображена в виде развертывающейся вправо нижней ленты (рис. 1). Основным методом такого исследования является анализ – выделение в общей структуре объекта идентификационного поля признаков, характеризующих отдельные свойства идентифицируемого объекта и их совокупности, для получения основного массива идентификационной информации. Именно через признаки эксперт познает те или иные свойства, такая последовательность даёт возможность правильно определить предел детализации признаков.

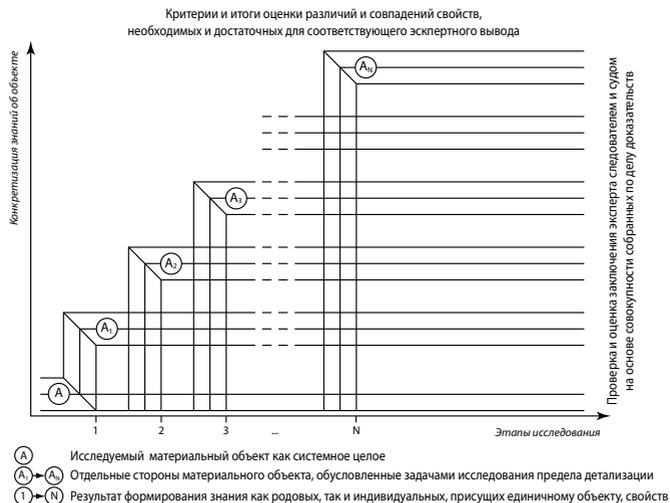

Рис. 1. Схема развёртывания информационно-познавательной структуры при производстве единоличной экспертизы.

Далее осуществляется переход на новый уровень, выделяются дополнительные признаки, выражающие свойства и стороны анализируемого объекта, и строится новая двухуровневая развивающаяся система, включающая в себя

первую. Затем в зависимости от сложности анализируемого объекта необходимо «подняться» ещё выше, привлекая к рассмотрению дополнительные стороны объекта и механизмы развития, таким образом получаем трёхуровневую систему с двумя независимыми подсистемами внутри неё; и так далее с последующей детализацией признаков до необходимых пределов.

В представленной таким образом системе существует два взаимно перпендикулярных направления «восхождения»: каждый из представленных на схеме уровней разворачивается методом восхождения слева направо (этапы исследования – результат формирования знания как родовых, так и индивидуальных свойств), и снизу-вверх (метод абстрагирования – мысленное выделение из совокупности признаков, свойств и отношений отдельных сторон материального объекта, обусловленное задачами исследования предела детализации). Исследования осуществляются с учетом зависимости выделения каждой последующей «стороны» и, соответственно, выделения каждой последующей подструктуры от выделения предшествующих: вторая структура может быть получена только на основе первой, а третья только на основе второй.

Идея последовательности в построении структуры исследования изучаемого объекта характеризует его с каждым этапом всё более конкретно. Особое значение приобретает правильность выделения исходной структуры «А». Начинаем с анализа заданного структурного объекта (т.е. профильного информационного поля) и выделяем в нём подструктуры, которые должны быть поняты и развернуты безотносительно к другим составляющим объекта (другим информационным полям). После того, как такая структура выделена, намечаются две противоположные линии движения. Выделив структуру «А», эксперт начинает ставить относительно неё вопросы в соответствии с поставленными задачами исследования, при этом полагается развернуть её дальше. При недостаточности или неполноте выделенного предмета исследования приходится расширять предмет изучения, включать в первоначально выделенную структуру новые элементы и связи.

При этом выбираются такие связи и такой способ соединения знаний о них, чтобы получающееся конкретное знание удовлетворяло предъявляемым требованиям, было бы истинным для данных индивидуальных ситуаций и являлось бы точным. Это имеет место тогда, когда раздельное исследование осуществляется путём последовательного анализа идентификационных признаков, которые образуют единую автономную совокупность. Здесь происходит особенно важный в гносеологическом отношении процесс перехода мышления эксперта от внешних сторон исследуемого им объекта к их внутренним связям и отношениям, от явления к сущности вещей.

Сложнее осуществляется форма логической связи при производстве комплексных экспертиз и интеграции результатов исследования с использованием

разных областей знаний. Результаты, полученные каждым экспертом, должны быть сопоставлены между собой на предмет их согласованности или противоречивости. Основная цель – выяснить, являются ли эти результаты непротиворечивыми относительно решения интеграционной задачи либо разносторонними/противоречащими. Объединение результатов частных исследований должно включать в единый интегральный комплекс несколько автономных совокупностей признаков одного исследуемого объекта, формировать суждения, в которых отображаются несколько совместных свойств предмета. Более того, при соединении этих признаков должна образоваться совокупность, которая достаточна для вывода. Основной особенностью такой связи является то, что общее суждение возможно лишь при соединении признаков, выявленных при исследовании каждым экспертом в отдельности. При таком познавательном и оценочном суждении экспертов переход от одних утверждений к другим совершается с целью найти такой способ соединения отдельных знаний в целое, чтобы последнее отражало действительно существенные связи. Подходящим образом через некоторое время получаем ряд структур «AB», «ABC», «ABCD» ... «A...n», которые стремимся объяснить исходя из выделенных свойств и их взаимосвязей, характеризующих интегральную структуру и целостность исследуемого объекта (рис. 2).

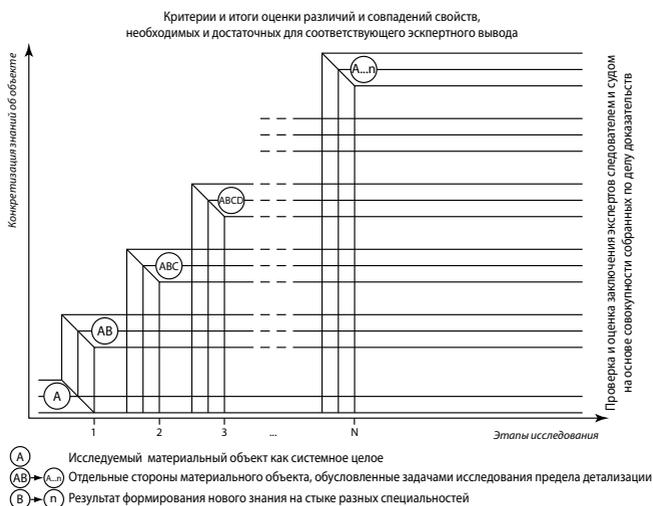

Рис. 2. Схема развёртывания информационно-познавательной структуры при производстве комплексной экспертизы.

Характерной особенностью такой логической связи является тот факт, что два (или более) экспертов решают единую задачу, рассматривая её с разных сторон. Это будет означать, что, в определенном месте первой системы осуществляется переход от первой «ленты» к системе второго порядка. Возможно

продолжать и первую линию, но она будет более абстрактна. Необходимость таких переходов от одноленточной системы к многоленточной возникает потому, что возможности индивидов ограничены набором компетенций, а возможность кооперации в системе деятельности позволяет получать более полные и конкретные структуры исследуемого объекта до тех пор, пока эксперты не получают решение стоящих перед ними задач. Происходит генерация нового знания, которое востребовано на стыке разных специальностей и порождено проблемной ситуацией, когда необходим поиск новых решений, которые невозможно получить традиционным путём. Такое взаимоотношение характеризуется тем, что конечным результатом может быть только единое экспертное заключение, то есть итог соединительного умозаключения двух (или более) экспертов, – интеграционное решение, оформленное общим выводом.

Другим направлением, расширяющим возможности комплексного подхода в судебной экспертизе, это связь между результатами исследования по принципу логического следования. Особенность сложного полипредметного процесса восхождения от абстрактного к конкретному в этом исследовании состоит в том, что развертывание будет идти по нескольким линиям (рис. 3). Применяя процедуры анализа признаков исследуемого объекта «А», в нём выделяется сначала одна сторона, образующая группу свойств – «В». Потом в этом же целом, безотносительно к проделанной ранее процедуре анализа, выделяется вторая сторона – «С». Потом точно также в этом целом выделяется третья сторона – «D». С одной стороны, создаются всё более сложные однородные системы, а с другой – целый ряд неоднородных систем, всё более усложняющихся в своей неоднородности. На каждой из этих плоскостей сложного пространства будут решаться свои специфические и практические задачи, и для каждого процесса содержанием всегда будет что-то своё, особое.

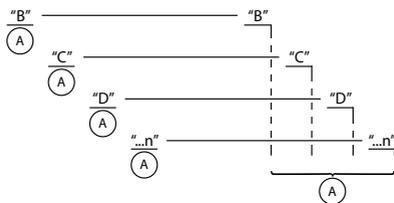

Рис. 3. Схема развёртывания информационно-познавательной структуры при производстве комплекса экспертиз по конкретному делу.

В этом процессе познания многостороннее знание об объекте «А» представляет собой сумму односторонних знаний: $A = B + C + D + \dots + n$. Самое важное здесь то, что каждая последующая сторона исследуемого объекта выделяется независимо от выделения других сторон. Поскольку у нас в ситуации групповой коммуникации оказываются два и более процесса, то в работе каждого эксперта есть своё субъективное знание, видение, представление. Вместе с тем, это

один из вариантов комплекса экспертиз в рамках разных экспертных специальностей по одному делу. Следует также учитывать, что задача каждого эксперта остаётся в рамках его экспертной специальности и содержательной интеграции знаний здесь не происходит, даже если результат экспертизы одного из них используется как исходные данные.

В качестве разновидности комплексного подхода в судебной экспертизе возможно назначение и производство целого комплекса судебных экспертиз в отношении как одного и того же объекта, так и группы объектов по одному уголовному или гражданскому делу. При этом судебные экспертизы выполняются самостоятельно, а каждая оформляется отдельным заключением. Обязанностью руководителя экспертного учреждения является решение вопроса о последовательности производства этих судебных экспертиз, поскольку при осуществлении экспертных исследований в объект экспертизы могут быть внесены изменения.

Возможно также комплексное исследование одних и тех же объектов с использованием различных методов в рамках экспертизы одного рода (вида). В этом случае исследование может производиться как одним экспертом, владеющим этими методами, так и разными экспертами, каждый из которых специализируется в каком-то одном методе. Однако такое исследование не является комплексной экспертизой, даже если оно выполнено комиссией экспертов, поскольку представляет собой экспертизу с использованием комплекса методов в пределах одного и того же вида судебной экспертизы.

Исходя из вышеизложенного, комплексный подход в судебной экспертизе в структуре правовой и экспертной деятельности позволяет эффективнее реализовывать результаты экспертизы к предмету доказывания и делает её важным средством в нахождении правильных решений в правоприменительной практике по разным уголовным и гражданским делам. Именно поэтому тематика научных, правовых и практических исследований проблем судебной экспертизы по-прежнему крайне актуальна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ; ст. 201 УПК РФ; ст. 82 ГПК РФ; ст. 85 АПК РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 15.02.2020).
2. Галкин В.М. Соотношение заключения эксперта с другими средствами доказывания в уголовном процессе. М.: ВНИИ судебной экспертизы, 1971. 48 с.; Орлов Ю.К. Комплексная экспертиза, комплексное исследование и комплекс экспертиз: соотношение понятий // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях (г. Москва, 24–25 июня 2009 г.): материалы 2-й международной научно-практической конференции. М., 2009.

- С. 280–281; Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: диссертация д-ра юрид. наук. М., 2008. 535 с.
3. Россинская Е.Р. Судебные комплексные экспертизы и комплексы экспертиз: процессуальные и гносеологические проблемы // IV Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения»: материалы международной научно-практической конференции. Сб. тез. М., 2012. С. 193–197; Россинская Е.Р. Методологические и правовые проблемы комплексных судебных экспертиз в условиях реформирования законодательства с судебно-экспертной деятельности. М.: Вестник университета МВД России. № 6 / 2014. С. 12–18; Шляхов А.Р. Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: сб. науч. тр. М., 1985. С. 3–20.
 4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М. : Юристъ, 1997. Т. 1. 464 с.
 5. Майлис Н.П., Орлова В.Ф. Ещё раз о комплексной экспертизе и путях её развития. Теория и практика судебной экспертизы. №1 (33) 2–14. С. 138-147.
 6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

An integrated approach in forensics in the structure of legal and expert activity

V.A. Yumatov¹, E.G. Yumatova²

1The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)

*2 Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (NNSAGU)
yumatovva@yandex.ru*

The article discusses the urgent problems of an integrated approach in forensic examination, its current state, debatable issues and development prospects. The points of view of various authors are analyzed on the definitions of “integrated examination”, “complex of examinations”, “integrated research”, and “integrated approach”.

Keywords: forensic examination, complex examination, complex of examinations.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА СОПОСТАВЛЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ КООРДИНАТНЫХ СЕТОК ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОРТРЕТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ВИДЕОЗАПИСЯМ

С.В. Юматов

*Экспертно-криминалистический отдел Управления МВД России
по г. Н.Новгороду (Россия, Нижний Новгород)
sergey.yumatov@mail.ru*

В статье рассмотрена возможность применения метода сопоставления с помощью координатных сеток при исследовании видеозаписей. Недостаточное методическое обеспечение практически исключает применение данного метода. Сформулированы теоретические основы использования метода сопоставления с наложением координатной сетки при исследовании запечатленных лиц с наклоном и поворотом головы. Предложены рекомендации по выбору системы координат при производстве экспертиз.

Ключевые слова: портретная экспертиза, координатная сетка, шаг координатной сетки, метод координат, видеозапись.

Одним из самых распространенных объектов портретной экспертизы являются записи с камер видеонаблюдения. При этом, несмотря на большой выбор экспертных методов, при сравнительном исследовании в силу различия в положении головы запечатленных лиц выбор становится ограниченным. В большинстве случаев авторы указывают, что при исследовании видеозаписей единственным универсальным методом может быть только визуальное сопоставление. Все остальные методы либо вообще не могут быть использованы, либо могут применяться со значительными ограничениями. Однако анализа возможности использования метода сопоставления с помощью координатной сетки при различном положении головы в литературе нет. Кроме того, информация в целом о методе минимальна. Недостаточное теоретическое обеспечение ведет к тому, что эксперты на практике практически не используют рассматриваемый метод.

Сущность метода заключается в наложении на сравниваемые изображения координатной сетки. А.М. Зинин отмечает, что в результате использования данного метода «может быть сформулировано суждение о совпадении или различии размерных признаков, а также взаиморасположении отдельных элементов лица» [1, стр. 118]. В другом источнике А.М. Зинин совместно с Н.И. Подволоцким ограничиваются только измерениями с помощью координатной сетки [2, стр. 195]. В типовых экспертных методиках под редакцией Ю.М. Дильдина и В.В. Мартынова определено, что рассматриваемый метод позволяет проводить анализ расположения антропометрических точек [3, стр. 296]. Сетки на изображения накладываются с расстоянием между линиями в 5 мм. Больше информации в литературе о методе сопоставления с использованием координатных сеток практически нет.

Теоретический пробел в методических рекомендациях предопределяет необходимость изучения специфики применения метода сопоставления с наложением координатных сеток при исследовании видеозаписей. Необходимо отметить, что сам метод наложения координатной сетки в судебной экспертизе существует уже длительный период времени и предложен был Н.Д. Вороновским. Метод применяется не только в портретной экспертизе, но и в других криминалистических экспертизах. Так, в трасологической экспертизе при сравнительном исследовании следов подошв обуви рекомендовано использование координатных сеток [4, стр. 26]. Однако своеобразие объектов исследования в портретной экспертизе (различное положение головы, точки съемки, невысокое качество видеозаписи) ставит вопрос о возможности использования метода координатных сеток.

Анализ условий применения метода наложения координатной сетки предполагает рассмотрение нескольких основополагающих вопросов: понятие, виды, размеры координатных сеток, размеры изображений сравниваемых лиц, использование метода при различном положении головы.

Координатные сетки применяются в различных областях знаний. Самое широкое распространение они приобрели в геодезии. Координатная сетка является одной из разновидностей метода координат. Сущность последнего заключается в том, что «совокупность координат составляет систему координат или систему отсчета, при этом координаты взаимно однозначно определяют положение элементов какого-либо множества или точки поверхности пространства» [5, стр. 51]. Необходимо отметить, что при исследовании можно использовать любую систему координат, а не только прямоугольную (к которой относится координатная сетка). Важно то, что выбранная система должна позволять сделать верное суждение о расположении, размерных характеристиках элементов внешности и лица в целом. Однако, исходя из названия метода в литературе, формально применять различные системы отсчета нельзя. Считаем, что не следует ограничивать выбор эксперта только координатной сеткой, целесообразно предоставить право выбора системы отсчета. При этом сам метод более правильно называть – «сопоставление с помощью метода координат».

При построении координатной сетки должен быть задан шаг. Он представляет собой расстояние между двумя соседними параллельными линиями координатной сетки [6]. Большинство авторов указывают, что шаг должен составлять 5 мм. На наш взгляд задавать шаг в такой категорической форме не следует. Эксперт в каждом конкретном случае должен сам определить расстояние между линиями. Решение этого вопроса напрямую зависит от масштаба, к которому приведены сравниваемые изображения. При этом в большинстве методических пособий рекомендовано перед сравнительным исследованием привести изображения лиц в масштаб 1:3,5 (19 мм между центрами зрачков глаз).

Однако если при таком масштабе накладывать координатную сетку 5x5 мм, то получится что лицо по ширине размещено в 8–9 клетках, а в высоту в 11–12 (см. рис. 1). Представляется, что в подобном случае прийти к верному выводу о размерных соотношениях, расположении элементов лица невозможно. При этом не соблюдается один из сформулированных Е.Р. Россинской принципов допустимости метода – точность результатов [7, стр. 49]. Таким образом, шаг координатной сетки должен находиться в корреляционной связи с масштабом, в котором сравниваются лица. Это соотношение должно быть выбрано таким образом, чтобы провести объективную оценку совпадений и различий в размерах, форме, положении и взаиморасположении элементов лица, индивидуализирующих признаков. На рис. 1 координатная сетка с шагом 5 мм наложена на лицо при расстоянии между центрами зрачков 19 мм, а на рис. 2 при расстоянии 38 мм. При сравнении рис. 1, 2 при большем расстоянии между центрами зрачков глаз с шагом координатной сетки в 5 мм измерения элементов лица более точные, а также можно более детально определить расположение мелких признаков.

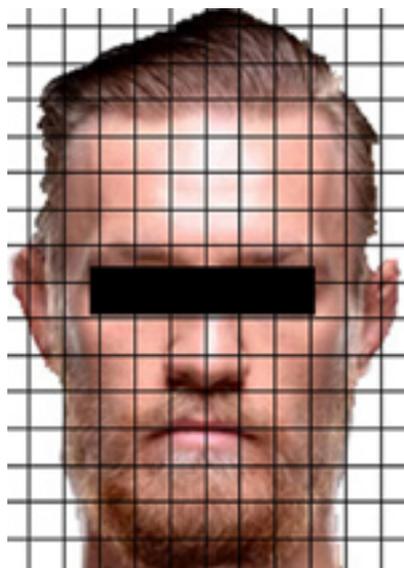

Рис. 1. Наложение на изображение координатной сетки с шагом 5 мм при расстоянии между центрами зрачков 19 мм. Масштаб не соблюден.

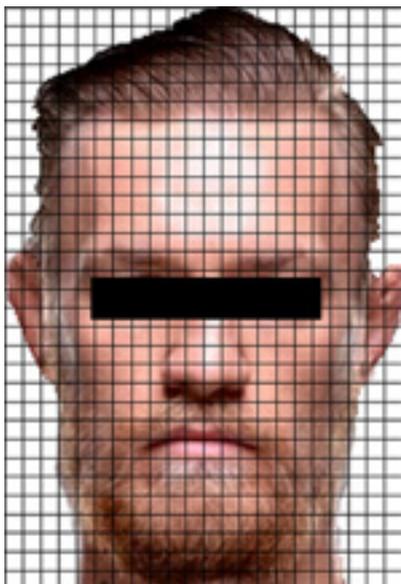

Рис. 2. Наложение на изображение координатной сетки с шагом 5 мм при расстоянии между центрами зрачков 38 мм. Масштаб не соблюден.

В типовых экспертных методиках под редакцией Ю.М. Дильдина и В.В. Мартынова указано, что основная горизонтальная ось координатной сетки проходит через центры зрачков, а вертикальная ось – по медиальной линии лица [3, стр. 296]. Такой подход не является правильным. Глаза человека не всегда находятся на одном уровне, один глаз может располагаться выше или ниже другого. Если накладывать координатные сетки через центр зрачков и по медиальной линии, то ячейки сетки могут оказаться не квадратными. Таким образом, предпочтительней позиция А.М. Зинина, который предлагает на изображениях выбирать четко определяемые антропометрические точки и в них помещать перекрестие ячеек [8, стр. 281–282].

В портретной экспертизе сравнительное исследование изображений предполагает предварительное определение положения головы запечатленных лиц, а также точки съемки. Исходя из этого, устанавливается потенциал применения метода. В нашем случае отправной точкой должна стать возможность привести изображения к одному масштабу. Кроме того, если на сравниваемых изображениях лица находятся в таких различных положениях головы, что сформулировать суждение о положении, взаиморасположении, размерах элементов внешности не представляется возможным, то применять рассматриваемый метод нецелесообразно.

При повороте головы вправо или влево без наклона изменяются только признаки внешности, определяемые по горизонтали. Параметры, устанавливаемые по вертикали, остаются без изменений. В таких случаях можно взять при

приведении изображений к одному масштабу, например, длину спинки носа (см. рис. 3). После чего провести сравнение признаков по вертикали. Соответственно при наклоне головы вперед или отклонении назад искажаются признаки, определяемые по вертикали. При таких обстоятельствах одноразмерность должна устанавливаться по горизонтали (например, ширина носа).

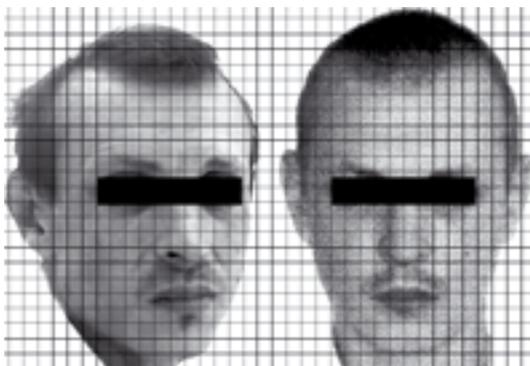

Рис. 3. Сопоставление с помощью координатной сетки при различном повороте головы. При приведении изображений к одному масштабу использовалась длина спинки носа.

При одновременном наклоне и повороте головы признаки изменяются как в горизонтальной, так и вертикальной плоскостях. Если на сравниваемых изображениях лица запечатлены при различном повороте и наклоне головы, то использовать метод сопоставления с наложением координатных сеток невозможно. В этой ситуации на первый план выходит получение образцов для сравнительного исследования, соответствующих объектам на которых изображено искомое лицо. Образцы должны изготавливаться с учетом особенностей отображения внешности лица на представленной на экспертизу видеозаписи. Необходимо учитывать расположение точки съемки, а также поворот и наклон головы. Если объекты сопоставимы, то метод наложения координатной сетки применять можно.

Движение мимических мышц влияет на размерные соотношения и положение, взаиморасположение элементов лица. Наличие теней, участков с нечеткими границами на изображениях, кадрах видеозаписи должны учитываться экспертом при формулировании выводов.

Таким образом, существующие теоретические основы метода сопоставления с помощью координатных сеток требуют значительных изменений. Метод должен быть переименован в «сопоставление с помощью метода координат». Применение метода позволяет сформулировать суждение о совпадении или различии размерных признаков, взаиморасположении отдельных элементов лица, расположении антропометрических точек. Для этого эксперт выбирает любую систему координат, которая позволяет получить объективные резуль-

таты. Метод может применяться при различном положении головы сравниваемых лиц при условии, что они приведены к одному масштабу. При использовании координатной сетки для проведения достоверных измерений шаг задается исходя из масштаба изображений сравниваемых лиц. На изображениях выбираются четко определяемые антропометрические точки, в которые помещаются перекрестия ячеек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза: Курс лекций. М.: Московская академия МВД России, 2002. 57 с.
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М.: Проспект, 2012. 301 с.
3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1. / Под. ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.
4. Пророков И.И. Криминалистическая экспертиза следов (трасологические исследования) : учебное пособие. – Волгоград, 1980. – 224 с.
5. Метод и системы координат в геодезии : учеб. пособие / Н.А. Телеганов, Г.Н. Тетерин. Новосибирск: СГГА. 2008. 143 с.
6. ГОСТ Р 53386–2009 Платы печатные. Термины и определения. – Введ. 2011 – 01 – 01. М.: Изд-во стандартов, 2009. 16 с.
7. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е.Р. Россинская. 3-е изд., доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2014. 736 с.
8. Габитоскопия и портретная экспертиза: Практикум / Под общ. ред. д.ю.н., проф., засл. юриста России А.М. Зинина. М.: ЦОКР МВД России, 2010. 296 с.

Application of the mapping method using coordinate grids in the production of portrait examinations based on video recordings

S.V. Yumatov

*Forensic Department of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia
for the city of N. Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
sergey.yumatov@mail.ru*

The article considers the possibility of using the mapping method using coordinate grids in the study of video recordings. Insufficient methodological support practically excludes the use of this method. The theoretical bases of using the method of comparison with the overlay of the coordinate grid in the study of captured faces with tilt and turn of the head are formulated. Recommendations for the selection of different coordinate systems during the production of examinations are offered.

Keywords: portrait examination, coordinate grid, coordinate grid step, coordinate method, video recording.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

А.А. Якимова, Н.Б. Рябова

*ФБУ Приволжский региональный центр судебной экспертизы Минюста
России (Россия, Нижний Новгород)
bvspoil@mail.ru, gather@mail.ru*

Рассматривается комплексный подход при исследовании интернет-комментариев на примере экспертной практики ФБУ Приволжского РЦСЭ Минюста России.

Ключевые слова: судебная экспертиза, комплексный подход, интернет-комментарий.

Для производства экспертиз в ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России поступают различные объекты, содержащие как словесную составляющую на русском языке, так и несловесную (или совокупность словесного и невербального элементов), и зафиксированные на материальном носителе. В связи с возрастающей ролью сети Интернет в жизни людей, с увеличением количества производимых текстов и возможностью их воспроизведения можно отметить, что большую часть среди исследуемых объектов составляют объекты интернет-коммуникации. Исследуется как целостная переписка в сети Интернет, так и отдельные интернет-комментарии, тексты записей в социальных сетях (как на личных страницах пользователей, так и в составе тематических интернет-сообществ). Данные объекты исследуются в основном при производстве экспертиз по делам, связанным с экстремизмом и терроризмом.

В соответствии с используемой методикой [2; 3] по производству экспертиз целью подобных исследований является установление данных об особенностях объектов с применением специальных знаний в области как лингвистики, так и психологии. Комплексный подход предполагает выявление как смысла сообщения, имеющего значение для правовой квалификации правонарушения, связанного с проявлением экстремизма и терроризма, так и направленности на оказание определенного воздействия на адресата. В соответствии с потребностями судебно-следственных органов решаются задачи по выявлению информации, которая может быть соотнесена с понятиями, согласно действующим нормативно-правовым актам РФ. Частыми задачами, решаемыми при анализе интернет-комментариев в экспертной практике, являются: установление наличия (отсутствия) совокупности лингвистических и психологических признаков «экстремистских» значений, соотносимых с такими понятиями в законодательных актах, как «унижение», «возбуждение вражды, ненависти (разжигание розни)», «оправдание действий».

Объекты интернет-коммуникации имеют специфику, определяемую особенностями сети Интернет. Для текстов интернет-коммуникации характерна мультимедийность, сочетание письменной речи с видео-, аудиозаписями, с изо-

бражениями. Данные объекты могут выступать как отдельные сообщения, так и составлять единое сообщение. Так, интернет-коммуникация во многих случаях является осложненной, то есть текст включает значения, не содержащиеся в нем самом.

Интернет-комментарий – компонент в структуре информационных сайтов, блогов, социальных сетей, посредством которого пользователи сети Интернет могут вступить в дискуссию с автором текста или с другими пользователями. Сам термин «комментарий» является заданным программами, обеспечивающими общение в сети Интернет (например, средствами социальных сетей). Комментарий – краткое замечание, дополнение, связанное с затронутой ранее темой, является производным по отношению к исходному материалу как к объекту восприятия и интерпретации (для удобства далее исходный объект назван объект-стимул).

В качестве стимула могут выступать видео-, аудиоматериалы, новостные сообщения, фотоизображения, тексты и любой другой контент вербального и невербального характера. Основная цель интернет-комментария – изложение какой-либо точки зрения в отношении информации из объекта-стимула. Внимание адресатов посредством интернет-комментария направляется на наиболее важные, с точки зрения комментатора, и (или) новые явления, предметы, о которых сообщается в объекте-стимуле.

Комментарии могут быть весьма краткими, могут вообще не содержать вербальной части. Например, пользователи зачастую ограничиваются графическими элементами для выражения эмоций. Как правило, содержание интернет-комментариев, представляемых для экспертного анализа, носит вербальный характер.

Исследуемые комментарии зачастую размещены в составе переписки нескольких пользователей сети Интернет, входят в состав развернувшейся дискуссии. Специфика анализа комментариев определяется тем, что их содержание, не имея непосредственного выражения, выводится из содержания самого комментария в его взаимодействии с информацией из контекста, из содержания объекта-стимула, из ситуации общения. ИмPLICITные компоненты содержания имеют большое значение при анализе интернет-комментариев. В комментарии возможно принятие или непринятие исходной информации, ее оценка. Коммуникативная ситуация комментирования включает в себя как комментарий, так и объект-стимул.

Согласно применяемым методикам, обязательным этапом при производстве комплексных экспертиз является анализ коммуникативной ситуации. Экспертами учитываются особенности функционирования объекта исследования (среди материалов какой тематики он размещен), информация об отправителе информации, в том числе о его позиции, взглядах. Такая информация может содержаться в статусе на личной странице в социальной сети, в статусе группы, в ее

описании. Данная информация составляет контекст исследуемого объекта и может конкретизировать, дополнять его содержание. В соответствии с методиками, имеют значение и должны учитываться при оценке направленности текста также параметры социокультурного контекста, к числу которых, например, можно отнести ценностные ориентации, установки, социальные и этнические стереотипы, традиции, наличие или отсутствие социальной напряженности в определенной сфере жизнедеятельности общества и тому подобное.

Помимо диалогичной формы комментариев (размещенных в рамках обсуждения исходного объекта-стимула) можно выделить группу комментариев, которые являются частью единой записи публикатора. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся в экспертной практике типы комментариев в связи с различными объектами-стимулами и особенности их исследования.

Объект-стимул может представлять собой «чужой» текст, то есть размещенный не тем пользователем, который оставил комментарий.

Например, объектом-стимулом являлся новостной видеоролик, в котором сообщалось о нападении на турка молодых людей, указывавших на него в конфликте как на «нерусского». Для исследования был представлен текст одиночного комментария: «Все правильно пацаны сделали! Нам, значит, запрещено въезжать в Турцию, так и им нечего тут делать!». С учетом контекста, содержания объекта-стимула в таком одиночном комментарии было установлено наличие информации о конкретном объекте и о субъекте действий, о способе действий. Автор комментария считает, что в России не должна находиться группа, выделенная по национальному признаку (турки), и что молодые люди в содержании видеоролика поступили правильно, избив представителя данной группы. Автор обращается к актуальной на тот момент проблеме запрета на въезд в Турцию, используя эти сведения как аргумент в пользу своей точки зрения, мотивирует положительную оценку поступка, о котором сообщается в объекте-стимуле, формирует у адресата представление о правильности, адекватности произведенных действий.

К одному и тому же объекту-стимулу могут относиться несколько комментариев одного публикатора, и он в контексте переписки зачастую обращается как ко всем пользователям сети Интернет, которым доступен для прочтения комментариев, так и к конкретному собеседнику – к участнику переписки.

Например, объектом исследования являлись комментарии одного публикатора. Один из них содержал обращение к участнику переписки и выражал несогласие с его словами о недопустимости обозначенных в новостном видеоролике (объекте-стимуле) насильственных действий по отношению к кавказцам («что ты говоришь, ты просто больна толерантностью»). В другом комментарии публикатор сообщал о конкретном произведенном в отношении него некими лицами действии («они убили мою девушку беременную, он откупился и получил 2 года условно»). В третьем комментарии публикатор сообщал о невозможности испы-

тывать чувство уважения к представителям группы и употреблял в отношении них номинацию, негативная оценка в которой мотивировалась принадлежность к национальной группе (к кавказцам). В четвертом комментарии публикатор выражал мнение о том, что русские заслуживают уважения, и побуждал к соответствующему мнению аудиторию («слава русским людям»).

Данные комментарии были размещены в разное время, и каждый из комментариев представляет собой относительно законченное текстовое образование, своеобразную реплику в дискуссии. При этом все исследуемые комментарии относятся к одному объекту-стимулу, представляют собой единое смысловое целое, их размещение представляет собой коммуникативное действие одного публикатора. Кроме того, тексты функционируют в составе целостной переписки и доступны для прочтения многим пользователям. Если рассматривать подобные комментарии изолированно, то каждый из них в отдельности может содержать лишь часть «экстремистских» значений или не содержать их совсем. В связи с этим для установления наличия (отсутствия) признаков «экстремистских» значений представляется целесообразным исследование комментариев одного публикатора в связи друг с другом и в контексте с объектом-стимулом. Для реализации направленности на формирование у адресата представления о целесообразности негативных действий, для формирования у адресата неприятия и враждебности в отношении «чужих» в совокупности реплик автором могут использоваться различные психологические приемы и средства. В приведенном выше примере автор использовал приемы обращения к значимым ценностям адресата, таким как безопасность, справедливость, обращение к национальному самосознанию, приемы эмоционального убеждения.

Объект-стимул может являться «чужим» текстом со словесным и несловесным компонентом и включать признаки «экстремистских» значений, а в связи с данным объектом на интернет-странице могут быть размещены сообщения различных пользователей.

Например, объект-стимул представлял собой изображение лица, по атрибутам внешности напоминающего кавказца. На изображении содержался объект, напоминающий упаковку конфет «tic-tac», и также была надпись на русском языке: «тик-так всегда со мной». Далее была представлена надпись, согласно которой предлагался насильственный способ действий в отношении изображенного лица: «увидишь меня – бей ногой». К данному объекту-стимулу на интернет-странице размещен диалог двух пользователей сети Интернет. Исследованием осложненного объекта-стимула было установлено, что существование обозначенной национальной группы представлено как конфликтогенное, так как каждый из них несет опасность. Адресатам в объекте-стимуле предлагается способ поведения в конфликте (насильственные действия). Публикатор в первом комментарии, продолжая тему конфликтных отношений между национальными группами, направ-

ляет внимание адресатов на собственное враждебное отношение к кавказцам, сообщает об испытываемом чувстве ненависти к группе «кавказцы» («ненавижу их»). Комментарий второго публикатора является ответным по отношению к комментарию первого. Второй публикатор выражает солидарность с отношением собеседника к кавказцам и демонстрирует собственное враждебно-неуважительное отношение («сжечь их!»). Второй публикатор, продолжая тему конфликтных межнациональных отношений, затронутую в объекте-стимуле и в комментарии первого пользователя, предлагает способ поведения по отношению к кавказцам. В подобных комментариях представляется целесообразным учитывать, что, обращаясь непосредственно к собеседнику, публикатор направляет внимание «широкого» адресата (пользователей сети Интернет, посетителей интернет-страницы) на то, чего «чужая» группа заслуживает, по его мнению.

Особо можно выделить группу комментариев, содержащих прямое обращение публикатора к конкретному пользователю (к пользователям сети Интернет) с оценкой типа «они» и с указанием на их расовую и (или) национальную принадлежность. В таком случае представляется необходимым исследование сообщений в контексте для выявления обобщенной негативной оценки всей группы и с учетом типа конфликта (межличностный или межнациональный).

Например, объектом-стимулом являлась видеофонограмма с названием «Лезгинка, кавказцы на Манежке», содержащая сцены избиения лиц, внешне напоминающих кавказцев. Первый публикатор оставил следующий комментарий с отсылкой к объекту-стимулу: «Их много замочили в Афганистане, Чечне». Второй публикатор выразил несогласие с первым, охарактеризовал его в связи с этим негативно: «вот ты тупой, ты историю не знаешь вообще». В ответ первый публикатор оставил комментарий с грубым пожеланием перестать общаться с собеседником («рот закрой») и назвал его при помощи номинации, негативная оценка в которой мотивируется принадлежностью к национальной группе («чурка»). Ведущей направленностью данного комментария в исследуемой коммуникативной ситуации является выступить против оппонента в межличностном конфликте, связанном с обсуждением исторических событий.

Помимо комментариев, функционирующих в составе диалогов (полилогов) можно выделить комментарии, которые являются частью единой записи одного публикатора.

Например, на исследование поступила целостная запись с сообщением публикатора «Дело говорит!» и с размещенной данным публикатором аудиозаписью под названием «ИГИЛ - обращение к Европе». Содержание аудиозаписи представляло собой фрагмент кинофильма «Кандагар» 2010 года. Размещение аудиозаписи на личной интернет-странице представляет собой особый вид использования «чужого» текста. В составе целостной записи публикатора она функционирует как аудиоцитация, которая позволяет публикатору выразить свою точку зрения,

отношение, подтвердить или опровергнуть сообщаемое. Заголовок – единица коммуникативная, он кратко информирует адресатов о содержании аудиозаписи, осведомляет о значении событий, о которых сообщается. Одна из функций заголовка связана с воздействием на адресата: заголовок предшествует размещенной аудиозаписи и графически, и в восприятии адресатов, поэтому он формирует установку на понимание, способствует выработке у адресатов стереотипов. Заголовок был использован для создания нового смысла: содержание источника, изначально художественного, посредством заголовка вписывается в особый социокультурный контекст. Информация аудиозаписи воспринимается как сообщение о событиях, относящихся не к реалиям художественного фильма, а к актуальной действительности. Объектом внимания на аудиозаписи становятся межгосударственные отношения, противостояние европейских стран непризнанному государству (организации) «ИГИЛ», оцениваемой рядом государств, в том числе Россией, как террористическая. Смысловое содержание аудиозаписи устанавливается в контексте с ее заголовком, оценивается как сообщение о современных, актуальных событиях. Содержание комментария в подобных случаях представляется необходимым исследовать с учетом новой функции, которую выполняет в контексте записи изначально художественный источник. Внимание адресатов в комментарии привлекается к точке зрения, декларируемой на аудиозаписи, в том числе к организации «ИГИЛ» и ее действиям. Проявляемое публикатором в составе единой коммуникативной деятельности эмоционально-смысловое отношение свидетельствует о солидаризации с отправителем информации на аудиозаписи, о неготовности к его осуждению.

Следует отметить, что вопрос об оценке всех объектов-стимулов в составе единой записи как своеобразной формы цитирования является неоднозначным. Так, встречаются случаи, когда целостное сообщение публикатора, разместившего объект-стимул, с учетом информации в его комментарии приобретает противоположное значение. Выявляемые признаки «экстремистских» значений в объекте-стимуле не соответствуют общей коммуникативной цели публикатора, что устанавливается при исследовании его комментария.

Например, в качестве объекта-стимула выступал видеоролик со сценами избиения и призывами лишить жизни представителей группы, выделенной по национальному признаку. К данному видеоролику тем же публикатором был размещен комментарий: «все это грязная попытка остановить процесс иммиграции. Эти горе-патриоты именно такие) Только горлопанить и толпой. То, что они скандируют, - это уже уголовная статья», - в котором он оценивает действия, представленные на размещенном видеоролике, негативно, как заслуживающие наказания. Направленность автора при размещении подобного объекта определяется содержанием комментария, сопровождающего видеоролик, и состоит в демонстрации автором неодобрительного отношения к событиям и действиям лиц, зафиксиро-

рованным в его содержании. Для этого автором используются психологические приемы: информирование, формирование обобщенного образа представителей группы, о которой идет речь в исходном объекте-стимуле, обращение к правовому самосознанию аудитории.

В заключение необходимо отметить, что в связи с рассмотренными особенностями функционирования интернет-комментариев, их несамостоятельностью, важно четко определять границы объектов, подлежащих исследованию (непосредственно объект-стимул и/или комментарий к нему).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гагина О.В., Кузнецов В.О., Зубкова Ю.Н. Психолого-лингвистическое исследование кратких текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму (на материале демотиваторов) // Теория и практика судебной экспертизы. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2013. № 2 (30). С. 40-44.
2. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
3. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011.
4. Секераж Т.Н., Кузнецов О.В. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. № 4 (44). С. 98-107.

Realization of complex method in psychological and linguistic forensic practice of informational material

N.B. Ryabva, A.A. Yakimova

*Privolzhsky Regional Center of Forensic Practice Ministry of Justice of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)
bvspoil@mail.ru, gather@mail.ru*

The article explores an application of the complex method during the research of Internet comments. The article contains examples from expert practice of Privolzhsky regional center of forensic practice Ministry of justice of the Russian Federation.

Keywords: forensic practice, complex method, Internet comment.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

- 1. Алсаег Билал Амджад**
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учёта факультета менеджмента и экономики Мосул университета, кандидат экономических наук (г. Мосул, Республика Ирак)
- 2. Антонов Олег Юрьевич**
декан факультета подготовки криминалистов Юридического института Московской академии Следственного комитета России, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
- 3. Афанасьев Алексей Юрьевич**
ученый секретарь Ученого совета Нижегородской академии МВД, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)
- 4. Барканов Вячеслав Борисович**
начальник ГБУЗ «Волгоградского областного бюро судебно-медицинской экспертизы», заведующий кафедрой судебной медицины Волгоградского государственного медицинского университета Минздрава РФ, кандидат медицинских наук, доцент (г. Волгоград)
- 5. Бзычкин Артем Максимович**
заведующий лабораторией экономических и товароведческих экспертиз ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
- 6. Бондарь Наталья Николаевна**
ведущий государственный судебный эксперт отдела судебных экономических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (г. Москва)
- 7. Вехов Виталий Борисович**
профессор кафедры «Цифровая криминалистика» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и образования РАЕ (г. Москва)
- 8. Виноградова Марина Михайловна**
главный государственный судебный эксперт отдела судебных экономических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, кандидат юридических наук (г. Москва)
- 9. Воронин Вадим Вениаминович**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)

10. **Гаджиев Вугар Эдвар оглы**
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук (г. Иркутск)
11. **Галяшина Елена Игоревна**
заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор (г. Москва)
12. **Герасимова Инна Владимировна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
13. **Говоркова Елена Юрьевна**
младший научный сотрудник кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ООО Экспертно-консультационный центр «Независимая экспертиза» (г. Нижний Новгород)
14. **Головко Сергей Николаевич**
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
15. **Гольцев Дмитрий Сергеевич**
старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук (г. Москва)
16. **Граница Юлия Валентиновна**
эксперт департамента финансово-экономических исследований Торгово-промышленной палаты Нижегородской области, кандидат экономических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
17. **Грачев Михаил Александрович**
профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
18. **Дабахов Максим Владимирович**
главный инженер-эколог ООО «Нижновгеострой», доктор биологических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

19. **Дабахова Елена Владимировна**
научный сотрудник ВНИИ труда Минтруда России, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (г. Москва)
20. **Дёмин Константин Евгеньевич**
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), доцент кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)
21. **Жильцова Юлия Валерьевна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат экономических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
22. **Зайцев Алексей Андреевич**
преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России (г. Нижний Новгород)
23. **Зайцева Ольга Валерьевна**
преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, ведущий эксперт лингвистического отдела ГБУ МИЦ (г. Москва)
24. **Захаров Руслан Иванович**
младший научный сотрудник кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
25. **Зылёва Наталья Владимировна**
доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля Тюменского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент (г. Тюмень)
26. **Игошев Андрей Константинович**
советник генерального директора Торгово-промышленной палаты Нижегородской области, эксперт департамента финансово-экономических исследований Торгово-промышленной палаты Нижегородской области, кандидат экономических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
27. **Ижнина Лидия Павловна**
заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

28. **Иссерс Оксана Сергеевна**
декан факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор филологических наук, профессор (г. Омск)
29. **Кармазинский Михаил Григорьевич**
государственный судебный эксперт ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
30. **Кирвель Виталий Казимирович**
доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь)
31. **Ковалева Ольга Ивановна**
заведующий судебно-гистологическим отделением ГБУЗ «Волгоградского областного бюро судебно-медицинской экспертизы» (г. Волгоград)
32. **Козменкова Светлана Вячеславовна**
профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
33. **Кокин Андрей Васильевич**
профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
34. **Колесникова Елена Николаевна**
профессор кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, доцент (г. Рязань)
35. **Комиссарова Ярослава Владимировна**
доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, главный редактор федерального научно-практического журнала «Эксперт-криминалист», кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)
36. **Корнакова Светлана Викторовна**
доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск)
37. **Кудряшов Дмитрий Александрович**
старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва)

38. **Лесникова Полина Галлимуловна**
заместитель начальника ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
39. **Лоу Билл**
профессор Университета Ковентри (г. Ковентри, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии)
40. **Лубин Александр Федорович**
профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
41. **Никишин Владимир Дмитриевич**
преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук (г. Москва)
42. **Новоселова Антонина Николаевна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
43. **Обидина Людмила Борисовна**
доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
44. **Панарина Дарья Владимировна**
доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Тула)
45. **Петров Павел Валерьевич**
заведующий лабораторией трасологических и дактилоскопических экспертиз кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
46. **Полякова Анастасия Васильевна**
младший научный сотрудник кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
47. **Потокина Лариса Ивановна**
эксперт экспертно-криминалистического центра УВД по Троицкому и Новомосковскому административному округу ГУ МВД России по г. Москве (г. Москва)
48. **Пронин Владимир Николаевич**
начальник ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)

49. **Радбиль Тимур Беньюминович**
*заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания
Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор,
академик РАН (г. Нижний Новгород)*
50. **Россинская Елена Рафаиловна**
*директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой
судебных экспертиз Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических
наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник
высшего профессионального образования РФ, академик Российской ака-
демии естественных наук, Президент Ассоциации образовательных
учреждений «Судебная экспертиза» (г. Москва)*
51. **Румянцев Федор Полиектович**
*доцент кафедры трудового и экологического права юридического
факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук,
профессор (г. Нижний Новгород)*
52. **Руф Юлия Николаевна**
*доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа
и контроля Тюменского государственного университета, кандидат
экономических наук, доцент (г. Тюмень)*
53. **Рябова Наталья Борисовна**
ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
54. **Сафонова Маргарита Фридриховна**
*заведующий кафедрой аудита Кубанского государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина, доктор экономических наук, до-
цент (г. Краснодар)*
55. **Светличный Александр Алексеевич**
*доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела Тульского
государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
(г. Тула)*
56. **Свободный Феликс Константинович**
*доцент кафедры психологии и организации правоохранительной
деятельности Московской академии Следственного комитета России,
кандидат психологических наук, доцент (г. Москва)*
57. **Севастьянова Екатерина Александровна**
*младший научный сотрудник кафедры судебной экспертизы юридиче-
ского факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)*

58. **Сергеева Татьяна Евгеньевна**
государственный судебный эксперт лаборатории судебно-почерковедческих экспертиз ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
59. **Сидорова Татьяна Александровна**
профессор кафедры русского языка и речевой культуры Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор (г. Архангельск)
60. **Смолин Алексей Владимирович**
преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России (г. Нижний Новгород)
61. **Соколова Татьяна Петровна**
доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кандидат филологических наук, доцент (г. Москва)
62. **Соловьев Олег Демьянович**
доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
63. **Старцева Екатерина Александровна**
доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)
64. **Сухов Сергей Николаевич**
начальник кафедры математики, информатики и информационных технологий Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)
65. **Тимченко Владимир Александрович**
профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
66. **Толстухина Татьяна Викторовна**
заведующий кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (г. Тула)
67. **Утенков Сергей Матвеевич**
ведущий государственный судебный эксперт лаборатории судебных автотехнических экспертиз ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)

68. **Федорова Марина Юрьевна**
советник Конституционного суда Российской Федерации в Управлении конституционных основ трудового законодательства и социальной защиты, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
69. **Фролова Элина Борисовна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат экономических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
70. **Чирков Дмитрий Александрович**
Управление экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Рязанской области (г. Рязань)
71. **Шурганова Екатерина Александровна**
специалист филиала АО «Газпром энергосбыт Тюмень» (г. Тюмень)
72. **Эделев Николай Серафимович**
начальник ГБУЗ НО «Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы», главный внештатный судебно-медицинский эксперт Министерства здравоохранения России в Приволжском Федеральном округе, член экспертного совета ВАК по медико-биологическим дисциплинам, заведующий кафедрой клинической судебной медицины Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава РФ, доктор медицинских наук, профессор (г. Нижний Новгород)
73. **Юматов Василий Алексеевич**
заведующий кафедрой судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент, профессор РАЕ (г. Нижний Новгород)
74. **Юматов Сергей Васильевич**
старший эксперт экспертно-криминалистического отдела Управления МВД России по г. Нижний Новгород (г. Нижний Новгород)
75. **Юматова Эвелина Геннадьевна**
заведующий кафедрой стандартизации, метрологии и управления в технических системах инженерно-строительного факультета ННГАСУ, кандидат педагогических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
76. **Якимова Анна Аркадьевна**
ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)

СОДЕРЖАНИЕ

How can corpora overcome the limitations imposed by the 'Intuitive Opacity' of their users? <i>Bill Louw</i>	3
Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности»: новелла в правовом обеспечении судебно-экспертной деятельности <i>В.К. Кирвель</i>	12
Развитие экспертной деятельности как одно из направлений обеспечения экономической безопасности Республики Ирак <i>Б.А. Алсаег, Н.В. Зылёва</i>	22
Международные и национальные тенденции и перспективы развития информационно-аналитической судебной экспертизы <i>О.Ю. Антонов</i>	30
Антикоррупционная экспертиза правовых актов <i>А.Ю. Афанасьев</i>	37
Особенности подготовки судебных компьютерно-технических экспертов: межпредметные связи <i>В.Б. Вехов</i>	43
О роли судебной экономической экспертизы в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем <i>М.М. Виноградова, Н.Н. Бондарь</i>	47
Некоторые вопросы организационно-тактического, методического и технического обеспечения работы со следами рук на месте происшествия <i>В.В. Воронин, Е.Ю. Говоркова, П.В. Петров</i>	53
Судебные экспертизы при расследовании краж скота <i>В.Э. Гаджиев</i>	58
Проблемы использования специальных юридических и лингвистических знаний для выявления признаков криминогенности информационных материалов в условиях интернет-коммуникации <i>Е.И. Галяшина</i>	64
Проблема разграничения имплицитной речевой агрессии и речевой манипуляции в интернет-дискурсах образовательной направленности <i>И.В. Герасимова, А.Н. Новосёлова</i>	72

О возможности экспертного исследования распространенного криптографического программного обеспечения в правоохранительных целях при осуществлении оперативно-розыскной и следственной деятельности	
<i>С.Н. Головки</i>	78
Применение эконометрических моделей в производстве финансово-экономической судебной экспертизы как фактор модернизации судебно-экспертной деятельности	
<i>Ю.В. Граница, А.К. Игошев</i>	87
Судебная лингвистическая экспертиза о неприличной форме оскорбительных слов: трудности и решения	
<i>М.А. Грачев</i>	96
Современная практика судебно-экологической и судебно-почвоведческой экспертизы и ее учет при подготовке юристов	
<i>М.В. Дабахов, Е.В. Дабахова</i>	102
О возможностях экспертизы по установлению целого изделий из стекла при отсутствии единой линии разделения	
<i>К.Е. Дёмин</i>	110
Экспресс-анализ бухгалтерской финансовой отчетности коммерческой компании как обязательный элемент инструментария судебно-экономической экспертизы	
<i>Ю.В. Жильцова</i>	115
Результаты судебных экспертиз в обвинительном заключении	
<i>А.А. Зайцев</i>	121
Кто такие секстеры? Конструирование сексуальной идентичности в секстинге (на материалах русскоязычных и англоязычных секстов)	
<i>О.В. Зайцева</i>	130
Музыкальный компонент креолизованных текстов: к вопросу о поиске лингвистических оснований анализа в судебной лингвистической экспертизе	
<i>Р.И. Захаров</i>	137
Заключение и показания эксперта и специалиста: проблемы закона и практики его применения	
<i>Л.П. Ижнина</i>	145
Потенциал судебного речеведения в обеспечении реализации и защиты права пациента на информацию	
<i>О.С. Иссерс, М.Ю. Федорова</i>	150

Проблемы применения специальных судебно-бухгалтерских знаний в уголовном процессе	
<i>М.Г. Кармазинский, А.М. Бзычкин</i>	158
Судебно–медицинская оценка региональных различий смертности детей	
<i>О.И. Ковалева, В.Б. Барканов, Н.С. Эделев</i>	163
Понятийный аппарат экономической экспертизы: систематизация и развитие	
<i>С.В. Козменкова, Э.Б. Фролова</i>	169
Российская судебная экспертиза: проблемы и перспективы	
<i>А.В. Кокин</i>	175
Особенности проведения судебной бухгалтерской экспертизы операций по движению основных средств	
<i>Е.Н. Колесникова</i>	182
Комплексный подход или комплексирование методов при проведении судебно-психологической и судебно-психофизиологической экспертиз с применением полиграфа?	
<i>Я.В. Комиссарова</i>	188
Логический аспект в заключениях и выводах судебных экспертов	
<i>С.В. Корнакова</i>	194
Актуальные проблемы стандартизации судебной экспертизы в России	
<i>Д.А. Кудряшов, Д.С. Гольцев</i>	201
Предмет и тактика допроса эксперта	
<i>А.Ф. Лубин</i>	205
Речеведческие компетенции как основа юридико-лингвистического обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности интернет-коммуникации	
<i>В. Д. Никишин</i>	213
Экспертная оценка степени владения языком судопроизводства участниками по уголовному делу	
<i>Л.Б. Обидина</i>	220
К вопросу о перспективах применения 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности	
<i>А.В. Полякова</i>	226

О применении дополнительных методов фиксации осмотра мест транспортных происшествий, сопряженных с преодолением электронных пломбировочных устройств	
<i>Л.И. Потокينا</i>	232
Практика производства комплексных судебных автотехнических и судебно-медицинских экспертиз в ФБУ Приволжском РЦСЭ Минюста России	
<i>В.Н. Пронин, С.М. Утенков</i>	237
Современные методы анализа и экспертной квалификации затекстовой культурно-значимой информации в лингвоэкспертных исследованиях по разным категориям дел	
<i>Т.Б. Радбиль</i>	246
Объекты судебных экспертиз в эпоху цифровизации	
<i>Е.Р. Россинская</i>	254
Сложности в проведении экспертиз при разрешении споров, связанных с нарушением лесного законодательства	
<i>Ф.П. Румянцев</i>	262
Судебная экономическая экспертиза: возможности и реальность	
<i>Ю.Н. Руф, Е.А. Шурганова</i>	269
Теоретические и методические аспекты бухгалтерской экспертизы налоговых обязательств в условиях применения компьютерных технологий	
<i>М.Ф. Сафонова</i>	275
Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: сущность и основные понятия	
<i>Ф.К. Свободный.</i>	281
К вопросу о документах, выполненных с помощью монтажа	
<i>Е.А. Севастьянова</i>	286
Современные возможности производства судебно-почерковедческих экспертиз подписей и рукописных записей, выполненных на иностранном языке	
<i>Т.Е. Сергеева, П.Г. Лесникова</i>	290
Проблема правовой дефиниции «неприличная форма»	
<i>Т.А. Сидорова</i>	298
Уголовно-процессуальная форма преобразования информации в заключение эксперта и тактика представления его выводов в уголовном процессе	
<i>А.В. Смолин</i>	306

Применение современных технологий в преподавании дисциплины «Судебная автороведческая экспертиза»	
<i>Т.П. Соколова</i>	315
Использование специальных знаний при выявлении противоправной деятельности в сфере реализации светлых нефтепродуктов	
<i>О.Д. Соловьев</i>	322
Тактические особенности назначения судебной строительно- технической экспертизы	
<i>Е.А. Старцева</i>	332
Инструментарий деанонимизации криптовалют	
<i>С.Н. Сухов</i>	339
Учение о задачах решаемых судебно-экономической экспертизой	
<i>В.А. Тимченко</i>	346
К вопросу о необходимости применения системного подхода к правовому регулированию тактических и организационных аспектов судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве	
<i>Т.В. Толстухина, А.А. Светличный, Д.В. Панарина.</i>	353
Использование результатов финансово-кредитных экспертиз в контроле за деятельностью кредитных учреждений	
<i>Д.А. Чирков</i>	359
Комплексный подход в судебной экспертизе в структуре правовой и экспертной деятельности	
<i>В.А. Юматов, Э.Г. Юматова</i>	364
Применение метода сопоставления с помощью координатных сеток при производстве портретных экспертиз по видеозаписям	
<i>С.В. Юматов</i>	374
Реализация комплексного подхода при производстве психолого- лингвистической экспертизы информационных материалов	
<i>А.А. Якимова, Н.Б. Рябова</i>	380
Авторы выпуска	387

II Международная научная конференция
Международные и национальные тенденции
и перспективы развития судебной экспертизы

Сборник докладов

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 15.05.2020. Формат SRA3 1/4.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 26,67. Уч.-изд. л. 23,73. Тираж 40 экз. Заказ № 142.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

